РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Л.В. АЛЕКСЕЕВ

Западные земли домонгольской Руси

Очерки истории, археологии, культуры

В двух книгах

Книга 2

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
А47

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-01-16328д

Рецензент член-корреспондент РАН
Я.Н. ЩАПОВ

Алексеев Л.В.

Западные земли домонгольской Руси : очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л.В. Алексеев ; Ин-т археологии РАН. - М. : Наука, 2006. - ISBN 5-02-010351-9.

Кн. 2. - 2006. - 167 с. - ISBN 5-02-034943-7 (в пер.).

В монографии обобщаются достижения русской и белорусской археологии в изучении истории западных русских земель IX—XIII вв. Во второй книге автор на основе летописных, археологических и других источников воссоздает политическую историю всех западнорусских княжеств и переходит к рассмотрению культуры западных земель. Очерк, посвященный культуре, охватывает общие вопросы древнерусской культуры. Здесь изучаются творения крупнейших святителей местных монастырей (Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского, Авраамия Смоленского), разбираются и во многом переосмысливаются вопросы, связанные с архитектурой, живописью, прикладным искусством западнорусских княжеств, приводятся тексты берестяных грамот, эпиграфические данные и т.д. Исследование сопровождается иллюстративным материалом.

Для историков, археологов и всех интересующихся прошлым России.

Темплан 2006-1-281

ISBN 5-02-010351-9
ISBN 5-02-034943-7 (кн. 2)

Очерк пятый

Возникновение княжеств, их политические судьбы. Междоусобия князей

> Мы должны чтить и героев-строителей нашей земли, ее князей, царей и граждан, изучая летописи их борьбы, их трудов, учась на самых их ошибках и падениях, не в рабском подражании, но в свободном творчестве вдохновляясь подвигом предков. Мы должны знать живую Россию.
>
> *Г.П. Федотов*

Образование и постепенная эволюция территорий древнерусских княжеств - следующий важный аспект истории наших земель. В отличие от проблемы колонизации земель славянскими племенами, которая может решаться лишь с помощью археологии, для поставленной в этом очерке темы мы располагаем письменными источниками, что блестяще было разработано А.Н. Насоновым (1951). Однако и здесь, как будет показано, известную помощь могут оказать археологические объекты. Проблема возникновения и роста территории древнерусских княжеств теснейшим образом связана с проблемой дифференциации древнерусского общества, с возникновением неравенства внутри племен, с образованием богатой племенной верхушки, с захватом ею территории соседних малых племен, с подчинением их родоплеменных князей князьям более сильным и т.д. Словом, с возникновением образований государственного типа - древнерусских княжеств. Надо сказать, что А.Н. Насонов был первым историком, попытавшимся использовать данные археологии для определения территорий древнерусских княжеств. Он понял, что обилие древних курганных захоронений указывает на древнюю заселенность земель и, изучая территорию Полоцкого княжества, писал: "Следы заселенности края заметны к западу и югу от Полоцка, по левую сторону Двины, а также - к северо-востоку от Полоцка, на путях из Полоцка в Невель, т.е. как раз приблизительно в районе реки Полоты и далее. Из шести курганных групп, зарегистрированных А.М. Сементовским в Полоцком уезде, две группы находятся на путях из Полоцка в Невель, одна - близ берега р. Дриссы и три - к юго-западу от Полоцка". Далее ученый ссылался на А.А. Спицына и на А.Н. Лявданского, которые подтверждали, что в районе Полоцка есть древнерусские курганы с трупосожжением IX-X вв. *(Насонов,* 1951. С. 149). Использовал он и свидетельства археологов о дреговичских курганах в районе Минска, частично Заславля и т.д. Тот же метод исследования применен был им и при изучении расширения Смоленской земли. Он начинал со Смоленска, первоначально расположенного в Гнёздове (в 10 км от современного Смоленска), где и видел племенной центр смоленских кривичей.

Далее А.Н. Насонов переходил к территориям, наиболее заманчивым для князей из-за обилия сельского населения, что он опять-таки определял по курганам в окрестностях Смоленска *(Насонов,* 1951. С. 159-160). Археологическими данными ученый пользовался и в отношении других древнерусских территорий (Киева и т.д.). Интуиция его не обманула, но не везде. Использовать данные о курганах для определения территории древнерусских княжеств можно лишь там, где наверняка нет курганов не древнерусского

времени, - в районах Западной Двины, Верхнего Днепра, Десны и, может быть, отчасти Оки, дославянское население которых курганных захоронений не знало *(Алексеев,* 1978. С. 23).

Перейдем к образованию княжеских земель на изучаемой территории.

Первая из них возникла, мы говорили, на днепро-двинских волоках.

Полоцкая земля

Полоцкие земли в IX—XII веках

Как и когда складывалось Полоцкое княжество в озерном крае Двинского левобережья, неизвестно. Этот ранний период истории освещается лишь немногими летописными сообщениями: при раздаче в 862 г. Рюриком владений, один из его ставленников получает Полоцк (ПВЛ, 1950. С. 18). Поздняя Никоновская летопись, относя это событие к 865 г., добавляет, что киевские князья Аскольд и Дир "воеваша ... полочанъ, и много зла сътвориша" (ПСРЛ, 1965. Т. 9. С. 9). Эти сообщения слишком кратки, чтобы быть выдуманными. Они указывают на то, что Полоцк был, очевидно, экономически важным пунктом, обосновавшись в котором можно было успешно собирать дань с местного населения.

С убийством Аскольда и Дира и захватом Киева Олегом (882 г.), тот, по свидетельству летописи, поспешил "городы ставити, и устави дани СЛОВ'БНОМЪ, кривичемъ и мери, и устави варягомъ дань даяти от Новагорода гривенъ 300 на л1зто, мира Д-БЛЯ..." (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 20). Термин "устави" показывает, что речь шла не о подчинении этих племен, а об упорядочении дани, которое, видимо, и заключалось в возведении на их территориях укреплений ("городов") центров обложения (см.: *Греков,* 1949. С. 298; ПВЛ, 1950. Т. 2. С. 253). Сюда следует отнести и Полоцкую землю, которая дольше других земель воспринималась, как кривичская земля, а ее князья - как "кривичские" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 292, 521). В том же (вопреки утверждениям Б.Д. Грекова - 1949. С. 291) зависимом от Киева положении находилась Полоцкая земля и в X в. По сообщению Константина Багрянородного, южнорусские князья ездили в "полюдье" к кривичам, куда относились и полоцкие кривичи *(Насонов,* 1951. С. 149, 151). Во всяком случае, в 907 г. полоцкие корабли подплывают под стены Царъграда и берут с него контрибуцию (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 23, 24).

В 980 г. в Полоцке сидел какой-то Рогволод, который пришел "и-заморья" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 54), и в это время Полоцк, следовательно, Киеву не подчинялся. Возможно, прав А.Н. Насонов, считая его выходцем из местной родоплеменной знати *(Насонов,* 1951. С. 146). При походе Владимира Святославича из Новгорода на Полоцк в 980 г., по Шахматову (1908. С. 173-175), - 970 г. (ср. *Татищев,* 1963. Т. 2. С. 226, примеч. 156), Рогволод был убит, впрочем, вскоре полоцкая династия князей была возвращена Полоцку - чужие князья там долго никогда не сидели.

В конце первой половины XI в. в Полоцке уже прочно сидят свои князья, потомки Владимира Святого: Брячислав (1001-1044) и Всеслав (Ю44-1101).

РОСТ ТЕРРИТОРИИ ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА. Выяснив, что освоение земель Руси местными князьями осуществлялось везде от центров к периферии, А.Н. Насонов обратился к летописям и с большим успехом смог осветить, как это происходило. Прежде всего, он установил, что "древнейшая полоцкая территория", по Повести временных лет и по наименованию главного малого племени "полочане", охватывала земли (судя по курганам) по р. Западной Двине и ее притоку Полоте, располагалась у Полоцка. Первые столкновения распространившейся отсюда дани с данью Новгорода относятся ко второму десятилетию XI в., и произошли они в густо заселенном междуречье Западной Двины и Ловати, на важном волоке Пути из Варяг в Греки. В 1021 г. Брячислав напал и разграбил Новгород. Мир с ним был куплен Ярославом передачей Полоцку важных пунктов на волоках Пути из Варяг в Греки - Усвята и Витебска. Эта уступка, по-видимому, свидетельствует о неких домоганиях Полоцка, который нуждался в этих местах, где наличествовали волоки, через которые двигались иностранные купцы *(Насонов,* 1951. С. 85, 86).

Расширение полоцких пределов на север за счет густонаселенных Псковских земель падает на середину XI в. - в 1065 г. туда вторгается Всеслав Полоцкий. Борьба за эти территории продолжалась и в XII в.: в 1167 г. Роман Ростиславич Смоленский и Мстислав Полоцкий осаждали, как отметил А.Н. Насонов, Луки, т.е. городище, расположенное в четырех километрах от Великих Лук (в этих последних, как я выяснил, домонгольских слоев нет - *Алексеев,* 1966. С. 169).

Расширение полоцких пределов на запад в область устья Двины, где жила либь (ливы), произошло, видимо, в то же время. Во всяком случае, А.Н. Насонов отметил, что ни киевские, ни новгородские князья не ходили туда собирать дань, но по Повести временных лет мы знаем, что ливы были данниками Руси, дань с них, следовательно, получал Полоцк *(Насонов,* 1951. С. 152). Он также приходит к заключению, что дань в Полоцк платила и

соседняя с ним Литва, и другие прибалтийские земли. Известия 1159, 1162, 1180 и 1198 гг. также заставляют думать, что во "второй половине XII в. Литва, если и платила тогда дань, то только в Полоцк, а не в Киев" {*Насонов,* 1951. С. 154). На юго-востоке Полоцкой земли граница между интересами Полоцка и Смоленска определилась, вероятно, в XI в. Во всяком случае, нижней датой основания полоцкого города Орши и смоленского Копыси был XI в. (*Штыхов,* 1978. Т. 9. С. 93 и 97), к тому же Копысь и упоминается под 1059 г. (ПСРЛ, 1965. Т. 9. С. 91). Впрочем, есть основания думать, что до 1116 г. этот город принадлежал Полоцкой земле и граница интересов Полоцка и Смоленска проходила восточнее (*Алексеев,* 1980. С. 164). Труднее определить, когда полоцкая дань пришла в соприкосновение с киевской на юге, отмечает А.Н. Насонов. По Константину Багрянородному, "русские" князья ездят на север в полюдье к дреговичам и кривичам и те, следовательно, вносили в X в. дань в Киев. Посадив в Турове в X - начале XI в. князя, Владимир Святой уже непосредственно получал дань с дреговичей, однако не со всех: еще А. Грушевский установил, что дреговичи заходили в область Немана за водораздел Припяти (*Грушевский,* 1901. С. 12), т.е. к кривичам, с которых дань поступала не в Туров, а в Полоцк. "Современные археологи, - свидетельствует А.Н. Насонов... - исследуют дреговичские курганы в районе Минска и Заславля" (*Насонов,* 1951. С. 150). Из этого следует справедливый вывод, что часть северных дреговичей действительно платила дань не в Туров, а в Полоцк (*Алексеев,* 1998а; 19986. С. 378 и 380). Как видим, полоцкие данщики появились на верхней Свислочи в XI в., племенной центр менских дреговичей был оставлен жителями, и на Свислочи возник феодальный центр - Минск. Граница между менскими и слуцкими дреговичами прошла по лесной зоне между скоплениями поселений менских и слуцких дреговичей.

Что касается верхней Друти, то здесь было, по-видимому, несколько иначе. Эти земли лежали на водном торговом пути, сюда кривичи проникли с севера, и, вероятнее всего, в середине X - начале XI в. (мы говорили о гончарных урнах в здешних ранних курганах (*Алексеев,* 1998в. С. 11)). Кривичи основали здесь свой племенной центр Друцк, вскоре он стал феодальным центром - "воротами в Полоцкую землю" (*Насонов,* 1951. С. 154). Судя по расположению курганов вдоль Друти (а может быть, частично и Днепра), владения полоцких князей уходили здесь на юг достаточно далеко, за Могилев, и захватывали по-видимому, все течение Друти.

Так постепенно разрасталась территория Полоцкой земли. Она оформилась, как мы видим, в основном в XI в.

ВРЕМЯ БРЯЧИСЛАВА ИЗЯСЛАВИЧА (1001-1044). Одиннадцатый век известен благодаря войнам князей по летописным повествованиям, некоторым правовым законодательствам и т.д. Меньше мы знаем о христианизации русских земель, осуществлявшейся в это время. Не приходится сомневаться, что насильственное крещение Руси не было и не могло быть единовременным актом. Лишь через несколько поколений после введения христианства можно считать, что Русь в какой-то степени была крещена. Процесс христианизации несомненно принадлежал греческим миссионерам. И, конечно, в их действиях активнейшее участие принимали князья, поставлявшие дружину для их охраны, рабочую силу для свержения "кумирниц" и возведения на тех местах христианских храмов. Однако обо всем этом громадном деле, осуществлявшемся в древнерусских лесах, летописи молчат, и обо всем этом приходится лишь догадываться по косвенным данным.

Деятельность полоцких князей первой половины XI в., можно думать, в значительной степени была связана с этим процессом. В самом деле: если Всеслав Брячиславович (1044-1101) большую часть жизни проводил в войнах с южнорусскими князьями, то его отец Брячислав, пытавшийся, правда, однажды воевать с Ярославом Мудрым (о чем - ниже), вообще-то в своей жизни почти не воевал (судя по летописям). Остается делать вывод, что ему, правление которого пало на первую половину века, пришлось все силы бросить на христианизацию населения, на подчинение тех общин, которые восставали против. По его указам, видимо, в полоцких лесах свергались языческие святилища, уничтожались идолы, срубались христианские храмы с большими нартексами для оглашенных. Об одном таком, выстроенном в Друцке в 1001 г., сообщает источник XIV в., о другом, построенном в 1007 г. в Полоцке, мы читаем в летописи. Друцкое городище было племенным центром друцких кривичей, видимо, храм Богородицы там заменил языческих идолов, то же, вероятно, было и в Полоцке. Столкновение Брячислава с Ярославом Мудрым относится к 1021 г.

Таким образом, только через два десятилетия после своего вокняжения Брячислав, видимо, стал, наконец, настолько силен, что приступил к военным действиям с киевскими князьями. Объектом был Новгород: "Приде Брячилав ... на Новъгородъ, и зая Новъгородъ и поимъ новгородца и им-Ънье ихъ, поиде Полотьску опять. И пришедшю ему к Судомири р-ьц*, и Ярославъ ис Кыева в 7 день постиже и ту и победи Ярославъ Брячислава и новъгородц'Ь вороти Новугороду, Брячиславъ же б-бжа Полотьску" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 99). Это свидетельство Софийская I и Воскресенская летописи дополняют: «И оттолъ- призва к себ-Ь Брячислава, и давъ ему два города - Восвячь и Видбескъ, и рече ему: "буди же со мною заодин"[1]. И воеваша

[1] Формула "за един быти" была распространена: "Запсал-Ь есьмь с Королем, што ми с нимъ за один быти..." (1386 г. Смоленские грамоты, 1963. С. 72).

Брячиславъ с Великымъ княземь Ярославомъ (вместе. - *Л.А.)* все дни живота своего» (ПСРЛ, 1856. Т. 7. С. 328).

Любопытно, что на стороне Брячислава воевали, по-видимому, и норманнские наемники, и события эти отразились в скандинавской саге, сложенной по возвращении скандинавских воинов домой и записанной в ХП-ХШ вв. *{Алексеев,* 1966. С. 241). Норманны под командой некоего Эйдмунда в течение трех лет служили у Ярослава (1016-1019 гг.) и после его победы над Святополком Окаянным, чем-то обиженные, ушли к врагу Ярослава - Брячиславу. Сага свидетельствует, что, желая отомстить Ярославу, Эйдмунд уговаривает Брячислава напасть на Новгород, что и было сделано, и в руки победителей даже попала новгородская княжна Ингигерда. Разграбив Новгород, сообщает сага, варяжские наемники ушли, оставив Брячислава с грозным врагом одного *(Лященко,* 1926. С. 1085, 1086; см. также: *Джаксон,* 1991. С. 145 и ел.).

Что же означает этот первый демарш полоцкого князя, какие цели он преследовал? Мнений на этот счет было много (см.: *Алексеев,* 1966. С. 241). Прав был А.Н. Насонов (1951. С. 151), который увидел в нем притязания экономически растущего Полоцка на ключевые позиции одного из ответвлений Пути из Варяг в Греки: Витебск, где этот путь скрещивался с Западно-Двинским, и Усвятский волок, контролирующий весь этот путь. У Брячислава были связи с варягами *(Рыдзевская,* 1978. С. 100-104), он владел путем по Днепру в Южную Русь и теперь считал, видимо, себя достаточно сильным, чтобы пробить путь на север к Новгороду. Взяв этот город с помощью варягов, Брячислав ушел, зная, что это не останется безнаказанным. Однако союз с полоцким князем был важен для Ярослава настолько, что он все-таки отдал ему столь важные ключевые центры на волоках. Приобретение было должным образом оценено полоцким князем, и союз с Киевом им не был нарушен до самой смерти и соблюдался даже его сыном Всеславом до 1060 г. *(Алексеев,* 1998. С. 13).

ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ВСЕСЛАВА БРЯЧИСЛАВИЧА (1044-1101). Большая часть жизни сына Брячислава Всеслава прошла, как известно, в сплошных войнах с Южной Русью. Киевские князья были его дальними родственниками, он, видимо, считал себя обойденным и рвался к независимости. К независимости тянуло и экономически рано развившееся Полоцкое княжество *(Алексеев,* 1966). Всеслав прокняжил в Полоцке 57 лет, сел, следовательно, на стол совсем молодым, и мы предполагали, что первые 16 лет правления он не включался в общекиевские дела, как позднее, и был занят, как я думаю, внутренними делами *(Алексеев,* 1966. С. 243). Но так ли? Нам, по-видимому, удается уловить деятельность князя на первых порах.

В южной части земель, ставших вскоре полоцкими, в верховьях р. Птичи, Свислочи, как мы указывали, располагалось обширное малое племя дреговичей, переселившихся сюда с юга, вероятно, при организации южнорусскими князьями Турово-Пинских земель. Это была, как мы считаем, "Свислочекая" тысяча со своим центром на р. Менке, в верховьях р. Птичь *(Алексеев,* 19986. С. 380 и ел.), отделенная от "слуцкой тысячи" дреговичей и других соседних дреговичских "тысяч" зоной лесов. В середине XI в. в северной части этой "тысячи" Всеслав Полоцкий, мы увидим, начнет строить обширную беспрецедентную по величине крепость Минск, а центр тысячи дреговичей прекратит свое существование. Это наводит на мысль, что незадолго до этого "свислочекие" дреговичи были им захвачены.

Следовательно воинственный полоцкий князь Всеслав, воевавший почти всю свою жизнь, воевал и первые 16 лет своего правления: он захватил часть северных дреговичей. Получив княжение, Всеслав почти сразу же озаботился приращением своих владений. Действовал он осторожно (летописец об этом, видимо, не узнал или не придал значения) - "примучивал" лишь те малые соседские племена "тысячи", которые, как показал А.Н. Насонов, еще не попали под власть других формирующихся княжеств. Однако напрямую с Киевом Всеслав стремился еще не ссориться и, верный договору отца 1021 г., двинулся с Ярославичами на торков (1060 г.). Ослушался ли Всеслав в этом походе своих киевских союзников, обиделся ли на них при дележе добычи, только вернулся он в Полоцк их заклятым врагом *(Алексеев,* 1996в. С. 104). Ему было ясно, что при первых же столкновениях с ним Ярославичи прежде всего постараются вырвать у него новоприобретенные земли северных дреговичей. В этих землях была необходима мощная крепость - так был построен Минск на Свислочи (1063-1066). Его название показывает, что жители его были переселены из Менска на Менке.

В период, когда Ярославичи были заняты борьбой с Ростиславом Тмутараканским, "Всеслав поча рать копити" (НПЛ, 1950. С. 184) и в 1065 г. напал на Псков, а в 1066 г. захватил Новгород. Обеспечив безопасность на юге, Ярославичи кинулись на борьбу с Всеславом. 3 марта 1067 г. произошла знаменитая битва под Минском. Минск - это была та крепость, которая была выстроена в 1063-1066 гг. в зоне северных дреговичей, придерживавшихся, по-видимому, южнорусской политической ориентации, как мы говорили, и не приходится удивляться, что именно Минск был главным объектом нападения Ярославичей. Дальнейшее известно: Всеслав бежал, но обманом был вызван "на Ршу (р. Оршу) у Смоленска" для переговоров, был схвачен с двумя сыновьями и посажен в Киеве в "поруб". В 1068 г. произошло восстание киевлян, освободивших Всеслава и провозгласивших его вели-

ким киевским князем (настоящий киевский князь спасся бегством; см.: *Алексеев,* 1966. С. 243-248). О княжении Всеслава в Киеве нам почти ничего неизвестно. Мы знаем лишь, что в следующем, 1069 г. киевский князь Изяслав пришел с большим войском польского короля Болеслава Храброго к Киеву, и полоцкому князю пришлось обратиться в бегство - его княжение в Киеве длилось всего 7 месяцев.

Однако и здесь, в своем Полоцке, Всеславу не было удачи. Город был захвачен "карательной" экспедицией, направленной Изяславом. Всеслав оставил город, и в нем воцарился сын Изяслава Ярославича - Мстислав (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 116). Любопытно, что умный полоцкий князь теперь ищет помощи в Вотской пятине Великого Новгорода, среди финского племени водь, безусловно, страдавшего от новгородских поборов. Но силы были неравны: едва достигнув пригорода Новгорода Къз-вни (КЪЗ-БНЬ - кузнечный район - окраина этого города)[2], 23 октября 1069 г. Всеслав был наголову разбит ратью новгородского князя Глеба и обратился в бегство.

Где пребывал Всеслав в 1069-1071 гг. мы не знаем. Есть предположение, основанное на одном темном месте "Слова о полку Игореве", что он бежал в Тмутаракань, где в это время князя не было *(Алексеев,* 1966. С. 248). Битва под Голотическом[3] 1071 г. (его местонахождения неизвестно) с Ярополком Изяславичем и новое поражение Всеслава (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 116) прекращает борьбу князя с Изяславом и его сыновьями. В Полоцком княжестве происходят события, крайне напоминающие ситуации 1021 и 1067 гг. Победители не только не кинулись догонять пораженного ими полоцкого князя, а вступили в мирные переговоры с ним, закончившиеся, как я уже писал ранее, стремлением породниться (1073 г. - известная фраза летописца: "Изяслав свалиться со Всеславом"). Под 1158 г. летописец сообщает, что дочь Ярополка Изяславича была вдовой Глеба Всеславича Минского (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 121; ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 492,493). Все это показывает, что слухи о сватовстве и переговорах Всеслава с Изяславом были вовсе не беспочвенны. Вдова Глеба, умершая в 1158 г. в возрасте 84 лет, родилась, очевидно, в том самом 1073 г., когда с Всеславом велись переговоры о сватовстве. Переговоры эти, как я думаю, велись, очевидно, при ее рождении *(Алексеев,* 1966. С. 249).

Начиная с этого времени и до конца XI в. летописных сообщений о Полоцкой земле становится все меньше. Отдельные отрывочные сведения можно получить из знаменитого "Поучения Мономаха" своим детям.

Со смертью Святослава Изяславича (1076 г.) по каким-то причинам активизировалась деятельность Полоцка по отношению к Новгороду, и южнорусские князья организуют летний поход 1077 г. против Полоцка, в котором принимает участие новый великий киевский князь (отец Мономаха) Всеволод Ярославич. Относительно следующего за этим летописного сообщения о походе Владимира Мономаха на Полоцк вместе со Святополком существует мнение, что он совершен в 1078 г. (с этого времени Святополк оказался в Новгороде - Мономах несколько перепутал факты своей биографии). Полоцк взять не удалось, подожжены были только его укрепления. Не имел успеха и поход зимой 1078 г. с участием Святополка, Мономаха и даже половцев. Надо сказать, что престарелый полоцкий князь, в свою очередь, не сидел, сложа руки. В том же 1078 г. он "Смолнескъ ожьже" - Смоленск был городом черниговского князя, где сидел Мономах, и тот в погоне за Всеславом, "пожег (Полоцкую) землю и повоеваъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьск воюя..." (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 159).

Не оставлял в покое Полоцкую землю Мономах и в 1084 г., и объектом был снова город Минск: "...идохомъ с черниговци и половци, читЂевичи к М-Ьньску: изъехахом городъ, и не оставихом у него ни челядины, ни скотины" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 160). Как видим, Минск, недавно отстроенный, а не Полоцк был бельмом на глазу южнорусских князей! Это лишний раз подтверждает нашу мысль, что эта мощная крепость Всеслава в стране северных дреговичей была возведена не случайно, а явилась результатом новых приобретений полоцкого князя.

Есть еще одно важное событие в Полоцком княжестве, которое ускользнуло от внимания историков. Это - вторая женитьба Всеслава, которая произошла, несомненно, в его старости, по-видимому, на рубеже 1О8О-х-1О9О-х годов. Двое сыновей Всеслава и (см. миниатюру: Радзивилловская летопись, 1902. Л. 97 об) скорее всего Давид, который наследовал отцу, и Борис (или Глеб?) в 1067 г. переплыли с отцом в ладье Днепр для переговоров с Ярославичами и были ими схвачены и посажены в плен - "Изяслав же привед Всеслава Кыеву, всади и в порубъ съ дв'Ьмя сынома" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 112). Сыновья его, - несомненно, подростки, которым лет 12-15. Значит, первое бракосочетание Всеслава состоялось где-то в начале либо середине 1050-х годов. Если его второй невесте при бракосочетании было 15-16 лет или даже еще немного меньше (Евфросиния Полоцкая, как мы увидим, должна была выйти замуж в 12 лет), то в конце 1080-Х-1090-Х годов она, несомненно, была в брачном возрасте. Однако мы знаем, что в 1106 г. дочь Всеслава выдавалась замуж за сына византийского

[2] Любопытно: "КЪЗЕНЬ" - "КЬЗНЬ" ("КОЗНЬ") - означало "занятие, ремесло, искусство", XII в. (Словарь русского языка XI-XVII вв. 1980. Вып. 7. С. 227).

[3] Наименование "Голотическ", очевидно, характеризует его население, "Голота", по памятникам XV в., означало нищету, недостаток одежды (Словарь русского языка XI-XVII вв., 1977. Вып. 4. С. 68).

императора. Возраст же ее вряд ли превышал 15-16 лет. Ясно, что она была дочерью полоцкого князя от второго брака. Столь почетное бракосочетание с полоцкой княжной не могло быть случайностью. Мы вправе думать, что мать будущей жены сына византийского императора сама была не простых кровей. Полоцкий князь был в оппозиции к киевским. Видимо, это было оценено при византийском императорском дворе, результатом чего были прямые контакты Всеслава с Константинополем, помогавшим ему в строительстве Софийского собора в Полоцке. Так, нам кажется, следует объяснять прямые контакты Полоцка с Царьградом, которые происходили не только при Всеславе в XI в., но и при его потомках.

О Полоцке конца XI в. мы почти ничего не знаем, военные походы более не упоминаются. Престарелый Всеслав уже перестал тревожить южнорусских князей нападениями на их земли или на земли, находившиеся под их протекторатом, как это было ранее. Можно предполагать, что, предчувствуя близкий конец, полоцкий князь был занят дележом своих земель между сыновьями. Мне представляется, что Давид, Борис и Глеб, упомянутые Даниилом Мнихом в Византии (о чем - ниже), были сыновьями Всеслава от первого брака[4], Святослав же (в крещении Георгий?), еще княжич, и княжна, выданная замуж в Царьград за сына императора, - от второго. Дело дележа между столькими княжатами, да еще от двух матерей, было далеко не простым.

К этим событиям мы теперь и перейдем.

Полоцкие земли в XII веке

В двенадцатый век полоцкие земли вступили совсем не теми, какими были, вступая в XI в. Теперь страна была в значительной степени крещена и сильно расширена, ею только что управлял железной рукой (иногда, правда, с переменным успехом) Всеслав Полоцкий. Полоцк горделиво противопоставлялся Киеву и Новгороду, в нем высились купола грандиозного Софийского собора, воздвигнутого, как и там, греческими мастерами. С Византией завязались, таким образом, прямые политические контакты, а по смерти Всеслава, в 1106 г. велись с императором даже матримониальные переговоры о выдаче за его сына одной из младших дочерей Всеслава.

Археологические исследования свидетельствуют, что в этот период значительно продвинулись и экономические связи Полоцкого княжества (*Алексеев,* 1966; *Штыхов,* 1978. С. 29).

Напомним, что Полоцкая земля политически всегда была на Руси в особом положении. Если другие князья не стремились особенно прочно утвердиться в других древнерусских княжествах, рассчитывая на свое "восхождение" к Киеву, то полоцкие князья, хоть и родственные киевским, зная, что южнорусские столы им не доступны, утверждались в своей земле, все больше дробя ее между своими потомками. Здесь рано появились свои удельные княжения. Братья - сыновья умершего князя делили земли отцов, соперничали друг с другом за полоцкий стол, возникали родственные коалиции, вражда, войны в пределах своих полоцких земель. Так было в Киеве по смерти Ярослава Мудрого (1054 г.), так случилось и здесь, где власть главного полоцкого князя, сидящего в Полоцке, уже мало имела значения для его братьев, а вся земля политически сильно ослабла. Потенциал, приобретенный с таким трудом Всеславом, был потерян.

Рассмотрим те отдельные части, на которые распалась Полоцкая земля после смерти Всеслава (1101 г.).

Территории отдельных полоцких удельных княжений улавливаются по тем скоплениям поселений, которые гнездятся вокруг княжеских городов - Полоцка, Друцка, Минска и т.д. В свое время мы уже уделяли этому особое внимание, теперь же остановимся на этом коротко. Само собой разумеется, что скопления полоцких поселений, о которых мы говорили выше, были причиной возникновения в их среде центров, в будущем городов. Однако разрастаясь, становясь экономическим, а потом и княжеским центром, города эти, в свою очередь, становились центром притяжения для своей округи, и округа эта заселялась все интенсивнее. Для определения этой округи нужны большие пешие обследования в течение многих лет, что нереально. И для общего представления о ней нам по-прежнему приходится прибегать к курганам, сохранившимся до наших дней, а этот источник, как мы говорили, дает лишь самое общее представление, правда, на XI-XII вв., что нам и нужно.

Полоцкий удел-волость - удел, которым лично владел князь, сидевший в Полоцке, которому юридически подчинялись полоцкие удельные князья, охватывал, можно думать, полоцко-ушачские поселения, а также поселения на Полоте к северу от Полоцка. Под 1169 г. летописец прямо сообщает, что новгородцы и псковичи ходили "к Полотьску и пожьгыпе *волость* (курсив наш. —*Л.А.),* воротишася от города за 30 верст" (НПЛ, 1950. С. 33). Значит, Полоцкая волость на севере простиралась более чем на 30 км, т.е., очевидно, до северной границы Полоцкого княжества. Мы говорили, что здесь и теперь есть поселок Межно, а далее - оз. Нещерда, еще в 1403 г., судя по Псковской летописи (Псковские летописи, 1955. Т. 2. С. 110), принадлежавшее Пскову. В 60 км к северо-востоку от Полоцка, у оз. Неколоч стоял полоцкий пограничный пункт Неколоч, а далее в 90 км - новгородский

[4] Не вполне понятно, кто была мать еще одного сына Всеслава - Романа, умершего в 1116 г. (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 201), которого не упомянул Даниил в Иерусалиме. Все же кажется вероятным, что он был сыном от первой жены Всеслава.

Еменец (*Алексеев,* 1966. С. 185, примеч. 178). Сообщая о волнениях в Полоцке в 1159 г., говоря о бегстве Ростислава Глебовича, захватившего 8 лет назад Полоцк и теперь спасавшегося оттуда бегством, летописец указывает, что этот князь по дороге в свой Минск "много зла сътвори *волости Полотъской* (курсив мой. *-Л.А.)* воюя и скоты и челядью..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 495, 496). Это подтверждает нашу мысль, что "волость Полоцкая" простиралась и на юг от Полоцка. Судя по обилию курганов, южная граница удела проходила через верховья Березины (днепровской) и озера в районе современного Березинского канала, а также по левобережью р. Уллы. Любопытно, что в самых общих чертах она соответствовала южной границе Полоцкого повета XVI в., составленной по писцовым книгам Н.Н. Оглоблиным (1880. Вклейка). Западной границей удела была, по-видимому, Березвица (правый приток Диены; междуречье ее и Мяделки было занято, очевидно, пограничным лесом). Восточная граница удела шла, вероятно, по нижнему течению Усвячи.

Минский удел-волость определяется достаточно точно по скоплению курганов северных дреговичей возле г. Минска, расположенного на р. Свислочи, где он был отстроен, мы помним, в 1063-1066 гг. Всеславом Полоцким.

Границы волости, по-видимому, полностью соответствовали описанным выше границам этого "малого дреговичского племени". От Турово-Пинских земель со Слуцким уделом их отделяли пограничные леса Полоцкой земли.

Друцкий удел-волость определяется скоплением поселений (по курганам) вокруг Друцка и распространившимся на юг вдоль течения р. Друти. Этот удел-волость упоминается и в западнорусских летописях под наименованием "Друцкая земля" (в тексте о киевском князе Димитрии, бежавшем якобы от Батыя в Друцк "и землю Друцкую", где он "посел и город Друческ зарубил" (ПСРЛ, 1907. Т. 17. С. 230, 243, 299, 360; Хроника Быховца, 1966. С. 36, 37). Исходя из нашей карты древней заселенности этих мест, можно думать, что граница Друцкого удела-волости проходила по рекам Бобр, Усяж-Бук, Обольянка на севере и северо-западе (далее в XII в. были владения лукомльского князя); видимо, по рекам Адров и Днепр - на востоке; вниз по течению р. Друть до впадения в нее р. Грёзы, а может быть и до самого устья Друти - на юге.

Такое заключение вполне правдоподобно, ибо другие претенденты, кроме Друцка, на владение поселениями на Друти неизвестны, Друцк же почти несомненно контролировал весь друцкий путь, удобный для поддержания связи со всеми подвластными землями. Березина, видимо, разделяла Минский и Друцкий уделы. Мы знаем, что, по свидетельству В.Н. Татищева, полоцко-друцкий князь Борис Всеславич, в 1102 г., возвращаясь из похода на ятвягов, отстроил город Борисов (очевидно, на границе своих друцких земель) и населил его пленными ятвягами (*Татищев,* 1963. Т. 2. С. 123).

Витебский удел-волость упоминается в списке договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. (Смоленские грамоты, 1963. С. 39). Позднее он именовался воеводством (ПСРЛ, 1907. Т. 17. С. 353, 409, 411). Довольно слабая изученность района, примыкающего непосредственно к г. Витебску, до сих пор все еще затрудняет выяснение его древней заселенности по курганам и заставляет привлекать лишь косвенные данные. Как видно на карте, в междуречье Каспли и Л у чесы памятников почти нет: оно до сих пор чуть не сплошь занято лесами. Это, видимо, остатки громадных пограничных лесов Полоцкой земли (а затем Литвы и Руси) на ее восточном порубежье. Таким образом, немногочисленные древние поселения волости следует искать к северу и западу от города. По Карте Половкого повета XVI в. (*Оглоблин,* 1880) его восточная граница проходила в 20 км к западу от Витебска, у Старого Села. Вероятно, где-то здесь она шла и в домонгольское время.

Лукомлъский удел-волость. Названия этой волости мы не встречаем в летописи, неизвестны и домонгольские князья Лукомльские. Однако город Лукомль, располагавшийся на друцко-двинском волоке, упоминается в Поучении Мономаха при изложении событий 1078 г., а раскопки показали, что он вырос из небольшого поселка кривичей и был центром, очевидно, малого кривичского племени (*Алексеев,* 1975. С. 223; *Штыхов,* 1978. С. 52-53). Лукомльские князья упоминаются только в начале XVI в. (1508 г.; ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 372, 408). Древние села Лукомльской волости были расположены к северу и северо-востоку от Лукомльского озера в верховьях левых притоков Западной Двины, между Полоцким уделом-волостью и уделом-волостью Друцка. Вполне вероятно, что это был небольшой удел одного из меньших потомков Всеслава Полоцкого.

Из более мелких, но, вероятно, княжеских волостей отметим три: Изяславльскую, Логожскую и Борисовскую, которые возникли на базе Гайно-Березинских поселений. Эти волости намечаются очень приблизительно, так как они составляют как бы одно большое скопление поселений, но вместе с тем, ими время от времени владели князья. Под 1127 г. мы узнаем, например, что в Изяславль была выдана замуж дочь киевского князя Мстислава и, когда южнорусскими войсками был захвачен этот город, ее "товар" (имущество) едва "ублюдоша и то с нужею, бьющеся...!" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 298). Брячислав, по-видимому, - муж этой княгини, бежавший к отцу и настигнутый войсками в Логожеске ("бяше пошелъ къ отцю своему, быв бо посред-Ь пути и острашивъея" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 298). Под 1180 г. называется и логожеский князь Всеслав Микулич (ПСРЛ,

1962. Т. 2. Стб. 620). О борисовском князе (князьке), правда, сведений у нас нет.

Как же были распределены все перечисленные уделы-волости между полоцкими Всеславичами? Ответить на этот вопрос можно, к сожалению, не полностью. Генеалогия полоцких князей довольно сложна (см.: *Алексеев,* 1966. С. 252; 1975. С. 230-232). Как говорилось, Всеслав Полоцкий, по летописям, имел 6 сыновей: Давида (упомянут под 1103, 1104 и 1127 гг. - последний раз как полоцкий князь, которого сводят со стола), Борис (в 1102 г., по В.Н. Татищеву, отстроил город Борисов), он же - Рогволод (в 1127 г. его сажают на стол вместо Давида), Глеб, князь Минска (упомянут под 1104, 1108, 1116, 1117, 1119 гг.). Известны еще двое сыновей Всеслава (как мы думаем, от второго брака) - Святослав и Ростислав. Старшими сыновьями Всеслава были Давид, Борис и Глеб (именно их, между прочим, как полоцких князей в начале XII в. упомянул в Иерусалиме (1106-1108 гг.) паломник Даниил Мних (Паломник..., 1891. С. 67). Давида - полоцкого князя, как мы сказали, полочане в 1127 г. свергли и, как свидетельствует летопись, посадили на его место Рогволода. Однако в 1128 г. сообщается о смерти полоцкого князя не Рогволода, а Бориса, создается впечатление, что Рогволод имел крестильное имя Борис. И в самом деле: поздняя Густынская летопись по неизвестным нам источникам называет его: "Рогволод или Борис" (ПСРЛ, 1843. Т. 2. С. 293). Все это показывает, что Всеславу в Полоцке наследовал Давид, его старший сын, ив 1127 г. полочане его свергли и посадили Рогволода-Бориса (видимо, очень престарелого князя, который и умер в следующем году, престарелым был и Давид).

Третьим сыном Всеслава был Глеб (ум. в 1119 г.). Мы говорили, что Минском и Минским уделом безраздельно владел именно этот Глеб и его потомки.

Владельца Друцкого удела летопись не называет, но под 1159 г. говорится, что некий Рогволод Борисович бежит из заточения Глебовичами в Минске и дручане принимают его как своего князя! Сюда, в свой "фамильный", по-видимому, Друцк, он бежит ив 1162 г., бросив Полоцкое княжение после битвы под Городцом ("а Полотьску не СМ-Ё ИТИ, зане МНОЖ-БСТВО погибе полотчанъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 493, 519). Здесь, под Друцком, в 1171 г. он приказал сделать на "Регволодовом камне" надпись со своим именем (см. ниже), в Друцке затем княжит его сын, правнук Всеслава, Глеб Рогволодич (1180 г.; ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 620).

Остается заключить, что собственно Полоцкий удел-волость после смерти отца, как сказано, получил Давид Всеславич. Он был "великим полоцким князем" до 1127 г., когда под давлением обстоятельств был вынужден уступить полоцкий стол следующему сыну Всеслава - Рогволоду-Борису, князю Друцка.

Близким ровесником первых трех сыновей был, по-видимому, четвертый сын Всеслава, Роман, умерший в 1116 г. (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 284; ПВЛ, 1950. С. 137). В Житии Евфросинии Полоцкой, где ошибки, как правило, не встречаются, упоминается его вдова - "Романовая" - игуменья какого-то полоцкого женского монастыря, к которой прибежала преподобная с просьбой ее постричь (см. очерк "Культура").

Перейдем к младшей линии детей Всеслава Полоцкого, происходящей, как мы помним, от второй жены Всеслава. Мы знаем младших Всеславичей: Святослава и Ростислава в 1130 г. за непослушание (кроме Романа, умершего в 1116 г.) Мстислав Великий выслал в Грецию (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 293, 304). Через 10 лет, когда возвращались на Русь их дети, сами князья не вернулись (вероятно, умерли). Есть еще одно имя, принадлежащее сыну Всеслава Полоцкого - Георгий, отец Евфросинии Полоцкой, о котором сообщает ее Житие. Ясно, что это крестильное имя кого-то, о ком мы выше говорили. Первые сыновья носили крестильные имена, хорошо нам известные: Давид, Борис, Глеб, Роман. Значит, Георгием был либо Святослав, либо Ростислав. По сложившейся традиции, Георгием считается Святослав. Однако был ли он князем Витебского удела? Так считают большинство исследователей, но это кажется мало вероятным. В поздней Густынской летописи содержится сообщение, что Витебск в 1116 г. был захвачен коалицией Давида Святославича и Ярополка Владимировича (ПСРЛ, 1843. Т. 2. С. 291). Если текст этой летописи в данном месте запутан (Минск назван Смоленском, минский Глеб Глебом Святославичем) и, может быть, полного доверия не заслуживает, то в достоверном тексте Ипатьевской летописи мы узнаем, что в 1165 г. "Давид Ростиславичь с-ьде Витебьски, а Романови Вячеславлю внуку да Ростиславъ (Смоленский. - *Л.А.)* Васильев и Краен" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 525)! Совершенно очевидно, что Витебск в это время был такой же смоленской княжеской вотчиной, как Василев и Краен. Давида Ростиславича мы застаем в Витебске и в 1167 г.: именно к нему в Витебск бежал, спасаясь от Володаря Глебовича, полоцкий князь Всеслав Василькович (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 526, 527).

Каким же образом Витебск и Витебская волость-удел попали под эгиду Смоленска? Кто там сидел в это время? Что произошло там в 1116 г.? Витебский удел был одним из основных уделов полоцких князей. К ним он перешел, мы помним, после важных переговоров Ярослава Мудрого с полоцким Брячиславом в 1021 г. Не приходится сомневаться, что при дележе уделов по смерти Всеслава (1101 г.) он должен был отойти кому-то из старших сыновей Всеслава (часто предполагается, что Святославу Всеславичу, хотя данных для этого нет). Мы не знаем, каким уделом владел один из старших сыновей Всеслава от первого брака, Ро-

ман, умерший в 1116 г., будучи уже женатым на "Романовой". В этот год Витебск как раз был захвачен Смоленском. Может быть, поэтому он и не назван при изложении событий похода коалиции южнорусских князей на Полоцк в 1127 г. (см.: *Богданов, Рукавишников,* 2002. С. 23).

Итак: Витебском и его уделом после 1101 г. владел кто-то из старших (от первой жены?) Всеславичей, владения которого нам неизвестны. Единственным сыном Всеслава старшей линии, владения которого нам неизвестны, был Роман (Святослав?). Роман умер в 1116 г., в год захвата Смоленском Витебска.

Можно предположить, что Роман, получив город в 1101 г., управлял им до своей смерти (1116 г.)[5], чем и не преминули воспользоваться смоленские князья (по соседству).

Неизвестно, кто владел Изяславльским и Логожеским уделами.

ВРЕМЯ ДАВИДА ВСЕСЛАВИЧА ПОЛОЦКОГО (1101-1127). В 1101 г., мы помним, скончался Всеслав Полоцкий, сидевший на полоцком столе 57 лет. В трудной обстановке междоусобной борьбы на Полоцкий великокняжеский стол вступил, по-видимому, старший сын великого князя, Давид Всеславич. Крупнейшие уделы Полоцкой земли наследовали его братья, из которых мы знаем двоих: Глеба, получившего Минск, и Бориса, получившего Друцк (по княжению его сына и внука *(Алексеев,* 1975. С. 221-232).

Полоцкий великий князь должен был иметь земли вблизи самого Полоцка, очевидно, в местах к югу от города, которые, судя по курганам IX-XII вв., были густо населены. Эта волость под 1159 г. в летописи так и именуется волостью князя Полоцкого. Давид должен был входить в сношения с Киевом, Черниговом и другими крупными княжескими центрами южной Руси, а также с Новгородом, Смоленском и т.д. Уже через два года после смерти в 1103 г. отца Давид Всеславич вместе с южнорусскими князьями участвует в походах на половцев. Его интересы, понимаем мы, были далеки от кочевников, но к этому, видимо, его обязывал союз с южнорусскими князьями. В союзе с Олегом Святославичем и другими князьями южнорусских земель он в 1104 г. участвует в нападении на своего родного брата, минского князя Глеба, окончившемся неудачей (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 188). Под 1127 г. (1128) летопись называет его полоцким князем, которого полочане свергают и сажают Рогволода-Бориса (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 293). Таким образом, Давид правил Полоцком с 1101 по 1127 г.

1105 г. ознаменовался для Полоцка поставлением туда нового епископа - грека Мины (ПВЛ, 1950. Т. 1.С. 188). Следующий же год оказался полон событий для Полоцкой земли. 1 августа было полное солнечное затмение (всегда воспринимаемое на Руси с волнением). В этот год совершилось бракосочетание одной из младших сестер Всеславичей с сыном византийского императора *(Мошин,* 1947. С. 83), а в конце года произошла драма: временно, видимо, примирившись, все Всеславичи двинулись на земгалов, потерпели поражение, причем "дружины убиша 9 тысящ" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 186).

Появление нового епископа-грека, можно думать, не было случайным и было связано главным образом с предстоящим бракосочетанием полоцкой княжны. При длительности расстояния между Полоцком и Константинополем переговоры матримониального характера велись задолго до этого события (и в них был включен не только патриарх в Цареграде, но и киевский митрополит, пославший Мину). Между Полоцком и Константинополем сновали послы, Полоцк должен был соответствовать предстоящему событию, и в городе шло большое церковное строительство. Работы М.К. Каргера и П.А. Раппопорта в этом городе, мы увидим, констатировали возведение на ручье Бельчицы под Полоцком в Борисоглебском монастыре большого собора Успения Богородицы, в Спасском монастыре возводилась новая каменная усыпальница полоцких епископов (собор св. Георгия), а у Верхнего Замка ставился собор Бориса и Глеба. И очень важно, что, как показал П.А. Раппопорт, все это строилось одной и той же артелью — той, которая до этого под руководством византийского мастера (присутствовавшего и здесь) возводила в Киеве храм Спаса на Берестове *(Каргер,* 1977; *Раппопорт,* 1980; *Алексеев,* 1996в). В 1127 г. Давид Всеславич был свергнут (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 297-299).

"СЕПАРАТИСТ" ГЛЕБ ВСЕСЛАВИЧ МИНСКИЙ. Самым непримиримым врагом братьев Всеславичей был минский Глеб, который, видимо, понимал, что ему рассчитывать на полоцкий великокняжеский стол не приходится. Он был столь деятелен, что об остальных его братьях мы знаем очень немного, о нем же летописец сообщает неоднократно, и всегда оказывается, что во всех столкновениях с князьями того времени он - активнейшая сторона. Вот вехи его жизни:

В конце XI в. Глеб женится на дочери Ярополка Изяславича.

В 1101 г. (может быть, и ранее, еще при жизни отца) он получает Минский удел, куда вошло, как мы говорили, малое племя северных дреговичей, завоеванных его отцом (предположительно в Ю44-1060 гг.).

В 1104 г. Глеб совершает какой-то проступок против братьев, подвергается нападению южнорусских князей в союзе с полоцким князем Дави-

[5] Любопытно, что старшие Всеславичи, хорошо известные, очевидно, летописцам, назывались по их крестильным именам. Сыновья же второго брака Всеслава фигурируют как Ростислав и Святослав (по Житию Евфросинии - Георгий, см. ниже), т.е. по именам языческим.

дом Всеславичем. Враждует с великим князем киевским Святополком Изяславичем (хотя женат на дочери его брата).

В 1106 г. он, очевидно, примирившись с братьями, вместе с ними идет на земгалов и терпит поражение.

Между 1104 и 1108 гг. Глеб, видимо, мирится со Святополком Изяславичем киевским и входит в его антимономаховскую коалицию.

В 1108 г. находится в тесных контактах с Киево-Печерским монастырем, вкладывает в него большие суммы денег и отстраивает монастырю трапезную.

До 1116 г. состоит в тесном союзе с Оршей и Копысью.

Около 1116 г., несмотря на смерть его главного союзника, Святополка киевского (1113), Глеб нападает на слуцких дреговичей, принадлежавших Турово-Пинскому княжеству. В наказание, в 1116 г. он осажден в своем Минске Владимиром Мономахом. Узнав, что тот под стенами города собирается зимовать, униженно кланяется с семьей перед воротами своего города, прося о пощаде (см. ниже).

В следующем, 1117 г., по-видимому, надеясь на союз о братьями, вновь нападает на владения южнорусских князей - на Новогрудскую и "Смоленскую" (очевидно, описка: Слуцкую) волости.

Вновь осажден в Минске карательным войском Киева, которым теперь командует сын Мономаха Мстислав, вторично сдает город и увозится в киевский плен.

В 1119 г. Глеб умер в Киеве.

Чем же объяснить столь энергичную военную деятельность Глеба Минского? Что позволило ему так бесстрашно бросаться в бой? На что он опирался, на что рассчитывал, в чем была его сила? Авантюрные гены отца могли получить некоторую реализацию в минском Всеславиче потому, что он был очень богат, благодаря удачной женитьбе на дочери южнорусского князя, родного брата киевского Святополка, несомненно, с большим приданым селами и людьми (об этом см.: ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 492), так и потому, что ему от отца досталась густо заселенная местность менских дреговичей. Не зря именно в этой многолюдной волости Всеслав отстроил огромную крепость, подобия которой не возвел его брат (например, в близко расположенном Друцке, где крепость была втрое меньшей!) (см.: *Алексеев,* 1966. С. 149-161).

Обладая интенсивно заселенными землями малого племени дреговичей, тысячью, Глеб Всеславич вынашивал, несомненно, идею независимости от полоцкого сюзерена, идею укрупнения своего княжества за счет соседних земель и поэтому, очевидно, всегда находился с братьями и другими соседними князьями в постоянной вражде. Если в столице Полоцкой земли его отец 40 лет назад, мы видели, демонстрируя независимость от киевских и новгородских князей, отстроил громадный храм, посвященный, как и в Царъграде Святой Софии, то здесь в масштабах Минского княжества князь Глеб возводит свой каменный храм, посвященный покровительнице русского воинства и русского города - Богородице[6] *(Лихачев,* 1985. С. 18). Остальные Всеславичи, получив уделы (1101 г.) стремились тем не менее ставить свои дворы и в столице княжества - Полоцке (как это было и в Смоленске), с которым не хотели порывать, ибо всегда могла возникнуть между братьями борьба за великое полоцкое княжение. Как и в Смоленске, они, видимо, возводили на своих дворах каменные храмы, судя по найденным саркофагам, со своими усыпальницами. "Лишь враждебный брат Глеб строил в Минске с помощью западноевропейских зодчих" *(Алексеев,* 1996в. С. 108). В своих же удельных центрах его братья ставили, по-видимому, храмы из дерева (Друцк, Логожеск), где найдены поливные плитки церковного пола и другие церковные принадлежности (в Друцке - колокол, части хороса, кадила, в Логожеске - плитки *(Алексеев,* 1998в. С. 14, 15; *Штыхов,* 1978. С. 90, 91), и только "изгойный" князь Глеб Минский, единственный из братьев задумал каменное строительство у себя в Минске (!). Минский храм (речь о нем - в своем месте), призван был демонстрировать независимость минских Всеславичей от прочих Всеславичей, но осуществить это Глебу не было суждено.

Вот что говорит летопись. "Въ л-ьто 6624/1116. Приходи Володимеръ (Мономах. — *Л.А.)* на Гл-вба, бо бяшетъ воевалъ др'Вговичи и Случеск пожегъ..." (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 200). Это была ситуация, когда минский Глеб был преисполнен надежд на безнаказанное увеличение территории своего княжества (см.: *Алексеев,* 1998а. С. 108; 19986. С. 389). Однако Мономах посмотрел на дело иначе: ему показалось обидным и особенно возмутительным, что совершив столь дерзкий поступок, Глеб "не каяшеться о семъ, ни покоряшеться, но бол-6 противу Володимеру глаголяще, укоряя и". В этом интереснейшем отрывке исследователи не замечают, что здесь речь идет о живейшей дипломатической переписке, предшествовавшей походу Мономаха на Минск. На возмущенное послание киевского великого князя мелкий князек минский Глеб позволял себе укорять в чем-то Владимира, а не встретив понимания, даже (страшно сказать) ... дерзить! В чем же были укоры Глеба? Да, несомненно, в том, что Мономах не поддержал его в борьбе с братьями (которые так его "обходят"!). А ведь он, женатый на двоюродной племяннице Мономаха (родство ценилось), мог рассчитывать на помощь! Вот примерно предмет спора. Получив ответ, киевский владыка ринулся на Минск. Влади-

[6] Церковь была посвящена Рождеству Богородицы (см.: *Шпилевский,* 1992. С. 135).

мир "над-Бяся на Бога и на правду, поиде к М-Ьньску съ сынъми своими и с Давыдомъ Святославичемъ, и с Ольговичи". Фронт наступления был широк, Глеб имел несколько, очевидно, союзных городов (может быть, даже ранее им захваченных, что видно из того, что Мономах шел большими силами). Вячеслав взял "Ръшу и Копысу, т.е. города на Днепре, а Давыд с Ярополком "узя Дрьютескъ на щитъ". Себе же Мономах взял основную задачу - Минск. Все кончилось тем, что Глеб с семьей униженно кланялся ему у своих ворот, умоляя о пощаде. Прощенный, он в следующем году вновь "проштрафился" и был перевезен сыном Мономаха Мстиславом в Киев и т.д.

Полоцкая земля в конце правления сыновей Всеслава (1120-1150-е годы)

Политическая жизнь Полоцкой земли после падения Минска и его захвата сыном Мономаха Мстиславом нам почти неизвестна. Крупных событий связанных с южнорусскими землями, видимо, не было, и летописцы временно потеряли к ней интерес. Лишь у В.Н. Татищева, читавшего полоцкую летопись, находим оброненное краткое - и, следовательно, достоверное - свидетельство, что в 1121 г. Владимир Мономах ездил в Смоленск "для рассмотрения несогласий и усмирения полоцких князей" *(Татищев,* 1963. Т. 2. С. 134). Уже самое указание на Смоленск как на место разбора полоцких княжеских дел, а не на Полоцк, казалось бы логичным, равно как и краткость известия - все это показывает, что Мономах, только что разгромивший минского Глеба и владевший теперь частью южной территории Полотчины - менскими дреговичами, Минским княжеством, мог теперь императивно обращаться с остальными полоцкими князьями (судьба, постигшая Глеба, никого не прельщала!). Приехав по делам, как сообщает В.Н. Татищев, "с детьми своими в Смоленск", Мономах небрежно вызывает к себе полоцких князей, вмешивается в их распри (которые, надо думать, каким-то образом задевали и его интересы) и диктует свои условия. Можно думать, что эти условия были приняты Давидом Полоцким, ибо военных действий не возникло, и Мономах в конце концов отбыл в Киев.

Что это были за условия, мы не знаем. Однако они были явно унизительны для Полоцка, Давид их исполнял только первые годы, а после смерти Мономаха в 1125 г., по-видимому, от подчинения вообще стал отказываться. Подтверждение этому предположению находим через два года, в 1127 г., когда Давид усилился настолько, что против Полоцка новый киевский князь Мстислав Владимирович Великий собрал огромную коалицию южнорусских князей, и начались военные действия.

ПОХОД МСТИСЛАВА ВЕЛИКОГО НА ПОЛОЦК в 1127 г. Летописец подробно сообщает нам о военных действиях, и мы понимаем, что либо он сам в молодости участвовал в этом походе, либо черпал информацию от его участника (см.: *Алексеев,* 1966. С. 260, примеч. 80). "В то же Л-БТО (1127) посла князь Мстиславъ братью свою на Кривич* четырми пути: Вячеслава ис Турова, Андр-Ья из Володимеря, а Всеволодка из Городна и Вячеслава Ярославича исъ Кльчьска. Т-Ьмь повел* ити къ Изяславлю, а Всеволоду Олговичю повел* ити с своею братиею на Стр*жевъ к Борисову. И Ивана ВотЫпича туже посла с Торкы и сына своего Изяслава ис Курьска с своим полком посла и на Логожескъ, а другаго сына своего Ростислава посла с Смолняны на Дрьютескъ. Рекь имъ в одинъ день вс-Ьм пустити на воропъ месяца августа въ 4 день. Изяслав же ускори днемъ передъ братьею и зая люди от города, они же устрашившеся передашася, а Изяславци почаша битися с Вячеславомъ и с Андр-Ьемъ. Изяслав же перестряпъ два дни у Логожьска, иде пакы [И]зяславлю къ стрыема своима, водя с собою и Брячислава, зятя своего иже бяше пошелъ къ отцю своему, бывъ бо посред-Ь пути и острашивъся, не мога пойти ни сЬмо, ни овамо, и иде шюрину своему в руц* и Логожаны приведе, иже бяше велъ из Логожьска и виде-ьвши Изяславци князя своего и Логожаны, яже бес пакости суть переяти, и дашася, рекше Вячеславу: призови ны Бога яко нас не даси на щитъ. И бывшю вечеру Воротиславъ Андр'Ьевъ тысячьскый и Иванко Вячеславль въсласта отрокы сво* в городъ и свитающю ув-Бд-Ьвше вси вой тако взяша и нощи и едва Мстиславны товаръ ублюдоша и то с нужею, бьющеся и тако възвратишася со многым полоном. Потом же и Новгородци придоша со Мстиславичемъ со Всеволодомь к Неколочю. И тако [и] Полчане сътснувшеси, выгнаша Давида и с сынъми и поемше Рогволода, идоша къ Мстиславу, просяще и собь- князем. И створи волю ихъ Мстиславъ и поимше Роговолода ведоша и Полотьску..." (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 297-299).

По количеству участвующих войск, это был беспрецедентный поход в истории Полоцкой земли домонгольского времени. Основные соединения двигались на заменившие теперь Минск - Изяславль и Логожеск. Во главе были их сильнейшие князья - братья великого князя, которым были приданы два более мелких князя - гродненский и клецкий. На Логожеск шли дружины более мелкие, но и они, очевидно, представляли большую силу, так как состояли из личных войск великого князя, курян и торков. В противоположность силам, направленным на Изяславль, этими войсками командовал только один князь, правда, старший сын великого князя Изяслав. Логойск был в то время, по-видимому, вторым городом на южных рубежах Полоцкой земли; к тому же, взятие его открывало дорогу на Полоцк. На Стрежев к Борисову

двигались Ольговичи, а на Друцк - знаменитый впоследствии Ростислав Смоленский. Новгородцы опоздали и от Неколоча вынуждены были возвратиться. Расположение Стрежева вблизи Западной Двины по направлению Полоцка, по-видимому, объясняет, почему эти сильные князья, обычно враждующие с Мономаховичами, согласились идти на этот маленький город: дальнейшее движение на Полоцк было соблазнительным *(Алексеев,* 1966. С. 260).

Чем же объяснить, что киевская коалиция при явно выигрышном положении, пошла на переговоры с полочанами и Полоцк не был взят? Этот вопрос мне уже приходилось разбирать *(Алексеев,* 1966. С. 261). Причины, по-видимому, крылись в противоречиях в среде нападавших, для верности дела пригласивших Ольговичей. Этим последним было выгодно одним взять Полоцк, возле которого они уже почти стояли. Мономаховичи стремились этому помешать. Победило среднее направление: Полоцк вообще не брали, но свергли проштрафившегося полоцкого Давида и на его место посадили Рогволода-Бориса. О Рогволоде союзников просили полочане, он, следовательно, не был прямым ставленником тех или других, однако ему можно было диктовать свои условия. Рогволод-Борис был друцким князем, ему было выгодно сесть на великий полоцкий стол, хоть и ценою определенных условий осаждавших. На то, что условия такие действительно существовали, указывает летописная запись о том, что после смерти князя полоцкого Бориса-Рогволода (1129 г.), в следующем году (1130) "поточи Мьстиславъ Полотьскии княз-Ь съ женами и с д-ьтьми въ Гр-Ькы, еже преступиша хрестьное целование..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 293).

Нам неясно, что произошло в эти годы в Полоцкой земле, кого из полоцких князей пригласило полоцкое вече по смерти Рогводода-Бориса. Судя по тому, что среди изгнанных княжеских детей находился, как мы потом увидим, сын Бориса Рогволод-Василий, можно быть уверенным, что полоцким князем в 1129-1130 гг. был именно он, и он-то стал нарушать какие-то пункты крестоцелования своего отца 1127 г., за что и поплатились.

ПОЛОЦКОЕ КНЯЖЕСТВО В ПЕРИОД ВЫСЫЛКИ ЕГО КНЯЗЕЙ В ВИЗАНТИЮ (1130-1140). Трудно понять, каким образом была организована эта высылка, во всяком случае, она никакими военными действиями не сопровождалась. Видимо, поражение князей в 1127 г. было настолько сильным, что они уже не в состоянии были каким-либо образом сопротивляться и беспрекословно подчинились. Непонятно также, какие князья были высланы и, следовательно, до этого были в чем-то виноваты перед Киевом. Четыре имени дает Степенная книга - Ростислав, Святослав, Василий и Иван (ПСРЛ, 1908. Т. 21). Позднее мы узнаем о возвращении лишь двух Рогволодичей - Василия (очевидно, сына Рогволода Борисовича с именем тоже Рогволод) и Ивана. Кажется вероятным, что Ростислав - сын минского Глеба, во всяком случае другого князя полоцкого с этим именем мы не знаем.

Выслав полоцких князей, Мстислав киевский полностью завладел их владениями и "мужи свои посади по городомъ ихъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 295, 304). Что происходило после этого в стране до смерти Мстислава (1132) мы не знаем: летописцы как бы потеряли к ней интерес. Как нам удалось показать, походы на Литву и ятвягов киевских князей осуществлялись лишь тогда, когда полоцкие князья были ими каким-нибудь образом ущемлены; именно теперь Мстислав дважды ходил на Литву: видимо, дань с литовского населения была до этого прерогативой Полоцка *(Алексеев,* 1966. С. 264).

Надо сказать, что в Полоцкой земле в период господства Киева зрели какие-то подспудные силы, которым южнорусские князья противостоять уже не могли. Изгнав из Переяславля Юрия Долгорукого (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 301), новый киевский князь Ярополк Владимирович «посла по другаго Мстиславича [по Изяслава] в Полтескъ и приведе и с клятвою. Он же, оставивъ брата Святополка в Полотьск-ь и приде в Переяславль на Госпожинъ день. Полочане же рекше "лишается насъ" и выгнаша Святополка, а Василка посадиша Святославича». Итак, в Успение 15 августа 1132 г. киевский ставленник Изяслав был уже в Переяславле, в Полоцке в это время изгнали его брата и посадили "своего" князя, Василька, видимо, не последовавшего за своим отцом Святославом Всеславичем в ссылку, подобно детям Рогволода-Бориса и Глеба Всеславичей. Однако Переяславль не остался за Изяславом - обиженным оказался, очевидно, старший Мономашич, Вячеслав. Этот город был передан ему, а Изяслав получил земли дреговичей - Туровское княжество: "тое же зимы, - говорит летописец, - даша Изяславу Туровъ и Пинескъ к М-Ьньску. То бо бяшеть его осталося передьниъ- волости его..." (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 302). Таким образом, выясняется, что, уходя из Полоцка, Изяслав оставлял за собой лишь область минских дреговичей, на которую, видимо, не претендовал Василько. Любопытно, что, передавая обиженному (его вывели из Переяславля "с нужею") Изяславу это Минское княжение вновь (или оставляя его за ним) отдали в придачу к нему земли и остальных дреговичей. Отметим также, что во время княжения в Полоцке Изяслава (1130-1132) Полоцкая земля была восстановлена в прежних границах, ей вернули Минское княжение, отобранное с изгнанием Глеба (1117). Но с переходом Изяслава в Турово-Пинское княжество (1133) Минск и его княжество снова были отделены от Полоцка и на этот раз присоединены к Турову.

К Изяславу, понятно, у полочан и князя Василька добрых чувств не было: в 1137 г. Василько участвует в борьбе южнорусских князей на стороне противников Изяслава Мстиславича. "И не бе мира съ ними... ни съ смольняны, ни съ полоцяны, ни съ кыяны", сокрушенно восклицает летописец (НПЛ, 1950. С. 25, 210).

О Васильке летописи более не сообщают. Есть лишь сведения о трогательной встрече им Всеволода и Святополка Мстиславичей - новгородских князей-изгоев, проезжавших в 1138 г. Псков (Псковские летописи, 1955. Т. 2. С. 76, 77). Демонстрировалась, следовательно, антиновгородская политика полочан.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПОЛОЦКИХ КНЯЖИЧЕЙ ИЗ ВИЗАНТИИ. НОВЫЕ ВЕЯНИЯ. В 1140 г. с разрешения киевского Ярополка некоторым изгнанным княжичам (по-видимому, Рогволоду Борисовичу, его брату Ивану и, очевидно, Ростиславу Глебовичу) было разрешено вернуться в Полоцк, и они получили свои владения. Вокруг вернувшихся началась дипломатическая игра - перессорившимся южнорусским князьям было выгодно перетянуть их на свою сторону (см.: *Алексеев,* 1966. С. 265). Всеволод Ольговичь женит сына на дочери Василька - Васильковне, Изяслав Мстиславич выдает дочь за Рогволода Борисовича - друцкого теперь князя (сына Рогволода-Бориса Всеславича) (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 313, 314). Не случайно, видимо, по возвращени полоцких княжичей и князей (по Московскому своду 1479 г. высланы были "кривъские князи" Давид - полоцкий великий князь в недавнем прошлом, Ростислав, Святослав и "Рогволодовича два" - Василий и Иоанн - ПСРЛ, 1949. Т. 25. С. 31), в 1143 г. на полоцкую кафедру направляют епископа Козьму (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 314). В правление ставленника Изяслава Мстиславича митрополита Клима Козьма был в числе оппозиционных епископов, лишенных епархии. Он смог вернуться в Полоцк лишь по свержении Изяслава и, следовательно, Клима Юрием Долгоруким (1156). Видимо, назначение епископа в Полоцк - дело рук Ольговичей, все более проникающих в это время в его внутренние дела. Епископ антимономаховичской ориентации обеспечивал им поддержку и оппозиционно настроенного полоцким князьям (сторонникам Мономаховичей) духовенства.

Кто был полоцким князем в первые годы возвращения княжичей, сказать трудно. Не исключено (и даже вероятно) что это был все тот же Василько Святославич. Однако несомненно, что с 1146 г. полоцким великим князем становится князь друцкой линии - Рогволод-Василий Борисович *(Алексеев,* 1966, С.267).

БОРЬБА ДРУЦКИХ И МИНСКИХ КНЯЗЕЙ ЗА ПОЛОЦКИЙ СТОЛ. Середина XII в. - одна из самых бурных эпох домонгольской Руси. Экономический рост отдельных ее частей, укрепление их политической самостоятельности, возрастающая борьба князей за земли и власть - все это сильно расшатывало политическое единение Руси. Не чужда этой борьбе была и Полоцкая земля, князья которой не участвовали в общерусском княжеском коловращении, но, обладая своими полоцкими уделами, с самого начала XII в., мы видели, боролись за обладание великим полоцким столом.

Смерть Всеволода Ольговича киевского (1146) привела в движение всех русских князей, открыв им возможности борьбы за Киев. Среди феодальных верхов выделились две коалиции: Мономаховичи (временно с Давыдовичами, с одной стороны, и Долгорукий со Святославом Ольговичем - с другой). Лишь в 1154 г. Долгорукий получает, наконец, киевское княжение. Возвращение полоцких княжичей из византийской ссылки (1140) и их включение в общерусскую политическую жизнь не могло не поднять интересов летописцев к Полоцкой земле, и мы теперь узнаем о новых распрях династических линий полоцких князей - Рогволодичей друцких и Глебовичей минских, борящихся за обладание полоцким столом. О потомках Давыда сведений нет, возможно, их вообще не было или это были сплошь женщины. Первые столкновения произошли в 1151 г.: "яша полотчане Рогволода Борисовича, князя своего, и послаша М-Ьньску и ту и держаша оу велиц-ь нужи, а Гл-Ьбовича к собъ оуведоша и прислашася Полотьчане къ Святославу Олговичю с любовью, яко ИМ-БТИ отцемь соб-Ь и ходити в послушаньи его. И на том целоваша хрестъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 145, 146).

Итак, мы узнаем, что по возвращении полоцких князей из ссылки полоцкий стол был возвращен "законной" линии полоцких князей - потомкам друцкого князя Рогволода Всеславича, умершего на полоцком столе в 1129 г. (см. выше). Это и не удивительно: в 1146 г. на киевский стол сел Изяслав Мстиславич (внук Мономаха), ставший, как мы говорили, тестем сына Рогволода-Бориса Всеславича, Рогволода-Василия Борисовича. Он-то и позаботился о возведении на полоцкий стол своего зятя. Неясно, когда возвратился в Минск "Глебович" (т.е. Ростислав, сын минского Глеба) и на кого он теперь опирался, получив Минское княжение отца. К 1151 г. он, видимо, настолько укрепился в Минске, что начал борьбу за никогда не принадлежавший Глебовичам полоцкий стол! На кого же опирался недавно пришедший из Византии Ростислав? Почему полочане, изгнав Рогволода Борисовича, клялись в верности Святославу Ольговичу? Эти вопросы разъясняются, если обратить внимание на следующий текст Ипатьевской летописи: В 1149 г. в Киеве утвердился на столе Юрий Долгорукий. Если верить летописи, встречен он был с помпой: "множество народа выде противу (навстречу) ему с радостию великою". Следом за народом пошли клясться в верности и князья (Владимир Давыдович Черниговский и т.д.) Среди них был и престарелый Святослав Ольго-

вич, который укорил киевского князя: "Держиши отчину мою". Возможно (даже, по-видимому), Святослав считал себя более заслужившим то, что получил Долгорукий. На радостях великий киевский князь широко его одарил: Святослав Ольгович "тогда взя Курескъ и с Посемьемь, и Сновскую тысячю у Ислава, и Случьскъ и Клечьскъ и вси дрегович* и тако ся уладивше и разъ'Ьхашась...". (ПСРЛ. 1962. Т. 2. Стб. 384).

Летописец подчеркивает: "вси дрегович-Ь". На Руси помнили, как мы не раз говорили, что "минская тысяча" изначально состояла из дреговичей, следовательно, на нее имел права теперь и Святослав Ольгович. Однако в Минске был посажен Ростислав Глебович, являющийся, таким образом, в какой-то мере вассалом старейшего Ольговича. Вот отсюда-то, понимаем мы, и была сила Ростислава, а также и смелость, с которой он, видимо, сносясь с полочанами, начал подкапываться под полоцкого князя! Это же было временем, когда горожане в городах Киевской Руси необычайно усилились, могли по своей воле, на вече, прогнать того или иного князя и пригласить другого. Подобных примеров мы знаем много. В чем-то не сошелся с горожанами Рогволод Борисович. Вместо того, чтобы его просто согнать со стола, они его схватили и передали Ростиславу в Минск, где он и содержался "у велиц-ь нужи". Торжествующий Ростислав въехал в Полоцк (Минск занял, как увидим, его брат), а полочане послали делегацию к главному сюзерену минских князей Святославу Ольговичу "с любовью, яко ИМ'ЁТИ отцемь собiз"...

Что происходило в Полоцкой земле в 1150-х годах, при правлении Ростислава - неизвестно. Однако через восемь лет события политического характера вспыхнули в Полоцке с новой силой. Дело в том, что Рогволод Борисович сбежал из "великой нужи" в Минске и к кому же? Все к тому же Святославу Ольговичу, главенствующему во "всех дреговичах"! Нам совершенно ясно, что ситуация в отношении Глебовичей и его сильно изменилась, они чем-то были подорваны, Рогволод уже знал, что выдан он из Слуцка Минску не будет! Рассмотрим теперь подробно весь этот интереснейший летописный текст.

«Том же лъ-те (6667/1159) иде Рогъволодъ Борисовичь от Святослава от Олговича искать соб-в волости, поем полкъ Святославль, зане не створиша ему милости ему (так в тексте. - *Л.А.)* братья его, вземше под ним волость его и жизнь его всю. И при-Ьхавъ къ Случьску, и нача слатися ко Дрьючаномъ. Дрьючане же ради быша ему и при-бздяче к нему, вабяхут и к соб-6, рекуче: "ШГБДИ, княже, не стряпай ради есме тоб-ь, аче ны ся и д-Ьтьми бити зя тя, а ради ся бьемъ за тя. И выізхаша противу ему боле 300 лодии (людей. - *Л.А.)* Дрьючанъ и Полчанъ и вниде в городъ с честью великою. И ради быша ему людие. А Глъ-ба Ростиславича выгнаша и дворъ его разграбиша горожане, и дружину его, и приде Гл-Ьбъ къ отцю." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 493).

Из данного текста мы узнаем, что Рогволод Борисович, бежав из минского плена, обратился к Святославу Ольговичу с просьбой о помощи. Тот дал ему "полкъ Святославль" и направил в Слуцк - ближайший к Друцку город Святослава Ольговича. Дручане были, видимо, уже недовольны правлением ставленника минских князей Глеба Ростиславича, изгнали его, имущество дружины разграбили, и Рогволод Борисович занял свой Друцк. Однако он этим не ограничился, а начал добиваться, теперь уже полоцкого стола, послал верных людей в свой прежний стольный город. Летописец далее писал:

"И мятежь был великъ въ Полочске - мнози бо хотяху Рогъволода. Едва же установи людье Ростиславъ и одаривъ многыми дарами, и води я к хресту, а самъ иде съ Всеволодомъ и с Володаремъ и съ всею братьею на Рогъволода къ Дрьютьску.

Рогъволодъ же затворися в городи и бьяхуться кр-Ьпко, и много от обоих падаху. Дрьючане же укаривахуть много и створи миръ Ростиславъ с Рогъволодомъ и целоваша хрестъ межи собою, и прида волости Рогъволоду, и воротися Ростислаъ съ братьею въ свояси...» (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 494).

Как мы видим, на этом втором этапе борьбы Рогволода с Ростиславом пропаганда подосланных друцким князем в Полоцке удалась - там было много недовольных правлением Глебовичей. Утихомирить их удалось лишь подарками, подкрепляемыми крестоцелованием в верности. Собрав братьев с их воинами, Ростислав Глебович кинулся на друцкого князя.

Бой под Друцком результатов не дал, начались переговоры, в которых дручане в чем-то укоряли Ростислава (видимо, в своевольной политике его сына - друцкого князя). Святослав Ольгович больше не поддерживал Глебовичей, помог Рогволоду, и удержать его от дальнейшего похода на Полоцк можно было, как думал Ростислав, "придав ему волости".

Однако Рогволод удовлетворен не был - он считал себя законным наследником своего отца в обладании полоцким столом. Начался третий этап войны: Рогволод стал сноситься с Полоцком, где, как ему, видимо было известно, жители были недовольны восьмилетним правлением Глебовичей. Агитаторы его и здесь имели успех, и летописец писал:

«Том же лъ-те св'Втъ золъ свъ-щаша на князя своего Полочане на Ростислава на Гл-ьбовича. И тако, приступиша хрестное цъчлование (на том бо целовали бяше хрестъ к нему, яко "ты нашъ князь еси и дай ны Богъ с тобою пожити, изв-вта никакоже до тебе доложити и до хрестного ц-влования"). И тако, съступиша еже рекше и послаша в тайне к Рогъволоду Борисовичю Дрьютьску, реку-

че ему: "Княже нашь, съгр-Ынили есмь к Богу и к тоб-Ь, оже въстахомъ на тя без вины и жизнь твою всю разазграбихомъ, и твоея дружины, а самого емше выдахом тя Гл-Ббовичемъ на великую муку. Да аще ныне помянеши всего того, иже створихом своимъ безумиемъ и хрееrfe к нам ц-влуеши, то мы - людие твое, а ты еси нашь князь, а Ростислава ти емше, вдамы в ручЪ, а еже хощеши то створиши ему...". Рогъволодъ же цълова к нимь хрестъ на томъ, яко не помянути ему всего того. И отпусти я въ свояси». (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 494, 495).

Так начался третий этап войны между Рогволодом и Ростиславом Всеславичами. Однако кто-то из полочан предупредил Ростислава: "хотятъ ти яти!". Действительно, рассказывает летописец: «И начаша Ростислава звати льстью у братчину къ святей Богородици къ старей на Петровъ день - да ту имуть и. Он же -Ьха к ним изволочивъся въ бронЪ подъ порты и не см-Ьша на нь дьрьзнути. На утрии же день начаша и вабити к собъ\ рекуче: "Княже, поъ-ди к намъ суть ны с трбою р-вчи, псвди к намъ в городъ." Бяшеть бо князь в то веремя на Б-влцици. И рече Роетиславъ посломъ: "А вчера есмь у васъ былъ, чему есте не молвили ко мн-в? а что вы было р-Ьчи». Что отвечали ему, мы не знаем, только князь поверил горожанам и «безъ всякого изв-вта ъ-ха к ним у город. И се погна (ему навстречу) изъ города Д-БТЬСКИИ его... "Не "Ъзди, княже, в-Бче ти в город-Ь, а дружину ти избивають, а тебе хотять яти...". И ту воротися опять (князь) и съвъкупися весь съ дружиною на Б-Блчици И оттуда поиде полкомъ къ брату, к Володареви М-Бньску и много зла створи волости Полоцкой, воюя и скоты и челядью...»

Под дружиной, которую избивали в городе, следует понимать сторонников, ибо дружина в смысле военном находилась в Бельчицах, как мы видим. Этот этап военных действий оканчивается тем, что "послашася Полочане по Рогъволода Дрьютьску и вниде Рогъволодъ Полотьску месяца июля и свде на стол* дЪда своего и отца своего с честью великою. И тако быша ради Полочане!" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 496).

Рогволод Борисович сидел, таким образом, в Полоцке и утвердился там. Однако в Минске продолжали сидеть его заклятые враги Глебовичи, борьба с которыми кончена не была. Он начал большие приготовления к окончательному замирению их. Рогволод "съвъкупи многы: Пол чаны", два сына Ростислава Мстиславича, Роман и Рюрик, также, очевидно, воевода Внезд, смоляне, новгородцы и псковичи. Против Глебовичей хотел пойти и сам Ростислав Мстиславич, "но вороти и Аркадъ, епископ Новгородьскии, ида ис Киева". Вся эта армада двинулась "на Ростислава къ Мiзньску". Летописец продолжал:

"И придоша первое ко Изяславлю на Всеволода. Всеволодъ же затворися въ Изяславли и оступиша в город*. Всеволодъ же б-Ь имя великую любовъ къ Рогъволоду и на ту любовъ над-вяся, 1зхавъ к Рогъволоду поклонися. Рогъволодъ же въда Изяславль Брячиславу, того бо бяше отцина, а Всеволоду да Стръ-жевъ. И оттуда поиде къ М^ньску и стоя у М'Ьньска 10 днии."

Однако внезапно все кончилось, Глебовичи не были разбиты, а между князьями был заключен мир - "створи миръ с Ростиславомъ и хрестъ ц-Бловаша..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 496).

Как я уже указывал, текст статьи 1159 г., который мы читаем только в Ипатьевской летописи, в действительности заимствован летописцем-сводчиком из Летописца князя Святослава Ольговича, выделенного в составе Ипатьевской летописи М.Д. Приселковым (1940. С. 50, 51; *Алексеев,* 1966. С. 270). Тексты из этой летописи здесь даны мною очень подробно специально - это, несомненно, написано непосредственным участником событий. Перед нами - живая история Полоцка и его городов!

Тем не менее, борьба Рогволодовичей с Глебовичами продолжалась. В 1160 г. начался ее последний этап - шестой!:

1161г.: "Ходи Рогъволодъ ко М-Бньску на Ростислав(наго) Глебовича и створи с нимъ миръ и възвратися въ свояси..."(ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 512).

Не удалось Рогволоду покончить со своими кузенами-супостатами:

В 1162 г. "приходи Рогъволодъ на Володаря с Полотьчаны к Городцю, Володарь же не да ему полку в дне, но ночь выступи на нь из города Литьвою и много зла створися в ту ночь: ОН-БХ избиша, а другыя руками изоимаша множьство, паче изъбьеных. Рогъволодъ же вбеже въ Случьскъ, и ту быв три дни иде в Дрьютескъ, а Полотьску не смъити, занеже множьство погибе Полотчанъ. Полотчане же посадиша в Полотьски Васильковича" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 519).

Так бесславно кончилась эта длительная борьба! Кто такой Василькович мы не знаем, как не знаем, откуда происходил его отец, уже упоминаемый нами Василько. Большинство исследователей по какой-то непонятной традиции полагают, что город Василька - Витебск. Но это вряд ли так: в середине XII в. этот город принадлежал Смоленску, не упомянут он и среди городов Полоцкой земли (единственно) в 1127 г., где перечисляются все полоцкие города. Вполне возможно, что уже в это "раннее" время Витебск вновь, как до 1021 г., принадлежал смоленским кривичам.

Итак, в 1160-х годах на полоцком великокняжеском столе оказываются те самые Васильковичи, родитель которых не высылался из Витебска в Византию, в отсутствие братьев в течение 10 лет занимал полоцкий стол и, по их возвращении (1140), покорно освободил его для них. Однако вернувшиеся княжичи сильны не были, вопреки традициям их отцов, стремились к союзу с той или иной группировкой южнорусских князей. Вместе с тем их

разъедают внутренние усобицы, что расшатывает полоцкий стол. Возникло три враждебных коалиции: Полоцко-Витебская, ищущая поддержки у Ростислава Смоленского, Минская с их агрессивными Глебовичами и Друцкая. Ослабление княжеской власти немедленно отзывается на усилениии вечевого начала и, прежде всего в Полоцке. Трепеща перед минскими Глебовичами, Всеслав Василькович Полоцкий отдает Витебск соседнему Смоленску (1167), но Володарь минский захватывает Полоцк (1167), клянется в верности перед усилившимся теперь полоцким вечем и бросается в погоню за Всеславом, укрывшимся в Витебске. По ложному слуху о приближении якобы Романа Ростиславича Смоленского, боясь окружения, Володарь уходит в свои домениалъные, по-видимому, земли, а Давид Витебский посылает (он теперь уже на это имеет, видимо, права) Всеслава в Полоцк.

Связь со смоленскими князьями не проходит Всеславу Васильковичу даром - он все больше теряет свою самостоятельность, помимо Смоленска начинает зависеть от Андрея Боголюбского и идет с ним на Киев (1168 г., НПЛ, 1950. С. 220, 221; подробнее см.: *Алексеев,* 1966. С. 279), на Новгород (1169) и снова на Киев (1174 г. - "полотьским князем пойти повел* всимъ"; ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 574). Полоцк представляется теперь "лакомым куском" и для новгородцев: их князь Мстислав Ростиславич на весну 1178 г. "сдума с мужи своими, поиде на Полоцк на зятя своего на Всеслава..." (значит, Всеслав был породнен со смоленскими князьями путем женитьбы на дочери Мстислава, но это ему в данном случае не помогло, правда, поход новгородцев не состоялся благодаря вмешательству Романа Ростиславича Смоленского - ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 608; *Алексеев,* 1966. С. 279).

В 1175 г. Андрей Боголюбский пал жертвой боярского заговора. Общая ситуация изменилась, в 1179 г. умирает и враг полочан Мстислав Ростиславич Новгородский, а в 1180 г. - Роман Смоленский, основной защитник полоцкого князя. В Смоленске утверждается Давид Ростиславич. Политическая ситуация в корне изменилась: Всеслав Василькович Полоцкий теперь пытается опереться на сильнейшего - киевского князя Святослава Всеволодовича - Ольговича, с которыми потомки мономаха были всегда на ножах. Полоцкий княжеский центр Друцк, напротив, держит сторону Мономашичей, в частности, Давида Смоленского. В 1180 г. состоялся поход на Друцк большой коалиции князей, в которую вошли герой "Слова о полку Игореве" Игорь Святославич - новгород-северский князь, Ольгович, князь Ярослав Всеволодович, Всеслав Полоцкий и другие более мелкие полоцкие князья. У Друцка все они ждут, когда подойдет к ним из Новгорода киевский князь по дороге в Киев. В Друцке в осаде оказывается друцкий князь Глеб Рогволодич, с которым запирается с войском Давид Смоленский. Впрочем, Святослав Всеволодович лишь пугал осажденных: Давид, прорвав осаду, ушел в Смоленск, Глебу сопротивляться было бесполезно. Осада была снята (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 620, 621; *Алексеев,* 1966. С. 280-282).

Полоцкие земли в конце XII — начале XIII века

Летописи не слишком вразумительно сообщают о Полоцкой земле, ее городах и князьях этого времени. Видимо, до киевских летописцев доходило мало сведений. Несколько больше сообщений находим в Новгородском летописании, но и то только потому, что Полоцк находится то в мире, то в войне с Новгородом. Поэтому не всегда можно понять, кто же был князем в Полоцке в это неспокойное, как увидим, время. Под 1182 г. В.Н. Татищев (1964. Т. 3. С. 127) называет минского князя Владимиром, и это явно какая-то ветвь минских Глебовичей. Лаврентъевская летопись, сообщая о походе на Полоцк коалиции князей во главе с Давидом Ростиславичем Смоленским и его сыном новгородским Мстиславом (им помогали и полоцкие князья - Василько Володаревич Логожский и Всеслав, очевидно, Глебович Друцкий) даже не упоминает имени полоцкого князя. Вопрос о сопротивлении или не сопротивлении коалиции решает не князь, а полочане, которые и отдариваются "на сумежье" "с поклономъ и с честию" (1186 г., ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 403, 404). Нам ясно, что в это время Полоцкая земля крайне слаба и раздроблена, князь в Полоцке, видимо, низведен до нижайшего положения, все решает полоцкое вече, от Полоцка отпал теперь не только Друцк (как это было 6 лет назад), но и Логожеск с его Володаричами, очевидно, потомками минского Глеба (?). Полоцк, таким образом, оказывается во враждебном кольце с севера - новгородцев, с востока - смолнян. Изнемогая под этим натиском, в 1191 г. полочане вызывают новгородского Мстислава на Луки, но Мстислав с дружиной проходит, видимо, дальше Лук (на границе с Полоцкой землей легче диктовать условия полочанам) и "сняшася на рубежи и положиша межи собою любовь, яко на зиму всимъ снятися любо на Литву (что выгодно полочанам) любо на Чюдь" (что выгодно новгородцам). Поход на зиму состоялся, и можно думать, согласно условию, полочане в нем участвовали. (НПЛ, 1950. С. 230, 231). Поход на Литву, по-видимому, не состоялся (или в нем новгородцы не принимали участия, и новгородские летописи об этом молчат). Врагом полочан в это время оставался, видимо, соседний Смоленск, которому уже давно принадлежал Витебск. При походе Ярослава Всеволодовича Черниговского на Витебск полочане помогают Ольговичам против Давыда Смоленского (1195 г. ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 413). Но новгородцы все-таки - враги полочан, и осенью 1198 г. полочане, уже

сблокировавшись с Литвой, идут на новгородский город Луки "и пожгоша хоромы, а лучане устерегошася избыша в город-ь" (НПЛ, 1950. С. 238). В результате ответного похода новгороцев "(их) устр-Ьтоша полочане с поклономъ на озер* Каспл-ь, и вземше миръ".

Итак, мы видим, что ослабевший Полоцк всеми силами изворачивается между враждебными группировками соседей, но это ему помогает мало. В 1222 г., сообщает вторая Новгородская летопись, "Ярославци, смолняне взяли Полтескъ при князіз Борись и Глізб1з"(ПСРЛ, 1841. Т. 3. С. 38).

ОТНОШЕНИЯ ПОЛОЦКИХ КНЯЗЕЙ И ПОЛОЧАН С ОРДЕНОМ МЕЧЕНОСЦЕВ. Проповедь христианства, претендующая на максимальное распространение этого вероучения, влекла Орден в языческие дебри близлежащих Прибалтийских земель, народы которых истово сопротивлялись. Крестоносцы считали себя призванными к обращению язычников ради их же "спасения". Добиваться достижения этой "высокой" цели, по их мнению, можно было огнем и мечом. Впрочем, к этому они прибегали далеко не сразу. Епископ Мейнард - первый проповедник, спустившийся с корабля в стране ливов в 1186 г., не был вооружен, его окружали лишь привезшие его попутно купцы, и он направился прежде всего к "королю" полоцкому Владимиру для получения разрешения проповеди среди языческих данников Полоцка. Еще не предвидя будущей опасности, полоцкий князь ("король"), по свидетельству Генриха Латвийского (1938. С. 71), такое разрешение ему вручил. Как мы знаем, полоцкие правители были заняты ожесточенными местными распрями и взаимоотношениями с политическими группировками других земель, они не отнеслись серьезно к данному мероприятию, не поняли опасностей, которое оно за собой влекло. Как бы там ни было, дело епископа Мейнарда успехом не увенчалось. После его смерти в 1196 г. его сменили убитый через год епископ Бертольд (1197-1198) и, наконец, надолго утвердившийся епископ Альберт. Возведение последним в устье Западной Двины крепости Рига (1201) и блокирование тем самым жизненно важной для Полоцка водной артерии, не могло, естественно, не насторожить Полоцк. Заключение союза литовцев с Альбертом и последующее нападение на земгалов (1201) вынудило полочан к немедленным ответным действиям, заставившим литовцев отступить *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 81). Дальнейшее закрепление немцев в Ливонии, выразившееся в построении крепости Дюнамюнде (1202), все усиливающееся хозяйничанье их в подвластных Полоцку землях, населенных язычниками, и, наконец, учреждение папой специального Ордена Меченосцев со всей остротой ставило вопрос о данниках в Прибалтике, прежде всего о ливах. Именно так, кажется, следует понимать поход полоцкого князя Владимира на замок Икесколу (Икскюль), когда, как сообщает Генрих Латвийский, он прекратил осаду города не раньше, чем получил с ливов дань. Нападая тогда же на окрестности Риги (1203), герцигский князь (Герцике - провинция Полоцка на Западной Двине) совместно с литовцами, очевидно, выражал то же недовольство "пилигримами" *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 85).

1205 г. внес новые осложнения в жизнь полоцких князей: вернувшись из Европы со значительным пополнением "латинских пилигримов", епископ Альберт уже непосредственно угрожал наиболее западным полоцким городам Герцике и Кукенойсу. Полоцкие князья, как мы говорили, были слабы, и кукенойский князь Вячко (Вячеслав?) устремился не в Полоцк за подмогой, а в Ригу для заключения с Альбертом мира *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 92, 93). И все-таки полоцкий князь остается наиболее сильной опорой в борьбе с Орденом, что в равной мере понимают и данники Полоцка прибалтийские племена, а также и Орден. Действительно, в своей полоцкой резиденции полоцкий князь устраивает очные ставки ливских послов, жалующихся своему сюзерену на притеснения их Орденом, с представителями последнего, пытающимися "снискать у него дружбу и расположение", а вернее, нейтралитет в их отношениях с "обращаемыми в христианство" ливами (1206 г.; *Генрих Латвийский,* 1938. С. 94 и ел.).

Теперь полоцкий князь, осознав все, уже твердо стоит на стороне языческих ливов и в этом же году осаждает вместе с ними орденскую крепость, правда, так ее и не взяв *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 102, 103). Отступление полоцкого "короля" не могло не придать силы захватчикам, и в следующем году Генрих Латвийский с удовлетворением констатирует, что отныне "вся Ливония крещена". Если до этого колонизовали Ливонию, не входившую в непосредственные владения полоцких князей и лишь уплачивавшую им дань, то с 1208 г. вопрос встал о латгальских землях, непосредственно примыкавших к Полоцкому княжеству, часть которых по Западной Двине (княжества Герцике и Кукенойс) уже непосредственно принадлежала полоцким князьям.

Отношения Полоцка и Риги окончательно обострились. Еще в 1207 г. какие-то угрозы немцев по отношению к Кукенойсу заставили его князя Вячку разделить с ними пополам свои земли *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 107,103). Приступая к сообщению о захвате этого города, Генрих Латвийский, оправдывая действия Ордена, пишет о беспокойном характере Вячки, хорошем отношении к нему епископа Альберта и т.д. *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 114, 115). Нападение на этот ближайший к Риге русский город было совершено, Вячко вынужден был его поджечь и уйти в Русь (1208 г.). Его активно поддерживали данники Кукенойса - латгаллы и селлы, для которых полоцкая дань, не вторгавшаяся в их языческие верования, была, по-видимому, терпимее немецких требований.

После захвата Кукенойса наступила очередь и Герцике. Оправдывая нападение "пилигримов" на это второе полоцкое княжество, Генрих использует цитату из Библии, что, якобы, этот город "всегда был ловушкой и как бы великим искусителем для всех живших на этой стороне Двины крещеных и некрещеных" {*Генрих Латвийский,* 1938. С. 126). То есть город под властью русского князя был твердой защитой от действия немецких поработителей. Город был взят и выдан бежавшему из него князю Всеволоду в ленное владение. Это, впрочем, не помешало ему вести нелегальную войну с немцами и позднее, что кончилось новым и окончательным захватом города в 1214 г. *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 127, 128, 164).

Генрих Латвийский, как мы видели, все время называет неизвестного нам князя Полоцка ("короля"), некоего Владимира. Тот почему-то не поддержал своих западных вассалов, князей Вячко и Всеволода. В 1210 г. епископ Альберт, оказывается, посылает в Полоцк своего "брата-рыцаря" для переговоров о мире! Значит, до этого Владимир был в состоянии войны с Ригой {*Генрих Латвийский,* 1938. С. 136). Но сведений о конкретных действиях полоцкого князя источник не сообщает, а обвинений, предъявленных Всеволоду достаточно, чтобы понять, что немцы якобы защищают интересы Руси от его посягательств. Судя по Генриху Латвийскому, епископ Альберт соглашался на мир с Всеволодом в следующих случаях: "Если ты согласишься впредь избегать общения с язычниками... не станешь разорять землю с литовцами твоих русских христиан" и т.д. *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 127). Заметим также, что при столкновениях с немцами и Вячко не обращается к своему сюзерену в Полоцк, а идет на мир с Орденом, согласившись даже разделить с ним свои земли. Лишь позднее, восстав против Риги и ограбив тевтонов, этот князь посылает в Полоцк Владимиру богатые подарки - "лучших тевтонских коней, баллисты, панцири и тому подобное", как бы "замаливая грехи" *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 115). Мы понимаем, что самостоятельность феодальных князьков Полоцкой земли, контролирующих двинский водный путь, была в это время особенно велика, и князья-вассалы жили с Полоцком далеко не мирно - они пользовались слабостью полоцкого князя. Потребовались грозные события немецкой агрессии, чтобы заступничество Полоцка стало необходимым, однако князь Владимир отнесся к западнодвинским вассалам Полоцка, по-видимому, достаточно сурово[7].

[7] Предположение о вражде Владимира с западнодвинскими княжичами подтверждается тем, что Вячку позднее мы находим в Юрьеве (Тарту), куда он был посажен новгородцами и где был убит при взятии города крестоносцами (1224) *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 235-239; НПЛ, 1950. С. 61, 264). По-видимому, несмотря на подарки, полоцкие князья Вячко не приняли.

И все-таки, несмотря на внутренние распри, в начале XIII в. Полоцкое княжество было настолько крепким, что могло противостоять натиску Ордена, епископ Альберт перед Владимиром заискивал, и тот судил тевтонов и ливов, при походе Владимира на Гельм, рижане "боялись за положение (своего. *-Л.А.)* города, так как сооружения его не были крепки" *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 103), а однажды Альберт отпустил Вячку из захваченного города с подарками, очевидно, боясь мести Полоцка. В 1210 г. к королю полоцкому явились послы с попыткой выяснить, "не удастся ли добиться какого мирного соглашения с ним", и при этом Альберт соглашался вносить в Полоцк за ливов дань (тем самым ливы должны были быть обложены двойной или тройной данью!) *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 133, 136.). Как мне уже приходилось писать, в "Хронике Ливонии" есть фраза, которая указывает на причины такого стремления немцев найти доступ к полоцкому князю. В Полоцк посылался епископ Арнольд для примирения с князем и выяснения, "не откроит ли (он) рижским купцам доступ в свои владения". Очевидно в отношениях Полоцка с Ригой был такой момент, когда купцов в Полоцкие земли не пропускали *(Алексеев,* 1966. С. 286). В результате, нам удается понять и содержание недошедших до нас полоцко-рижских договоров. В первом договоре Владимир пропускал немецких купцов, не вмешивался в войны Ордена с эстами и другими языческими племенами, подвластными Полоцку. Орден сам собирал дань с этих племен и ту ее часть, которая соответствовала полоцкой дани прежнего времени, отдавал Владимиру в Полоцк. *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 136). Двойной гнет был язычникам невыносим, что откровенно признает и Генрих, указывая, что они неоднократно обращались к епископу с просьбой уменьшить поборы *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 145). При заключении второго договора (1212 г.) Владимир Полоцкий потребовал прекращения крещения ливов, что едва не привело к войне. По уверению хрониста, Владимир отдал Ордену ливов безданно (вероятнее, получив за это крупное "вспомоществление" *(Генрих Латвийский,* 1938. С. 152, 153).

Как мы видим, Владимир Полоцкий все время стоял перед необходимостью отступать перед Орденом (правда, так и не пустив его на свои исконные земли). Полоцким князьям в эти трудные годы никто не мог помочь: псковские князья опасались за участь своих прибалтийских язычников - эстов и т.д., понимали, куда двинутся орденские соединения, покорив данников Полоцка. И в самом деле: "после роталийского похода и покорения Дембита и Саккалы, вся Эстония стала враждебной Ливонии" (1215 г., *Генрих Латвийский,* 1938. С. 169). Не помогли и соседние смоленские князья, занятые борьбой Мономаховичей с Ольговичами и т.д. *(Алексеев,* 1980. С. 231. 1214 г. и т.д.).

Колонизовав ливов, окрестив латгалов и освободив руки соглашением с Полоцком, Орден двинулся на крещение эстов, и о Полоцкой земле хронист более не сообщает. Есть лишь малое известие, что в 1215 г. эсты умоляют полоцкого князя о помощи, тот собирается в поход, так и не состоявшийся из-за его смерти (1215 г.; *Генрих Латвийский,* 1938. С. 286).

КОНЕЦ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛОЦКИХ КНЯЗЕЙ. Как мы видели, первые до нас недошедшие договоры с Ригой 1210 и 1212 гг. были заключены в Полоцке полоцкими князьями и учитывали главным образом интересы Полоцкой земли. В договоре 1210 г., свидетельствует Генрих Латвийский (1938. С. 136), принимал участие и Смоленск в лице "Лудольфа, разумного и богатого человека из Смоленска". Значит, в это время торговые суда Запада продолжали плавать по Двине дальше Полоцка и достигали Смоленска.

В то время существовала уже и литовская угроза, вызывавшая, несомненно, опасения полоцких князей, которых "привлекала возможность использовать Орден против Литвы". Литовские "набеги на русские земли происходили все чаще (1124, 1225, 1226, 1229, 1234 гг.), охватывая все более обширные районы Новгородской, Полоцкой и Смоленской земель" *(Пашуто,* 1959. С. 372). Особенно страшным был поход Литвы на Русь в 1225 г.: "Тое же зимы воеваша литва Новгородьскую волость и поимаша множьство много... хрыстиан и много зла створиша воюя около Новгорода и около Торопча и Смолиньска и до Полтеска б-J бо рать велика... ака же не была от начала миру..." (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 447,448). Для предотвращения литовской опасности "первоначально выход видели в соглашении с Ригой и Ливонским орденом. Так родился русско-немецкий договор 1229 г., имевший силу для Смоленска, Полоцка и Витебска; так возник и псковско-немецкий договор 1228 г." *(Пашуто,* 1959. С. 373). Не забудем, что Русь была накануне татаро-монгольского нашествия. В этих условиях литовские князья меняют политику - набеги на русские города сменяются их прямым захватом. Главным врагом Литвы теперь были Владимиро-Суздальская и Галицко-Волынская земли. В 1239 г. Ярослав Всеволодович Суздальский изгоняет князя из Смоленска ("князя их изыма", ПСРЛ, 1856. Т. 7. С. 144). Упрочнение политических связей владимиро-суздальских князей с полоцкими выразилось в браке Александра Невского с полоцкой княжной. "Политическое значение этого брака было подчеркнуто тем, что его праздновали в Торопце - опорном пункте обороны от литовских набегов". Исследователь прибавляет, что в это время "в Витебске также сидели союзники суздальских князей" (1239 г., *Пашуто,* 1959. С. 376 со ссылкой на НПЛ, 1950. С. 77).

По свидетельству Волынской летописи, когда Миндовг захватил всю "Литовскую землю", он отправил жемайтских князей "на Русь воевать ко Смоленьску", обещая отдать им все, что они завоюют. Поход этот "затронул Полоцко-Витебские земли и северную часть Смоленщины" *(Пашуто,* 1959. С. 377). Литовцы были наголову разбиты объединенными силами суздальских, московских, тверских и др. "воев":"тое же зимы (1248 г.) оу Зупцева поб-ьдиша литву суждальскыи князи" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 472; 1856. Т. 7. С. 159).

В середине XIII в. полоцкие князья начинают все больше зависеть от литовских князей. В 1258 г. они совместно с литовцами выступают против Смоленска (смоленские князья еще в 1222 г. захватывали Полоцк - "Ярославици, смолняне взялъ- Полтескъ, генваря в 17 при княз* Борись и Гл-Ьб-Ь"; НПЛ, 1950. С. 263). В Полоцке, видимо, уже сидит литовский князь, названный летописью под 1262 г.: "Полочскый князь Товтивилъ", убитый в следующем году после убийства Миндовга ("распр-Ьвшеся о товаръ"). Частью наследства Миндовга была, видимо, и Полоцкая земля, которую и делили убийцы Миндовга. Попробуем представить, как происходил захват полоцких земель крепнувшим литовским государством.

ЗАХВАТ ПОЛОЦКИХ ЗЕМЕЛЬ ЛИТВОЙ. Мне уже приходилось писать о несомненной связи, и точнее даже зависимости, походов южнорусских князей в литовско-ятвяжские земли от отношений этих князей с полоцкими князьями в X - первой трети XII в. Киевские князья предпочитали тогда делать эти походы только тогда, когда у них были немирные отношения с полоцкими князьями. Из этого следовал вывод, что полоцкие князья сами были заинтересованы в получении дани с литовских племен *(Алексеев,* 1966. С. 263, 264). С 1180-х годов положение сильно меняется. Наши летописные источники все чаще сообщают о походах литовских войск в русские земли, начиная с Псковских и Новгородских земель. В середине второй половины XII в. (1162, 1180, 1198 гг.) литовские соединения еще принимают участие в борьбе князей Полоцко-Минских земель, однако начиная с XIII в. этих фактов уже нет. В Литве создавалось свое государственное объединение в форме феодальной монархии. "Литва, - пишет В.Т. Пашуто, - принадлежит к числу тех восточноевропейских стран, в которых этот процесс (борьбы за создание государства. *-Л.А.)* нашел более подробное отражение в источниках лишь на той стадии, когда развитие литовской монархии стало вопросом международной политики", т.е. тогда, когда эта борьба затронула соседние страны и там это отразилось в источниках. "Захват Белоруссии литовскими феодалами положил начало превращению небольшого Литовского государства в Литовское Великое княжество" *(Пашуто,* 1959. С. 368).

В 1252 г. "изгна Миндогъ сыновца своего Тевтевила и Едивида пославшомоу на воиноу со воемь своими на воиноу со Выконтомъ на Русь воевать ко

Смоленьскоу" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 815). Можно думать, что эти два князя, и дядя и Викинт, заняли на некоторое время попутные города: Полоцк, Витебск и Смоленск, но тогда это было временно. Как мы знаем, Житие Александра Невского, написанное в XIII в. и исправленное в XIVв. (представляющее "нерасторжимое сплетение героических и религиозных элементов" *(Кологривов,* 1961. С. 72), однако лишенное "доброословия" позднейших книжников" *(Ключевский,* 1988. С. 69), рисует нам борьбу этого князя не только со шведами и немецкими рыцарями, но и с литовцами, которым он нанес ряд поражений. Однако, в Полоцке все-таки утвердился, как мы говорили, князь Товтивилл, хотя Миндовг, натолкнувшись на сопротивление Даниила Галицкого, очистил Смоленск и Витебск. В 1258 г. "Приидоша Литва с полочаны къ Смоленьску и взяша Воищину на щитъ" (НПЛ, 1950. С. 310). Это князь Товтивил, владевший теперь Полоцком и "полочанами", устремился было захватить Смоленск (а затем разграбил Торжок). Надо сказать, что, женатый на сестре Даниила Галицкого, Товтивил принял православие, был союзником своего тестя в борьбе с возбужденной немцами Литвой, позднее признал власть Александра Невского, участвовал в борьбе последнего с немцами. В некрологической записи об убийстве Товтивила новгородский летописец именует его, как "добра князя Полотьского" и всецело на его стороне (НПЛ, 1950. С. 84, лишь в Синодальном списке, 1263 г.).

Так кончился древнерусский период Полоцких земель - они, как мы увидим, и Турово-Пинские земли надолго вошли в Великое Княжество Литовское[8].

Турово-Пинское княжество

Низинный рельеф местности и большая заболоченность значительной части ее территории были причиной того, что в древности здесь не было скученности населения. Оно мало передвигалось и веками жило на месте. "Основное население, осевшее в бассейне средней и верхней Припяти еще во времена дреговицкой колонизации, продолжало развиваться без особенных потрясений и неожиданностей, - писал А.С. Грушевский. - Оно было всецело русским, иноплеменная иммиграция была ничтожна. Русский характер носят географические названия и имена местного населения, встречающиеся в документах... Еврейский элемент, усиливающийся впоследствии, в XV-XVI вв. еще очень мал и сосредоточен исключительно в городе, где он совершенно теряется в общей массе русского населения" *(Грушевский,* 1901. С. 1-80). Так было в XV-XVI вв., а в интересующее нас время, XI-XIII вв., надо думать, вся страна была заселена только потомками пришедших сюда в более раннее время дреговичей, ассимилировавших, как и везде в Западнорусских землях местное балтское население.

"Но Туровская волость, - пишет А.Н. Насонов (1951. С. 55), - не была неотъемлемой частью Киевской волости, не слилась с Киевом так, как слилась с ним земля древлян. По подсчету Грушевского, Туровская волость в течение первых ста лет после смерти Ярослава около 40 лет жила отдельной жизнью, 60 лет - в соединении с Киевом, а с конца 50-х годов XII в. окончательно выделилась в роде Святослава-Михаила".

Границу Турово-Пинского княжества в последнее время определил П.Ф. Лысенко (1999. С. 13-14). Он выяснил, что его территория отличалась от территории племени дреговичей, основавших княжество. На востоке она проходила по правому берегу Днепра, где существовал туровский город Рогачев, на севере граница проходила южнее полоцких городов Друцка, Борисова, Логожеска (Логойска), Минска и Изяславля.

Северными городами Турово-Пинской земли были Случеск (Слуцк) и Клеческ (Клецк). В верхнем и средним Понеманье граница Турово-Пинских земель проходила первоначально южнее течения Немана. Здесь возникли туровские города Новогрудок, Слоним и Волковыск, окруженные, как свидетельствует П.Ф. Лысенко, дреговичскими курганными захоронениями. "Очевидно, в начале XII в. в этом регионе сложилось самостоятельное Гродненское княжество" (в 1127 г. здесь сидел, мы увидим, гродненский князь Всеволодко). Южная граница земли совпадала с линией, разграничивавшей в более раннее время дреговичей и древлян. Земли Турова удалялись на юг от левого берега Припяти довольно далеко и проходили несколько выше устья р. Стырь. Здесь были туровские города Туров, Давид-Городок, Нобель, Дубровница, Черторыйск и Степань (впрочем, последние два в XII-XIII вв. были туровцами утрачены). Западная граница земли проходила в Побужье, к которому, как полагает П.Ф. Лысенко, какое-то время относились города Дрогичин Надбужский, Мельник и Белз. В середине XII в. в этих западных землях усилилось влияние Владимир-Волынского княжества, к нему отошли города Берестье и Дрогичин Надбужский, где Владимиром Васильковичем были возведены и новые города: Каменец и Кобрин *(Лысенко,* 1999. С. 14).

---

[1] Вопросы политической истории Полоцких земель в конце XII - первой половины XIII в. недавно были детально изучены в интересном исследовании *(Богданов, Рукавишников,* 2002. С. 19-31), что избавляс і нас от необходимости разрабатывать поднятые там вопросы заново.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ПЕРВЫЕ ШАГИ ТУРОВО-ПИНСКОГО КНЯЖЕСТВА. Многие исследователи, говоря о начале Турово-Пинского княжества, рассматривают его как процесс освоения новых областей киевским княжеством. А.Н. Насонов указывал, что они (М.Д. Приселков, например) забывают при этом "процесс классообразования на местах" *(Насонов,* 1951. С. 21). Такой процесс, несомненно, имел место и в главном племенном центре дреговичей - Турове. Более того, о возникновении туровского княжения с утвердившейся там, по-видимому, племенной знатью, во главе которой стоял свой племенной князь, слабым намеком свидетельствует и летопись, указывая под 988 г., что в Полоцке сидел свой князь "Рогъволодъ", а в Турове - князь по имени Туры ("от него же и туровци прозвашася") (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 54).

Власть местных туровских князей кончилась, по-видимому, в 988 г., когда утвердившийся в Киеве Владимир Святой "посади Вышеслава в Нов-Ьгород-Ь, а Изяслава в Полотьск-ь, а Святополка - Туров-в" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 83). Все это были сыновья киевского князя (числом 12), которым было необходимо, материальное обеспечение. Археология подтверждает что древнейшие культурные отложения в Турове восходят к концу X - началу XI в. *{Лысенко, 191 А.* С. 45), а это подтверждает, что в это время город действительно существовал (и был, видимо, древнейшим и основным племенным центром большого племени).

Смерть Ярослава Мудрого (1054) внесла свои коррективы во владение Туровскими землями: в Турове, узнаем мы, теперь сидит уже не Святополк (названный после смерти Владимира Святого в 1015 г. "Окаянным"), а Изяслав Ярославич (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 150). Однако мы еще не знаем, каких размеров было тогда это традиционно называемое Турово-Пинским княжество, как далеко оно распространялось. Пинска, например, по данным летописи, еще, видимо, не было: он упоминается только, мы увидим, начиная с 1097 г., а культурные отложения на материке свидетельствуют, что жизнь в городе началась только в конце XI в. *{Лысенко,* 1974. С. 85). На рубеже XI-XII вв. здесь возник такой же сравнительно крупный город, как Слуцк, а также и Клецк и, вероятно, Рогачев *(Лысенко,* 1974. С. 150, 164, 171). Лишь надматериковый слой Берестья, упоминаемого впервые под 1019 г., начал откладываться на рубеже X-XI вв. *(Лысенко, 191 А.* С. 160).

По свидетельству П.Ф. Лысенко, города Турово-Пинской земли возникали в районах расположения "перегнойно-карбонатных почв, развивавшихся на карбонатных породах. На них возник Туров. А исключительно густо заселенное в настоящее время Пинское Загородье (междуречье Пины и Ясельды) является наиболее плодородным районом Пинского Полесья". Упомянутые выше появившиеся позднее Турова и Берестья Слуцк, Клецк и еще несколько позднее Несвиж и Новогрудок "возникли в районах очень плодородных, сильно и среднеоподзоленных почв, развивавшихся на лессовидных суглинках. Такого же характера почвы и в районе расположения древнего Мозыря. Следует отметить, - пишет П.Ф. Лысенко (1974. С. 195), что именно эти районы и были наиболее густо заселены в древности, о чем свидетельствует концентрация курганных могильников на прилегающих к городам землях" - все это основная территория заселения дреговичей. Что касается Берестья, города, возникшего одним из первых, то он обосновался в низменной, болотистой местности на малоплодородных слабооподзоленных почвах. Он являлся, полагает П.Ф. Лысенко, опорным пунктом славянской колонизации, "как и древнее Гродно" *(Лысенко,* 1974. С. 195), но обо всем этом речь еще будет впереди. Итак, специфика расселения людей и образования городов в Турово-Пинской земле, в отличие прочих Западнорусских земель, диктовалась природными условиями - низинной, постоянно затопляемой местностью и бесчисленными (знаменитыми Пинскими) болотами. Огромные безлюдные пространства сменялись рядом обильно населенных возвышенностей. Все это не могло не отразиться и на процессе городообразования - городских поселений здесь было гораздо меньше и возникали они позднее.

Святополк Окаянный, как мы знаем, в 1015 г. вероломно занял киевский стол, а в 1016 г., теснимый войсками Ярослава Мудрого, бежал "в ляхы", вернулся с их помощью, вновь захватил Киев и вновь под ударами Ярослава бежал, теперь к печенегам, вместе с ними бился с Ярославом на Льте, потерпел поражение, бежал (1019) и умер в "пустыне межю Ляхы и Чехы" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 98).

Таким образом, Святополк просто бросил свое княжение в Турове, кто там сидел после 1015 г. мы не знаем. С какого-то времени в Турове княжил Изяслав Ярославич (в 1054 г.: "Изяславу тогда Туров-Ь князящу" - ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 150). Он родился, как известно, в 1025 г., ему, следовательно, было 29 лет и по смерти отца надлежало оставить туровское княжение и возглавить киевский стол (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 105).

Что же такое Туровский удел? Каково его место среди других уделов Руси? Здесь следует набросать схему политических событий Руси середины XI - первой половины XII в.

1054 г. По ряду умершего Ярослава его многочисленные сыновья получают в Руси не только Киев, Чернигов и Переяславль, но и более дальние земли. Старший Изяслав, в частности, помимо киевского стола оставляет за собой Туров. "Но Туровская волость, - свидетельствует А.Н. Насонов, - не была неотъемлемой частью Киевской волости, не слилась с Киевом так, как слилась с ним земля древлян" *(Насонов,* 1951. С. 55).

1073 г. В этот год между Ярославичами начались распри. Заподозрив Изяслава в тайных сношениях с их главным врагом, Всеславом Полоцким, братья

сгоняют его с киевского стола, он бежит "въ ляхы", а Святослав занимает Киев.

1076 г. По поручению Святослава, сообщает Мономах в Поучении, он идет на помощь ляхам в их борьбе с чехами, где и "ходит" 4 месяца, а "оттуда - Турову, а на весну та Переяславлю, также Турову" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 159).

27 декабря 1076 г. умирает Святослав Ярославич. Видимо, прознав об этом, Изяслав с ляхами идет в Русь (умерший - инициатор его изгнания, со Всеволодом же он надеялся справиться). Всеволод встречает его на Волыни, уступает ему Киев, сам садится в Чернигове, а сыну Мономаху дает Смоленск.

15 июля 1077 г. Изяслав въезжает в свой Киев, своему сыну Святополку отдает Новгород, а второму сыну Ярополку - Вышгород. Неясно, в чьих руках Туров. Видимо, его Изяслав опять оставляет за собой.

1078 г. Обиженным остается Олег Святославич. Он пребывает у Всеволода в Чернигове, пытаясь, несомненно, от этого миролюбивого дяди получить какой-либо выгодный стол. Всеволод оказался непреклонным, и обиженный Олег 10 апреля бежит в Тмутаракань, где княжат князья-изгои, потомки рано умершего его дяди Владимира Ярославича. Там они поднимают половцев, ведут их на Русь. В битве на р. Сожице 25 августа войско Всеволода рассеивается, Олег и Борис Тмутараканский идут в Чернигов, а Всеволод бежит к Изяславу.

3 октября происходит знаменитая битва на Нижатиной Ниве. В ней гибнет Изяслав Ярославич. Олег с половцами бежит в Тмутаракань. Киевский стол возглавляет Всеволод Ярославич. Происходит очередное перераспределение столов: в Чернигове - Владимир Всеволодович Мономах, в Новгороде - Святополк Изяславич, его брат Ярополк получает Владимир Волынский, к которому *в "придачу" дается Туров.*

2 августа 1079 г. На Русь приходит с половцами Роман Святославич из Тмутаракани - он, видимо, тоже обижен рядом Всеволода. Происходит примирение со Всеволодом под Переяславлем. Половцы убивают этого тмутараканского князя, Олег Святославич схвачен хазарами, выслан на о. Родос (в "Слове о полку Игореве" он назван "Гориславич").

1088 г. Под этим годом снова упоминается Туров: "Того же л-вта иде Святополкъ из Новагорода к Турову жити" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 137). Судя по Новгородской первой летописи, Всеволод передал новгородский стол своему старшему сыну Мстиславу (ПВЛ, 1950. Т. 2. С. 415). Прежнего владельца Турова Ярополка в живых уже не было, он был убит в 1086 г. Очевидно, ему наследовал в этом городе брат Святополк, причем летописец подчеркивал, что он шел к Турову "жити" - видимо, и Ярополк, живший, надо думать, во Владимире, и Святополк, живший в Новгороде, предпочитали более крупные уделы.

24 апреля 1093 г., в день антипасхи, Святослав по смерти Всеволода Ярославича сел на киевский великокняжеский стол. Стол этот мог принадлежать и Владимиру Мономаху, но князь рассудил: «"Аще сяду на СТОЛ-Б отца своего, то имам рать съ Святославомъ взяти, яко есть столъ преже отца его былъ". И размысливъ, посла по Святополка Турову, а сам иде Чернигову» (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 143). Значит, в 1093 г. Святополк еще занимал туровский стол.

Летописная статья 1097 г. для нас особенно важна, так как там называются некоторые города Турово-Пинской земли, которыми владел, будучи еще и великим князем, Святополк. "Повізда ми Давыдъ Игоревичъ, яко: Василко (теребовльский князек. *-Л.А.)* брата ти убилъ (Ярополка. *-Л.А.),* и тебе хочетъ убити и заяти волость твою Туровъ и Пинескь, и Берестие, и Погорину..." (ПВЛ, 1950. Т. I.С. 174). Здесь называются города лишь южных, наиболее близких к Киеву земель, но для нас важно, что левобережье Припяти на большом расстоянии (как и правобережье - Погорынье) действительно входило в Туровскую волость. В кратком пересказе чужих слов (Давыда) более северные пункты - Рогачов, Слуцк, Клецк - не упомянуты: видимо, в конце XI в. они были малы, а последние два просто далеки от "Русской земли"[9].

Дальнейших сведений о Турове мы не встречаем вплоть до 1127 г., когда выясняется, что здесь сидит Вячеслав Владимирович - сын Владимира Мономаха (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 297).

Какие же выводы позволяет сделать наш обзор политических событий в Киевской Руси относительно Туровского удела? Прежде всего: существовал ли он на самом деле в размерах Туровско-Пинского княжества, или это просто "научная фикция" и в действительности "Турово-Пинская земля как отдельная единица со своей княжеской династией никогда не существовала"? - как полагал М.Н. Тихомиров (1956. С. 305). П.Ф. Лысенко отстаивает существование Туровской земли как отдельной самостоятельной единицы *(Лысенко, 191 А.* С. 10-15). К его аргументации можно добавить, что подобно многим другим восточнославянским племенам (кривичи, словене и т.д.) дреговичи "и род их" "держали почаша" "свое княженье", которое первоначально возглавлялось местной племенной знатью (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 13). Это было большое племя (тысяча), о котором нам сообщил летописец. Границы этого племени совпадали с

---

[9] Описывая решения Любечского съезда 1097 г. по своим источникам, В.Н. Татищев (1963. Т. 2. С. 110) уточняет города Туровско-Пинской земли, отошедшие Святополку: "Святополку с сыновцы, яко сыну и внукам Изяслава, - Туров, Слуцк, Пинск и все городы до Буга по оной стороне Припяти". Таким образом, источники В.Н. Татищева уже в это время относили Слуцк ко всей Туровской земле, которая была исконной землей Изяслава Ярославича и его потомков (как мы и указывали).

теми, которые мы установили выше для Турово-Пинской земли. Значит, племенное княжение дреговичей просуществовало до появления во главе Турова и, может быть, некоторых других раннефеодальных центров князей, захвативших власть в них из Киева. Они-то и явились родоначальниками нового феодального образования. Летопись, как мы видели, перечисляет центры, входящие в Турово-Пинскую землю. В основном они расположены по р. Припять - она ближе к Киеву, но это вовсе не значит, что в Туровскую землю не входили города более северные и, следовательно, более далекие — Слуцк, Клецк, Рогачов и т.д. Не следует удивляться и тому, что со временем Пинск стал отдельным княжеским уделом - эти же процессы "отделения" (феодального дробления) мы видели, например, и в Полоцкой земле по смерти Всеслава Полоцкого (1101).

Итак, самостоятельный Турово-Пинский удел, безусловно, существовал. Вопрос состоит только в том, что он не был столь самостоятельным, как, например, Полоцкая земля. Но там ситуация была совершенно особой: во главе страны со времен Владимира Святого там стояли его потомки, князья-изгои, которых он сам отправил из Киева в Полоцк. Это были князья - враги южнорусских княжеских родственников, князья-отщепенцы. Выгодное географическое положение земли на торном водном пути способствовало там гораздо более интенсивному экономическому развитию страны по сравнению с южным соседом - Турово-Пинским княжеством.

Турово-Пинский стол, весьма близкий к Южной Руси, не всегда имел руководителем одну и ту же княжескую фамилию. Однако эти земли обычно мыслились (во второй половине XI в., во всяком случае) за линией князей, идущей от одного из старших сыновей Ярослава Мудрого - Изяслава, Святополка и Ярополка, в частности, сыновей последнего, в чем мы только что убедились. Это княжество - удел с бесчисленными Пинскими болотами - не играло и не могло играть большой самостоятельной роли: население его было слишком бедным. К нему в Киеве так и относились. То использовали как базу для Мономаха, Олега и их немалых дружин (1076 г.), то "придают" Туров к владениям во Владимире Волынском и т.д.

ТУРОВСКИЙ КНЯЖЕСКИЙ СТОЛ В ЗО-е-60-е годы XII в. Мы увидим, что роль Туровского княжеского стола в это время мало изменилась. Чтобы убедиться в этом, снова прибегнем к схеме политических событий Руси.

1132 г. В ночь с 14 на 15 апреля скончался Мстислав Великий. Его киевское княжение наследовал брат Ярополк. Началось очередное тягание о столах. В Переяславле был посажен, было, переведенный из Новгорода Всеволод Мстиславич ("по отню повеленью"). Однако "до об-Ьда выгна и Гюрги (Юрий Владимирович Долгорукий, сын Мономаха. - *Л.А.),* "при-Ьхавъ с полком на нь". Через 8 дней и его выгнал из Переяславля Ярополк, он вызвал Изяслава Мстиславича из Полоцка (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 301-302). "Полный колебаний Ярополк, стараясь спасти эти земли для Мономахова племени, - талантливо разбирает всю эту запутанную ситуацию А.В. Поппэ (1966. С. 66), - в сомнении, кому угодить, с чьей силой считаться, той же зимой 1132/33 г. "уладися с братьею и да Переяславль Вячеславу"[10], а Изяславу дал остаток "передние волости его", Минск, добавив Туров и Пинск"». Опять это *добавление* Туровских владений к чему-то!

1134 г. Однако "тихий и скромный Вячеслав" (А.В. Поппэ) был недоволен своим уделом в Переяславле, на который постоянно целились другие князья, его тянуло в "тихий и скромный" Туров: "В ту же зиму выиде Вячеславъ ис Переяславля и иде опять Турову, не послушавъ брата своего Ярополка" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 302). Там сидел, мы говорили ранее, Изяслав, но Вячеслав "выгна" его, и тому ничего не осталось, как итти в свой Минск - "его переднюю волость" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 298).

1138 г. Туровцы в составе большой коалиции войск участвуют в походе на Чернигов. Вячеслав не назван, но, несомненно, именно он и возглавлял туровских "воев". В Чернигове сидел главный Ольговичь, князь Всеволод, и он был вынужден под давлением черниговцев просить у осаждавшей коа лиции мира (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 306; ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 301-302).

1139 г. Умирает Ярополк Владимирович киев ский, его великое княжение должно перейти по старшинству Вячеславу, и тот действительно зани мает Киев. Однако Всеволод Ольгович "с Вышгородци пристроивъся с бартьею своею и присылая к Вячеславу иди з добромъ из города. Он же, не хотя крови пролити, не бися с ними и смири и митрополитъ и оутверди я крестомь честнымъ и иде (Вяче слав) опять Турову" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 306-307).

1141/42 г. Происходит очередная раздача столов и в связи с этим очередные распри между Ольговичами и Мстиславичами. Если передача Новгорода Святополку Мстиславичу проходит безболезненно, то в южных землях Руси события кипят. Всеволод Ольгович киевский посылает войска из Киева

[10] Вячеслав был четвертым сыном Владимира Мономаха (Мстислав, Изяслав, Ярополк, Вячеслав, Святослав, Юрий, Роман, Андрей), родившимся, очевидно, около 1180 г. *(Кучкин,* 1984. С. 68-69). Его карьера началась с похода с половцами в Ростовскую землю на помощь Мстиславу, с которым они разгромили Олега и Ярослава Святославичей 27 февраля 1097 г. (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 170 и ел.). Таким образом, Ростовский стол, который занимал Вячеслав в 1097-1107 гг. *(Кучкин,* 1984. С. 71), был первым княжеским столом в жизни Вячеслава. В дальнейшем он много раз, мы увидим, сидел в Турове.

на Вячеслава к Турову: "С-БДИШИ в Кыевьскои волости [а] мн-Ь достоить. А ты иди Переяславлю в отчину свою" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 309). Здесь знаменательно: Туров в это время воспринимался как часть Киевской волости (куда Переяславль не входил!). Зная характер Ольговичей, Всеволод стремился не обострять отношения с Мстиславичами и дал брату Мстислава Владимировича Вячеславу Переяславль. Фразу "иди Переяславлю вотчину свою" мы понимаем: "иди туда, как в свою вотчину".

Конечно, Ольговичи были недовольны ("сыновец" Вячеслава Изяслав получал Владимир Волынский, Святослав Всеволодович - Туров). Возмущенные Святослав и Игорь Ольговичи ведут переговоры в Городце и клянутся в верности на кресте. Они не едут к Всеволоду Ольговичу на обед, где тот предполагает с ними примириться, а направляются прямо к Переяславлю. Под Переяславлем происходит мощное сражение, в котором принимают участие Ростислав Смоленский, движущийся в Киев, и Изяслав Мстиславич. Всеволод Ольгович киевский посылает брата для переговоров, предлагает города: Городечь, Рогачов, Берестье, Дрогичин, Клическ ("бол-в не воюйте с Мстиславичами!"). С помощью ловкого хода, разлучившего Святослава Ольговича и Игоря Ольговича, земли удалось поделить: Игорь Ольгович получал Берестье, Дорогичин, Вщиж Ормину (Черниговщина), Святослав Ольгович - Клецк и Чарторыйск "и тако разидошася". Одновременно с этим, Вячеслав "смолвяся съ Всеволодомъ [и] да Изяславу Переяславль, сыновцю своему, а Вячеслав иде в Туровъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 309-312). Вячеслав понимал, что в Турове усидеть было много проще, чем в привлекавшем многих крупном городе, Пеяславле.

Сидевший в Турове Ольгович Святослав Всеволодович был переведен киевским сюзереном во Владимир Волынский (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 310).

1144 г. Коротко сообщает летописец, что в Туров поставлен епископ "именемъ Акимъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 314).

1146 г. На киевском столе Изяслав Мстиславич. Новый передел столов. Святослав Всеволодович приведен к присяге, вместо Владимира Волынского он получает Бужьский, Межибожье, всего 5 городов. "Вячеславъ же се слышавъ, надеяся на старшинство, и послушавъ бояр своихъ, не приложи чести ко Изяславу, отъя городы опять, иже бяшеть от него Всеволодъ отъялъ" и даже пошел, к нашему удивлению, еще дальше: "Володимерь (Волынский, где ранее сидел Святослав. - *Л.А.)* зая" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 330). Это было уже слишком! Изяслав посылает Ростислава Смоленского и Святослава Всеволодовича на борьбу со своим "стрыем" (кузеном) Вячеславом. Кончается все печально для туровского князя: у него отнят Туров, изгнан епископ Аким (видимо, не поддерживавший туровского князя) и за то же посадник туровский Жирослав Яванкович. Туровским князем становится сын Изяслава Ярослав. Туровский удел все же остается за домом Мономаховичей.

1149 г. Киев захвачен Юрием Долгоруким, Изя слав бежал. Новым перерапределением столов не доволен Святослав Вееволодович. Он самовольно берет Курск с Посемьем, Сновскую тысячу Изя слава и (видимо, получает от Юрия) Слуцк, Клецк "и вси дрегович-Ь", т.е. Турово-Пинскую землю, во всяком случае, в ее северных частях (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 384). Вячеслав Туровский переведен в Пересопницу (ПСРЛ, 1927. Т. 2, вып. 2. Стб. 323). Он временно близок к Долгорукому и его сыновь ям: Он то брат, то "стрый" этого князя, а Пересопница - "Вячеславля волость" (ПСРЛ, 1927, Т. 1, вып. 2. Стб. 325, 326).

1150 г. Юрий Долгорукий пригласил Вячеслава на киевский стол. Однако «боляре размолвиша Гюргя и реша: "брату твоему Кыева не удержати"». Юрий согласился с ними, вывел сына Андрея (Боголюбского) из Вышгорода и дал его Вячесла ву. Тут Изяслав "выгна Гюргя ис Кыева", и чехар да продолжалась (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 326 и ел.). Следствием ее было то, что при киевском княжении какого-либо нового князя, часто менял ся князь и в Турове. Если в XI - начале XII в. это было не часто, то теперь это становится почти за коном. Так, при киевском княжении Юрия Долго рукого, в 1151 г. в Турове сидел уже Андрей Боголюбекий ("тое же осени да ему отець волость Ту ровъ и Пиньскъ, и Дорогобужь, и Пересопницю. Андр-вй же поклоншюся отцю и шедъ евде в Пересопници" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 329). Хара ктерно, что князь выбрал местом своего пребыва ния не Туров и Пинск, а земли по Горыни (Пересопница, Дорогобуж). Видимо, эти волости были более богатыми, чем вся принадлежавшая ему те перь Туровская земля по Припяти и, вероятно, се织 вернее (Слуцк, Клецк и т.д.).

1154 г. Как только в 1154 г. киевский стол в первый раз достался Ростиславу Смоленскому, при очередном дележе столов Туров достается Святославу Всеволодовичу - союзнику Ростислава, перед этим тайно от Ольговичей и Давыдовичей въехавшему в Смоленск (подробнее см.: *Алексеев,* 1980. С. 206, 207). Ипатьевская летопись сообщает: "Ростиславъ же рече Святославу Всеволодовичу, сестричу своему: се даю ти Туровъ и Пинескъ, про то, оже еси при'Ъхалъ къ отцю моему Вячеславу и волости ми еси соблюлъ..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 471). Здесь Туровская волость с Пинском давалась как награда за помощь Ростиславу: "наделяю тя волостию". Речь шла, следовательно, о Турово-Пинской земле в целом.

Однако, в том же 1154 г. Ростислав Мстиславич лишился Киева, а севший на его место Юрий Долгорукий при перераспределении столов дал Туров новому хозяину - своему сыну, до этого белгород-

скому князю Борису. Туров, следовательно, был много предпочтительней (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 345).

ТУРОВО-ПИНСКИЙ УДЕЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XII - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в. Рассмотрим политические события, связанные с Турово-Пинской землей в это время. Есть ли возможность утверждать, что теперь значение Туровского княжества в Южной Руси изменилось, или положение его постояно оказывалось нестабильным? Выстроим опять наш материал в хронологическом порядке.

1158 г. 15 мая 1158 г. князь киевский Юрий Владимирович Долгорукий, выпив что-то у "осменика у Петрила, в тъ день на ночь разболеся ... и преставися Киев-Ь". Новый великий князь Изяслав Давыдович с лучской, галичской и смоленской помощью напал на Туров, где теперь сидел Юрий Ярославич - сын того Ярослава Изяславича, которого мы видели на Туровском столе в 1146 г. У нападавших было желание передать Туров князю Владимиру Мстиславичу. В походе участвовали, как мы помним и полочане. Были сожжены окрестности Турова, около Пинска и "за Припятью" (очевидно, все то же Погорынье). Туровский князь умолял "взять его в любовь" (и, следовательно, не лишить его стола), но "Изяславъ того не въсхот-Ь, но всяко хотяше под нимъ взяти Туровъ и Пинескъ и стояша около города недель 10 и бысть моръ в коняхъ и тако ... възвратишася въ свояси" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 492). Здесь Туров и Пинск выступают как сравнительно мощные крепости, которые могли выдержать десятидневную осаду превосходящих сил противника.

1160 г. На киевском великокняжеском столе - Ростислав Мстиславич Смоленский. Георгий Туровский оказывается вовсе не так скромен: он идет из Турова к Путивлю. Летопись рассказывает о том, как ему сопротивляются выревцы, как оттуда он идет на Зартый и вновь возвращается к выревцам (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 505). Результат этого похода неизвестен. Зимой этого года "къ Турову на Гюргя" ходила новая коалиция князей: "Мьстиславъ Изяславичъ и Ярослав брат его Ярополк АндрЪевичь Володимиръ брат его Ярополкъ к Турову на Гюргя Ярославича и стояша полъ 3 недел-Ь и не въсп-Ьше ничтоже" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 510). Отсутствие знаков препинания затрудняет дословное понимание того, кто из князей был в походе. Мы видим лишь опять, что это не прежний Туров. Его взятие требовало, видимо, еще большего войска!

1162 г. Из записи этого года в летописи мы узнаем, что в Турове теперь сидит брат Ярослава - Святополкъ Георгиевич Туровский. Они участвуют в большой коалиции князей (Рюрик Ростиславич, Святослав Всеволодович с братом Ярополком, с Олегом Святославичем "и с Володимеричемъ и съ кривскими князьями"), которая направляется к Слуцку на Владимира Мстиславича. Владимир, увидав всю эту громадную силу, "дасть имъ миръ и Случьска съступи, а самъ иде Киеву къ брату Ростиславу, Ростиславъ же дасть ему Трьполь, ины 4 городи придасть ему Трьполю" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 521). Мне уже приходилось упоминать, что под "кривскими князьями" следует понимать минских Глебовичей (*Алексеев,* 1966. С. 273), хотя управляли они, надо сказать, землями, захваченными полоцкими князьями у дреговичей (*Алексеев,* 1998а. С. 104-111).

1167 г. Весьма короткая запись под этим годом сообщает о женитьбе сына галичского князя Ярослава Изяславича Всеволода на туровской княжне Малфриде Георгиевне (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 527).

1170 г. Иван Георгиевич из Турова входит в коалицию, собранную в Киеве князем Мстиславом (князья из Луцка, Дорогобужа, Овруча, Вышгорода) против половцев и вместе с нею идет к Каневу (возвращаются с богатой добычей - ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 539, 540). Святополк Георгиевич, Малфреда Георгиевна, Иван Георгиевич - все это, несомненно, дети Георгия Ярославича, туровского князя (однажды названного, мы видели, Гюргем Ярославичем, см. выше).

1174 г. Туровских князей, в самом деле, теперь было уже много, они по приказанию Андрея Боголюбского включены в знаменитый поход на Киев, причем в летописи сказано: "повел-Ь всимь и Туровськимъ и Пиньскимь и Городненскимь..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 574). Значит, в Туровской земле князья сидели уже в ряде туровских городов, и некоторые из них воспринимались как самостоятельные.

1188 г. Выгнанный Ярославом Галицким сын его Владимир, пытается найти пристанище у Романа Мстиславича Владимиро-Волынского, Ингваря Дорогобужского, у Святополка Туровского, но каждый из них "блюдяся отца его не да ему опочити у себе", он пробивается в Смоленск к Давыду Ростиславичу Смоленскому, чтобы дальше итти в Суздаль к Всеволоду Большое Гнездо - кузену. Он обрел покой только в Путивле, у зятя Игоря Святославича (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 633, 634). Это было "третье вынужденное путешествие Владимира Ярославича Галицкого в 1180-е годы" (*Рыбаков,* 1972. С. 152). Рассказ о нем нам показывает, как боялись князья Владимира, Турова и др. Ярослава Осмомысла! (но больше всего, показывает наш источник, на Руси боялись Всеволода Большое Гнездо!).

1195 г. Из этой статьи мы узнаем, что в Турове в эти годы сидел Глеб Георгиевич, на сестре которого был женат Рюрик Ростиславич, он и скончался здесь в марте этого года (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 694).

Мы вступаем в обозрение сведений о Турово-Пинской земле XIII в., и нас удивляет утверждение П.Ф. Лысенко, что "сведения о политической жиз-

Таблица 1. Упоминания городов Туров, Пинск и Берестье в летописях в первой половне XIII в. (ПСРЛ. Т. 1-8)

Туров	Пинск	Берестье
		1203*
	1204	
1207	1207	
		1213
1226		
	1227	1227
1228	1228	
	1229	1229
	1232	
		1235
	1240	1240
	1246	
	1247	
	1248	

Год летописной записи.

ни Туровской земли в XIII в. очень скупы. Раздробившаяся на удельные княжества и удаленная от крупных политических центров Туровская земля не могла оказывать влияния на политическую жизнь древнерусских княжеств" {*Лысенко,* 1974. С. 31; 1999. С. 15). Но верно ли это? Если верно, то только в отношении Турова (с которым автор, видимо, более всего имел дело). Действительно, Туров, неоднократно фигурировавший в наших основных восьми томах русских летописей, в XIII в. упоминается считанные разы, но Пинск только за первую половину XIII в. назван 12 раз (см. табл. 1). Таблица с очевидностью показывает, что, вопреки утверждению П.Ф. Лысенко, дреговичское княжество следует именовать не "Туровская земля", а "Турово-Пинская земля", ибо удельный город Пинск (если его можно так назвать) уже во второй половине XII и главным образом в XIII в. обогнал своего стареющего княжеского соседа - Турова, значение которого в политическом, да, видимо, и в экономическом смыслах стало ничтожным.

1207 г. Военный поход, в котором участвовали города Туровско-Пинских земель: "Поидоша Олговичи вси опять на Рюрика Кыеву. Всеволодъ Чермный с братьею и с своими сыновцы и ис Турова и ис Пиньска Стополчи и придоша до Дн-Ьпра и перебродишася противу городу Треполю и обступиша и бысть брань крепка з-Ьло бяше бо затворилъ в нем Ярославль сын Володимерича и стояша у него 3 недели и изнемогшим людемъ в град-ь предашася ему. Он же, омиривъ их, и устремися на Кыевъ и из Галича приде къ нему Володимеръ Игоревич. Рюрик же то слышав, оже идеть на нь рать бещисленая отовсюду... бежа ис Кыева..." (ПСРЛ, 1927, Т. 1, вып. 2. Стб. 429).

Как видим, князья Турова и Пинска опять ходят по чужой воле и в новых коалициях князей. Дальнейшие сообщения в летописи о Турово-Пинском княжестве и о Турове дают крайне мало, гораздо чаще фигурирует Пинск, выходящий теперь, видимо, на первое место (см. табл. 1).

1226 г. Волынская летопись, включенная в Ипатьевскую летопись, рассказывает: "Мьстиславъ дасть Галичь королевичу Андр-Ьеви, а самъ взя Понизье. Отоудоу иде к Торьцкому Мьстиславоу же Немомоу, давшу отчиноу свою князю Даниолови и сына своего пороучив Ивана. Иваноу же умершю и прия Лоуческ Ярославъ, а Черторыескъ Пиняне" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 750). Черторыйск, как мы знаем, был расположен в южных территориях Турово-Пинской земли, отторгнутых от нее в XII-XIII вв. *(Лысенко,* 1999. С. 13, рис. 1). Видимо, были моменты, когда в XIII в. он вновь принадлежал, если не Турову, то Пинску (оба княжества давно уже были разделены).

1228 г. Ростислав Пинский жалуется, что "Д-БТИ его изыманы", возможно, как полагает Н.Ф. Лысенко (1999. С. 261), Даниилом Галицким. В этот год туровцы и пиняне участвуют в осаде Каменца вместе с курянами и новгородцами ("обьсьдоша Камен-Ьць", ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 753).

1229 г. Владимир Пинский по указанию Даниила Романовича Галицкого, отправившегося в Польшу, остается в Берестьи с угровчанами (венграми) и с "берестьянами" оберегать "земл-Ь от ятвязь" (ятвягов). Владимир же, повествует летописец, "изиидие на нЪ (ятвягов. —*I.А.)* и Берьстьяне вси избиша ъ веЬ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 754).

Надо сказать, что набеги ятвягов на русские земли в эти годы стали повальным бедствием. «Цели ятвяжских походов на Русь... не вызывают сомнения, - писал В.Т. Пашуто. - Литовские земли находились на ранней стадии феодального развития. У всех народов этот этап истории связан с широкими грабительскими набегами. То же видим и здесь: "беда бо бе в земле Володимирстеи от воевания литовьскаго и ятвяжьскаго"» (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 721; Пашуто, 1959. С. 31). "Поскольку с Литвой совладать не удалось, вся тяжесть ответных ударов пришлась на ятвягов. Подчиняя их землю, русские князья брали заложников, строили здесь укрепления" *(Пашуто,* 1959. С. 32).

1240 г. В этот страшный для всей тогдашней Руси год, когда Киев был разрушен татарами, многие князья разбежались от них, двинулись по разным, не разрушенным Батыем городам. Так, черниговский князь Михаил "иде от оуя своего на Володим-Ьръ (с) сыномь своимъ и отоуда иде Пиньскоу (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 788).

1246 г. Литва воспользовалась смятением среди русских после похода на Русь Батыя. Ею был захвачен и разграблен Пинск, правда, Романовичи подоспели и отняли всю добычу у врага (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 797, 798): "и бысть радость велика во град-Ь Пиньск* о побᴦЬдᴦЬ Данила и Василка - весь бо пл-Ьнъ отъяста".

1247 г. Поход Литвы повторился, теперь - около М'Ьльниц'Ь и Лековнии", и "великъ пл'Ьнъ при-

яша". И снова князья Данил о и Василько гнались за ними и "гнаста и по нихъ до Пиньска и во Пиньски..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 798).

1248 г. Ятвяжские походы повторились в Пинскую землю (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 799, 800).

Отметим, что на Волыни и в Галиче в это время шли ожесточенные усобицы князей. По смерти Романа (1205 г.) осталось два его малолетних сына и Даниилу Романовичу лишь через 25 лет ожесточенной борьбы с соседними князьями и галицкими боярами удалось, наконец, утвердиться в Галиче и Киеве. При Батые он бежал к ляхам. Потом приходилось восстанавливать владения, укреплять города.

Во второй половине XII - начале XIII в. Турово-Пинская земля раздробилась. Появившиеся мелкие княжества: Туровское, Пинское, Слуцкое, Клецкое ослабляли мощь земли. Все эти мелкие владения немедленно попали под влияние более мощных соседей, в основном в зависимость от галицко-волынских князей. Боясь этой зависимости, турово-пинские князья стремились к контактам с только что образовавшимся Литовским княжеством, в частности, с Миндовгом, внезапная кончина которого (1263) полностью совпала со смертью Александра Невского и почти совпала со смертью Даниила Галицкого (1264). Лишь при Гедимине (1316-1341) в Турово-Пинском княжестве окончательно утвердилась власть литовских князей во главе с сыном Гедимина Нармантом, и лишь часть турово-пинских князей осталась при своих владениях на правах "отчичей". С 1320 г. Гедимин титуловал себя: "король литовцев и русских".

Нам теперь надлежит вернуться к ранее поставленному вопросу о характере Турово-Пинского княжества - действительно ли оно выделилось из состава Киевского государства "одновременно и на равных основаниях с княжеством Новгородским, Полоцким, Смоленским, Черниговским", как это утверждает П.Ф. Лысенко (1974. С. 13), что ему "среди феодальных княжеств Киевской Руси... принадлежит видное место" *{Лысенко,* 1999. С. 263), и насколько прав или не прав М.Н. Тихомиров, видевший в этом феодальном объединении лишь ученую фикцию? (см. выше). Крупнейшим исследователем образования территории Древнерусского государства "Киевская Русь" был А.Н. Насонов. Как он ставил этот вопрос в своем классическом труде *{Насонов,* 1951)? Мы видели, что отрицая полное вхождение Туровских земель в Киевскую волость (хотя в летописи, мы говорили, и это отрицалось), ученый все-таки понимал, что Турово-Пинское княжество управлялось южнорусскими князьями. Упорно настаивая именно на полной (!) самостоятельности этого княжества, П.Ф. Лысенко (1999. С. 255) отмечает, что от Владимира Святого Святославича и до вокняжения Всеволода Ольговича" (1140 г.) в этом городе сменилось 11 князей, 8 из которых владели одновременно Туровом. И это, по его мнению, не доказывает единения Турова с Киевом: "Владимир Мономах, будучи великим князем киевским, также владел Туровской землей, но не по праву принадлежности Турова к Киевской волости, а по праву силы, в политических целях лишив туровского престола его законного наследника Ярослава Святополчича. Особенно отчетливо самостоятельность и независимость от Киева Туровской земли прослеживается во время правления Ярославичей и Мономаховичей" *{Лысенко,* 1999. С. 255). Автор не замечает, что переходит здесь с вопроса о самостоятельности Туровской земли к вопросу о династиях, владевших ею. Он забывает, что киевский князь Изяслав был одновременно и князем Турова. Туровские князья постоянно менялись, своей династии там не было (она надолго не удерживалась). В Туров киевский великий князь сажал того, кого считал нужным (этого нет ни в Полоцке, ни в Смоленске). Это видно из следующей ниже таблицы перечня туровских князей домонгольского времени.

П.Ф.Лысенко, по-видимому, прав, предлагая следующую родословную турово-пинских князей, которые распадались на две линии: князей Туровских и Пинских *{Лысенко,* 1974. С. 31). Дадим общую картину:

Князья турово-пинские:
Изяслав Ярославич
Святополк Изяславич
(Ярослав Святополчич, не княжил)
Георгий Ярославич
Святополк Георгиевич (сестра - Ярослава, братья Иван и Глеб)

Туровские князья:	Пинские князья:
("ис Турова Святополчичи", 1204)	Ростислав (Ярославич? Ярополчич?)
("Князя туровские", 1274)	Владимир Ростиславич
	Федор, Демид, Юрий.

Как видим, все это гипотетично, но другой возможности источники не дают. П.Ф. Лысенко полагает, что "раздел Туровской земли произошел уже после смерти Юрия (Георгия. - *Л.А.)* Ярославича, где-то между 1167 и 1174 гг." *{Лысенко,* 1999. С. 261), и можно думать, что он прав.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП ДОМОНГОЛЬСКОЙ ТУРОВЩИНЫ. С середины **XIII** в. положение турово-пинских князей, как и всех соседних стран, сильно изменилось. Началась эпоха завоеваний русских земель немецкими, литовскими, татарскими "воями". Большая часть Руси, включая и Киев, была разграблена татаро-монголами. Решив осуществить поход для завоевания Европы (1235), племянник Чингисхана - Батый сын Джучи через Урал проник в Рязанские земли, разграбил Рязань (1237), двинулся в Ростово-Суздальское княжество, захватил и разграбил Суздаль, Владимир и другие города, 5 марта 1238 г. занял Торжок, но не дойдя

до Новгорода, повернул назад, прошел у восточных окраин Смоленской и Черниговской земель и, взяв Киев (19 ноября 1240 г.), направился в Западную Европу через Владимир-Волынский и Галицкие земли, разгромив их и поработив их население (1241).

Турово-пинские князья, несомненно, готовились к нападению татарских войск, но, по счастью, те прошли южнее. В 1243 г. на Волге была основана Золотая Орда. «Князья туровские и пинские были политически обособлены от Галицко-Волынской Руси, но к этому времени они находились (также как и брянские и смоленские) "в воле татарской", т.е. в зависимости от Орды» *(Пашуто,* 1959. С. 388). Это подтверждает и летопись (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 872. 1247 г.). Однако от монгольского разорения уцелели Полоцко-Минские и другие земли Белоруссии, Черная Русь (Новогрудок, Слоним, Волковыск), Гродненские, Турово-Пинские и Берестийско-Дорогичинские земли не были завоеваны татаро-монгольскими феодалами" *(Пашуто,* 1959. С. 375). Этим землям теперь грозил другой враг: немецкий Орден и Литва! Если Орден более всего имел дело, мы видели, с полоцкими князьями, то с Литвой - все три западных княжества Руси - Полоцкое, Турово-Пинское и, наконец, даже Смоленское, достаточно от Литвы удаленное. В.Т. Пашуто (1959. С. 32) дает такой ареал литовско-ятвяжских походов: "Новогородок - Слоним - Волковыск - Каменец - Дрогичин - Мельник - Берестье - Камен - Небль - Турийск - Комов - Червень - Луцк - Пересопница - Черниговщина - Брянск - Смоленск - Полоцк - Случеск - Копыль - Полесье - Турийск на Немане".

С 1240 г. и вообще с середины XIII в. положение турово-пинских князей, как и всей их страны, сильно изменилось. Начались войны с татарами, с одной стороны, и с крепнущими соединениями литовских князей - с другой (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 872, 873 и др.). О самостоятельности Турово-Пинских земель уже речи быть не может.

Перед нами, таким образом, прошли основные политические события, связанные с Турово-Пинским княжеством. По ряду причин, о которых мы говорили, оно не может быть включено в число наиболее экономически развитых княжеств Руси (как и в политическом отношении). Здесь мы расходимся с П.Ф. Лысенко. Развитие общественных отношений в дреговичском союзе племен в X в. привело, очевидно, к вызреванию государственного порядка, к созданию своей княжеской верхушки выходцев из родо-племенной знати, подобных князю Малу у древлян (здесь - некто Тур, давший наименование городу с этим полутотемическим именем). Туровское княжество начало формироваться, дань, исходившая от него, на севере вошла в соприкосновение с данью, исходившей из Полоцка, уже освоившего, мы видели, племя "менских дреговичей", и лесные пространства расчленили зоны интересов Полоцка и Турова, формировались, следовательно, границы. К сожалению, об этом интереснейшем времени мы знаем очень мало и скорее всего можем лишь догадываться. Очень рано, уже при Владимире Святом туровские племенные князья, как и племенные князья других княжеств, были поглощены Киевом.

Турово-Пинское княжество, сформировавшееся в низинных заболоченных местах левобережья Припяти, не было значительным, не даром развитие городов там шло много медленнее, чем в других землях, и возникновение Пинска отделяло от основания Турова почти сто лет! Княжество это не было лакомым куском для киевских князей, они его перебрасывали из рук в руки, дробили, присоединяли части к другим землям. Там не создалось даже устойчивой династии своих турово-пинских князей. Первый туровский князь Святополк Окаянный просто его бросил. В середине и второй половине XI в. там наметилась династия своих туровских князей - Изяслав Ярославич и его сын Святополк, ставшие со временем великими киевскими князьями, прочно удерживали Туровскую волость за собой, но потом, со смертью Святополка Изяславича (1113) и вокняжения в Киеве Владимира Мономаха и это прервалось. По его смерти в 1125 г. во второй трети - середине XII в. началась чехарда княжеских столов, в которую не замедлил попасть и Туров. С 1127 до 1142 г. на туровский стол пять раз возвращался сын Мономаха незадачливый Вячеслав. На Туровском столе побывали и Ярославичи (Изяслав, Святополк), и Мономаховичи (Вячеслав, Андрей Боголюбский и его сын Борис), и даже Ольговичи (Святослав Всеволодович). Однако надо сказать, память о том, что Туров когда-то принадлежал Изяславу Ярославичу, тянулась на Руси довольно долго. Она воскресла в конце 1150-х годов и создала подобие "законной" династии. В 1158 г. (может быть, 1159 г.), когда к Турову подступала сильная рать киевского Изяслава Давыдовича, мы узнаем, что в Турове сидит внук Изяслава Ярославича Георгий Ярославич и завоевать город не удалось, несмотря на то, что в войске участвовали "галичская помощь", Рюрик Ростиславич со смолянами, Ярослав из Луцка и Владимир Мстиславич (ему искали эту волость). Почувствовав силу, Георгий Туровский в 1160 г. двинулся на Путивль, его же в Турове осаждает 3 недели Мстислав Изяславич и тоже бесполезно!

Зачатки этой новой (старой?) династии борются за объединение расчлененного княжества: в 1162 г. Святополк Георгиевич изгоняет из Слуцка Владимира Мстиславича (претендовавшего недавно на Туров).

Вообще надо сказать, что о сыновьях Георгия Ярославича мы знаем очень мало, что отмечал уже П.Ф. Лысенко (1999. С. 260). Можно лишь понять, что в общерусских (южнорусских) предприятиях князей они участвуют очень активно. То Свято-

полк Георгиевич идет с Мстиславом Изяславичем на половцев (1162), то Глеб Георгиевич является в Киев по зову киевского великого князя Ростислава Мстиславича (1168), а Иван Георгиевич участвует в борьбе Мстислава Изяславича за великое княжение в Киеве (1170), в 1174 г. туровские князья участвуют в походе Андрея Боголюбского и его коалиции князей на Киев и, видимо, в его разграблении, в 1183 г. Глеб Георгиевич движется в походе Святослава Всеволодовича на половцев, в 1182 г. в Турове у Святополка был князь Владимир Галицкий, а в 1185 г. Глеб Георгиевич движется с другими князьями Руси на половцев. Через 10 лет он умирает, погребен в Киеве - он шурин Рюрика Ростиславича киевского (!). Турово-Пинская земля по-прежнему близка и даже зависит подчас от Киева! В 1207 г. все меняется - князья Святополковичи участвуют в походе против Рюрика и движутся из Турова и Пинска. В 1210 г. туровские князья поддерживают поход татар (!) на Литву и т.д.

Возможно, прав П.Ф. Лысенко, предполагая, что феодальная раздробленность вступила в свои права в Турово-Пинскиих землях при сыновьях Георгия Ярославича, и появились отдельные мелкие княжения: Туровское, Пинское и Дубровичское (дубровичским князем именовался какое-то время Глеб Георгиевич). "Точное время деления неизвестно, но в событиях 1174 г. названы князья Туровские и Пинский", - пишет он и заключает, что в XIII в. "раздробленная на удельные княжества и удаленная от крупных политических центров Туровская земля не может играть крупной роли в общественно-политической жизни Руси, находится вне внимания летописца и упоминается лишь в связи с событиями общерусского значения, в которых принимают участие туровские князья" {*Лысенко,* 1999. С.261).

Смоленское княжество

Несмотря на существование в Смоленщине с IX в. громадного торгово-ремесленного поселения - гнёздовского Смоленска, земли смоленских кривичей начали превращаться в образования государственного характера позднее и, по-видимому, иначе, чем земли полоцких кривичей. Связано это было, как кажется, с характером заселенности этих мест в древности, а заселенность, в свою очередь, - с географическими условиями их и прежде всего с очень большой залесенностью (Оковский лес), а также, по сравнению с Белоруссией, малым количеством "судоходных" рек в верховьях Волги, Двины и Днепра. Судя по курганным захоронениям, селений здесь было много меньше, и все они тянулись лишь вдоль рек, богатых рыбой. Главное движение через страну, таким образом, шло по Днепру с переходом на Ловать и в меньшей степени на Западную Двину, куда, как показали клады, больше всего переходили по белорусским притокам этих двух рек.

Анализируя летописи, А.Н. Насонов сопоставил полученные данные со скромными в то время данными археологии и показал, что рост смоленской княжеской территории, начавшись от Смоленска на его гнёздовской стадии, распространился на окрестности - уезды Поречский, Духовщинский, Дорогобужский, Ельнинский и Краснинский (изобилующие курганами). Так была создана, показал ученый, центральная территория смоленских кривичей - зерно, из которого первоначально без помощи Киева стало развиваться Смоленское княжение. "Нет сомнения, - писал А.Н. Насонов, - что в старом (гнёздовском. *-Л.А.)* Смоленске IX-XI вв. сложилась своя сильная феодальная знать, богатство которой раскрывает содержимое гнёздовских погребений. Она выросла на местном корню... Можно думать, что богатство и могущество этой знати держалось на эксплуатации зависимого и полузависимого населения. Она обогащалась и посредством примитивного обмена, о чем свидетельствуют многочисленные гирьки для взвешивания диргемов, обнаруженные на гнёздовском кладбище, нет сомнения также, что это была знать, организованная в военном отношении" *(Насонов,* 1951. С. 163). В гнёздовском Смоленске, таким образом, складывалось впервые на Руси первое надплеменное дружинное сословие *(Седов,* 1995. С. 375). Стоит ли говорить, что древнейшая история Смоленска на его гнёздовской стадии почти не освещена письменными источниками, обильные же археологические данные раскопок его городища и огромного курганного могильника до сих пор еще не получили солидного обобщающего монографического исследования. В летописи после легенды о призвании варягов рассказывается о воеводах Аскольде и Дире, которые "родом своим" отправляются по Днепру в Византию. Устюжский летописный свод дополняет: "Аскольд и Дир... поидоста из Новгорода... по Днепру к Смоленску и не явистася к Смоленску, зане град велик и мног людми" и датирует это предприятие 863 г. (ПСРЛ, 1982. Т. 37. С. 18). В летописце, изданном в 1819 г., как свидетельствует А.И. Насонов (1951. С. 161, примеч. 2), добавлено "и управлялся старейшинами". Никоновская летопись (ПСРЛ, 1965. Т. 11. С. 9) под 865 г. сообщает: "Воева Асколд и Дир полочан и много зла сътвориша". "Зло" это, мы знаем, отразилось в пяти кладах арабских монет с весьма близкой датой младшей монеты: клад у д. Кислая (под Смоленском) с уникальным брактеатом 825 г., клады в округе Полоцка - Поречье Плисского района (853/854 г.), Симоны Мядельского района (853/854 г.), клады, которые могли быть закопаны перед возвращением Ас-

колда и Дира от Полоцка к Днепру - у д. Добрино (841/842 г.) иуд. Соболеве (856/857 г.) - оба в Дубровенском районе Витебщины. «Как определилось преобладание "Русской земли" над Смоленском (эпохи Гнёздова. - *Л.А.),* - пишет А.Н. Насонов (1951. С. 161), - мы не знаем» и указывает далее на летописные легенды, которые дают немного. Из летописного рассказа мы узнаем о взятии Смоленска огромным войском Олега в 882 г. и о дани, которую он наложил на кривичей и другие покоренные им племена. Власть старейшин в гнёздовском Смоленске, видимо, сменилась властью киевских посадников, а племена "под Олгом суще", помимо уплаты дани, обязывались участвовать в походах Олега. И действительно: под стенами Царьграда в 907 г. смолняне, как и полочане и прочие участники похода, получили с этого города контрибуцию. Со времен Олега и Игоря, можно полагать, у Киева наладился со Смоленском тесный контакт, о чем свидетельствует и Константин Багрянородный (948-952) (см.: Памятники..., 1936. С. 60).

Если верить Витебской летописи, то, двигаясь на север, как мы помним, Ольга в 947 г. обошла Смоленские земли с запада по дуге, построила крепость на Витьбе и ушла на р. Мету, где создавала свои податные центры. Смоленщину она обошла, видимо, потому, что дань там получали другие, ей же были нужны "медвежьи углы". Вскоре начало создаваться Смоленское княжество с киевским князем во главе.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СМОЛЕНСКОГО КНЯЖЕНИЯ (1054). В нашем распоряжении есть какие-то туманные сведения, что во второй половине X в. в Смоленске сидел якобы ставленник из Киева - десятый сын Владимира Святого, Станислав, правивший там несколько десятилетий (умер в 1036 г.) и, кажется, без особого успеха, ограничиваясь лишь "сбором для Киева дани" *(Алексеев,* 1980. С. 195). Однако остается неясным, какую роль играл там киевский ставленник.

Одно несомненно, что по смерти Ярослава Мудрого (1054), Смоленск твердо стал княжеским городом, где княжил пятый сын покойного киевского князя - Вячеслав. Важно, что печать этого князя (Вентислава-Меркурия) найдена не в гнёздовском Смоленске (где найдена тамга Станислава), а в современном Смоленске *(Янин,* 1970. Т. 1. С. 16). Значит, в Смоленске произошли важные изменения - княжеская резиденция была уже на новом месте. Мы понимаем, что именно теперь были учреждены податные центры нового Смоленского княжества и оно постепенно, в соответствии с увеличением потребностей смоленских князей, должно было увеличиваться, а количество податных центров - расти. Не приходится сомневаться, что в "канцелярии" смоленского князя хранился подробный реестр всех княжеских доходов с указанием, сколько дани причитается с каждого податного центра ежегодно. Такие реестры были, несомненно, в каждой княжеской канцелярии, но до нас они, увы, не дошли.

На наше счастье, как мы помним, сохранился один документ XVI в., по которому можно представить, как составлялся такой реестр в Смоленске. Более того, удалось показать, что по остаткам такого реестра можно заключить, как росла податная территория смоленского князя, как увеличивалась территория всего княжества *(Алексеев,* 1974в; 1980. С. 43-52). Я имею в виду Устав Ростислава Смоленского, данный в 1136 г. вновь учреждаемой им Смоленской епископии, где перечисляются все ежегодные доходы смоленского князя и вычислена десятая часть их, которая уступается епископу *(Алексеев,* 1972; 1974в; 1980).

При картографировании податных центров[11], стало очевидным, что в их перечислении имелся твердый порядок. Сначала в него были включены 8 пунктов смоленского правобережья Днепра, расположенных к северо-западу от Смоленска (Вержавляне Великие, Врочницы, Торопец, Жижец, Каспля) и к северо-востоку (Хотшин, Жабачев, Вотори-вичи). Далее вошли волости левобережной Смоленщины (Шуйская, Дешняне, Ветская и Былев), лежащие в восточной и юго-восточной части Смоленской земли (без области вятичей). После этого в список вносились податные пункты уже вразброд: то расположенные в центре Смоленских земель (Бортницы), то снова на Пути из Варяг в Греки (Витрин, Жидчичи), то на левобережье Днепра в юго-восточной части земли (Басея, Мирятичи).

Уже П.В. Голубовский заметил, что в этот список включены пункты группами и каждая начинается с более крупной дани: Вержавляне Великие - 1000 гривен, Врочницы - 200 гривен, далее Торопец - 400 гривен и еще далее до Былева - 20 гривен и т.д. (см. кн. 1, с. 76, табл. 1). Однако этот сам по себе важный вывод, показывающий постепенность составления списка доходов, которым пользовался составитель Устава Ростислава 1136 г., на дальнейшие выводы П.В. Голубовского не натолкнул.

Обратим внимание на весь список доходов Ростислава: в нем Вержавск стоит на 34-м месте, а не следом за Вержавлянами Великими, что было бы логично. Очевидно, он приписан позднее, когда с него как с центра городского типа можно было получить отдельную от Вержавлян дань. Это наводит на мысль, что весь список действительно составлялся постепенно. Нам удалось, к тому же, против некоторых пунктов проставить точные даты: № 18-20-начало XII в., № 27 - 1116 г., № 28 - 1127 г., № 33 -1134-1135 гг. и весь документ - 1136 г. (см.: *Алексеев,* 1980. С. 44^4-6; см. также кн. 1, с. 76, 82). Составитель Устава Ростислава, видимо, положил перед собой весь список его доходов и, переписывая его в Устав, указывал 10% с каждого пункта, причи-

[11] Для этого были использованы данные П.В. Голубовского (1895) с поправками по И.М. Красноперову - Ження Великая, Солодовничи *(Красноперое,* 1901) и по В.В. Седову - Вержавск, Краен (1961. С. 22, рис. 3).

тающегося епископии. Древнейшая часть этого списка отражала начальный этап доходов князя, которые он получал при учреждении Смоленского княжества в 1054 г. Тогда княжение его было небольшим и состояло из 12 пунктов Вержавляне - Был ев (недаром здесь пункты обозначены в строгой географической последовательности). Смоленское княжество продолжало расти, и по мере его увеличения, теперь уже вразброд, приписывались новые податные центры - Бортницы и далее. Так, благодаря Уставу 1136 г. мы можем понять, как росло княжество с 1054 по 1136 г. (Об одной ошибке писца в этом тексте см: *Алексеев,* 1980. С. 46). Надо сказать, что аппетиты Ростислава по приобретению новых земель продолжали расти. В 1142 г. он двинулся к черниговскому Гомелю, взял "волость их всю", но был вынужден отступить (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 311-312). Дальнейшее расширение земель княжества надолго прекратилось.

Политические судьбы Смоленского княжества

Историческое прошлое Смоленского княжества, как, впрочем, и Турово-Пинского, сильно отличается от соседнего с ними Полоцкого. Его земли экономически были менее развиты. Если торговые пути пронизывали полоцкие земли с северо-запада на юго-восток в нескольких местах, и все это были ответвления Пути из Варяг в Греки, то здесь этот путь был лишь в западной части будущего княжества. В Смоленском княжестве основным двигателем прогресса экономики был лишь один, но зато огромный город - знаменитый "гнёздовский" Смоленск, аккумулирующий в себе все движущие силы страны. Сюда стекались товары, мы говорили, из Киева, Новгорода, Византии, Прибалтики. Оживленный торг способствовал широкому заселению земель у этого раннего Смоленска, на путях между Днепром, Ловатъю, Западной Двиной. Однако большая часть будущих смоленских земель была занята сплошными густыми лесами, в частности, Оковским лесом с весьма малым количеством населения, что будущим смоленским князьям не сулило больших доходов. В результате, Смоленское княжество твердо оформилось лишь в середине XI в., экономически и политически отстав от западного соседа почти на 60-70 лет. Лишь во второй половине XI в. возникла идея перенесения феодального центра из Гнёздова на новое место (что в соседнем Полоцком княжестве, по-видимому, было сделано к середине XI в., правда, городище Рогволода с гнёздовским Смоленском сопоставлять нельзя!).

ДРЕВНЕЙШИЙ СМОЛЕНСК ЭПОХИ СТАРЕЙШИН. Древнейшая история Смоленска почти не освящена письменными источниками, а имеющиеся сообщения, как правило, легендарны. В Повести временных лет (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 13-15) в конце легенды о призвании варягов говорится об Аскольде и Дире, которые с разрешения Рюрика, "с родом своим" отправляются в Киев через Смоленск и затем берут Полоцк (см. кн. 1, с. 44-47).

СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖЕНИЕ В КОНЦЕ XI - НАЧАЛЕ XII в. Положение в корне меняется со смертью Всеволода Ярославича (1093). Мономах отказывается от наследства отца - киевского княжения - в пользу старшего кузена Святополка Изяславича и возвращается в Чернигов. В Смоленске обосновывается, можно думать, Давыд Святославич, тоже его кузен. Во всяком случае, Давыда в 1095 г. в Смоленске осаждают Святополк и Мономах, недавно прогнанный братом Давыда Олегом Святославичем из Чернигова. Нападающие хотят прогнать брата-обидчика в Новгород, но новгородцы уже ведут переговоры с Ростиславом и требуют от Давыда: "не ходи к нам!" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 150). Он и возвращается в Смоленск. Тем временем Новгород достается сыну Мономаха Мстиславу, и на возвращение Давыда противники временно смотрят сквозь пальцы. Однако на следующий год, выгнав Олега из Чернигова, осадив его в Стародубе, Святополк и Мономах Черниговский диктуют условия: Олег Святославич должен идти к Давыду в Смоленск, а уж затем идти к Киеву "обряд положите" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 151, 168; см. также: *Алексеев,* 1966. С. 196, примеч.14). Смолняне Олега не приняли, и он вынужден был искать иного убежища.

Любечский съезд князей 1097 г. возвратил Смоленск черниговскому князю Владимиру Мономаху, и тот даже отстраивает на смоленском детинце - Соборной горе - храм Успения Пресвятой Богородицы (1101 г., ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 250). Основываясь на ряде остроумных сопоставлений, В.Л. Янин предположил, что перед Долобским съездом князей (1103) Смоленск перешел от Мономаха к Мстиславу, "Игореву внуку" (отчество неизвестно) - внуку того самого Игоря Ярославича, который умер в 1060 г. *(Янин,* 1960. С. 117 и ел.). Исследователь полагает, что Мстислав стал смоленским князем "на основании вотчинных прав, принципиально провозглашенных на княжеских съездах рубежа XI-XII вв." *(Янин,* 1970. Т. 1. С. 23). Он полагает, что полное имя смоленского князя было Мстислав Андреевич-Всеволодович (по О.М. Рапову, это сын Всеволода Игоревича, он указывает, что предположению В.Л. Янина противоречит В.Н. Татищев - *Рапов, 1911.* С. 202 и ел.). Если принять допущение В.Л. Янина, нужно будет допустить, что в конце жизни "Мстислав Игорев внук" почему-то уступил смоленское княжение (он умер в 1113-1114 гг.), а еще в 1113 г. Мономах вывел своего сына и посадил другого (см.: *Янин,* 1960. С. 122). Необъясненным остался и факт постоянной как бы причастности Мономаха к Смоленску тогда, когда этот город, по В.Л. Янину, ему уже не принадлежал.

Так, 7 мая 1107 г. в Смоленске умерла жена Мономаха Гита Гарольдовна *(Орлов,* 1946. С. 147, примеч. 72), в 1111 г. он перенес в смоленский собор чудотворную икону Богоматери Одигитрии *(Знаменский,* 1888. С. 31; *Редьков,* 1909. С. 19) и т.д.

В.Л. Янин высказал интересную мысль, что, подобно волынскому уделу, Смоленский удел по смерти Вячеслава (1057) и Игоря (1060) отошел к Киеву, и в нем сидели попеременно те князья, которых туда назначал великий киевский князь. Так, в 1068, 1073, 1077-1078 гг. им владел Мономах (в последний раз, как мы знаем, будучи уже черниговским князем), в 1095-1097 гг. (до Любечского съезда князей) - Давыд Святославич. После этого Смоленск снова примыкал к черниговским землям Мономаха, а незадолго до Долобского съезда и до конца великого княжения Святополка Изяславича (1113) там княжил, как сказано, внук смоленского Игоря Мстислав. По мысли В.А. Янина, смоленский удел по смерти его "законного" князя (Мстислава) стал выморочным. Завладев им еще при Мстиславе, Мономаховичи твердо держали удел при Мономахе (1113-1125) и его сыновьях Мстиславе (1125-1132), Ярополке (1132-1139), Вячеславе (1139) Владимировичах. "Стоило захватить великокняжеский стол Всеволоду Ольговичу (1136), как первыми его действиями оказались попытки искать под Ростиславом Мстиславичем - внуком Мономаха - Смоленска, а под Изяславом Мстиславичем - другим внуком Мономаха - Волынской земли, - пишет исследователь, - т.е. двух наместничеств, которые принадлежали не особым князьям, а представителям киевского князя" *(Янин,* 1960. С. 122).

Как видим, все это приходится реконструировать - у нас слишком мало сведений о Смоленском княжестве первых десятилетий XII в. Знаем, что в 1111г., как Киевский подол, Чернигов и Новгород, Смоленск горел, что в 1113 г. Мономах перевел из него сына Святослава в Переяславль, а в нем посадил другого сына - Вячеслава (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 20, 203). В 1116 г. Смоленск ошибочно назван вместо Минска. Интересны дополнения у В.Н. Татищева: в 1118 г. Мономах якобы "взял из Смоленска сына своего Глеба в Переяславль", а в 1121 г. он был со своими детьми в Смоленске "для рассмотрения несогласия и усмирения полоцких князей и некоторых других распорядков" *(Татищев,* 1963. С. 133 и 134). Это нежелание полоцких князей подчиняться Киеву (о нем мы говорили) в конце концов привело их к высылке в Византию (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 302). Но почему в Смоленске для их усмирения Мономах был с детьми и какими? Видимо, речь шла о вокняжении кого-то в этом,городе. Во всяком случае, краткость данного сообщения у В.Н. Татищева убеждает в том, что оно выписано из подлинного источника.

Со смертью Мономаха (1125) темные страницы политической истории Смоленска начинают значительно светлеть.

ПЕРВОЕ КНЯЖЕНИЕ РОСТИСЛАВА СМОЛЕНСКОГО В СМОЛЕНСКЕ (1125-1154). Смерть Владимира Мономаха привела, естественно, к перераспределению княжеских столов. На великое киевское княжение сел его сын Мстислав Великий (1125-1132). Ростислав Мстиславич, по-видимому, получил Смоленск, во всяком случае в 1127 г. он выступает как смоленский князь. Как мы говорили, неповиновение Мстиславу полоцких князей (до этого подчинявшихся, видимо, его отцу) привело к крупнейшему коалиционному походу южнорусских князей на полоцких. В этом походе должен был участвовать и Ростислав, выступивший со смолянами против Друцка. Нападение на полоцкие города было назначено на 4 августа 1127 г., однако, мы помним, не все князья подчинились решению напасть на полоцкие города именно 4 августа; вскоре поход был приостановлен, начались переговоры, и коалиция вернулась, свергнув Давыда Всеславича Полоцкого и заменив его братом Борисом.

Чем занимался молодой Ростислав в Смоленске в конце 1120-х - начале 1130-х годов, мы не знаем. У нас есть некоторые данные считать, что подобно полоцкому Всеславу (почти сто лет назад), Ростислав начало своей деятельности обратил на приращение смоленских владений и присоединил к Земле Прупой (Пропошеск), Кречут (Кричев), Лучин, Оболвь, Искону - словом все то, что вошло в список его доходов в самом конце перед 1136 г. Захватом земель радимичей, как показал А.Н. Насонов (1951. С. 171), а точнее, по нашей мысли, в 1127 г. были заложены основы княжеских владений - тех, что были в отдалении от Смоленска *(Алексеев,* 1976а).

Для характеристики страны и политики Ростислава этих лет нам важно летописное сообщение 1132 (по Бережкову, 1133 г.): "Ярополк посла Мстиславича Изяслава к братьи Новугороду и даша дани печерскы и от Смолиньска дар и тако крест ц-Бловаша..." (см.: *Кучкин,* 1969). Как предположил В.А. Кучкин, "дар" был выдан Ростиславом брату Изяславу по просьбе киевского Ярополка как бы в компенсацию за потерю Изяславом по вине Ярополка полоцкого, а затем и переяславского княжений, за что позднее Ростиславу была передана "суздале-залесская дань" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 302). Он не учитывает, что Ярополк дал все это Изяславу, посылая его "к братьи Новугороду", и в результате этой поездки "крест целоваша". Видимо, "печерские дани" и смоленский "дар" предназначались не Изяславу, а кому-то другому, с кем в результате и было заключено соглашение. Мне уже приходилось писать, что речь здесь идет, несомненно, о Новгороде и новгородцах - 1132 г. был в Новгороде бурным. Сменивший брата на киевском столе Ярополк Владимирович, перераспределяя уделы, дал старшему сыну умершего Мстислава Всеволоду Новгородскому (минуя

своих братьев Вячеслава и Юрия) Переяславль. Возмущенный Долгорукий "еще до обеда" выбил оттуда Всеволода, а возвращение последнего в Новгород вызвало там "встань великую". Усилиями новгородцев, псковичей и ладожан Всеволод был изгнан и т.д. *(Алексеев,* 1980. С. 198, 199). Ряд соображений привел нас к мысли, что вернуть на стол изгнанного по вине Ярополка Всеволода можно было, только обещав новгородцам помощь. Соглашение состоялось, и из Устья Всеволод был возвращен. Для реализации "вспомоществления" Ярополку, только что севшему на стол и запасов больших, видимо, не имевшему, пришлось делать заем в Печерском монастыре и в богатом Смоленске (по дедрохронологии, в 1132 г. там, правда, был неурожай *(Черных,* 1995. С. 173, рис. 49) и для получения "дара" требовались особые переговоры с Ростиславом. Наиболее подходящей кандидатурой для переговоров со смоленским князем и для вооруженной транспортировки продовольствия в Новгород оказался второй из потерпевших из-за Ярополка Мстиславичей брат Ростислава, Изяслав. Он только что потерял Полоцк, был только что посажен и тут же выведен (насильно) Ярополком из Переяславля, был явно недоволен добавленной подачкой к Минску Туровым и Пинском и жаждал лучшего удела. К тому же, судя по более поздним сообщениям, он всегда был в близких отношениях с Ростиславом. Не удивительно, что для данного поручения Ярополк избрал именно его *(Алексеев,* 1980. С. 199).

ОРГАНИЗАЦИЯ ЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРЫ В СМОЛЕНСКЕ (1136 г.). Одиннадцатилетнее правление Ростислава Смоленского привело его княжество, если не в цветущее состояние, то в весьма выгодное положение. В нем "следует видеть, - пишет А.В. Поппэ, - ловкого дипломата и мудрого правителя, который сохранял нейтралитет, когда его братья выступали против дядей... Когда чуть ли не по всей Руси чередуются на столах князья, спорят, воюют и мирятся, Смоленское княжество и его князь Ростислав Мстиславич остаются в стороне" *(Поппэ А.В.,* 1966. С. 68). Лишь в 1127 г. он был вынужден принять участие в коалиционном походе князей на полоцкого соседа и в том же году, по нашему предположению, ловко воспользовался ситуацией, когда Ольговичи были "утеснены", и несколько увеличил свои владения *(Алексеев,* 1980. С. 51, 52). Именно в эти годы у него, естественно, родилась мысль о необходимости учреждения в Смоленске отдельной от Переяславской (как было до сих пор) епископии.

Мысль эта была в свое время поддержана его отцом - Мстиславом Великим, но почему-то не осуществилась, видимо, потому, что жив был Переяславский владыка - епископ Маркелл, умерший 6 января 1134 г. После его смерти Ростислав снова поднял вопрос об учреждении Смоленской епископии и в этом преуспел, как мы знаем, в 1136 г. (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб.302; *Щапов,* 1963. С. 39). Первым епископом в Смоленск был назначен Мануил, грек.

Создание новой епископии было не простым делом. Прежде всего, здесь требовалось определить, на какие средства она будет существовать. Как мы видели, Ростиславу надлежало ежегодно передавать кафедре 1/10 часть своего дохода. Ростислав потребовал полный перечень своих доходов (начало которому было положено, мы показывали, еще в 1054 г.) и велел высчитать из каждого соответствующую сумму. Так возник знаменитый, дошедший до нас, Устав Ростислава 1136 г., о котором нам столько приходилось говорить.

Епископ получал теперь десятину от следующих поступлений князю:

1. Часть ренты, собираемой князем как верховным владельцем княжества, - полюдье, гостинная дань, перевоз, торговое, мыто, "передмер" и т.д.
2. Поступления от населения, "находящегося на следующей, по сравнению с облагаемым данью населением, ступени феодальной зависимости и иначе организованного - в виде сеньории" (передача сел и урочищ, в том числе дважды под именем "уезд княж").
3. Поступление от суда в двух видах: виры и продажи *(Щапов,* 1963. С. 41).

Епископия получала, таким образом, около 300 гривен, иерарх становился земельным собственником-феодалом, владеющим двумя селами с землей и особыми необщинными селами с изгоями и бортником, а также двумя дворами княжеских поставщиков - капустника и тетеревника и, наконец, ненаселенными землями, озерами и сеножатями *(Щапов,* 1963. С. 41). Со своей стороны, епископ издавал грамоту (на греческом языке ?), подтверждающую все то, что было сказано в княжеском уставе, и заверяющую, что в случае каких-либо осложнений со стороны епископа, князь может аннулировать это соглашение и все вернуть себе. Подобный документ при Уставе князя является единственным на Руси.

В данном документе епископ оставлял за собой также право передать епископию переяславской кафедре в случае каких-либо нарушений соглашения со стороны князя.

Таковы документы, ставившие новоприбывшего в Смоленск епископа грека Мануила в положение феодала.

СМОЛЕНСКОЕ КНЯЖЕНИЕ **ПРИ** РОСТИСЛАВЕ в 1140-х-1150-х годах. Учреждение епископской кафедры в 1136 г. свидетельствовало о растущей мощи смоленского князя и всего княжества в целом. В 1138 г. Ростислав участвует в коалиции князей (Ярополк Киевский, Юрий Долгорукий Суздальский, полочане с их князем Васильком) против Новгорода, где сидел Святослав Ольгович. 17 апреля тот изгнан, бежит через Смоленск (видимо, рассчитывая, что Ростислав еще

туда не вернулся, но был задержан и заключен в Смядынском монастыре). В Новгороде князья посадили сына Долгорукого Ростислава (НПЛ, 1950. Т. 1.С. 25, 210).

Со смертью Ярополка Киевского и вокняжения в Киеве Всеволода Ольговича (1140) борьба с Ольговичами опять накалилась. Смоленск оказался центром, где скапливались воины антиольговичской коалиции. Сюда бежал от новгородцев Святослав Юрьевич. Блокада Новгорода, где опять утвердился Святослав Ольгович, возобновилась. Взбешенный Всеволод Ольгович якобы даже "искаше под Ростиславом Смоленска" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. С. 307). Не выдержав борьбы с новгородцами, Святослав Ольгович бежал через Полоцк в свой Стародуб (1141). Заезд в Смоленск, видимо, придал ему силы (как я предположил, Ростислав предлагал ему отказаться от Ольговичей - *Алексеев,* 1980. С. 201). Между Ольговичами был вбит клин; этот удачный маневр, видимо, принадлежал Ростиславу. В 1142 г. мы застаем смоленского князя под Гомелем, где он "взя" "волость их (Давыдовичей, союзников Ольговичей) всю" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 311).

В первой половине 1140-х годов князья постоянно продолжают ссориться, лишь Изяслав Мстиславич твердо держится союза со своим братом Ростиславом Смоленским. Оба брата участвуют в новой коалиции, теперь уже против Всеволода Ольговича, рассорившегося с Давыдовичами. С ними - гродненские князья (Всеволодковичи). Получив контрибуцию 1400 гривен серебра, они делят ее между участниками (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 315, 316) - 1144 г. Через два года коалиция еще существует и движется на Галич (1146; ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 319).

После смерти Всеволода Ольговича (1146), после небольшой перипетии и по желанию киевлян с князьями в Киев въехал Изяслав Мстиславич, что сразу же возвысило роль Смоленска, где сидел его родной брат, который очень скоро был послан в Туров утихомиривать их дядю Вячеслава (его сопровождает ранее плененный, а теперь освобожденный Святослав Всеволодович) (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 330).

Начались бесконечные войны князей, объединявшихся в различные коалиции. В 1147 г. Юрий Долгорукий движется на Новгород, а Святославу Ольговичу указывает воевать земли Ростислава - он "ополонишася" голядью на Протве, входившей в земли Ростислава. В борьбе Мономаховичей с Ольговичами активно участвует и Смоленск на стороне, естественно, Изяслава Киевского. Заключив мир с Ольговичами и Давыдовичами, торжественно подписанный в черниговском Спасском соборе (1148), князья решают идти в поход на Долгорукого "едва ледо встануть". В походе на р. Медведицу участвует и Ростислав Смоленский, перед этим торжественно встретивший в Смоленске своего брата Изяслава. Поход не состоялся из-за измены Ольговичей и Давыдовичей. Разгневанный Долгорукий ("Тако ли мне чести нету в Русской земли и моим детям!") 24 июля 1149 г. ринулся через вятичей (кратчайшим путем на юг), соединился со Святославом Ольговичем и двинулся на Киев. По грамоте Изяслава, Ростислав с войском двинулся на помощь брату. В двухдневной битве (22 и 23 августа) под Переяславлем они были побеждены, Изяслав бежал во Владимир Волынский, Ростислав - в Смоленск, в русской столице утвердился Юрий Долгорукий.

Однако в следующем, 1150 г. Изяслав вернул себе Киев с помощью угров, возник дуумвират Изяслава с приглашенным на киевский стол из Турова Вячеславом - он был старшим братом Долгорукого, и это ослабляло претензии последнего на великое киевское княжение. Около Юрьева дня (26.XI.1151 г.) "смолняне и множество вой" (видимо, с новгородцами) заполонили Киев: дело в том, что там снова сидел Долгорукий, и снова он был изгнан, откатившись к Переяславлю. По требованию Изяслава, Юрий отказался от союза со Святославом Ольговичем и ушел на север. Святослав же Ольгович получил при Долгоруком Слуцк, Клецк и "вси дреговичи" (ему передаются и полочане - это, считает Б.А. Рыбаков, "не первый случай коммендации без феодальной связи" *{Рыбаков,* 1948. С. 126), о чем - ниже), теперь же от Изяслава Святослав Ольгович получает все владения Ольговичей.

Союз братьев Изяслава и Ростислава по-прежнему крепок, врагов можно ждать с разных сторон и они держат постоянный контакт: "Тамо, брате, у тебе по Боз-Ь Новъгородъ сильный и Смоленескъ, а скупивъея постерези же земл-6 своея. Юже Гюрги поиде на тя, а язъ к тобъ[1] пойду: не поидетъ к тоб-ъ, а поминеть твою волость, пойди же ты сЬмо ко мн'Ь", - пишет Изяслав в Смоленск (ПСРЛ, 1962. Т. 2. С. 455). Опасения оправдались: Долгорукий уже сносился со Святославом Ольговичем, "поминув" Смоленск. В Чернигов на помощь Изяславу Давыдовичу ринулся смоленский князь и "затворился" там вместе со Святославом Всеволодовичем. Выручил брата Изяслав со своим дядей Вячеславом - осада Долгорукого была отбита (см. подробнее: *Алексее,* 1980. С. 203-205). Для расправы с изменившим Святославом Ольговичем Изяславу не нужен был Ростислав, и тот писал ему, чтобы он со смоленскими и новогородскими воинами держал Юрия. О победе над изменником Ольговичем Изяслав срочно извещал брата (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 459, 461).

Что касается Новгорода, то в середине XII в. судьба его сложилась так, что он был в руках Смоленска. Это был период наибольшей силы братьев Изяслава Киевского и Ростислава Смоленского. Оба Мстиславича вмешивались в дела новгородской республики властной рукой, всемерно реставрировали там старые порядки, отмененные восста-

нием 1136 г. (см.: *Янин,* 1956а. С. 99), и лишь с их падением положение изменилось.

Все изменилось со смертью Изяслава Мстиславича (1154), когда Вячеслав и киевляне пригласили Ростислава Смоленского быть новым дуумвиром на великокняжеском столе, и Ростислав стал фактически правителем всех земель при престарелом дяде, но не надолго: претендентов на киевский стол было несколько. Едва успев провести "ряд" (Переяславль получал сын Изяслава Мстислав, Святослав Всеволодович - Туров), Ростислав пытается присоединить и Чернигов, но приходится возвратиться в Киев для нового "ряда" - умер Вячеслав. Здесь он был осажден коалицией Долгорукого, объединившегося с Давыдовичами и Святославом Ольговичем, а также с половцами. Киев окружен, вырвавшийся из него Ростислав бежит в свой Смоленск ("разбегоша князи и дружина Ростиславля и Святославля (Всеволодовича), и Мстиславля (Изяславича)". Под самим Ростиславом "на первом же поскоц-Ь лет-fe под ним конь, Святослав же сынъ его, то видав, и съскочи с коня и заступи отца своего и поча ся бити и за ним скупися дружины н-Ьколико около его и ту яша ему конь" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 475). Так спасен был сыном отец, переправившийся затем ниже Любеча через Днепр и кружным путем вернувшийся в свои владения.

Началось последнее пятилетие правления Ростислава Смоленского в Смоленске (1154-1159). Отсутствие Смоленской летописи, которую держал в руках В.Н. Татищев, крайне затрудняет выяснение вопроса, что делал этот выдающийся смоленский правитель в своих землях. Об этом мы можем, увы, только догадываться. Мы можем только с известной долей вероятия предполагать, как уже говорилось, о том, что после совместных с братом Изяславом Мстиславичем походов стали возникать некоторые укрепленные пункты Смоленщины, например, Дорогобуж, Василев и Краен *{Алексеев,* 1980. С. 128-131) и др.

Отметим еще одно политическое мероприятие Ростислава последних лет правления его в Смоленске. В 1155 г. он вошел в тесный контакт с рязанскими князьями. Князья эти всегда страдали от Суздаля, понимали свою слабость и пытались объединиться с сильным соседом с запада. Уже в 1147 г. Изяслав Мстиславич просил брата Ростислава использовать их в борьбе с Юрием Долгоруким (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 347, 482; *Монгайт,* 1961. С. 343), но в 1152 г. последний, видимо, принудил их идти против Ростислава на Чернигов *(Монгайт,* 1961. С. 343). Теперь же, в 1155 г. рязанские князья блокировались с Ростиславом Мстиславичем и "зряху на Ростислава имахути и отцем собе" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 482). Вполне возможно предположение, что именно в это время был возведен в Рязани Успенский собор, почти повторяющий Борисоглебский собор в Смоленске на Смядыни *(Монгайт,* 1955. С. 91).

В эти годы в летописи появляются сообщения о возросших сыновьях Ростислава Смоленского: в 1158 г., например, Рюрик Ростиславич движется в коалиции князей на Туров. Походом предводительствует Изяслав Давыдович. Рюрик возглавляет "смолнян", очевидно, смоленский полк отца. Они отвоевывают туровский стол у Владимира Мстиславича, он также в одной коалиции с полочанами, отколовшимися от Ростислава Глебовича, в то время полоцкого князя, свергнувшими его после туровского похода и принявшими Рогволода Борисовича (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 493 и ел.; *Алексеев,* 1975. С. 235).

Любопытно, что в 1159 г. смоленские князья решают оказать помощь Рогволоду в борьбе за полоцкий стол: Ростислав посылает туда двух сыновей - Романа и Рюрика, смолнян, новгородцев и псковичей. Князь и сам намеревался туда двинуться, но его отговорил новгородский владыка Аркадий, проезжавший тогда через Смоленск в Новгород. Мы видим, что смоленский князь по-прежнему необычайно силен (хоть киевским столом уже не владел). Он вмешивается в дела несмоленских князей, держит по традиции брата сторону друцкого (потом полоцкого) князя Рогволода Борисовича.

В 1159 г. фортуна вновь поворачивается к смоленскому Ростиславу. Дело в том, что во время сложных политических перипетий между южнорусскими князьями, из Киева бежал Изяслав Давыдович, и 22 декабря 1158 г. городом завладели племянники Ростислава Мстислав и Ярослав Изяславичи. Великий киевский стол должен был принадлежать старшему Мстиславичу - Ростиславу. Так и произошло: Ростислав сел в Киеве, его сын Роман - Смоленске (1159).

Наступившее восьмилетнее правление Ростислава Смоленского в Киеве (1159-1167) имело для смоленского князя огромное значение. Пример Полоцкой земли, раздираемой по смерти Всеслава Полоцкого его многочисленными сыновьями, был достаточно поучителен. В Смоленской земле все было не так: ее главный князь в последние годы управлял самим Киевом! В его власти было передать земли своим сыновьям.

Своего старшего сына Романа он посадил в Смоленске, одного из младших (Мстислава) - в Торопце, остальных же он приложил старания наделить владениями вне пределов своего "фамильного" княжества. Так, Святослав оказался в Новгороде, Рюрик - в Овруче, Давыд - в Новом Торгу, а затем - в Витебске и, наконец, в Вышгороде под самым Киевом. "Владения смоленских Ростиславичей, - писал Б.А. Рыбаков (1971. С. 138), - острым клином спускались с севера на юг, как меч, направленный на Киев. Острием меча был Вышгород в 18 км от Киева, принадлежащий Давыду Ростиславичу и бывший главной стратегической опорой смоленских князей на юге". Однако при неблагоприятных обстоятельствах все эти князья не теря-

ли своих домениальных владений и в Смоленске. На эту возможность возвращения князей в Смоленск и дележа смоленских домениальных владений в 1174 г. указывал разгневанный Андрей Боголюбский. Ростислав умер в 1167 г.

В эти времена на Руси отчетливо обрисовались три мощные силы: Андрей Боголюбский, сидевший в Суздале, Ростиславичи, распространившие свою власть на Новгород, Смоленск и города под Киевом, и киевский Мстислав Изяславич. Обстановка постоянно накалялась. Перемена князей в Киеве придала бодрости новгородцам, тайно собиравшимся против своего князя Святослава. Предупрежденный, он укрылся в Смоленской земле и перебрался к Боголюбскому. Новгород оказался блокированным, в 1168 г. новгородцы с трудом пробрались в Киев к Мстиславу ("на Вячка и Володаря" - через земли в Герцике и Кукенойс в Прибалтике; НПЛ, 1950. Т. 1. С. 32, 219). Новгородцы мстили полочанам, не дойдя 30 верст до Полоцка (подробнее см.: *Алексеев,* 1980. С. 216 и ел.).

Крупную роль играли смоленские князья в трехнедельной осаде Киева, кончившейся его падением 12 марта 1169 г. Они согласились на вокняжение в Киеве (видимо, по воле Боголюбского) Глеба Юрьевича (вскоре умершего), так как в Новгороде садился "на святаго Иерофея" (4 октября 1970 г.) Рюрик Ростиславич, передавший свою волость брату Давыду (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 33, 222). Овруч братья, следовательно, не теряли.

В 1173 г. еще можно было говорить о равновесии сил. На киевский стол взамен умершего Глеба сажали Романа Ростиславича Смоленского, а стол в Новгороде Рюрик освобождал сыну Боголюбского Юрию. В июле 1174 г. Романа встречали в Киеве с большой торжественностью, с крестами и хоругвями и всем высшим духовенством. Через Смоленскую землю, где сидел теперь Ярополк Романович, возвращался еще в 1173 г. Рюрик с семьей, и на Лучине у него родился сын, получивший этот город в свое владение...

Долго ли могла продолжаться дружба победителей Ростиславичей с Андреем Боголюбским Суздальским? Вскоре "равновесие" (как мы сказали) кончилось. Андрей начал "вины покладывати на Ростиславичей", требовать выдачи существующих якобы отравителей его сына Глеба. Их отказ вызвал его необузданный гнев: "не ходиши в моей воле съ братьею своею, - писал он Роману, - а пойди с Киева, Давыдъ исъ Вышгорода, а Мьстислав из Белгорода! А то вы - Смоленскъ! А там ся подЪлите!" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 569, 570). Угроза была сильна, Роман вернулся в Смоленск, остальные же Ростиславичи уйти отказались. В Киев вошел брат Боголюбского Всеволод. Ростиславичи шли на мировую с Андреем, тот же не учел, что они все-таки сильны. Ночью Ростиславичи ворвались в Киев, схватили ставленников Суздаля и провозгласили киевским князем Рюрика Ростиславича. В конце концов, на Ростиславичей двинулось 50-тысячное войско во главе с сыном Андрея Юрием. Двухдневная битва (особенно ожесточенная на Рождество Пресвятой Богородицы 8 сентября 1173 г.) показала, что судьба от Боголюбского от вернулась: они "поб-Ъгоша внересъ Дн-впръ и много от вой их потопе" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 577). Но вые переговоры с Боголюбским о киевском сто ле для Романа Ростиславича (не "запятнавшего" себя непослушанием суздальскому князю) задер жались из-за колебаний Андрея, просившего по дождать вести от братьев из Руси, но 29 июня 1174 г. он был, как известно, убит (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 580-595).

Второе княжение Романа Ростиславича кончилось в Киеве также внезапно, как и началось, в 1176 г. (подробнее см.: *Алексеев,* 1980. С. 219). Однако Ростиславичи продолжали прочно держаться в "Русской земле" в непосредственной близости от Киева: Давыд по-прежнему в Вышгороде, Рюрик - в Белгороде. В Киеве вокняжился Святослав Всеволодович (1177).

После убийства Андрея Боголюбского в Ростово-Суздальской земле начинается обычная в таких случаях полоса борьбы за княжеский стол, отразившаяся в Новгороде вокняжением суздальских Ростиславичей - малолетнего Святослава и затем его отца Мстислава Ростиславича. Изгнанные из Новгорода, Мстислав и его брат Ярополк Ростиславичи в 1177 г. пустились в "политическую спекуляцию" (В.Л. Янин): они, якобы ослепленные Всеволодом, переметнулись в Смоленск, где і Смядынском монастыре чудесным образом про зрели (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 35, 224, 225; *Янин,* 1962 С. 107). После ряда перипетий, изгнав возвращен ных было князей, новгородцы ввели к себе Рома на Ростиславича, однако вскоре он вернулся Смоленск и направил в Новгород своего младшеп брата Мстислава Храброго - ярого противник суздальцев. Тот въехал под колокольный звон Новгород, успел совершить победоносный похо на непокорную чудь, оттуда - в Псков, где по же ланию псковичей снял сотского (своего племянш ка). Зиму провел в Новгороде, на весну собиралс в поход на Полоцк, желая отомстить своему зяті полоцкому Всеславу за обиду, нанесенную боле ста лет назад дедом последнего тоже полоцки Всеславом, который в 1066 г.(!), напав на Новг< род, "взялъ Иерусалимь церковный и сосуды ел жебны-Ь, и погоетъ одинъ завелъ за Полтеск Мстиславъ же все то хотя оправити Новгород скоую волость" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 607). Одн ко он был остановлен своим старшим братом Р маном Смоленским: тот выслал сына Мстисла для помощи Полоцку, а брату на Луки приел; гонца с требованием: "обиды ти до него н-втоуп но же идеши на нь, то первое пойти ть на мя. (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 609). Это было в 1179 г. в 1180 г. болезнь сразила Мстислава Храброго.

14 июня 1180 г. его не стало. В Новгород был посажен сын Святослава киевского Владимир, в Смоленске вокняжился Давыд Ростиславич.

Среди русских князей оставалось три враждебных (иногда внутренне) княжеских силы: Святослав Всеволодович, которого так воспел автор "Слова о полку Игореве" и ненавидели летописцы как сюзерена Ольговичского гнезда *{Рыбаков,* 1949. С. 94 и ел.), смоленские Ростиславичи и далекий Всеволод Большое Гнездо в своей Ростово-Суздальской земле. С Ростиславичами существовало у киевского князя "крестоцелование". Усиленный "приобретением" Новгорода (где сидел его сын), Святослав отправил сына Глеба на помощь воюющим с Суздалем рязанским князьям, а тот попал к Всеволоду в плен. Нужно было идти на выручку, а тут - Ростиславичи!: "Слышавъ же Святославъ (о пленении сына. - *Л.А.)* располізся пгЬвомъ и раждься яростью и размысли во оуміз своемь, река: яко мъстилъся быхъ Всеволодоу, но не лз-б Ростиславичи. А те ми во всемь пакостять в Роускои земл-Ь" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 614). Действительно, может быть, Ростиславичи и соблюдали еще крестоцелование с киевским князем, но их владения, как мы видели, были действительно в "Русской земле" под самым Киевом! Страшно было, видимо, оставить Киев и броситься через леса выручать сына в Суздальской земле! Ростиславичи могли войти в Киев немедленно! А тут подоспел еще и соблазн: "в то же время ходяшеть Давыдъ Ростиславичь по Днепру в лодьяхъ, ловы д'Ья, а Святославъ ходяшеть по Черниговьской сторон-Ь, ловы д-Ъля противоу Давыдови и тогда Святославъ, сдоумавъ с княгинею своею и с Кочкаремь[12], милостьникомъ своимъ, и не повед1> сого мужемь своимь л-Ьпшимъ доумы своея и абье (внезапно. - *Л.А.)* оустр-Ьмився Святославъ на рать, (вспомнив) про Гл-Ьба, сына своего, и не оудержався, от ярости перестоупя креетъ и пере-Бха чересъ Дн-Ьпрь и помысли во оум-в своемь: яко Давыда имоу, а Рюрика выженоу изъ земл-Ь, и примоу единъ власть Роуською и с братьею и тогда мыцюся (отомщу) Всеволоду обиды сво-Ь..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 614, 615). Дальнейшее известно: Давыд едва успел с княгиней сесть в ладью и бросился наутек. Предполагая под Вышгородом засаду, он скрылся. Святослав кинулся вверх по реке, но - безуспешно. Здесь многое интересно: Уверенный в "крестном целовании" со Святославом, а также и в себе, забыв, видимо, традиционную черту Ольговичей - коварство - Давыд ловил рыбу с княгиней (и, вероятно, с гребцами и малой дружиной) ниже Вышгорода, т.е. уже под самым, видимо, Киевом и в тех местах, где ловом на черниговской стороне занимался и киевский князь с княгиней и также с дружиной! Интересно, что Святослав Всеволодович скрыл свое намерение от "мужей лепших" (которые, следовательно, были здесь же на "ловах") и т.д. Но гребцы Давыда оказались более проворными...

Перемирие было нарушено, Святослав "объявихомся Ростиславичем". Оставаться в Киеве было, видимо, небезопасно. Бросив киевский стол (немедленно занятый Рюриком), Святослав переехал в Чернигов для сбора коалиции. Все земли пришли в движение. Рюрик укрепился с помощью галичан, Давыда же направил в Смоленск в помощь Роману. Но по дороге на "Сковъшине бору" Давыд узнал, что Роман умер и поспешил в Смоленск для отпевания брата в Успенском соборе и, конечно, чтобы срочно занять княжеский стол.

В начавшейся грандиозной войне Святослава Всеволодовича с Всеволодом Большое Гнездо Смоленская земля оказалась большим нетронутым островом, вокруг которого неистово бушевали страсти. Лишь в самом последнем периоде войны были затронуты интересы смоленских князей на западе - Давыд вынужден был уступить союзный ему полоцкий город Друцк, но и только! (см.: *Алексеев,* 1966. С. 280-282; 1980. С. 222 и ел.).

В год 1185, когда осуществился поход Игоря Святославича Новгород-Северского на половцев, воспетый в "Слове о полку Игореве", Смоленская земля и ее воины в походе не участвовали, хотя смоленский князь Давыд упоминается там неоднократно. Получив весть о пленении Игоря, Святослав послал грамоту Давыду: "по-Ьди, брате, постерези земл* руско-в!". Давыд согласился и стал с войском в устье р. Стугны у Треполя. Б.А. Рыбаковым (1971. С. 270) высчитано, сколько дней шел смоленский князь до Треполя и когда мог там оказаться. Помощь к тому времени требовалась уже у Переяславля, который осадили половцы, но идти туда по просьбе Святослава Давыд не смог: «смолллнян-Ъ же начаша в'Ьч'Ъ д'Ьяти, рекоуще: "мы пошли до Киева, даже бы была рать билися быхомъ намъ ли ино* рати искати, то не можемь, оуже ся есмы изнемогл-Ь"» (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 647). В то время как Святослав и Рюрик за Днепром двинулись на половцев, Давыд повернул назад к Смоленску.

Теперь Новгород был в контакте со Смоленском, и смолняне с Новгородом было двинулись на Полоцк, однако примирение произошло на границе - на Еменци (со смолнянами, по-видимому, у оз. Каспля) (1185). Конец 1186 г. ознаменовался в Новгородской и Смоленской землях какими-то крупными волнениями населения, о которых читаем в новгородских летописях. В Новгород де боярин - сторонник Ростиславичей вынужден был бежать к Давыду в Смоленск, Гаврилу Неревинича и Ивана Свеневича убили и сбросили с моста в Волхов. "В то же вр'бмя въетань бысть в Смоленске промежи князем Давыдомь и смоляны и много головъ паде луцыпих муж" (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 38).

---

[12] По словарю И.И. Срезневского (1893. Т. 1. Стб. 1805), кочьтьникъ - рыбак, вероятно, провище "милостника" - отсюда.

Изгнание посадника Завида и замена его Михалкой Степановичем, противником Ростиславичской партии, симптоматично. В Новгороде, как и в Смоленске, были недовольны местными князьями. Причины недовольства не известны. Надо сказать, что дендрохронология Новгорода, Смоленска, смоленских городов Торопца и Мстиславля свидетельствует, что 1186 г. там был неурожайным *(Колчин,* 1963. С. 282, рис. 3; 1972. С. 103, рис. 7; С. 107, рис. 8), что многое может объяснить. Дело происходило в конце мартовского года, т.е. в феврале, когда запасы у людей истощились, и над ними нависла угроза голода. Голодная беднота Смоленска и Новгорода, видимо, громила запасы бояр, приготовленные для дорогой продажи. Так выясняются неясные ранее причины народных волнений в этих двух и, вероятно, во многих других городах, неупомянутых в летописи.

Девяностые годы XII в. вносят много нового в политическую судьбу Смоленских земель и всей Руси. Б.А. Рыбаков показал, что Святослав Всеволодович сделал ряд "ложных" шагов, и на первый план выдвинулся Рюрик Ростиславич *(Рыбаков,* 1971. С. 286). В 1190 г. Рюрик уехал в свой Овруч "своих д-Ьля орудеи" и для охраны от половцев оставил на юге сына. Опасность там велика и, понимая это, он призвал на помощь Святослава Всеволодовича. Тот собирался тоже послать сына, но не сделал: "зане бяшеть ему тяжа с Рюриком, с Давыдомь и Смоленскою землею". Таким образом, в отношениях князей юга со Смоленской землей снова возникли осложнения, но причина их неясна. Святослав по-прежнему был их врагом.

В 1193 г. Смоленск принимал молодого Рюриковича - Ростислава. Он лишь недавно блестяще победил половцев и с богатыми военными трофеями объезжал родных: был в Овруче у отца, от Давыда его путь лежал к тестю Всеволоду III, куда тот пригласил его из Смоленска. В Суздале Ростислав с тринадцатилетней женой Верхуславои прожил всю зиму (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 678, 679).

Следующий год внес в жизнь смоленских князей огромные изменения: 25 июля 1194 г. умер их главный враг Святослав Всеволодович, и Рюрик Ростиславич торжественно, с колокольным звоном въехал в Киев в качестве единодержавного правителя. Смоленские князья давно ждали такого оборота политических дел. Но было много сложностей: предстояло грандиозное перераспределение волостей. "Урядившись" с "киянами", следовало, прежде всего, внести ясность внутри дома самих Ростиславичей! Не ясно было, как поведут себя суздальские князья Ольговичи в Чернигове.

СМОЛЕНСКИЕ КНЯЗЬЯ НА РУБЕЖЕ ХЦ-ХШ вв. В начале (мартовского) 1195 г. Давыд получил от Рюрика послание: "Се, брате, се в-ъ осталаса старейши вс-ъхъ в Роуськои земл-ь, а по-Ьди ко мнiэ Кыевоу что боудеть на Роускои землъ доумы и о братьи своей о Володимер-Ь племени и то все оукончаев'Ь, а сами ся во здоровьи видев*..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 681). 17 мая 1195 г. Давыд въехал в Вышгород. Рюриковичи праздновали победу. Семь грандиозных обедов с богатейшими взаимными подарками и мощными возлияниями следовали друг за другом. Вышгород по-прежнему оставался за Давыдом Смоленским, Ростислав Рюрикович получал некогда отцовский Белгород. Помимо родственников, специальные обеды были у Давыда с монахами киевских монастырей, со знатнейшими "киянами", черными клобуками (они "попишася у него вси"). Все это было необходимо для установления прочных дружественных отношений и мира с местным монашеством, боярством и для смоленского Давыда. Ростиславичи укрепляли свою власть в "Русской земле".

Радость омрачалась тем, что на севере оставались другие Мономаховичи, отдаленные теперь родственники Ростиславичей и среди них, прежде всего, Всеволод III Большое Гнездо. Он не мог не считать себя обойденным!

Оставались, наконец, всегда непокорные интриганы Ольговичи. Осенью 1195 г. Рюрик, Давыд и Всеволод III предложили Ольговичам "не искати отчины нашея Кыева и Смоленьска под нами и под нашими д-ътми и подо всимъ нашимъ Володимеримь (имеется в виду Мономах) племенемь. Како нас разд-Ьлилъ дъ*дъ нашь Ярославъ по Дън-Ьпръ. А Кыев-Ь вы не надоб-Ь..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 688). Ольговичи, у которых оставался их Чернигов и левобережье, гарантировали это лишь при жизни отцов. Разгневанный Всеволод III (он таки получил волости в Русской земле) двинулся, было, на Ольговичей (его желанием было "оправити все племя Володимере", т.е. объединить потомков Мономаха). "Олговичи же оубоявъшесе и послаша мужи своя, игоумена Деонисия ко Всеволодоу, кланяючися и емлючися емоу по всю волю его". Это удовлетворило суздальского князя: "онъ же има имь виры и сеъде с коня..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 689). Такое же посольство получил от Ольговичей и Рюрик. Они клялись в мире с ним и с Давыдом Смоленским. Наступило общее перемирие, и Рюрик "роспусти дружину свою и братью свою и д-вти своя и дикыи половци отпусти в вежи своя, одарив я дармы многими, а самъ -Ъха во Вручий своихъ дъля орудеи" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 690).

Итак, к середине 90-х годов на Руси концентрируются четыре политических группировки - Ростиславичи Рюрик (Киев), Давыд (Смоленск); Всеволод Большое Гнездо (Суздаль), Ольговичи (Чернигов) и Давыдовичи (Новгород-Северский). Рюрик - союзник брата Давыда, сват Всеволода III, как князь Киева он распоряжается во всех домениальных землях не только своих (Овруч), но и в Смоленске. Он уславливается с Ольговичами о передаче им Витебска и обусловливает лишь их невмешательство до окончания переговоров об этом с Давыдом Смоленским. Ценою Витебска (до неко-

торой степени чужеродного тела в Смоленщине (он ранее был полоцким городом), покупалось замирение Ольговичей. Смоленская земля - спокойный центр русских земель - теперь не только перестала быть островом, вокруг которого бушевал океан, его не задевая, но и сама чуть-чуть не оказалась, подобно легендарной Атлантиде, на его дне. Попытка примирения "Володимерова племени" (Всеволода, Рюрика и Давыда) с Ольговичами не осуществилась (подробнее см.: *Алексеев,* 1980. С. 228-229).

23 апреля 1197 г. в Смоленске умер Давыд Ростиславич. Подводя итоги его деятельности, П.В. Голубовский справедливо отмечает, что положение страны, в котором оставил Смоленскую землю Давыд Ростиславич, было хуже, чем в конце княжения Романа. Новгород был потерян. Поражение, нанесенное в Полоцкой земле *(Алексеев,* 1980. С. 227), должно было повлечь за собой полное падение в ней смоленского политического влияния *(Голубовский,* 1895. С. 289). Давыд, как мы знаем, часто враждовал со смоленским вечем, о чем глухо говорит новгородская летопись. В Новгороде в то время существовала еще смоленская партия, один из главарей которой в 1186 г. был вынужден даже бежать в Смоленск (посадник Завид Неревинич - *Янин,* 1962. С. 107-109), чем кончилось правление в Новгороде смоленских князей. В конце XII в. в Новгороде опять возобновилась антикняжеская борьба (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 37, 228).

По смерти Давыда по его завещанию в Смоленске вокняжился сын Романа Мстислав Романович. Тем самым были обойдены сын Давыда Константин (возможно, он был совсем молодым) и Мстислав Давыдович - пятилетний юнец (род. в 1193 г.). Старшие сыновья смоленского князя умерли (Мстислав в 1187 г., очевидно, и Изяслав, упомянутый лишь однажды, в 1183 г. - см.: *Янин,* 1962. С. 106 и ел.). Старшие братья Давыда на Смоленск не претендовали, как не претендовали и сыновья Рюрика (могли получать столы в Южной Руси). О Мстиславе Романовиче мы знаем довольно много:

1177 г. Отец посылает его на половцев.

1178 г. Он - псковский князь.

1183 и 1185 гг. Участвует в походах на половцев (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 631).

1196 г. Выдает дочь за сына Всеволода III Константина. Всеволод III выручает его как своего "свата"?

1196-1197 гг. Становится правой рукой Давыда Смоленского.

1208 г. (по Новгородской первой летописи - 1209 г.). Став смоленским князем, передает Псков сыну Всеволоду, а его двоюродного брата Мстислава Торопецкого "новгородцы приведоша к собе" (ПСРЛ, 1856. Т. 7. С. 116). Этот Мстислав Мстиславович - сын Мстислава Ростиславича Торопецкого и, по-видимому, искал более крупных столов. Во всяком случае, в 1214 г. в Торопце сидит его брат Давыд.

Когда же выделилось Торопецкое княжение? Торопец был для новгородского князя ближайшим, "своим" городом, куда он мог прийти в любое время со своим войском, например, по дороге на Луки (1211 г.). В Торопец он отправил в том же году опального епископа Митрофана, "так и не даша ему правитися" (оправдаться) (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 51). Не порывает с братом Давыдом новгородский Мстислав и в 1214 г., когда они вместе идут на далекую чудь (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 53). Но о смоленском Мстиславе Романовиче нет речи. Видимо, Торопецкое княжество выделилось во второй половине XII в. и стало самостоятельным крупным уделом. Любопытно, что, если распад Полоцкой земли на отдельные уделы произошел в начале XII в., после смерти Всеслава Полоцкого (1101), то в Смоленской земле этот процесс начался лишь после смерти Ростислава Смоленского (1167), т.е. Смоленская земля отставала в своем развитии от своего западного соседа примерно на полстолетия.

Крупные события произошли на Руси в 1214 г.: Ольговичи изгнали Моноховичей в Южной Руси. Мстислав Мстиславич новгородский бросился на соединение со смоленским Мстиславом Романовичем, но у Смоленска "бысть новгородьцемъ съ смолняны и убиша новгородци смолянина, а по князя не поидоша". После уговоров посадника Твердислава Михалковича ("яко, братие, страдали д-Ьди наши и отчи за Русьскую землю, тако, братве, и мы поидимъ по своемь князи" - НПЛ, 1950. Т. 1. С. 53) новгородцы догнали своего князя и разгромили черниговские города Речицу и др. Мстислав Романович был объявлен киевским князем и оставил Смоленск.

Трудно решить, кто наследовал смоленский стол. П.В. Голубовский полагал, что Владимир Рюрикович *(Голубовский,* 1895. С. 292), что возможно: после Липецкой битвы (1216), когда союзники подступали к Владимиру, именно он удерживал смолнян от разграбления этого города. Не прельстившись особенно смоленским столом, в 1219 г. он его бросает, помогает Мстиславу Удалому получить Галич, а в Смоленске теперь сидит сын Давыда Ростиславича Мстислав.

ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СВОБОДЫ СМОЛЕНСКИХ КНЯЗЕЙ. НАБЕГИ ЛИТВЫ. Как мы знаем, в 1216 г. умер полоцкий князь Владимир, начались, видимо, бесконечные распри полоцких князей за полоцкий стол, что крайне ослабило страну и делало ее беспомощной. Литовцы могли почти свободно ходить через полоцкие земли, о чем мы и читаем в источниках. Смоленску, также подвергнувшемуся литовским набегам, нужен был сильный союзник. Этим и объясняется, что 17 января 1222 г. "смолняне взял-Ь Полтескъ" (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 263). Прав, очевидно, П.В. Голубовский, полагая, что в Полоцке именно тогда

был посажен сын Мстислава Романовича Святослав, о котором далее долго не сообщается и лишь под 1232 г. появляется свидетельство, что "взя Святослав Мстиславич, внук Романов, Смоленскъ на щитъ с полочаны на Бориш день (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 72,281).

После того как в 1201 г. в устье Западной Двины была построена Рига, проникновение заморских купцов на Западную Двину и далее на Днепр, Волгу и т.д., по-видимому, стало более интенсивным. К концу 1220-х годов это потребовало специального регулирования торговым договором. Полоцк в это время имел, видимо, меньшее значение, чем Смоленск и не удивительно, что первый договор в 1229 г. был заключен именно с ним. Нам уже подробно приходилось разбирать этот замечательный документ {*Алексеев,* 1980. С. 26-39). Вскоре потребовался новый договор, заключенный в 1232-1240 гг. смоленским князем Святославом Мстиславичем. Он уже учитывал Договор 1229 г. Сохранены статьи, связанные с убийством, с моральным поведением купца в иностранном городе, с насилием и т.д. Правила проезда на волоках не изменены и т.д. Все это, видимо, диктовалось практикой сношений с иностранными купцами как на нерусской территории, так и на Руси.

Как видим, экономика Смоленской земли, благодаря заморским купцам, приобретала довольно цивилизованный характер, страна, видимо, начала как-то упрочиваться, однако, здесь же появился и мощный враг как полочан, так и Смоленской земли, это - набеги на Русь поднимающейся Литвы и энергичный переход Литвы к захвату русских земель. О набегах Литвы на Псковскую землю читаем уже под 1183 г.: "На ту же зиму бишася пльсковици съ Литвою, и много ся изд-ъи зла пльсковицемъ" (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 37, 227); в 1213 г., "въ Петрово говение изъехаша Литва безбожная Пльсковъ и пожгоша" (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 52, 250). Второе направление набегов Литвы шло по Полоцкой земле, на Луки, на Старую Русу, Торопец, Бежицы. Полочанам и новгородцам было необходимо объединяться для отражения врага. Мы помним, что в 1191 г. "на рубежи" новгородцы и полочаны "положиша межи собою любовь" и решили на зиму итти или на Литву, или на Чудь (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 40, 230). Однако полочане с Литвою в 1198 г., как говорилось, напали на Луки, но захватить не смогли (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 44, 238). "Татаро-монгольское разорение Руси активизировало литовские набеги: они достигли Смоленска" (/7а*шуто,* 1959. С. 51). Однако в том же году "Ярослав (Всеволодович) иде Смолиньску на Литву и Литву поб-Ьди князя ихъ ялъ, а смольняны оурядивъ, князя Всеволода (Мстиславича-Борисовича, сына князя Мстислава-Бориса Романовича. - *Л.А)* посади на стол'в, а сам со множьством полона с великою честью отиде в свояси" (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 469). Полоцк ходил уже под властью Литвы и в 1258 г. вместе с нею "взяша Воищину на щит" (НПЛ, 1950. Т. 1.С. 82; о раскопках Воищины см.: *Седов,* 1960. С. 51-92).

Цель набегов Литвы совершенно определенна: это был, прежде всего, грабеж, в частности даже церквей ("манастырь святого Спаса всь пограбиша, и церковь полупиша всю, и иконы и пр-встолъ...", 1234 г.; НПЛ, 1950. Т. 1. С. 73). "Воеваша Литва около Торжку и Бъжмци; и гнашася по нихь новоторжци ... и отъяша у новоторжцевъ кони, и сам-Ьхъ биша, и поидоша съ полономъ проче..." (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 79, 1245 г.). "Просмотр известий,-пишетВ.Т. Пашуто (1959. С. 52),-убеждает в возрастании сил Литвы: при,набеге 1200 г. было убито 80 литовцев, а при нападении 1225 г. - уже 2 тысячи из общего числа 7 тыс. воинов". Набеги одиночных отрядов сменяются походами дружин целых групп литовских князей: в 1245 г. литовские "княжици" отступая "въбегоша" в Торопец; но там их захватил Александр Невский и "княжиць исЬче или боле 8"; под Жижцемъ, разбив еще одну литовскую рать, он "изби избыток княжичь".

В 1230 г. окончил жизненный путь князь Мстислав Давыдович, началась, видимо, борьба за смоленский стол, новые столкновения со все усиливающимся, по-видимому, вечем (подробнее см.: *Алексеев,* 1980. С. 234, 236). В XIII в. в Смоленске образовались две враждующие партии - Романовичей, потомков Романа Ростиславича, и Давыдовичей, потомков Давыда Ростиславича. Торопецкое княжество предъявило требование самостоятельности ранее всего: там сидели потомки Мстислава Ростиславича. Былое сильное Смоленское княжество клонилось к упадку. Литва беспрепятственно хозяйничает в ней. В житии Меркурия Смоленского, которое многими не признается за источник, есть даже сведения, что татаро-монголы, возвратившись из Венгрии {*Голубовский,* 1895. С. 304), двинули отряд на слабый Смоленск (1242 г.), но приступ был отбит у Долгомостья.

Под 1225 г. мы узнаем о том, что Литва воевала у Смоленска, в 1252 г. под Смоленск ходил Миндовг, в 1258 г. на Смоленск ходила Литва с Полочанами. То же и через 100 лет: в 1368 г. через Смоленск Литва с Ольгердом движется на Москву, в 1386 г. Святослав Смоленский нападает на Мстиславль, но был разбит литовской ратью, а Святослав убит. При этом Литва сажает в Смоленске сына убитого Святослава, Юрия "из своея руки" (ПСРЛ, 1848. Т. 4. С. 93). В 1393 и 1396 гг. в этот полулитовский город дважды приезжает великий князь Василий I Дмитриевич для переговоров с Витовтом, а в 1395 г. Витовт вообще в него вторгается путем обмана (ПСРЛ, 1851. Т. 5. С. 17, 246, 247). В Смоленске он посадил наместников - князя Ямонта и Василия Борийкова (ПСРЛ, 1848. Т. 4. С. 101).

Как мы уже говорили выше, недавно была опубликована интересная работа о взаимоотношениях полоцких и смоленских князей в XII - первой трети XIII в. *(Богданов, Рукавишников,* 2002. С. 19-31). Установив, что взаимоотношения этих князей между собой постоянно существовали и принимали различные формы, прослеживавшиеся всего более на "сотрудничестве Ростиславичей с полоцкой династией и ее ветвью - витебскими князьями", эти молодые исследователи пришли к выводу, что "в конце XII - начале XIII в. Полоцк и Смоленск образовали, как они считают, некий региональный союз, основанный на торгово-политическом сотрудничестве вдоль западнодвинского речного пути. Главную роль в объединении сыграли смоленские князья, добившиеся определенного сюзеренитета над данной территорией. Однако активное вмешательство Литвы в первой половине - середине XIII в. дестабилизировало обстановку в регионе и в конце концов подорвало хрупкое экономическое и политическое единство двух княжеств" *(Богданов, Рукавишников,* 2002. С. 29). Это "единство" и отчасти "сюзеренитет", может быть, несколько и идеализированы, но не далеки от истины, и подобную интересную разработку данной темы мы можем только приветствовать.

Гродненская земля (так называемая Черная Русь?)

К сожалению, письменных свидетельств по истории Гродненского княжества очень мало. Известно, что в нем было как минимум пять городов: Гродно, Новогрудок, Волковыск, Слоним, Турейск и несколько других позднейших. Иными словами, Гродненская земля граничила с Волынским княжеством на юге, с Турово-Пинским на востоке, к северу от него лежали литовские земли, с запада - польские. В середине XV в. эти земли иногда именовались "Черной Русью". Так они поименованы на карте 1459 г. монаха фра Мауро, составленной для португальского короля Альфонса V (где помечены также Белая и Червонная Русь, см.: *Воронин,* 1954. С. 9). "Понеманье, - пишет Я.Г. Зверуго *(Звяруго,* 2000. С. 210) было периферией восточнославянской колонизации, здесь нет городов, которые развивались из племенных центров. Все города - из среды сельских поселений в местах, наиболее благоприятных для занятия земледелием. В XI в. на основе поселений, которые возникли при освоении славянами Верхнего Понеманья, начинают формироваться раннегородские центры в Гродно, Новогрудке, Волковыске, Слониме...". Первое упоминание летописей о Гродно относится к 1116 г. (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 201): "Томъ л-Ьт-Ь Володимирь отда дщерь свою Огафью за Всеволодка". Здесь, правда, Гродно не назван, но Всеволодко - правнук Ярослава Мудрого, через 12 лет он уже сидит в Гродно, участвует в знаменитом походе 1127/28 г. на полоцких князей (см. выше) и является, таким образом, вассалом Мстислава Великого.

В 1132 г. Мстислав Великий, пользуясь слабостью полоцких князей, выслав их в Византию, нападает беспрепятственно на Литву *(Алексеев,* 1966. С. 263, 264). В его войсках участвуют и полки (полк?) Всеволода Гродненского (ПСРЛ, 11962. Т. 2. Стб. 294). По мысли Н.Н. Воронина, по участию в походе "гродненских дружин, можно предполагать, что это была попытка отодвинуть русские границы к северу от Гродно" *(Воронин,* 19546. С. 13). Всеволодко, князь Гродненский, умирает в 1141 г., и его сыновья Борис и Глеб участвуют в новых походах киевских князей (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 309). Гродненские князья продолжают свою политику вассалов Киева и далее: киевский князь устраивает судьбу дочерей Всеволодки (1144 г., ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 315).

Надо сказать, что и в дальнейшей своей деятельности гродненские князья прочно держатся киевской ориентации. Устраивая вышеупомянутые браки, киевский князь, несомненно, преследовал политические цели - "прочнее связать интересы далекой гродненской династии со смежными феодальными княжествами: Владимир Давидович Черниговский получил в 1142 г. Дрогичин, а Юрий был туровским князем" *(Воронин,* 19546. С. 13, 14). Это и были мужья гродненских княжен.

О деятельности гродненских князей узнаем и дальше: в 1150 г. они участвует с союзниками в борьбе за киевский стол. Возглавлял эту борьбу Изяслав Мстиславич, родной брат Ростислава Смоленского. В ходе этой борьбы, сообщает летописец, "оттол-в же поусти Изяславъ брата своего Святополка во Владимеръ Володимера блюсть а самъ поиде съ братомъ своимъ Володимеромъ и с сыномъ своимъ Мьстиславомъ и с Борисомъ Городеньскимъ и съ Оугры къ Дорогобужю" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 410). Борис Всеволодкович упоминается и в дальнейшем рассказе о походе Изяслава (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 413). Участвовал гродненский князь в войнах Изяслава и в следующем, 1151 г. (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 426). Из следующего текста об осаде Изяславом Киева в 1151 г. можно понять, что гродненский князь со своими войсками представлял значительную силу: в то время как сильнейшие князья были поставлены: Изяслав перед Золотыми воротами, " и межи Жидовьскими противу Бориславлю двору", а Ростиславъ съ сыномъ своимъ Романом ста передъ Жидовскими вороты," гроденьский Борисъ был поставлен "у

Лядьских", т.е. с польской стороны, откуда он и пришел (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 427). Упомянут Борис Всеволодкович в том же году и позднее, когда борьба с Юрием Долгоруким продолжалась. К нему обратился с указанием "главнокомадующий" Изяслав, разъясняя свои намерения и давая указания. Произошел такой диалог: «Изяславъ же рече Борису Городеньскому: "гЬмь ся есть кушати к Белгороду пб-Ьхати. А по'Ьди, брате, Белгороду по борови". Борисъ же рече: осе я, брате, готовь есмь..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 433)

Обращает на себя внимание уважение, с которым говорят друг с другом начальник и подчиненный. Видимо, гродненский князь действительно в это время был в силе и был одним из главных помощников Изяслава в борьбе с Долгоруким.

В 1167 г. киевский князь Ростислав Мстиславич Смоленский приказывает своей коалиции князей двинуться на юг оборонять от половцев путь "Гречникъ и Залозникъ" - по нему идут караваны товаров, которые постоянно грабят половцы. Вызывается и гродненский князь, которым оказывается теперь князь Глеб, можно думать, средний сын Всеволодки (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 528). Князья долго стерегут путь у Канева.

В 1169 г. князь Ростислав Киевский умирает. Его племянник Мстислав Изяславич, поняв, что другие князья будут против него, если он займет киевский стол, созывает своих сторонников, среди них оказывается уже третий сын Всеволодка, Мстислав (видимо, братья его идти отказались, не будучи уверены в его победе). Тем не менее Мстислав Изяславич в Киев вошел и был принят киевлянами торжественно. Однако отказ старших Всеволодковичей поддержать Мстислава Изяславича послужил к охлаждению взаимоотношений нового киевского князя с Всеволодковичами. Кто-то из Всевколодови-чей продолжает участвовать в военных походах Мстислава Изяславича и далее, во всяком случае, в 1172 г. после похода на берендичей и Горков, вернувшись в Киев, Мстислв Изяславич выделяет добычу и ему. Вероятно, это был все тот же Мстислав Всеволодкович (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 548). Н.Н. Воронин предполагает, что старшие Всеволодковичи уже закончили свой жизненный путь *(Воронин,* 19546. С. 14)

Связь Киева с Гродно, можно думать, существовала еще в последние десятилетия XII в. Во всяком случае, летописец знал, что в 1183 г. в походе Святослава Всеволодовича на половцев участвовал князь "Городеньскии Мьстиславъ" и, что "тогоже л'Ьта Городенъ погор-Ъ всь и церкы каменая от блистания молнии и шибения грома..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 631 и 634).

Лишь "Слово о полку Игореве" передает "последний отзвук жизни Гродно в XII в." *(Воронин,* 19546. С. 14), из него можно понять, что гродненские князья были в тесных сношениях с киевскими:

"Трубы трубятъ Городеньскии: Ярославе,
и вси внуце Всеславли! уже понизить
стязи свои мечи вережени;
Уже бо выскочисте из діздней слав"Ь...!"
(Слово о полку Игореве, 1950. С. 46, так называемая
Екатерининская копия).

Если расстановка знаков препинаний, которую мы привели, верна, то мы можем понять, что участие гродненских князей в киевских событиях действительно было велико - "трубы городненские" городненеских князей активно порицали то, что совершалось в это время в Южной Руси...

Есть краткие сведения о Гродненском княжестве в середине и второй половине XIII в. Под 1253 г. мы узнаем, что Даниил Галицкий решил захватить Гродно и "посла с братом и сыном своим Романомъ люди своя и взяста Городенъ" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 819). В это же время упоминаются гродненские города: Вослонимъ, Волковыскъ, Турийскъ (на Немане). В 1260 г. Даниил Романович собирался захватить Гродно, но отложил поход. Под 1274 г. сообщается, что литовский князь Тройден уже командует "городнянами" - посылает в Гродно посланцев с приказанием "взяти Дрогичинъ и Тридъ, с ними же бяшетъ се же в-Бдашеть о города, како мочно взяти. (Он) изл'Ъзъ же и ночью. И тако взяша и на самы Великъ День" (на Пасху) (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 871).

Ясно, что о самостоятельности Гродненского княжества давно уже говорить не приходится: в 1281 г. "придоша проуси ко Троиденеви и(з) своей земли неволею передъ Н-БМЦИ. Он же прия *-Ь* к собъ и посади часть и в ГороднЪ, а часть ихъ посади во Въслоним-в..." (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 874). С древнерусским городом и княжеством Гродненским было покончено.

Это - то немногое, что мы знаем о Гродненском княжестве домонгольского времени. Следовательно, слово за археологами...

> Чем ближе мы возвращаемся к Древней Руси, чем ближе и чем пристальнее начинаем смотреть на нее ... тем яснее для нас, что в Древней Руси существовала своеобразная великая культура, как бы незримая, плохо понятая и плохо изученная, не поддающаяся измерению нашими европейскими мерами высоты культуры...
>
> *Д.С. Лихачев*

Если считать, что миссия человека на Земле в постижении Истины, то культура (наука, искусство, религия) - главнейший показатель степени ее постижения. "Мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, - говорит Д.С. Лихачев, - ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры" *(Лихачев,* 1984. С. 36). По этим вершинам в литературе, архитектуре, изобразительных и прикладных искусствах, в верованиях мы и судим о культуре древних западнорусских земель в эпоху, когда кончилось время "мифологизма" и "начался исторический взгляд человека на мир и на самого себя" *(Вагнер,* 1978. С. 322). Начнем с мировоззрения.

Христианство

Христианизация земель. Церковная организация

Идеологические воззрения на мироздание - основа культуры всякого народа. В нашем случае это великое воззрение христианства, несущего неизмеримые моральные, умственные и культурные ценности. С принятием его в X в. на Русь полилась мощная струя передовой иноземной (византийской) культуры. Константинополь "был сокровищницей классической литературы, донесшей до нас... христианские традиции Греции, - писал Г.П. Федотов (2001. С. 34). - Сохранение этих традиций составляет главную историческую заслугу Византии. Роль Византии, - продолжал он, - была консервативной, а не прогрессивной, это - роль школьного наставника и хранителя музея[1]... Византия служила музеем и библиотекой христианской Греции". Русь полностью воспользовалась услугами "наставника". П. Флоренский отмечал, что "на долю русского народа выпало счастье получить христианство тогда, когда еще почти не успели выразиться черты национального самоопределения. Христианство не сталкивается тут ни с оформившимся учением, ни с богатым культом какой-нибудь иной религии, не находит укоренившихся нравственных привычек или государственных стремлений. Христианство попадает в души младенческие, и все дальнейшее возрастание их, все внутреннее устроение их совершилось под водительством Церкви". Церковь руководила мировоззрением и, следовательно, всей культурой народа. Ее учение было вселенским. "Природной разделенности человечества на племена и народы (отныне) противополагается единство во Христе" *(Федотов,* 1998. С. 116).

Это великое событие приобщения "младенческих душ" Руси ко вселенскому мироучению произошло, как мы знаем, в 988 г., хотя христианство частично проникало на Русь и ранее. В "Окружном

[1] Точнее - прогрессивного хранителя передового наследия культуры античности и наставника Руси.

послании константинопольского патриарха Фотия" (865), в договоре с греками 944 г. говорится о русах-христианах, под 955 г. сообщается о крещении княгини Ольги *(Иларион,* 1986. С. 85). Крещение шло не мирно. Владимир "повел-Ь рубити церкви и поставляти по местомъ, иде же стояху кумири ... нача ставити по градомъ церкви и попы и люди крещенье приводити по вс-Ьм градомъ и селомъ" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 81). Можно представить, как шло это "приобщение". Крестившись, полоцкие князья просили у Киева присылки миссионеров. Прибывших на Русь греков-священников с переводчиками и под охраной отправляли вверх по Днепру, затем посуху и далее. По Двине они приезжали в Полоцк. Выходцы из местной племенной знати, полоцкие князья (имен их мы почти не знаем) хорошо еще знали количество их данников в малых племенах, и задача миссионеров упрощалась: под охраной они перемещались от племени к племени, проповедовали "словом и делом". У каждого племени были свои святилища, свои "боги" - с них и начинали "дело". На месте разрушенных святилищ, утопленных или сожженных богов[2] рубили церкви - небольшие храмы с большими нартексами для оглашенных (их было тогда много). В новых храмах крестили население (часто насильно). Можно полагать, что первая церковь была срублена в самом Полоцке, т.е. на городище первоначального города. По летописи, Рогнеда (X в.) высланная из Киева на родину, где она и умерла в 1000 г. (ПВЛ, 1950. Т. 1.С. 88), была якобы очень религиозной и "пострижеся в мнишеский образъ, наречено бысть имя ей Анастасия" (ПСРЛ, 1965. Т. 15. С. 114).

В дальнейшем мы будем часто встречаться с упоминанием при строительстве городов Богородицких церквей, которые первые возникали в строящихся городах. Связано это с совершенно особым культом Богоматери в древней Руси - явно пережитком язычества, и прежде всего культом Рожаницы. "Культ Рожаниц отличался от остальных языческих обрядов прежде всего своей явностью, открытостью, торжественными пирами в честь богинь (плодородия. *-Л.А.),* частично замаскированными празднествами Богородицы..." *(Рыбаков,* 1981. С. 466). Благодаря язычеству, на Руси "складывается поэтически-возвышенное почитание Богородицы", - говорят исследователи философской мысли на Руси, отмечая при этом, что культ этот значительно ослабляет культ Иисуса Христа. Иисус Христос рассматривался в древности не как божество, а более как мученик[3], к которым всегда лежала душа русского христианина *(Замалеев,* 1987. С. 68, 69). Богоматерь к тому же, по Д.С. Лихачеву (1985. С. 18), "была покровительницей русского воинства, а праздник Покрова, посвященный ризам Богоматери, - праздником, который до XIX в. праздновался только в России". В наших землях в 1007 г., рассказывает летописец, "принесени (умершие. — *Л.А.)* Изяславъ (Владимирович, ум. 1001 г.) и Всеславъ (Изяславич, ум. 1003 г.) в святую Богородицу" (ПСРЛ, 1965. Т. 15. С. 122).

Итак, первый храм в Полоцке, воздвигнутый в начале XI в., был посвящен Богородице. В 1001 г., по Друцкому евангелию *{Тихомиров* 1968. С. 9), построена в Друцке первая церковь и посвящена Богородице. Первый храм в Минске (конец XI - начало XII в.) также посвящался Богоматери.

С христианизацией деревни было сложнее. В окрестностях Полоцка, Лукомля и Друцка, например, мы встречаем деревенские курганы в основном с кремацией, курганы с ингумацией, если и есть, то без вещей. Эта же картина наблюдается и вокруг Витебска. Борьба языческой деревни с христианскими миссионерами отразилась и в белорусском фольклоре и проходила, видимо, вовсе не мирно. Наряду с преданиями об ушедшей в землю церкви, о святых озерах *(Сапунов,* 1911. С. 17), куда свергались "кумиры", в западных землях сохранились предания, например, о силачах ("оселках"), внезапно появлявшихся в крае, разрушавших множество "церквей" (т.е. языческих святилищ). Места, где они стояли, еще почитались в XIX в. (туда не гоняли скот, там воздвигали кресты и проходя крестились) *(Шейн,* 1893. С. 424). Однако не только сельское население наших земель сохраняло долго язычество, смешение христианских представлений сохранялось и у домонгольских князей: мы говорили о "священной повязке" на голове Всеслава Полоцкого, благодаря которой он "немилостив был на кровопролитие" *(Алексеев,* 1966. С. 228). Распространение обычая носить повязку на голове с "рубашкой", если ты в ней родился, сохранилось и в "Вопрошании Кирика" XII в. *(Афанасьев,* 1869. Т. 3. С. 602). Дикие, варварские поступки, далекие от христианства, мы находим и у киевских князей, и у того же Всеслава. Постройка Софии в Полоцке и необходимость оснащения ее богослужебным реквизитом и прежде всего колоколами была Всеславом решена просто. Ворвавшись в Новгород он ограбил его соборы, снял колокола. Это вспоминалось в Новгороде еще в XII в.

Христианство начало проникать в среду князей значительно глубже, по-видимому, с начала XII в., когда Глеб Минский отстроил трапезную в Печерском монастыре (1108), начал строить и в Минске храм, правда, почему-то, не преуспел в этом. По свидетельству летописи, вместе со свою женой он делал большие вклады в Печерский монастырь. С именем другого сына Всеслава связано, по-видимому, возведение Бельчицкого храма Успения Богородицы, а возможно и всего монастыря. В каком-то женском монастыре была по-

[2] Так доказывалась язычникам смертность их богов.

[3] В этой, по-видимому русской черте, западные русисты (П.К. Паскаль и др.) обвиняли даже Ф.И. Достоевского (См.: *Струве,* 1992. С. 160).

стрижена вдова сына Мстислава - Романовая. Возможно, Роман его и основал - об этом, к сожалению, ничего не известно.

Как бы то ни было, оживление церковного строительства в начале XII в. несомненно, а это - свидетельство укрепления христианской религии в Полоцкой земле и объясняет появление на страницах летописи имени епископа Мины, которому, возможно, мы и обязаны многочисленными сведениями о его епархии.

Итак, мы знаем имя полоцкого епископа в начале XII в. Но когда же там была основана кафедра? Автор XVIII в. Несецкий по каким-то данным, вероятно, униатского круга, утверждал, что около тысячного года *(Niesiecki,* 1728. S. 92). Однако Никоновская летопись указывает, что в 992 г. "постави Леонтъ, митрополитъ киевский и всея Руси, Чернигову епископа Неофита, а въ Ростовъ постави епископа Феодора, а въ Володимерь Стефана, а въ Б-влград Никиту и по инымъ многимъ градомъ епископы постави..." (ПСРЛ, 1965. Т. 9. С. 65). Не приходится сомневаться, что крупнейший город Полоцк входит в это "по многим градом". К тому же, в житии Леонтия Ростовского (XIII-XIV вв.) сообщается, что Владимир Святой начал "ставити по иным градом епископы в Новгород, в Полотеск, в Волынскую землю..."

К сожалению, о полоцких иерархах мы почти ничего не знаем. Известно, что в прошлом епископ, полоцкий митрополит Никифор II в 1105 г. утвердил выходца из печерского монастыря Мину полоцким епископом (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 185), а умер Мина в 1116 г. (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 291). В.Н. Татищев сообщает, что, по его данным, Никифор и был полоцким епископом *(Татищев,* 1963. Т. 2. С. 109). В целом, для домонгольского времени нам известны имена лишь восьми полоцких архиереев:

Никифор (конец XI - начало XII в.),
Мина (1105-1116),
Козма (1143 г.; ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 314, 485),
Илья (1120-1130-е годы; Повесть, 1860. С. 174),
Дионисий (ум. 1183 г.; Повесть, 1860. С. 177),
Николай (до 1218 г.; Повесть, 1860. С. 177),
Владимир (ок. 1218 г.; Повесть, 1860. С. 177),
Алексий (ок. 1231г.; Повесть, 1860. С. 177). О деятельности этих иерархов мы почти ничего не знаем. В Житии Евфросинии Полоцкой упоминается "Сельцо", где была их усыпальница.

Вопрос о времени проникновения в Турово-Пинскую землю христианства обычно споров не вызывает. Оно произошло, несомненно, тогда, когда были крещены и соседние земли - в X - начале XI в. Туров, мы видели, упоминается в 980 г., уже тогда это был крупный торговый центр. Его раннее возвышение объясняется его географическим расположением - недалеко от впадения р. Струмень в Припять, поблизости от устья р. Случь, связывавшей этот район с Понеманьем *(Тихомиров,* 1956. С. 305). Уже Титмар Мерзербургский (975-1018) сообщает, что с ним в Польшу прибыл Колобжегский епископ Рейнберн, и тот "ревностно вел свою проповедь в подвластной Святополку Туровской земле" *(Пашуто,* 1968. С. 35). В конце X в. Туров - стольный город отдельного княжества, расположенный неподалеку от Киева, - рано вызвал желание киевских князей, укреплявших власть и с помощью христианизации населения, подвергнуть его крещению, учредить кафедру епископа. "Уже начиная с самого возникновения города, его укрепленный центр был и центром культовым" *(Рабинович,* 1978. С. 81).

Так, несомненно, было и в Турове. В XIX в. там существовали две церкви - Преображенская, "деревянная, построенная в 1800 г. прихожанами: начало этого прихода восходит к очень древним временам: ... по преданию, храм этот первоначально построен еще в 900 г. варягом Туром - христианином". А вторая, Ильинская, "построенная в 1850 г. на счет казны; начало этого прихода также скрывается в глубокой древности" (Россия, 1905. Т. 9. С. 562). Конечно, предания есть предания, но здесь они могут соответствовать истине: названия этих церквей именно те, которые фигурировали в домонгольской Руси весьма часто (храм Спаса Преображения, поставленный Владимиром Святым по случаю освобождения от опасности печенегов в 6504/1096 г., в Галиче на Волыни - 6674/1096, в Ефросиниевском полоцком монастыре (ок. 1161 г.); храм св. Ильи в Чернигове у пещер, XI в. (около 1072 г.) *(Рыбаков,* 1949. С. 87). Есть мнение (А.П. Сапунова?), что к середине XII в. Туров был сильно укреплен ив 1157 г. "выдержал трехмесячную осаду весьма сильного войска князя Изяслава Давыдовича" и "приблизительно в это же время в Турове возникла кафедра особой епископии, из святителей которой замечателен проповедник св. Кирилл" (Россия, 1905. Т. 9. С. 561, 562). Если это верно, то первым туровским епископом был Иоаким. Мы знаем следующие имена туровских епископов:

Иоаким, поставлен в 1142 г., в 1146 г. взят Изяславом в полон.
Лаврентий, упомянут в 1182 г.
Феодосии, поставлен в 1390 г.
Антоний, лишен сана в 1405 г.
Евфимий, упомянут в 1415 г.

Сам термин "Туровская епископия" встречается в Софийской I летописи (ПСРЛ, 1851. Т. 5; 1853. Т. 6. С. 168). Прибавим еще, что в мае 1371 г. "по требованию польского короля Казимира Великого в Константинополе был поставлен особый митрополит на западнорусские земли - Галич, Холм, Туров, Перемышль и Владимир" *(Кучкин,* 1984. С. 146, примеч. 5).

Не приходится сомневаться, что церковное строительство в Турове в XI - первой половине XII в.

было деревянным. Согласно традиции, в городе стоял, вероятно, храм Пресвятой Богородицы (Рождества или Успения и т.д.), а также храмы Бориса и Глеба, Преображенский и, может быть церковь Пророка Ильи. В середине XII в. или во второй его половине в городе потребовался уже каменный храм, руины которого, мы увидим, были исследованы М.К. Каргером. Строили его всего вероятнее владимир-волынские мастера (об этом см. ниже).

Приведем, наконец, не очень, кажется, достоверный древний рассказ об открытии Владимиром Святым Туровской епископии:

"Третье богомолие епископью постави в Турове в лето 6513/1005 и придах к ней городыи погосты в послушание и священие и благословение держати себе Туровской епископии: Пинск, Новгородок (Новогрудок), Городень (Гродно), Берестье (Брест), Волковыеск, Здитов, Неблетеск, Дубовица, Высочко, Случеск, Копысь, Ляхов, Городок, Смедяне, и поставих перваго епископа Фому, и придах села, винограды, земли бортныя, волости со всеми придатки (Святому Спасу и святей Богородице...)" {*Мартос,* 1990. С. 69). Таким образом, мы видим, что границы Туровской епископии были необычайно широки, в нее входила вся Западная Белоруссия!

Мы не знаем, когда христианство проникло в Смоленскую землю, но кажется, много позднее: несмотря на гигантское количество находок в культурных слоях и в курганах гнёздовского Смоленска, вещей, которые мы могли бы связать с этой религией почти нет, как нет и уверенности в том, что это были вещи христианского символа, а не просто украшения. Важно, что и трупоположений в курганах в Гнёздове почти нет или во всяком случае очень мало, и многие из них могут считаться скандинавскими {*Авдусин,* 1978. С. 313-314). Говоря о найденном в верхнем потревоженном слое селища Гнёздова сирийского энколпиона X в., Н.И. Асташова писала, что это - "первая вещь в истории раскопок Гнёздова, отражающая проникновение христианства (если не считать византийских монет с изображением святых)", и заключала, что "крещение Смоленской земли историки обычно относятся к 1013 г., и эта дата весьма близка к предложенной нами дате гнёздовского энколпиона" {*Асташова, 191 А.* С. 251). Все предметы христианского культа происходят из культурного слоя современного Смоленска, нижняя дата которого, мы видели, не ранее второй половины - конца XI в. Некогда мне удалось собрать все известные сведения о находках в Смоленской земле энколпионов {*Алексеев,* 19746. С. 209, примеч. 41)[4], один из них найден в современном Смоленске.

[4] К списку следует прибавить еще два энколпиона, найденные в Бряслове на р. Лучесе и у д. Заозерье Вельского уезда (Указатель памятников ..., 1893. С. 128; *Спицын,* 1899. С. 184). См. также обстоятельную сводку энколпионов: *Корзухина, Пескова,* 2003.

Когда же произошло крещение Смоленщины? Существует краткое известие, что это произошло в 990 г.: "Въ лѣто 990 крести Владимир всю землю Смоленскую" {*Иконников,* 198. С. 520). Но это сомнительно: X в. был расцветом гнёздовского Смоленска, где христианских вещей, как мы сказали, фактически нет. По свидетельству одного неопубликованного источника, крещение Смоленска было осуществлено в 1013 г., когда "гнёздовская" стадия Смоленска сходила на нет, и вскоре Смоленск вообще был переведен на новое место. Сведения этого документа более правдоподобны, что верно понял и М.Н. Тихомиров (1956. С. 355).

После выделения смоленского княжения в 1054 г. оно вошло, подобно Ростово-Суздальскому княжеству, в Переяславльское епископство (подробнее см.: *Poppe* Л.,1968. S. 165 и ел.), но вскоре возникла потребность в отдельной епископской кафедре. Если мы с точностью не знаем, когда была основана епископская кафедра в Полоцком княжестве, ибо прямых свидетельств нет, то в Смоленском княжестве князь Ростислав Мстиславич, мы видели, в 1136 г. издал об этом специальный Устав. Переяславльский владыка, естественно, сопротивлялся этому еще при смоленском князе Мстиславе Владимировиче, и князь тогда отступил. Удалось это осуществить его сыну Ростиславу и только после смерти переяславльского епископа Маркелла (1134) {*Поппэ,* 1966. С. 69).

УЧРЕЖДЕНИЕ ЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРЫ В СМОЛЕНСКЕ (1136). Новая кафедра требовала прежде всего ее материального обеспечения. Как мы видели, Ростислав выделил два села из своего домена, отдельную землю в "Погоновичех", сенокосные, охотничьи и рыбные угодья. Кроме того, церковь надо было снабдить "государственными' доходами - десятиной от даней (308,7 гривен серебра). Сумма невелика: она равнялась 3/4 ГОДОВОЕ княжеской дани, получаемой с Торопца (города *г* волости), была лишь вдвое больше стоимости работ креста Евфросинии Полоцкой (правда, там эте деньги 1161 г.) {*Щапов,* 1976. С. 146; 1963. С. 42,43) Дарения Ростислава кафедре продолжались и далее, в 1150 г. она получила детинец со всем, что н; нем было. Запись доходов князя с городов (грамо та "о погородьи") показывает, как выросла кафед ра с 1136 по 1211 г. Она стала собирать самостоя тельные доходы с крупнейших смоленских горо дов, что составило 3970,5 кун. Города эти, главньо образом княжеские, принимали смоленских епи скопов в большие праздники и платили за чест службы (так мы понимаем термин "почестье" гра моты "О погородье") - всего 371,5 кун. Всего ж без десятины от даней и без суммы десятины с Смоленска (она нам неизвестна), епископия пол) чала 4342 куны, т.е. около 187,2 гривен серебра год {*Алексеев,* 1980. С. 241-243). Это немного, глав ным доходом епископии, видимо, была десятина о даней.

К сожалению, кроме сказанного, о смоленском церковном управлении мы можем сказать крайне мало. Первому смоленскому иерарху - епископу Мануилу - в комплексе грамот смоленской епископии 1136-1211 гг. (о них много говорилось ранее), принадлежит так называемая "Подтвердительная грамота" к Уставу 1136 г. (ДКУ, 1976. С. 145). Мануил был поставлен в марте - мае 1136 г. (ультрамартовское летоисчисление), и его отношения с Ростиславом были, естественно, дружескими. В 1146 г. на киевском столе сидел брат Ростислава Изяслав, и начался известный конфликт между князем и русским епископатом. Бурные перемены, происходившие в это время в Византии, потребова ли отъезда туда киевского митрополита Михаила, и тот, возможно, недовольный клятвопреступлени ем Изяслава (см.: *Алексеев,* 1980. С. 242), на время отъезда наложил на служение в киевской Софии интердикт *(Карташов,* 1959. С. 171-174). Взбешен ный Изяслав самовольно посадил на митрополичий стол известного богословской ученостью инока Зарубского монастыря Климента Смолятича (27 июня 1147 г.). Протестовавшие новгородский, полоцкий и смоленский иерархи попали в опалу. При каждом бегстве из Киева Изяслава Климент Смолятич был вынужден бежать вместе с ним. "Бегал перед Кли мом" и его враг - смоленский владыка. Непонятно отношение к конфликту самого Ростислава Смо ленского, допускавшего эти бегства своего еписко па. В 1154 г. Изяслав Мстиславич киевский умер. Ростислав, заменивший его, не защищал Мануила, может быть он, правда, чувствовал, что в Киеве он недолог, как полагает А.В. Карташов *(Карташов,* 1959. С. 171-174). В 1155 г. Ростислав был изгнан из Киева Юрием Долгоруким, снова возник Мануил, который вместе с полоцким Козмой и новго родским Нифонтом торжественно встречал нового митрополита, грека Константина, "ниспроверг шего затем службу Клима и ставление", т.е. пе реосвятил киевскую Софию "малым чином" (А.В. Карташов). Вместе с тем любопытно, что Ро стислав был в переписке с Климом, совещался по религиозным вопросам со знатоками греческого языка Григорием и его учеником Фомой. Фоме бы ло поручено написать Климу ответ.

Дальнейшие сообщения о христианстве в Смоленске в летописи случайны и кратки. В 1172 г. в связи со смертью на "Волоце" Святослава Ростиславича упоминается епископская смоленская церковь пресвятой Богородицы (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 550). Это, конечно, Успенский собор, построенный на детинце Мономахом. В 1177 г. на Смядыни исцеляются ослепшие Ростиславичи (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 35, 225). Под 1198 г. упоминается смоленский епископ Симеон, вероятно, тот самый, который был духовником умирающего Ростислава Смоленского (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 531, 532; 702).

Известны следующие епископы Смоленской епархии, следующие за Мануилом:

Константин (упоминается в 1180 г., ПСРЛ. 1962. Т. 2. Стб. 616).

Симеон (упоминается в 1197 г.; ПСРЛ. 1962. Т. 2. Стб. 702).

Игнатий (упоминается: *Карамзин,* 1816. Т. 3. Примеч. 118).

Лазарь (упоминается в 1249 г.; Послание Симеона Поликарпу).

Монашество, монастыри

Настоящее небо на земле - это монастырь, где все - молитва, все - богослужение, все - благолепие и красота духовная. Душа жаждет этой святой "субботы", чтобы сколько-нибудь отдохнуть от саднящей боли грехов и житейских попечений. В монастырь, в монастырь!

А.В. КартаиА.ее

Не глад хлеба, ни жажда воды погубляет человека, но глад велий человеку - Бога не моля, жити".

Протопоп Аввакум

Так ли веровал человек в те далекие времена? Так ли нуждался недавний язычник в монастыре - символе неба, - он, напуганный прежде всего эсхатологической стороной взвалившегося на него учения? Но церковь твердо стояла на своем: она оздоравливала приобщенных к ней высотой еще неслыханной морали, просвещением, приобщением к величайшим культурным ценностям Византии - наследницы античности. Все это исходило из монастырей и лучшие души потянулись к ним рано: уже в середине XI в. (Киев).

Монашество, столь распространенное в Византии, имело в основе аскетизм как принцип воздержания, победу над плотскими страстями: "Плоть желает противного духу, а дух - противного плоти: они друг другу противятся так что вы не то делаете, что хотели бы", - учил апостол Павел (Гал. 5, 17). В Киеве уже в середине XI в. был основан крупнейший очаг русской духовности - Печерский монастырь.

К концу XI в. в Печерском монастыре сложились, как мы знаем, свои строгие правила общежития, обычаи. Монастырь стал главнейшим в Киевской земле, пользующимся у князей огромной популярностью. Великий князь Изяслав Ярославич черпал здесь нравственную силу, разделял часто монастырскую трапезу, беседовал с Феодосием. Последний был независим и строг в правилах: он не оставил сторону Изяслава, когда тот был изгнан братьями, и не признал великим князем Святослава Ярославича (1073). Ярославичи перед походами испрашивали благословение у печерцев. Ряд епископов вышел из монастыря и попал в Полоцк и Туров, а позднее - в Смоленск. Многие князья

стремились быть похороненными в Печерском монастыре. Ростислав Смоленский, умирая, отказался лечь "въ своемъ ему зданьи" и приказал везти себя в Печерский монастырь (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 529). Печерский монастырь поддерживал теснейшую связь с Византией, с константинопольским патриархом, получил оттуда, как известно, Студийский устав и т.д. (Патерик печерский, 2003. С. 15).

Надо сказать, что почти одновременно с Печерским монастырем в Киеве стали возникать, чаще под патронатом князей, и другие монастыри. Дмитровский основан около 1062 г. Изяславом (Дмитрием) Ярославичем, Выдубецкий - Всеволодом Ярославичем, Спасский на Берестове (усыпальница рода Мономаха) возник около 1072 г. *(Каргер,* 1961. С. 377), Симеоновский основан Святославом Ярославичем (1073-1077) и др.

Как нам уже приходилось писать *(Алексеев,* 1996в. С. 104, 108, 109), после смерти отца полоцкие Всеславичи тщательно присматривались к Киеву и более всего к Печерскому монастырю, где минский князь Глеб даже отстроил в 1108 г. трапезную, его вдова отдала монастырю все, что имела. Братьями, связанными непосредственно с Полоцком, было по-видимому, решено, подобно Киеву, отстроить у Полоцка на р. Бельчице свой главный монастырь, который и посвятили первым русским святым мученикам Борису и Глебу, мощи которых совсем недавно (в 1072 г.) были торжественно перенесены в соседний с Киевом Вышгород, в специально отстроенную храм-усыпальницу. Так возник в начале XII в. на окраине Полоцка Бельчицкий Борисоглебский монастырь (как и Печерский в Киеве, он был окраинным).

ВОЗВЕДЕНИЕ БЕЛЬЧИЦКОГО МОНАСТЫРЯ В ПОЛОЦКЕ (начало XII в.). Как был возведен первый полоцкий монастырь? В западнорусских летописях лишь упомянуто, что строителем был полоцкий князь Борис Гинвиллович, живший, якобы, в XIII в. (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 22). Б.Н. Флоря (может быть и справедливо) считает что сообщение это далеко от истины и выдумано с политическими целями *(Флоря,* 1995. С. 112). Однако для нас важно, что строителем назван полоцкий князь Борис. Мы понимаем, что это не мифический Гинвиллович (откуда-то взятый поздними западнорусскими летописями и всегда оказывающийся на самом деле сыном Всеслава), а Борис Всеславич, умерший в 1128 г.

Возникает неясность. Как мы увидим, в начале XII в. на р. Бельчице в монастыре был построен Успенский собор, но монастырь именуется Борисоглебским, церковь же, посвященная этим святым возведена из плинфы и много позднее (см. ниже). Вывод может быть один: монастырь Бориса и Глеба до постройки Успенского храма был сооружен на рубеже XI-XII вв. (полоцким князем Борисом?) из дерева. Это - первый монастырь в стране, возникший под влиянием Киево-Печерского монастыря.

Можно себе представить, что Бельчицкий монастырь строился так же, как и Печерский - его прообраз, а об устройстве последнего сообщает Киево-Печерский патерик. Феодосии направил некоего монаха к Ефрему, обходившему монастыри, чтобы тот на Афоне в Студийском монастыре "в точности узнал все порядки его, и принес ему подробно списанный устав: как воспевают песнопения, и читают чтения, и кладут поклоны, как стоят в церкви и сидят на трапезе, и какая и в какие дни пища... Приняв это писание, преподобный Феодосии приказал прочесть его перед всей братией и с тех пор начал в своем Печерском монастыре устраивать все по уставу святой Студийской обители. Потом от Печерского монастыря все русские монастыри приняли тот же, переданный преподобным Феодосией устав. И так начали содержать совершенный иноческий устав, какого прежде не было на Руси..." (Патерик Печерский, 2003. С. 76).

Совершенно ясно, что именно так действовал Борис, решив основать монастырь своего имени: посылал за уставом не на Афон, а к "печерянам"в Киев и утвердил его в своем мужском монастыре.

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ БЛИЗ ПОЛОЦКА был женским и по недоразумению его основательницей считают Евфросинью (ум. 1173). По ее житию, там была усыпальница епископов, что невозможно вне монастыря. Ангел побуждает Евфросинью переменить место обитания и внушает епископу Илье: «Веди ея, рабу Божью Евфросинью в церковь Святаго Спаса, на рекомое "Сельце", место то свято есть!» (Повесть, 1860. С. 174). Полоцкий владыка Илья, по наущению того же ангела, говорил Евфросинье: "Тебе не лепо зд-ъ пребывати: то есть церковица святаго Спаса в Сельце, идеже братья наши лежат, преже нас бывши епископи..." (Повесть, 1860. С. 174). Как видим, в обоих случаях ни слова не говорится о том, что Евфросинья направляется в женский монастырь, говорится лишь о церкви Преображения, где хоронят полоцких епископов.

Приходится делать вывод, что епископов в тс время хоронили в немонастырской церкви Спаса, а это невероятно: сам епископ - монах, и его надлежало погребать в стенах монастыря. А это означает, что Спаский монастырь в Полоцке существовах уже более столетия. Кто его строил, какова была і нем жизнь - все это остается неизвестным.

Есть глухое известие, что в Полоцке в первьк десятилетия XII в. был еще один женский мона стырь, название которого нам неизвестно, это мо настырь, где игуменьей была "Романовая" - вдов; Романа Всеславича, к которой в монастырь броси лась Предслава (Евфросинья), опасаясь, что ее вы дадут замуж. Роман умер, по летописи, в 1116 г., по еле чего там постриглась Романовая и, очевидно по прошествии некоторого времени, стала игу меньей. Нам ясно: монастырь существовал уже

как мы сказали, во втором - третьем десятилетии XII в. (Повесть, I860. С. 173, 174).

К сожалению, о монастырях остальных западнорусских земель мы можем сказать еще меньше, "Все сведения о домонгольских монастырях, - говорит Г.П. Федотов (2000. С. 52), - указывают на их городской или пригородный характер, настоятели их принимают живое участие в общественной жизни Руси, старцы являются излюбленными духовниками мирян". Это относится, несомненно, и к монастырям наших земель.

Смоленское княжество сложилось, мы знаем, позднее Полоцкого. Если Полоцкая епископия возникла еще в 90-х годах X в., то смоленская - лишь в 1036 г. (а до этого подчинялась переяславскому владыке). Видимо, и монастыри - эти центры религиозной философии и просвещения, получили "массовое" распространение там позднее. Когда был выстроен в Смоленске первый монастырь, мы не знаем. Кажется несомненным, что в гнёздовском Смоленске монастырей еще не было: христианских находок в гнёздовских курганах почти нет (см.: *Асташова,* 1974. С. 251). И это не удивительно. Крещение Смоленска произошло, как известно, в 1013 г. *(Тихомиров,* 1956. С. 355), т.е. тогда, когда жизнь в Гнёздове уже кончалась, ибо постепенно снижалось былое значение Пути из Варяг в Греки, время же расцвета Смоленска на новом месте, в связи с "оживлением торгового пути от берегов Балтийского моря в глубь Восточной Европы" *(Тихомиров,* 1956. С. 355) еще не наступило. Не исключено, что сирийский энколпион в гнёздовском Смоленске воспринимался лишь украшением. Обратимся к смоленским монастырям.

БОРИСОГЛЕБСКИЙ МОНАСТЫРЬ НА СМЯДЫНИ считается обычно древнейшим монастырем в Смоленске. Говоря о его возникновении, Н.Н. Воронин пишет: «Речка Смядынь при впадении в Днепр образовывала удобную для остановки судов бухту. Это в значительной степени определило последующую историю и значение данного района... Здесь, в устье Смядыни, в 1015 г. насад князя Глеба был настигнут ладьями посланных Святополком убийц, и Глеб был зарезан. В 1019 г. его прах перевезли в Вышгород (близ Киева). Видимо, вскоре после канонизации Бориса и Глеба в устье Смядыни обосновался посвященный их памяти монастырь. Возможно, это произошло в начале XII в., когда Мономах заложил главный храм Смоленска - Успенский собор - и вполне естественно было подчеркнуть причастность к Смоленску первых русских святых основанием монастыря на месте убийства Глеба. Монастырь был, конечно, деревянным и, очевидно, в первые годы княжения Ростислава Мстилавича был укреплен так, что в 1138 г. послужил базой для острой политической операции: здесь был схвачен и заточен смолянами изгнанный из Новгорода князь Святослав Ольгович: "А самого Святослава яша на пути смолняне и стрежахутъ его на Смядыне в манастыри"» *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 37; НПЛ, 1950. Т. 1. С. 25). Идейно-политическое значение монастыря князь Ростислав Смоленский, как думает Н.Н. Воронин, подчеркнул строительством здесь Борисоглебского собора: "Въ л-Ьто 6653/1145 заложиша церковь камину на Смядын-ь, Борис и Гл-Ьб, Смольньск-Ь" (НПЛ, 1950. Т. 1. С. 27, 213). Он также полагает, что "храм был построен Ростиславом как собор монастыря смоленской княжеской династии", ибо там был погребен в 1197 г. смоленский князь Давид Ростиславич *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 38).

Распространенное мнение, что Смядынь была местом, где стоял княжеский "замок типа Вышгорода и Боголюбова", археология отвела: исследования Д.А. Авдусина 1958 г. показали, что культурного слоя здесь нет *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 39). Смядынский монастырь, следовательно, ставился на необжитом месте.

Нам известно, что монастырь на Смядыни имел две каменных церкви: Бориса и Глеба (1145) и храм св. Василия, построенный, мы увидим, князем Давидом Ростиславичем (1180-1197). Дело в том, что этот князь лелеял мысль превратить Смядынь во второй Вышгород. В 1191 г. он перенес ветхие гробы Бориса и Глеба из Вышгорода в Смоленск на Смядынь. В Вышгороде существовала малая церковь св. Василия, и Давид построил церковь с этим наименованием. Как свидетельствуют исследователи, о судьбе храма Василия сведений почти не сохранилось. В 1634 г. он был еще цел *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 152).

СПАССКИЙ МОНАСТЫРЬ у д. Чернушки. Это второй монастырь, который, судя по остаткам кладки из плинф в местной церкви, существовал в домонгольское время. Однако о нем ничего неизвестно. О его монастырском храме см. с. 98-100.

ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ на р. Кловке - третий монастырь Смоленска, о котором есть археологические свидетельства домонгольского времени. Письменные источники называют этот монастырь лишь с 1506 г. В наше время при устье р. Кловки (в значительной степени пересохшей) сохранились три холма, под которыми скрывались строения монастыря. Раскопки 1964 г. обнаружили строения монастыря XV-XVI вв. Западнее, в овраге, воды Кловки постоянно вымывали остатки здания из плинф на цемянке. Исследования этих остатков показали, что Троицкий монастырь существовал уже в 90-х годах XII в. *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 213).

Все же надо сказать, что в домонгольское время монастырей в Смоленске было больше, чем выявлено археологически. Житие Авраамия Смоленского, о котором еще будет речь, называет, например, *Богородицкий* монастырь, в котором, мы увидим, в начале XIII в. постригся Авраамий. Этот монастырь находился в пяти поприщах от города.

Поссорившись с монастырской братией, подвижник оставил этот монастырь и перешел в монастырь Воздвижения креста Господня - в *Крестовоздвиженский.* После ряда перипетий, мы увидим, он вновь возвратился в монастырь Богородицы, очевидно, Успенский (может быть, "Рождества Богородицы"?).

О том, что в Турово-Пинской земле в домонгольское время существовали монастыри, мы почти не имеем прямых данных, но есть косвенные, связанные прежде всего с подвижническими подвигами Кирилла Туровского.

Об этом святителе мы еще много будем говорить дальше. Сейчас же нам важно, забегая вперед, что он родился около 1110 г., по смерти родителей ушел в монастырь и принял постриг с именем Кирилла "в одном из туровских монастырей. Судя по рукописи XV-XVI вв. это был монастырь св. Николая в Турове" *(Мельников,* 1992. С. 60), известен также епископский монастырь Бориса и Глеба *(Мельников,* 1992. С. 68).

Таковы наши скудные сведения о монастырях этих земель, кое-что можем сказать о их обитателях.

Монастырские просветители

> Мы должны чтить и уметь различать в иконописном житии живые лики русских святых, которые несут нам свои заветы, свое национальное понимание вечного христианства...
>
> *Г.П. Федотов*

> Самое ценное в народе - в его вершинах.
>
> *Д.С.Лихачев*

Нравственные основы христианства - учение Христа: нищета духом, кротость, милосердие, простота, чистота сердца, прощение даже врагам, любовь к Богу и к людям и самое главное - покаяние. Можно представить, с каким огромным трудом все это, чему учила Церковь внедрялось в языческой Руси! Важно, что учение это пересказывалось на старославянском языке, а его основу составляла понятная на Руси староболгарская речь:"Ради быша словтзне яко слышаша величья Божья своимь языкомъ" - говорит Нестор (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 22). "Рады были", надо думать, лишь верхушка древнерусского общества, его низ, вчера еще язычники, постигали все это намного медленнее, с огромным протестом, крайне враждебно...

В просвещении народа основную роль играли служители Церкви и прежде всего и больше всего монахи-подвижники, некоторых из которых в конце концов Церковь причисляла к лику святых. Их главная идея - полная отдача себя Всевышнему, аскетизм, непрестанная молитва. Идея святости проникла и на Русь. Правда, ее первыми святыми были князья Борис и Глеб Владимировичи, вовсе не мученики, но страстотерпцы. Так было в XI в. В XII в. святым становился уже тот, кто сам был святой жизни, ежечасно предавался молитве, был аскетом и являлся как бы строителем "Неба на земле" - монастыря, храма, а также посвятил свою жизнь бедным, раздавал им имущество и т.д. Проповедуя Слово Божие он, конечно, читал и переписывал книги Святого писания - религиозные книги. Эти люди являлись подлинными просветителями, слава о них широко расходилась, и к ним тянулся уверовавший народ. В Западнорусских землях крупнейших просветителей этого направления было трое: Евфросиния Полоцкая, Кирилл Туровский, Авраамий Смоленский.

Евфросиния Полоцкая

Знаменитой полоцкой подвижнице выпале жить в величайшую культурную эпоху домонгольской Руси, в XII в., когда большая часть страны была крещена, когда в основных центрах русских земель - в Киеве, Новгороде, Полоцке уже поднялись грандиозные храмы св. Софии, своим названием и величием указывающими на гордо(соревнование не только друг с другом, но и, каi мы говорили, со знаменитой Софией Царьграда воздвигнутой Юстинианом в VI в. Только что кон чилась великая эпоха ее деда - Всеслава Полоцко го, шесть сыновей которого поделили земли роди теля. Какую-то часть получил и ее отец Георгий Там, видимо, и провела детство молодая княжн; Предслава.

ИСТОЧНИКИ О ЕВФРОСИНЬЕ, ЕЕ ЖИЗ НИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ. Главным источнике* о ее жизни и деяниях являются Четьи Минеи ми трополита Макария (1481-1563). "Минеи Мака рия, - говорит В.О. Ключевский, - сохранили Жи тие полоцкой княжны Евфросинии. По составу і литературному характеру оно напоминает рито рические жития XV-XVI вв., но живость и обили биографических черт[5] вместе с остатками старин ного языка заставляют предполагать у биограф какой-нибудь более древний источник" *(Ключев ский,* 1988. С. 262). В самом деле, как увидим, оби лие многочисленных деталей, нигде не расходя щихся с тем, что рассказывается в летописях, точ ное указание имен - все это показывает, что меж ду источником, которым пользовался Макарий, тем Житием, которое составлено первоначальнс находилось очень небольшое количество копш Вторым источником нашим являются раскопк архитектурных памятников, в построении коте рых участвовала Евфросинья, третьим - ее знаме

[5] Утверждение И. Кологривова и других, что обилие биогр; фических черт Жития Евфросинии "указывают на ее но] манское происхождение", нам кажется мало обоснованны *(Кологривов,* 1961. С. 251).

нитый крест. На все это мы будем опираться в нашем изложении.

ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО ПРЕДСЛАВЫ-ЕВФРОСИНЬИ. Она была дочерью, как мы сказали, сына Всеслава Георгия и его жены, по-видимому, Софии. Двенадцати лет, говорит житие, она пришла в монастырь к своей тетке игуменье Романовой, очевидно, к вдове сына Всеслава Романа. Последний, судя по летописи, умер в 1116г. (ПВЛ, 1950, С. 201). Очевидно, после этого его жена ушла в монастырь, и должно было пройти несколько лет, прежде, чем она стала игуменьей, т.е. племянница к ней пришла в начале третьего десятилетия XII в., а родилась следовательно, где-то в 1108-1110 гг. Что это была за эпоха, когда Евфросинья явилась на свет? Чем жила страна и семьи сыновей Всеслава Полоцкого? Как можно представить ее детство и отрочество?

Не так давно умер ее знаменитый дед, с его смерти еще не прошло и десяти лет. Однако целая страница истории была уже перевернута. Что она слышит в начале своего пути в детстве, в отрочестве? Что повествуют ей окружающие ее мамки? Какие разговоры взрослых она слышит, чем заняты ее родители, дядья-князья? Словом, что ее формирует? Конечно, вокруг нее все более всего заняты междукняжескими отношениями вчерашнего и сегодняшнего дней. Говорилось о торжествах недавнего прошлого по случаю замужества ее тетки с сыном византийского императора (1106), приготовлением невесты, о ее деде Всеславе, его жизни, характере и поступках (он умер недавно, в 1101 г., для всех был еще жив!). Это он возвел Софию, которой все любовались, и она там бывала постоянно, покорил "менских дреговичей" и отстроил крепость Минск на р. Свислочь... Он бесстрашно нападал на Псков и Новгород и привез колокола (их звон она слышала по всему Полоцку каждый день). Перед смертью он наделил всех сыновей землями и что-то получил от него ее отец... Участвовала ли она в торжествах по случаю окончания ее отцом строительства храма св. Георгия и перенесения мощей полоцких епископов в новый храм, мы не знаем, но вряд ли могла участвовать. Рано услыхала Предслава, несомненно, и еще более древнюю историю-сказку о Полоцке и Рогнеде - ее прапрабабке, и о прапрадеде Владимире Святом, который жестоко обошелся с ее предками по матери...

Житие рисует нам ее глубоко религиозной и грамотной с самой ранней молодости и, вероятно, с отрочества, и можно не сомневаться, что ее сызмала окружали церковные люди. Ей рано, видимо, было внушено, что "красота праведнику почитание книжное", как написано в одной старинной книге (Изборник Святослава 1076 г.). Читались, конечно, более всего религиозные книги. По ним учили, как всегда, азбуке, технике письма и начинали читать (Псалтирь, Апостол, Часослов и т.д.). Постепенно круг чтения расширялся. Бог создал человека по своему образу и подобию, поселил его в раю, но грехопадение разрушило всю благодать, - узнавала Предслава, постигая основы христианского вероучения. "Сын же человеческий" - "прииде (...взыскати и) спасти погибшаго...", - читала она по складам в Евангелии (Мф. 13/11). Читала она и о подвигах мучеников-подвижников - Четьи Минеи, частично тогда уже у нас переведенные жития святых на каждый день. Знала наверняка почти наизусть житие первых русских подвижников-мучеников Бориса и Глеба, живших всего сто лет назад и в 1015 г. погибших от коварства их брата князя Святополка Окаянного... Помимо конфессиональной функции, книги эти будили в читателе мысль, внушали широкие представления о мироздании (как его представляли тогда), об истории людей, о родстве всех народов... У некоторых наиболее образованных возникали мысли о месте и значении Родины! Так в Полоцке явилась идея летописания, целью которого было передать новым поколениям поступки предыдущих. Полоцкая летопись, увы, до нас не дошла, но она была: ее видел историк В.Н. Татищев (1686-1750). На вопрос графа Н.П. Румянцева "какие летописцы Вы обозначаете?", смоленский историк Н.А. Мурзакевич 9 октября 1819 г. отвечал, что имел из Полоцкого летописца выписки о епископах от преосвященного Парфения, которые потом возвратил, теперь же не знает, где достать *(Орловский,* 1903. С. 21). Значит, и он видел записи из местной летописи!

Книги - книгами, но кругом бурлила повседневная жизнь, и она не могла не проникнуть в княжеские терема, где жила молодая княжна, а позднее - за стены монастыря, где она пребывала. Перед княжной проходила жизнь ее отца и пяти его братьев, которые вовсе не вели себя по христианским заповедям, которым ее учили. Чем они занимались? Какую жизнь предпочитали, такую ли, какая была внушена ей как идеал? Южнорусский князь Владимир Мономах (1053-1125) главной доблестью считал не "служение Богу", а безмерную храбрость на войне и на "ловах" (охоте), т.е. там, где уничтожалось созданное Богом создание (человек ли, зверь ли). Воинственны были ее дядья и братья: еще до ее рождения, в 1104 г. брат ее отца Глеб Всеславич, князь минский совершил какой-то проступок против братьев и едва отбился в бою с ними. Правда, через два года это было забыто, и братья-князья затеяли общий поход на земгалов, но потерпели страшный разгром ("дружину убиша 9 тысящь" - ПВЛ, 1950. С. 186). Через 10 лет, в 1116 г., накопив силы, Глеб напал на князей Слуцких. Наказание не замедлило себя ждать: Мономах начал не только длительную осаду Минска, но и построил перед осажденным городом избу, устрашая, что будет зимовать. Глеб с семьей, мы помним, униженно кланялся, прося пощады... За новый проступок, мы знаем, Глеб был вывезен в Киев, где и умер (1119). Обо всем этом с волнением говори-

лось вокруг княжны Предславы - это наверняка! Говорилось и о том, как Мономах мирил ее дядей, вызвав их в Смоленск (1121). Ей в это время было около 15 лет, она уже жила без родителей в полоцком Софийском соборе (о чем - ниже).

Родственные княжеские распри, борьба ее дядьев за власть и еще, несомненно, другие неизвестные нам обстоятельства, против которых усиленно протестовала церковь, - все это не могло не отпугивать набожную княжну от мирской жизни. Усиленное чтение библейских книг, учащих смирению, общение с полоцким владыкой, священниками и монахами - не это ли все побудило ее принять решение уйти в монастырь! "Видел я все дела, которые делаются под солнцем, - читала она грустную мудрость, - и все суета и томление духа!" (Еккл. 1, 14). Как же все произошло?

"Русские люди имеют следующий обычай, - писал, посетивший Русь в 1578 г. австрийский принц Даниил фон Бухау, - девицы прежде достижения совершеннолетия вступают в брак на 10-м году возраста, юноши - на 12-м или 13-м" *(Аделунг,* 1863. Кн. 3. С. 62). У Предславы подобный случай представился в 12 лет. Слышала она как-то, как отец говорил матери: "Нама уже лепо дати Предславу за князь!". Она помнила книги, которые читала, помнила наставления монахов - житие князей "мимо течет и слава их погибе, аки прах и хуже паутины..." жизнь эта "не вечноваша" (не останется для вечности, для спасения души!). Нужно же, знала она, судя по ее житию, "духовным мечом" отсечь от себя плотские страсти, "предавше телеса свои на пост и бдение и коленное поклонение...!". Она скрылась из терема и тайно бежала в монастырь к тетке-игуменье Романовой, умоляя ее "причесть к ту сущим инокиням под игом Христовым". "Смятеся" игуменья, - повествует наш источник, она видела "юность ее и возраст ее цветущий". Опасалась, видимо, игуменья и гнева брата своего покойного мужа князя Георгия, отца княжны. И вот читаем следующий диалог:

- Чадо мое! - скорбно восклицает игуменья, - како могу се сотворити! Отец твой, уведав, со вся ким гневом возложит вред на голову мою, и еще юна еси возрастом, не можеши понести тяготы мнишеского жития и како можеши оставити кня жение и славу мира сего? Но "чадо" твердо знало, что хотело: "Отвеща же блаженная отроковица:

- Госпоже и мати! Вся видимая мира сего - крас на суть и славна, но вскоре минует, яко сон..."

Столь взрослое утверждение отроковицы сломило волю тетки-игуменьи: "Удивишеся разуму отроковица, - повествует житие, - удивишеся любви ее к Богу, повеле воли ее быти и, огласив ю иерей, остриже ю и нарече имя ей Евфросинья, и облаче в черныя ризы..."

Гнев отца, который останавливал Романовую, обернулся лишь горестными стенаниями родителя: "Почто ми преже сего, мысля сея, не явила еси?!". (Повесть о Евфросинии, 1860. С. 173, 174). Вернуть уже ничего было нельзя. Новая послушница упросила епископа Илью разрешить ей жить не в монастыре, а в храме св. Софии в Полоцке.

ТРУДЫ ЕВФРОСИНИИ В ГОЛУБЦЕ СОФИЙСКОГО СОБОРА. Получив разрешение, новая послушница перебралась в так называемый голубец собора и взялась за неустанный труд: начала интенсивное переписывание церковных книг, умножая тем самым их количество, и сама же, по-видимому, научилась их переплетать, а на вырученные деньги помогала бедным... "Жалость к бедному и убогому, - говорит В.О. Ключевский, - чувство, с которым русская женщина на свет родится" *(Ключевский,* 1918, С. 142), а здесь еще высшие чувства, которые ощущала эта средневековая женщина, черница Евфросинья, - безмерная преданность Всевышнему, чувство высокого нравственного подвига, чему она предназначена...!

Что это за таинственный "голубец" в соборе, почему именно там, а не где-либо в монастыре, например, у Романовой (не единственный это был тогда женский монастырь!) занялась Евфросинья перепиской? По словарю И.И. Срезневского, голбецъ - загородка?, по Словарю русского языка XI-XVII вв. (1977. Т. 4. С. 69) - "часть церковного помещения, служащая усыпальницей". Почему ей потребовалось жить и работать именно в Софийском соборе?

"В глазах образованных людей, - читаем мы у секретаря польского короля Стефана Батория Ромуальда Гейденштейна при описании разгрома Полоцка королем в 1579 г., - почти не меньшую ценность, чем вся остальная добыча, имела найденная там библиотека. Кроме летописей, в ней было много сочинений греческих отцов церкви..." *(Гейденштейн,* 1889. С. 71). Это было в XVI в., в XII в. в соборе книг было, конечно, намного меньше, но, судя по стремлению "отроковицы", они, видимо, были!

В самом деле, в Средние века переписка книг была, как мы знаем, очень трудоемким делом, книги хранили, боясь пожара, в каменных зданиях, а таковыми были большей частью церкви. Древние болгарские рукописи, понятные на Руси без перевода, Византия охотно распространяла у нас. В Софии Киевской, например, была размещена библиотека болгарского царя Симеона (919-927) -трофей императора Иоанна Цимисхия (969-976), в 972 г. захватившего большую часть Болгарии. Его сын Василий II Болгаробойца (976-1025) передал добычу отца в качестве приданого своей сестры Анны, выходившей замуж за великого русского князя Владимира Святого (980-1015) *(Щепкина,* 1977. С. 232, 233). Древнеболгарские книги расходились по крупным городам и монастырям Руси и в большинстве случаев погибли в татарском нашествии XIII в. Лишь в нескольких городах, куда не заходили татары, книги сохранялись, в частности, в Полоцке до XVI в., когда Софийский собор и его богатства были разграблены при взятии города Сте-

фаном Баторием в 1579 г. *(Гейденштейн,* 1889. С. 71; о судьбе библиотеки см.: *Щапов,* 2004. С. 297-313).

Нам теперь ясно, почему преподобной потребовался голубец в Софийском соборе. Книги можно было переписывать в любом монастыре, да и у той же Романовой! Но ей требовалось собрание книг, место, где их много, а это нужно лишь тогда, когда по книгам интенсивно занимаются! Когда их постоянно читают, сопоставляют тексты и т.д. Мы приходим к выводу, что талантливая черница рвалась к самообразованию, к чтению, к тому, что мы теперь называем "работой над книгой"! Нужно ли говорить, какой это был редкий случай в той отдаленной древности, да еще для женщины! Для нас важно, что житие говорит о том, что она не только занималась перепиской книг "своими руками", но и "наем емлюще"! Это место обычно не замечают, но для нас очевидно, что княжна-монахиня организовала в голубце целый скрипторий! Нанятые писцы размножали те книги, которые она выбирала в библиотеке. Что же это могло быть? А.Н. Робинсон указывает, что в пределах церковно-учительной литературы (а именно эта литература, несомненно, более всего интересовала преподобную) «древнерусские книжники обнаружили свои ограниченные, но целеустремленные требования. Раннехристианская гимнография отбиралась для собственно церковных целей. Оригинальное творчество в этом направлении развивалось мало (например, канон и несколько молитв Кирилла Туровского, XII в.). Обширная внецерковная религиозная поэзия византийцев в Киевской Руси не была воспринята. Древнерусские книжники весьма ценили сочинения "отцов церкви", а именно их же прозу ("слова", проповеди), но они проходили мимо их же стихотворного наследия. Так, Ефрем Сирин (IV в.), Григорий Назианин (IV в.), Иоанн Дамаскин (VIII в.) были известны древнерусским читателям как проповедники, но не как поэты.» *(Робинсон,* 1980. С. 56, 57). Древнерусские книжники - именно они, видимо, обучали Евфросинью в ее занятиях переписным делом, - пользовались старыми болгарскими переводами греческих отцов церкви. "Болгарская литература была исполнена углубленных религиозно-философских и церковно-нравственных интересов, что и сказалось на отборе болгарскими книжниками преимущественно византийской церковно-учительной и церковно-историографической литературы (типа *"Шестоднева"). В этом отношении древнерусские книжники в значительной мере следовали за книжниками болгарскими" *(Робинсон,* 1980. С. 57). Сказанное дает нам примерное представление о том, что выбирала княгиня для переписки[6]. Конечно, первое время ей были трудны все те фолианты, которые хранились на полках Софии, однако, не забудем, что она провела в созданном ею скриптории почти все 1120-е годы (до 1128 г., о чем - ниже), за это время мысль ее, несомненно, крепла, а содержание книг все более становилось доступным...

ОБУСТРОЙСТВО СПАССКОЙ ОБИТЕЛИ. Княжеская дочь, монахиня Евфросинья была богата, это давало ей в ее деятельности большие возможности. Она, несомненно, жертвовала на храм св. Софии, вкладывала деньги в устроенный там скриптории, трудилась там сама, но как знать, не подумывала ли и о том, что ее подвижническая жизнь требует большей жертвы, большего подвига - такого подвига, который навсегда обессмертил бы ее имя? Эти мысли вполне могли посещать ее, ведь все, что она велела вычеканить, мы увидим, на создаваемом ею драгоценном кресте (1161) служило именно этой идее! Дружившая с местным епископом, исповедавшаяся у него, она могла говорить ему о волнующих ее идеях.

О дальнейшем повествует ее житие. Как-то во сне она увидала: ангел повел ее в Сельцо под Полоцком, "глаголя: Евфросиние, зд-Ь ти подобаетъ быти! Тою же нощи явися епископу Илье тот же ангел, глаголя: веди ю рабу Божию Евфросинию в церковь святаго Спаса, на рекомое Сельце - место бо то свято есть" (Повесть о Евфросинии, 1860. С. 174). Утром иерарх говорил Евфросинье: "Тебе не лепо зде пребывати! Есть церковица св. Спаса, идеже братия, преже нас бывши епископи..." Речь шла о местечке за городом, где стояла деревянная церковь-усыпальница полоцких епископов (очевидно, с основания епископии в конце X в.). Однако, как показали раскопки М.К. Каргера, в начале XII в. подле церкви Спаса отцом Евфросиньи был выстроен новый храм, посвященный его патрону св. Георгию и туда-то из Спасского храма были перенесены останки полоцких иерархов в первые два десятилетия XII в. *(Каргер,* 1977. С. 245; *Алексеев,* 19966. С. 102, 103). Мне представляется несомненным, что призывая Евфросинью в Сельцо, владыка Илья питал надежду, что княжна выстроит каменную церковь Спаса взамен обветшавшей деревянной, где ранее были положены останки епископов, ныне перенесенных в храм св. Георгия, а также обустроит находившийся там Спасский монастырь. Из-за останков владык место это считалось "святым".

Перед полоцкими князьями епископы благоговели, но перевод Евфросинии в эти места был, видимо, поступком, на который решиться можно было лишь заручившись семейным советом, во главе которого стоял, как сообщает житие, полоцкий князь Борис Всеславич. На совете, где, кроме братьев-князей были и бояре, епископ Илья держал речь: "Се отдаваю Евфросинии место святаго Спаса при вас, да, по моем животе, никто не посудит моего даяния...". Реакция присутствующих бы-

[6] Почетным делом переписки и переплетения книг занимались даже Никон (переплетал, переписывал) и Феодосии (сучил веревки для этого) (Патерик Печерский, 2003. С. 180-181).

ла одинаковой: «Се слышавше, князи оба и бояре все от епископа, поклонистася ему, глаголя тако: "Владыка святый, си тя есть Бог положил на сердце твоем еще сице умыслил отроковицы сей попечение о ней". Евфросиние же реша: "ты иди и, послушая епископа, еже ти велит тако сотвори - то есть всем нам того подобает слушати..."»[7]. Последовало прощание: "приемше благословение от епископа и поклонившеся преподобной Евфросинии и целоваша ю любезным целованием, ехаша в домы своя..." (Повесть о Евфросинии, 1860. С. 175).

В дальнейшем, "Евфросиния же поклонившееся в святей Софии и, благословившися у епископа, и тоя нощи поимши с собою едину черноризицу, прииде на место, зовомое Сельце, ид-вже есть церковь святаго Спаса, и, поклонившися", принесла клятву Богу быть подвижницей и т.д. (Повесть о Евфросинии, 1860. С. 175). Когда же это произошло? Именуя ее механически "отроковицей", житие допускает неточность - девочкой она уже не была: там упомянут, мы сказали, полоцкий князь Борис. Этот ее дядя стал полоцким князем по воле полочан только в 1127 г., а в следующем году он умер (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 297-299). Значит, все события, о которых идет речь, происходили в период двухлетнего правления Бориса Всеславича, в 1127-1128 гг., княжне уже было 19-21 год.

Первым поступком молодой игуменьи Спасского монастыря (нам представляется, что она не основала, а скорее обустроила существовавший ранее монастырь) было пострижение туда двух сестер: Гордиславы и Евпраксии. Опасаясь отказа отца, свою просьбу о пострижении Гордиславы она мотивировала тем, что хочет научить ее грамоте, на самом же деле "с прилежаеним учаше ея спасению души", та же "с прилежанием приимаше". Допустив неправду ради Божьего дела, Евфросинья пошла дальше: "повел-в иерееви, огласивши, облещи (Гордиславу) в чернеческия ризы и нарече имя ей Евдокия". Обман сразу не вскрылся: "по малих днех приела отец к ней, глаголя: "пусти же сестру свою ко мне. Она же отвеща: еще не извыче всей грамоте". Эта ложь во спасение вскоре открылась, и Георгий «взъярися на преподобную Евфросинию, сердцем горя, приехав к монастыри глаголя: "чадо мое, что сотвори? приложи ми еЬтование к в-врованию и душе моя печаль к печали!"». Несколько успокоившись (может быть, даром "успокоения" владела преподобная), по житию, отец лишь восклицал: "чада моя, на се ли вас родих? На се ли вас мати воспита!"? Гнев отца, видимо, не испугал и вторую сестру - перед увещеваниями талантливой Евфросиньи, очевидно, нельзя было устоять. Вскоре перед ней стояла и вторая сестра, принеся в монастырь "всю свою златую утварь и ризы многоценны": "Госпоже и сестре, - воскликала она, - вся красная мира сего ни во что ми ся манит; сия вся даю святому Спасу, а сама хощу поклонити главу свою под иго Христово!". Эта сестра была пострижена под именем Евпраксии (Повесть о Евфросинии, 1860).

Если сестры приносили в дар монастырю такие богатства при пострижении, то можно представить, что жертвовала ему сама игуменья! Ясно, что обитель начала процветать[8]... Однако игуменья получила от владыки благословение на сооружение нового храма во имя Преображения Господня. Предстояло это осуществлять.

СПАССКИЙ ХРАМ И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЕВФРОСИНИИ. Итак, епископ Илья отдавал ей не просто то место, где тогда стояла деревянная усыпальница епископов Преображенского монастыря, как сказано в "Великих минеях" Дмитрия Ростовского (1651-1709), составлявшихся им в значительной мере по недошедшим до нас источникам; *Сапунов,* 18886. С. 477), но благославлял ее на замену старого храма новым, каменным.

Где же надлежало искать зодчего? Двадцатые-тридцатые годы XII в. были временем, когда обученные греческими мастерами русские зодчие разошлись по всем землям. Один из таких мастеров, мы увидим, был найден ею в Бельчицком монастыре и даже отстроил там два достаточно оригинальных для того времени храма - Параскевы Пятницы и Бориса и Глеба *(Воронин,* 1956). Не приходится сомневаться, что молодая игуменья Спасского монастыря давно присматривалась к его деятельности, иначе она не заказала бы ему строительство храма в своей обители. До нас дошло лишь имя этого древнего архитектора - мастер Иоанн.

О построенном им каменном Преображенском храме еще речь впереди. Здесь, забегая вперед, мы рассмотрим его лишь как источник религиозно-философских воззрений Евфросинии Полоцкой.

Храмом занимались многие исследователи и видели в нем лишь архитектурный шедевр. Род полоцких князей, как мы знаем, был достаточно связан с византийским императором, как и патриархом, однако, выбор пал на скромного строителя Бельчицкого монастыря. Как выяснил Н.И. Воронин (1956) в его постройках там было много нового и прежде всего в стремлении к вертикализму объема. Это в известной степени противоречило визатийской статичной крестовокупольной схеме, но заказчицу вовсе не отпугнуло.

Невозможно согласиться с ученым, писавшим в эпоху, когда всякая малейшая церковность изгоня-

[7] Из этой фразы мы понимаем, что ее отец, отстроивший усыпальницу, до этого не соглашался на финансирование строительства нового храма!

[8] Это показывает, сколь необоснованно мнение тех исследователей, кто пытается утверждать, что отец Евфросинии был беден и не мог построить в монастыре роскошный храм-усыпальницу своего имени!

лась даже из трудов по русской церковной архитектуре. Ему казалось, что существование Борисоглебского храма Бельчицкого монастыря (прообраза Спасского храма) доказывает, что Евфросинья «никакого отношения к "художественной воле" зодчего не имеет и лишь "свидетельствует с полной ясностью об ее действительных художественных наклонностях: она питала большое уважение к Константинополю и даже снарядила посольство к патриарху Луке Хризовергу и императору Мануилу Комнину за Эфесской иконой Богородицы, которую посланец и привез. Царьградская икона, - писал исследователь, полагая, очевидно, что это усиливает его доказательство, - была украшена "златом и каменьем многоценным", после чего Евфросинья "устави во вся вторники носити ю по святым церквам"» {*Воронин,* 1954в. С. 267, 268). "Совершенно очевидно, что вкусы Евфросинии были скорее всего противоположны вкусам мастера Иоанна, нашедшим свое выражение в его глубоко своеобразном произведении" {*Воронин,* 1954в. С. 268). Нужно ли говорить, сколь недоказательна подобная аргументация в наше время! Деятели православной русской церкви с благоговением смотрели на все происходящее в Византии. Будь Евфросинья узкой ретроградкой, стремившейся слепо копировать то, что приходит от греков, допустила бы она какие-либо вольности в возводимам ею храме? Ясно, что она была согласна на те новые вольности, которые прибавились в ее храме, в отличие от бельчицких, только потому, что основная их часть исходила от нее самой.

Чтобы не быть голословными, нам следует понять, что найденное в архитектуре бельчицких храмов повторилось в евфросиниевской церкви Спаса, а что явилось новым, внесенным зодчим в памятник, только войдя в сношения с заказчицей. Надо сказать, что о роли заказа в древней Руси учеными уделялось внимание. "Многие из новгородских владык, - писал А.И. Некрасов (1924. С. 45), - были для своего города тем же, чем Медичи для Флоренции" (цит. по: *Савельев,* 1992. С. 14). Большое внимание А.И. Некрасов уделял Никону - новгородскому епископу (113СМ156), который создал самобытный стиль приходского храма. "Как и В.М. Красовский, А.И. Некрасов полагал, что архитектору и живописцу давались определенные директивы" {*Савельев,* 1992. С. 14). Наша задача - понять, исходили ли новшества Евфросиниевского храма (как и в Бельчицах) тоже от Иоанна, а не от заказчицы? Получалось, что полоцкий зодчий был исключительно талантлив, может быть, даже гениален, просвещенная же, как мы знаем, игуменья в особенности постройки не входила. Однако характер того нового, что было внесено в Спасский храм, заставляет думать иначе. Как показали исследования И.М. Хозерова и Н.Н. Воронина, новшества мастера Иоанна, внесенные в бельчицкие церкви Параскевы Пятницы и Бориса и Глеба лежат в сфере стремления его к вертикализму {*Воронин,* 1956. С. 13). Это стремление повторено и в Евфросиниевском храме Спасского монастыря, однако там много сложнее, в этот памятник, мы увидим, внесены определенные глубинные идеи церковно-философского, так сказать, характера.

Дело здесь прежде всего в интерьере. "Интерьер, - говорит А.И. Некрасов в своем труде, увидевшем, наконец, свет посмертно, - является главнейшим моментом архитектуры. Это ясно себе представляли уже египтяне, и об этом основательно забыли зодчие XIX в., сведшие понимание здания лишь к фасаду" {*Некрасов,* 1994. С. 89). Это справедливое высказывание выдающегося теоретика архитектуры не помешало ему, впрочем, не понять интерьера церкви Спаса (о чем - ниже) и сделать ложное заключение (да сейчас нам это и неважно). Итак, интерьер. Если экстерьер храма в его первоначальном виде (о нем - ниже) приковывал взгляд своим устремлением вверх и "высотная" композиция была символом христианского духовного порыва, была данью княжескому достоинству заказчика, то полутьма интерьера в колеблющемся свете свечей, давящая загруженность здания внутренними объемами - мощными столбами, широченными стенами, низкими потолками нартекса при входе, узкими и тесными боковыми нефами (где двоим трудно разойтись) - все это создавало ощущение подавленности, а голоса ангелов вверху (хор на хорах), возбуждали мысль о человеческом ничтожестве, преходящем характере жизни, тщете всего мирского и высоте Божественного Промысла... А не это ли отражало буквально те настроения которые владели молодой Евфросиньей, когда она устремилась к монастырской жизни и бежала из дома? "Вся видимая мира сего - красна суть и славна, но вскоре минует яко сон!"[9].

Итак, храм, который возводила просвещенная полоцкая игуменья, широко начитанная, с помощью талантливого архитектора (о котором мы будем говорить еще в своем месте), выражал архитектурными средствами ее сокровенные идеи философско-религиозного характера. Идеи эти получили выражение только в этом последнем храме, в предыдущих церквах мастера Иоанна, которые он построил в Борисоглебском Бельчицком монастыре, где преследовались модные чисто архитектурные идеи вертикализма, их не было! Нам ясно: они всецело принадлежали заказчице.

В заключение отметим, что мы не имеем возможности согласиться с автором интересного исследования о церковном заказе в архитектуре Руси, Ю.Р. Савельевым, который отнес храм Евфросинии Полоцкой к "придворному типу храма", начало которому, якобы было положено в Полоцке

---

[9] См. об этом: *Алексеев,* 19966. С. 106; 1996в. С. 16).

в 60-х годах XII в. *(Савельев,* 1992. С. 68). Как мы увидим, в Спасском монастыре Полоцка еще раньше, с начала XII в. высился богатейший храм "вертикального" типа, куда были перенесены останки полоцких епископов (см. с. 83-85). Что же касается евфросиниевского храма, то этот никак не "придворный тип храма", а монастырский храм, отражавший вовсе не "придворные" идеи постройки, как мы только что видели.

Итак, идеи "вертикализма" в храмовой постройке, модные с самого начала XII в. (Спасский храм на Берестове и т.д.), получившие выражение в бельчицких постройках и в Спасском храме Евфросиниевского монастыря, целиком принадлежали, по нашей мысли, бельчицкому зодчему Иоанну, идеи же религиозно-филосовского плана, отраженные в евфросиниевском храме, полностью исходили от этой просвещенной, начитанной игуменьи полоцкого Преображенского монастыря, великой просветительницы тогдашней Руси, матери Евфросинии.

После окончания строительства перед Евфросинией стояла задача росписи храма фресками, оснащения его книгами и богослужебным реквизитом. Как мы увидим, были приглашены выдающиеся художники, которые блестяще расписали стены библейскими сюжетами, изображениями святых. Особенно важна для нас роспись кельи преподобной, изучение которой даст возможность судить о том, что и какого качества она хотела видеть перед собой во время ежедневных молитв! Особое место было отведено для уникального креста, который игуменья заказала лучшему ювелиру Руси Лазорю Богше и вложила его в храм в 1161 г. (см. выше).

ХРАМ И МОНАСТЫРЬ БОГОРОДИЦЫ НОВОЙ. Как свидетельствует Житие Евфросинии, она не удовлетворилась обустройством лишь женской обители и решила "создати вторую церковь каменну святей Богородице. И ту, совершивши и освятивши, предасть ю мнихом и бысть монастырь велии..." (Повесть о Евфросинии, 1860. С. 176).

Есть некоторые данные, позволяющие судить, где был расположен этот мужской монастырь. Как мы помним, по свидетельству Ипатьевской летописи, относящемуся к волнениям в Полоцке 1159 г. (см. выше), где-то в центре города стояла церковь Богородицы Старой. Старой она стала, видимо, называться после того, как появилась церковь Богородицы Новой. Этой церковью и был монастырский храм, отстроенный вместе с монастырем Евфросинией и посвященный, как и весь монастырь, Пресвятой Богородице (Новой). Нам ясно, таким образом, что храм этот не был в центре города. Других данных о его местонахождении нет. Не был ли новый монастырь на окраине Полоцка (в XII в. в некотором удалении от него) и, всего вероятнее, вблизи тех мест, где отец Евфросинии, князь Георгий воздвиг новую усыпальницу в Спасском монастыре, а сама княжна в том же монастыре - храм Преображения? Действительно, как было уже сказано выше, неподалеку от Спасского монастыря, на кладбище св. Ксаверия остатки какого-то храма были видны еще в конце XIX в. Очевидно, это и были остатки церкви Богородицы, и со временем они будут раскопаны и изучены...

ВОПРОС О "ПОЛОЦКОМ МАТРИАРХАТЕ" - БЫЛ ЛИ ОН? Теперь надлежит обратиться к важной стороне биографии Евфросинии Полоцкой, о которой полностью молчит ее житие, но которая как бы устанавливается по любопытным косвенным данным. Как известно, древнерусские князья часто сообщались друг с другом в письменной форме. Это были либо грамоты на бересте, посылаемые специальным нарочным, либо грамоты на пергамене, скрепленные княжеской печатью, подвешенной к документу. Берестяные грамоты по прочтении большей частью выбрасывались, и их находят в культурном слое некоторых городов археологи (в Новгороде, Пскове, в наших землях - в Витебске и Мстиславле). Пергаменные документы до нас доходят редко - пергамен очень ценился и написанное на нем стирали или смывали и использовали вновь, печати же из свинца отрывались, выкидывались и теперь именно по ним мы узнаем о существовании древнего пергаменного документа.

Среди многочисленных сфрагистических материалов нас будут интересовать несколько свинцовых печатей, найденных в разных местах Руси, свидетельствующих о переписке полоцких князей. Это печати с именами Георгия и Софии и с именем Евфросинии. Найдены они в Новгороде, в Кокнесе (Кукенойсе) *(Янин,* 1970а. Т. 1. С. 102, 128, 129). В.Л. Янин выяснил, что эти печати связаны с Полоцком и принадлежали родителям Евфросинии Георгию и Софии. Особенный интерес представляет замечательная печать с изображением патронессы Евфросинии - Евфросинии Александрийской, найденная в 1968 г. на Городище возле Новгорода *(Янин,* 1970а. Т. 1. С. 234), которая по ряду важных признаков свидетельствует о тесной связи полоцкой просветительницы с Византией. Отметив, что печати женщин редки, а монашеские печати неизвестны вовсе, В.Л. Янин недоумевал, почему печати из Полоцка все женские? Почему утверждение актов - занятие мужское - в Полоцке в XII в. оказалось в руках женщин? "Что за матриархат в феодальном княжестве?" - недоуменно восклицал ученый в популярном издании *(Янин,* 1970б. С. 19) и делал вывод, что в период высылки полоцких князей в Византию (1130-е годы), Полоцком якобы управляли княгини. С 1129 г., когда Мстислав Великий выслал полоцких князей, "вплоть до конца 50-х годов XII в. сведения о княжеском доме Полоцка почти полностью исчезают

со страниц летописей. Лишь под 1132 г. сообщается о княжении брата Предславы-Евфросинии - Василька, а под 1151 г. - о свержении Рогволода Борисовича. Сколько лет сидел на полоцком столе каждый из этих князей, неизвестно", - пишет ученый и заключает, "что в этот период полоцкой династии пришлось плохо: одни ее члены еще не вернулись, другие еще не подросли. В тридцатых-пятидесятых годах XII в. Полоцком правили главным образом... княгини"! *(Янин,* 1970б. С. 19) Вывод обескураживающий. Подобных случаев русская история не знает, больше того: южнорусские князья никогда бы этого не допустили! Они немедленно кинулись бы на захват Полоцка, так как во главе войска стоял бы не князь (судя по летописи, войска при военных действиях подчинялись только и всегда воеводе-князю!). "Одна из самых важных добродетелей князя - быть впереди своего войска, первым бросаться в битву, побеждать врагов в рукопашной схватке", - пишет Д.С. Лихачев (1970, С. 46). По этому "судят о своем князе его воины и народ... Еще раньше, когда Даниил (Галицкий. - *Л.А.)* был совсем молод, он уже участвовал в битве, укрепляя своих воинов, помогая воинам..."

Нам остается заключить, что занимаясь этой проблемой, В.Л. Янин упустил, что Василько упоминается в летописях как полоцкий князь не только в 1132 г., но и в 1138 г., когда он встречает новгородского изгоя Всеволода, едущего в Псков. В 1139 г. несомненно он помогает борьбе Мономаховичей с Ольговичами (чего не могло бы быть при "матриархате", а в 1143 г., по возвращении полоцких княжичей (они получали полоцкие столы), он выдает свою дочь Васильковну за сына Всеволода Ольговича. Обо всем этом мне уже приходилось писать *(Алексеев,* 1966, С. 265). Где же здесь место для "полоцкого матриархата"?! Однако это неверное суждение, опрометчиво брошенное крупным ученым в популярном издании, иногда приходится читать и у исследователей, занимающихся близкими темами!

Как бы там ни было, Евфросиния была необыкновенно талантливой женщиной (как, возможно, и ее мать София). Вопреки русской традиции, игуменья полоцкого Спасского монастыря и главная его устроительница, возможно, благодаря прямым контактам с Византией и, в частности, с патриархом Лукой Хризовергом (об этом мы еще будем говорить), чувствовала себя уверенно и независимо, при надобности, подобно своим родственникам-князьям, рассылала в различные города Руси и, вероятно, в Царьград, важные документы, скрепляя их личной печатью.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ. ПАЛОМНИЧЕСТВО В ИЕРУСАЛИМ. Подвижническая жизнь полоцкой княжны в 1160-х-1170-х годах подходила к концу. Престарелая игуменья решила окончить свои дни в Святой земле, у Гроба Господня. Ей было уже много лет, а путь в Палестину был далек и нелегок. Но решение ее "дойти святаго града Иерусалима и поклонитися Гробу Господню и всем святым местам, видети и целовати и тамо живот скончати" было твердо.

Далее в житии следует интереснейший для историка текст, так как информатор явно был близок с кем-то, кто принимал участие в путешествии преподобной. Все началось с того, что она "послала по всей братии своей, поведающи им мысль свою", они же "съехавшася отовсюду" (т.е. из своих княжеских уделов) и умоляли, естественно, ее не оставлять их, "сирых". Мы понимаем, что авторитет этой яркой женщины среди княжеских потомков Всеслава Полоцкого, был огромен. Проститься с ней приехал и ее любимый князь Вячеслав (летописи не знают этого имени) "со княгинею и с детьми". Он, видимо, и не предполагал, с каким приказанием обратится к нему его волевая и мудрая сестра. Оно заключалось в следующем: "Аз хощу, - сказала Евфросиния, - постриžщи Кириану и Ольгу (тако бо бяста нарекли родители ею)". В расчеты Вячеслава, видимо, совсем не входило пострижение его дочерей. Однако, авторитет подвижницы был столь непререкаем ("правителя души его", как он выражался), что отец и мать с горечью вынуждены были дать согласие. Согласны были, говорит наш источник, и обе девицы. Епископ - теперь это был уже Дионисий - совершил пострижение, и одна из дочерей получила имя Агафьи, другая Евфимии.

Отъезд игуменьи требовал, конечно, многочисленных распоряжений. "Блаженная Евфросиния, - говорит наш источник, - положивши великое устроение обема монастырема, братьям и сестрам.и дасть держати и рядити сестре своей Евдокеи обема монастырями". Прощальные молитвы преподобной возносились, конечно, в самых дорогих для нее, выстроенных ею церквах - Преображения и Богородицы Новой. "Господи, сердцевидче, - молилась она, - се оставляю Дом Твой не затворен никому же!.." Весь Полоцк ее провожал и, как свидетельствует ее житие, все плакали...

Дальше и дальше читаем мы этот замечательный и мало кем оцененный по достоинству источник о жизни первой русской просветительницы. Не упускаются никакие подробности, хотя подвижница - давно уже за пределами Руси! Автор жития знает очень многое - то, чего обычно в источниках подобного рода не прочтешь. Ему известно, например, что по дороге Евфросиния встретила византийского императора, который "идый на угры"... То был воинственный Мануил Комнин (1123-1180), который двигался на венгров. Византийский историк Никита Хониат (ум. 1213) рисует нам его как человека очень смелого, прекрасного воина, первым бросавшегося в бой, не боящегося ни горных, ни лесных переходов, спавшего на хворосте даже без подстилки и под дождем. Император принял полоцкую игумению, давно знакомую ему за-

очно, родственницу (1160-е гг. были временем сближения с Русью) со всем радушием. "Он с честию посла ю в Царьград" (видимо, дал воинское сопровождение). Дата этой встречи может быть установлена: Мануил ходил с воинами на венгров в 1163-1164 гг., Евфросинья прожила в Иерусалиме 10 лет и умерла в 1173 г. Значит, она вложила свой драгоценный крест (1161 г.) в храм Преображения и, основав Богородицкий мужской монастырь, почти сразу же отбыла в паломничество.

В ЦАРЬГРАДЕ. Константинополь, откуда шла вся наша "святая культура", почти как и Иерусалим, был пределом мечтаний всякого древнерусского истого христианина. Он был много ближе, чем город "Гроба Господня", связи с ним, экономические, политические и особенно культурные, были много ощутимее. Христианский поэт и глубинный мыслитель, автор известного "Покаянного канона" Андрей Критский (ок. 660-726 гг.) сказал о нем: "Воистину град сей выше слова и разума есть!". Основав его 11 мая 330 г., римский император Константин Великий (ок. 285-337) поручил его покровительству Богоматери, воздвиг в нем три храма - св. Софии, св. Ирины и св. Сил Небесных. Так возник Второй Рим, которому первый был подчинен. При Евфросинии стояла уже другая София, возведенная Юстинианом (ок. 482-565). Если Константинова София была в равной степени храмом христиан и язычников (Константин, как мы знаем, в 313 г. издал Миланский эдикт о веротерпимости), то храм Юстиниана был предназначен только для христиан, он во все времена поражал своим великолепием. Царьград времен Евфросинии еще не был завоеван турками (1453), в Софии еще не было мечети и она блистала в своем первозданном великолепии. Конечно, подвижница получила благословение у патриарха Луки Хризоверга, с которым была связана перепиской, а затем, - рассказывает Житие, - обратилась к покупкам всего необходимого для ее дальнейшего пути. Наш источник сообщает о приобретении ею различных "фимиан" и, по-видимому, самого главного - "кадильницы златой". Все это было необходимо для Гроба Господня в Иерусалиме, где всех этих вещей и, главное видимо, такого качества и такой цены купить было невозможно - так, можно думать, консультировали ее паломники, возвращавшиеся в ее родной Полоцк из столь дальнего путешествия. В самом деле: "Начиная с IX, а особенно в X-XI вв. Византия вступает в период блестящего развития различных видов прикладного искусства, - пишет наш крупнейший специалист в этой области, А.В. Банк (1967. С. 412). - У византийских и арабских историков и географов, в западноевропейских источниках зафиксированы многочисленные факты даров иноземным правителям; в них говорится о предметах, изготовленных по заказу, о мастерах, приглашенных для выполнения определенных работ". Не приходится сомневаться, что именно такие предметы покупала Евфросиния для своего предприятия.

В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ. В Иерусалиме преподобная, естественно, прежде всего направилась к Гробу Господню. Гроб Господен, построенный еще крестоносцами (начало XII в.), был решен в романском стиле, что не могло не произвести громадного впечатления на полоцкую паломницу.

Сразу же по прибытии она использует купленные в Царьграде многоразличные "фимианы", и лишь совершив это, устроилась "у святыя Богородицы в русском монастыре". Так проходит первый день пребывания ее в Святой Земле. На второй день, снова у Гроба Господня и "тако сотворя, покланився и цалова и, покадивше, изыде...". В третий день - то же, но золотую кадильницу она оставляет на Гробе - она принесена в жертву Господу. Там же она оставляет и упомянутые "различныя фимияны".

Евфросиния прибыла в Святую Землю в 1163 г., а скончалась она в 1173 г., но о последних годах ее мы, к сожалению, ничего не знаем. Можно думать, что информатор автора жития преподобной отбыл на родину. Она осталась лишь со своим братом Давидом и сестрой Евпраксией. Однако при сообщении о последних днях Евфросинии вновь появляются подробности, которые выдумать было нельзя. Она "впаде в недуг и начала болети". Чувствуя близкий конец, просит похоронить ее в монастыре св. Саввы. Но от иноков этого монастыря следует отказ: "Имеем запрещение от св. Саввы, - говорят они, - еже жены не принимать никакие же - на се есть монастырь святыя Богородицы Феодосиев общий, в нем же и лежат святыя жены — мати св. Саввы и мати св. Феодосия, и мати святую безмезднику Козьмы и Дамиана именем Федотия, и инии мнози, святии, ту ти подобает лещи...". Преподобная, как и подобало, приняла это известие с огорчением и с кротостью и дала распоряжение купить ей гроб.

Болела она, по свидетельству жития, 24 дня и, причастившись, перешла в мир иной. Давид и Евпракия руководили ее похоронами...[10]

Так повествует источник.

Из преподобных княгинь, канонизированных церковью, только "одна Евфросиния Полоцкая (f 1173), - свидетельствует Г.П. Федотов (2000. С. 177), - выступает в своем житии с определенными чертами, рисующими ее как исключительную по силе характера и образованности церковную деятельницу". Добавим, что после канонизации "равноапостольной" Ольги (X в.), по происхождению скандинавки, Евфросиния была по времени первой нашей святой из русских (правда, когда она была канонизи-

[10] По взятии Иерусалима Саладином (2 октября 1187 г.), по утверждению А. Мельникова (1992. С. 36) мощи Евфросинии перевезли в Киев.

рована, неизвестно). "Жития русских святых, по крайней мере Киевского периода, - говорит Г.П. Федотов в другом месте, - обладают теми же литературными достоинствами, что летописи, и, в частности, явно предпочитают исторические факты легендарному украшательству" *(Федотов,* 2000. С. 340).

Близкие мысли мы находим и у других авторов: "Житийная литература южной Руси, первая хронологически, справедливо считается первой и с литературной точки зрения. Действительно, некоторые из этих житий святых сочетают с прекрасной литературной формой наивность и вместе с тем художественность стиля и чрезвычайное богатство конкретных *подробностей и ярких личных черт* (курсив мой. *-Л.А.).* Вся эта культура, - заключает автор, - была разрушена монгольским нашествием" и указывает, что "цветистость" в житиях святых ввел Епифаний Премудрый - составителъ житий, ученик Сергия Радонежского - XV в. *(Кологривов,* 1961. С. 15).

Кирилл Туровский

Кирилл Туровский - второй выдающийся просветитель XII в., причисленный к лику святых русской православной церковью. В отличие от биографии Евфросинии Полоцкой, его Житие почти не содержит сведений о его детстве и вообще о жизни. Известно, что он происходил из богатой семьи, рано принял монашество и произносил поучения своей братии. Вскоре он заслужил известность, и есть сведения, что по просьбе князя Туровского киевский митрополит произвел его в епископы. Умер он, по-видимому, перед 1182 г., когда епископом туровским летопись называет в Турове Лаврентия (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 627).

Древний биограф называет его "Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси". Действительно, это был вдохновенный поэт-лирик, изящный стилист. В его произведениях более всего художественных образов, душевных переживаний, молитвенных гимнов и даже жанровых картин. Учительная сторона в них ничтожна, в них мало сведений о его эпохе, исторических событиях и т.д., но высоко ценна именно литературная сторона.

В 1160-х годах (между 1160-1162 и 1169 гг.; *Еремин,* 1955. С. 351) он написал притчу о душе и теле (слепце и хромце) - "обличительный памфлет, направленный... против его современников: Феодора епископа Ростовского и очень возможно, Андрея Боголюбского *(Еремин,* 1955. С. 340-348), на первого в тексте притчи имеются прямые намеки. В основу притчи, считает И.П. Еремин, лег широко популярный в мировой литературе аполог о слепце и хромце; аполог этот в изложении Кирилла Туровского наиболее близок к той версии его, которая читается в Вавилонском Талмуде (беседа императора Антонина с раввином)" *(Еремин,* 1955. С. 342-343).

Кириллу Туровскому принадлежит повесть о беспечном царе и его мудром советнике, напоминающая притчу о душе и теле. Все ее списки сопровождаются его подписью "Кирил мних". Его подписью сопровождается Сказание об иноческом образе, которое при И.П. Еремине еще ждало своего исследователя *(Еремин,* 1955. С. 347),

Речи Кирилла Туровского наиболее популярны. Это все произведения торжественного красноречия. Они и входили в "Торжественики" и "Златоусты", широко распространявшиеся на Руси, переписывавшиеся во многих экземплярах, а в XVII в. даже перепечатывались *(Еремин,* 1955. С. 349). Исследователь делит их по содержанию на две группы: одни писались им на так называемые двунадесятые праздники (в Неделю цветоносную и На Вознесение), другие - "на воскресные дни первого круга недель между Пасхой и Пятидесятницы. Всего известно восемь "Слов" Кирилла. Некоторые ("на Пасху") имели сходство со Словом о законе и благодати митрополита Илариона и со Словом, приписываемым Епифанию Кипрскому *(Еремин,* 1955. С. 351), что указывает на широкий круг чтения туровского епископа.

Произведения Кирилла Туровского высоко почитаются в основном литераторами, считающими, что с точки зрения науки о красноречии (гомилетики) они представляют высочайший образец литературы такого рода в Киевской Руси, но историки церкви оценивают его творения невысоко - "бесплодное красноречие" (Е. Голубинский) и т.д. Для наших целей важно, что в Турове, далеко не первостепенном, хоть и княжеском, центре в церквах звучало это высокое слово, может быть, не всеми и понятое. На важность деятельности Кирилла указывает огромное количество списков, распространившихся далеко за пределы Турова.

"Кирилл Туровский, - говорит Г.Н. Федотов, - по краткому проложному житию его, представляется до поставления в епископы строгим аскетом, даже столпником; впрочем, вернее всего, это столпничество подобно Никите Переяславскому, было видом строгого затвора: подвижники спасались не на столпе, а в столпе, то есть в башенной келье" *(Федотов,* 2000. С. 65).

Г.П. Федотов выделяет три сочинения Кирилла Туровского дидактического характера, написанные в той же аллегорической форме, что и его проповеди. Это: "Сказание о черноризническом чине", "Слово к Василию игумену о мирском чине и о монашеском чине, и о душе и о покаянии" и, наконец, "Притча о человеческой душе и теле". Если первое представляет экскурс в Ветхий Завет "в поисках корней христианского монашества", второе, как считает ученый представляет христианизированную редакцию буддийского сказания ("Житие св. Варлаама и Исаафа"), то третье является притчей "О слепце и хромце", уже упоминавшейся выше. Здесь аллегория несомненна.

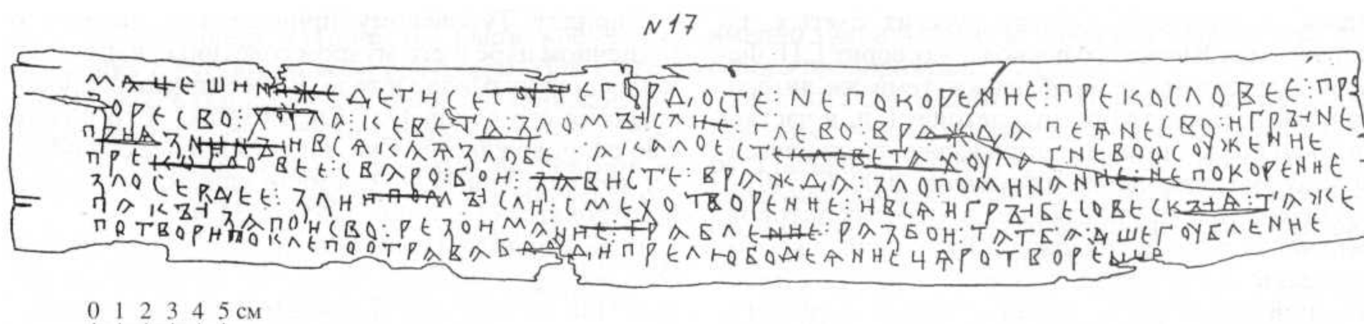

Рис. 1. Берестяная грамота из раскопок в Торжке. Подражание Кириллу Туровскому. Прорись

Итак, все произведения Кирилла Туровского пронизаны, как мы сказали, аскетизмом и посвящены более всего монастырской аскезе. "Весь мир лежит во зле", - говорил апостол Иоанн (Первое послание, 5,19), следовательно, спастись можно не в миру, а в монашестве, когда человек отказывается от своего греховного "Я", как корня всех грехов. Высшая монашеская добродетель - послушание, которое делает монаха подобным ангелам", - утверждает Кирилл ("Вся служба монашеская и ангельская - одно есть"). Ясно, что монах должен быть суров, ему достаточно немного духовной радости. Настоящая же духовная атмосфера монаха, по Кириллу, *страх Божий* - страх перед судом Господним. Эту атмосферу страха он рисует и здесь аллегориями, взятыми из Ветхого Завета, описаниями ада.

"Несомненно, Кирилл был достаточно глубоким богословом, чтобы отвергать догматы Церкви", - говорит Г.П. Федотов (2001. С. 134). Однако "трансцендетность" Бога настолько возвышенна для Кирилла, что для него оскорбительна мысль о том, что человек создан по образу Божьему. "Никакого подобия Божьего человек иметь не может", утверждает он *(Федотов,* 2001. С. 134). Действительно, Кирилл Туровский пишет: "Аще бо и нарицаеться Христос человеком, то не образом, но *притчею:* не единого бо подобья ИМ-ЁСТЬ челов-Ьк Божия..." *(Еремин,* 1956. С. 342). Туровского богослова, надо сказать, глубоко волновали и вопросы "богословско-философского" порядка - "материи" и духа: "Хромецъ есть т-ьло челов-ьче, а сл-ьпець есть душа. Преже Бог созда Т-БЛО Адамле безъдушно, потом же душю. По создании бо т-бла, глаголеть писание: И дуну дуну на лице его дух животен. Т'Вм же т-Ьло без душа - хромо есть и не нареченься челов-Ьк, но труп. Смотри сдЪ и разум-Ьй от бытийских книг" *(Еремин,* 1956. С. 342) (Притча о душе и теле - слепце и хромце).

Таков, очень коротко говоря, образ мыслей этого древнейшего Туровского ученого-богослова, творения которого восхищали "литературной" (тогда такого конкретного понятия не было) формой и, несомненно, читались не только на Руси, но и прежде всего в наших Западнорусских и соседних с ними землях. Недавно мы получили этому яркое подтверждение: при раскопках Г.Е. Дубровина і древнем Торжке на левом берегу р. Тверцы бли: Воскресенского монастыря, известного с XIV в. было найдено три берестяных грамоты, одна из которых, № 17, оказалась особенно уникальной "полным семистрочным литературным текстом представляющим собой компиляцию из двух отрывков "Слова о премудрости, притчи", приписываемого св. Кириллу Туровскому", датирующаяся автором раскопок "70-ми - первой половиной 90-х годов (до 1195 г.) XII в., хотя не исключена и более узкая датировка: 70-е - начало 80-х годов (до 1181 г включительно) XII в." *(Дубровин, Малыгин, Сарафанова,* 2002. С. 144, 145)[11]. Приведем этот замечательный текст на бересте, доказывающий широкое распространение слова Кирилла Туровскогс даже в довольно демократических кругах (рис. 1): "Мацешини же дети се соуте гордосте: непокорение: прекословее: презоресво: хоула: к(л)евета: зломыслие: гл(и?)ево: вражда: пеянесво: игры неприязнины и всякая злобе: а кал о есте клевета хоула гневоосоужение прекословее: сваро: бои: зависте: вражда; злопоминание: непокорение: злосердезлии помысли: смехотворенние: и вся игры бесовеськыя: таже пакы запоисво: резоимание: грабление: разбои: татба: д(у)шегоубление: потвори поклепе: отрава блоуди: прелюбодеяние: цяротворение".

Авраамий Смоленский

Ярчайшей страницей религиозной жизни Смоленской земли были годы второго десятилетия XIII в., когда по всему Смоленску разлилось слово знаменитого религиозного деятеля Авраамия. Главным источником для нас является, естественно, его Житие, написанное его учеником Ефремом между 1224 и 1227 гг. Как и Житие преподобного Феодосия Печерского, написанное Нестором, оно является "единственной, дошедшей до нас настоящей биографией русского святого домонгольского периода", написанной конкретным, известным нам лицом. Личность Авраамия здесь выделяется

[11] Приношу глубокую благодарность Г.Е. Дубровину за возможность предварительно ознакомиться с этим текстом.

вполне оригинальными индивидуализированными чертами, что, естественно, крайне ценно. Популярность этого Жития доказывается тем, что до нас дошло свыше трех десятков списков его. Дмитрий Ростовский включил его в литературном переводе в свои Четьи Минеи под 21 сентября наряду с другими выбранными им житиями святых. Мы мало знаем о детских годах святого. По канону житийной литературы Авраамий родился у "благочестивых" родителей. В "возраст смысла пришедшоу, родители же его доста и книгам оучити". Отличался прилежанием, не участвовал в детских играх, им предпочитал церковное пение. Постригшись в монахи в соседнем монастыре, пребывал в "бдении и алкании день и нощь". Изучал отцов церкви, жития святых, составлял библиотеку - "списа ово своею рукою, ово многими писцы". Любимое чтение - Иоанн Златоуст, Ефрем Сирин. Ученость отличает его от Феодосия Печорского - тот был "прост", мог только прясть нити Никону "великому".

Вместе с тем, можно думать, что в юности он прошел школу Феодосия, возможно, в чем-то подражал ему, как и тот любил палестинские жития святых (И. Кологривов). Если Феодосии посещал княжеские пиры, Авраамий "на трапезы и на пиры отнють не исходя". Молился он истово: "В нощи мало сна приимати, но каленное преклонение и слезы многы от очью безъщука (беспрестанно) излияв и в перси биа и кричанием Богу припадая, помиловати люди своя, отвратити гнев свой...". Что касается "ученой части", он, много начитанный, мог одолеть всякого в толковании текстов. Со временем блаженный "прия" священнический сан. Сначала он - дьякон, а в княжение "христолюбиваго князя Мстислава" - иерей.

Здесь начинаются первые "козни дьявола": зависть монахов монастыря Богородицы, где он продолжал пребывать. Вот ее причины: "се оуже весь град к собтз обратилъ есть"! Авраамий, следовательно, вышел за пределы монастыря, учил и обличал в городе, и проповедь его имела необычайный успех. Игумен потребовал прекращения проповедей и "много озлобления на нь возложи". Авраамию пришлось перейти в монастырь "Честного креста" (Крестовоздвиженский), но проповедь он продолжал. Здесь учение его разрослось еще шире, к "блаженному" все больше стекался городской люд Смоленска "послушати церковнаго пения и почитания божественных книг: "б-Ь бо блаженный хитръ почитати...", поклониться двум иконам, написанным Авраамием (он был еще и художник). Возмущение церковных властей росло. Смоленского Савонароллу называли еретиком, обвиняли в чтении "Голубиных книг", за ним шла молодежь ("оуже наши д-Ьти обратил есть!"), называли его пророком...

Суд в присутствии князя и епископа не заставил себя ждать. На "Владыченъ двор" нечестивца доставили с оскорблениями... Его ждали игумены и иереи "аще бы мощно, жива пожрети...". Но здесь вступился за него Господь, явившийся некоему Луке Прусину в церковь Архангела Михаила во время молитвы, Мы понимаем, что он был оправдан светским судом, хотя Ефрем самого приговора не приводит. Тогда назначен был епископом второй суд, теперь уже церковный. Однако исход суда и здесь был, по-видимому, благополучным: "не приемши ему никакого зла", - говорит Ефрем, Авраамий лишь отослан в свой первоначальный монастырь с запрещением ему служить литургию. Два праведника предсказывают епископу за гонение на святого гнев Божий на город Смоленск. И в самом деле, "епитимья" выразилась в жесточайшей засухе, наступившей следом. Епископ Игнатий "убедившись", что Божий гнев обрушился на страну, призывает Авраамия, снова расследует обвинения, возведенные на святого, и понимает "испытав, яко все - лжа!". Прощенного Авраамия он просит молиться о страждущем граде.

Авраамий пережил епископа и умер, как свидетельствует Житие, на 51-м году подвижничества.

Исключительная ученость его не должна удивлять: «Смоленск XII века, - пишет Г.П. Федотов, - был одним из культурных центров Руси. Отсюда вышел второй митрополит из русских - Климент Смолятич, о котором летописец говорит, что в русской земле еще не было такого "книжника и философа". Перу этого Климента принадлежит ученое послание к смоленскому пресвитеру Фоме экзегетического содержания, представляющее собрание изъяснений на разные темные места Библии и греческих отцов. Автор послания свидетельствует, что в Смоленске был кружок лиц, преданных ученым занятиям, и что здесь существовали разные экзегетические направления» *(Федотов,* 2000. С. 53, 54).

Что же проповедовал Авраамий? В какой плоскости двигалась его мысль? О содержании его "необычайного, смущающего учения" можно лишь догадываться по кратким намекам Жития. Оно, конечно, имело отношение к спасению - святой Авраамий проповедовал грешникам покаяние, и с успехом. "Мнози от града приходят ... от многых грех на покаяние приходят". Но одно духовничество или нравственная проповедь не могли бы навлечь на Авраамия обвинения в ереси (вот какие мысли овладели св. Авраамием в его смертный час, по свидетельству Ефрема: "Блаженный Авраамий часто себе поминая, како истяжуть душу пришедшей аггелы и како испытание на воздусе от бесовских мытарств, како есть стати перед Богом и ответ во всем воздати и в какое место поведут и како во второе пришествие предстати пред судилищем страшного Бога и како будет от Судья ответ и како огньная река потечет, пожигающи вся... Эсхатологический интерес, направленный на будущее, - вероятно чаемое близким, - срывает покров тайны" - он

пророчествует и его называют, глумясь, пророком {*Федотов,* 2000. С. 59). Что же еще?

Слово Авраамия обращено к самым широким слоям населения, на диспутах он блестяще опровергает деятелей церкви, основываясь на богословских текстах, которые он блестяще и вряд ли не наизусть, знал. Против него ни князь, ни феодалы, по-видимому, ничего не имели. Против - игумены, священники, и против них-то и направлено слово преподобного, против их действий и, конечно, прежде всего против толкования ими священных текстов. Борясь с ними, Авраамий основывается на "Голубиных" (гълубиных, глубинных) книгах" - опасной еретической, апокрифической литературе... Эти отреченные ("Голубиные") книги и есть ключ к "идеологии Авраамия"; это те самые книги, которые в будущем стали основой ереси стригольников XIV в. Не даром в 1355 г., в самый разгар стригольнического движения в Новгороде переписали Житие Авраамия {*Рыбаков,* 1993. С. 52). Одна из этих книг названа "Златыя чепи", которая бичует священнослужителей за мздоимство и т.д. Есть мнение, что некоторые статьи этой книги составлены под влиянием ереси Вальденсов (XII в.; *Попов,* 1940. С. 34), основой учения которых, как известно, был высокий моральный идеал, ведущий к апостольской жизни и деятельности.

Вопрос о датировке написания Жития и времени, когда происходили описываемые в Житии события интересовал многих ученых. В.О. Ключевский считал его достаточно трудным. Иеромонахом Авраамий стал в княжение в Смоленске Мстислава Романовича (1197-1214), гонения на него и возведение его в сан архимандрита произошли при епископе Игнатии, упомянутом в летописях лишь один раз под 1206 г. "Из всего этого видно, - писал осторожный ученый, - что Авраамий жил в ХН-ХШ *вв.'ХКлючевский,* 1988. С. 56). Г.П. Федотов лишь указал, что кончина святого была в начале XIII в. {*Федотов,* 2000. С. 53), И. Кологривов отнес ее к 1221 г. {*Кологривов,* 1961. С. 54). Решительнее высказался на эту тему Б.А. Рыбаков: "В Смоленске было почти одновременно два князя Мстислава, - писал он, - Мстислав Давыдович и Мстислав Романович Старый. Великим князем Руси был только второй. Дата его княжения в Смоленске 1197-1213. К этому времени мы и должны относить начало широкой общественной деятельности Авраамия" {*Рыбаков,* 19646. С. 182). Упоминание в Житии засухи, которая разразилась в год суда над Авраамием, позволяет использовать дендрохронологию, где это несчастье датируется, как и во всей Европе, 1218-1222 гг., в Новгороде - 1218-1220 гг. {*Колчин,* 1963. С. 36, 37, рис. 34). Этим временем ученый и датирует церковный конфликт (Рыбаков, 19646, С. 18-44).

Есть еще одна любопытная вещь, связанная с Авраамием Смоленским. В 1962 г. при раскопках Н.Н. Ворониным большого храма на Большой Рачевской в Смоленске найдена интереснейшая уникальная надпись на штукатурке, процарапанная у погребальных камер южной стены, названная Н.Н. Ворониным "жемчужиной" (Воронин, 19646. С. 177, рис. 6; С. 179, рис. 1), которая, как выяснил Б.А. Рыбаков, связана с Авраамием:

> "Г(оспод)и, помъзи дому велйкаiмну нь даж(дь) врагомъ игумьномъ истратит(и) (до) кънца ни Климяте..."

Храм датируется концом XII в., надпись по палеографическим признакам - 1211-1240 гг. {*Рыбаков,* 19646. С. 184). У той же стены храма был найден фрагмент фрески с надписью "Аврам", и это лишь подтверждает, что речь и здесь идет о церковных волнениях Авраамия и его сторонников. Первая надпись имеет, как считает Б.А. Рыбаков, ряд сокращений, умышленно затрудняющих чтение: лигатура "ЛН", замена ера, или "О" титлами. Это крайне напоминает, указывает ученый, "Златую чепь XIV в., которая имеет подобные же умышленные сокращения и усложнения". В своем труде о стригольниках он вновь обращается к этой интереснейшей надписи и дает следующие даты:

Палеографическая дата надписи	- около 1215 г.
Эпиграфическая дата надписи	- 1211-1240 гг.
Берестяные грамоты	- 1197-1224 гг.
Время общеевропейской засухи	- 1217—1222 гг.

{*Рыбаков,1993.* С. 55).

Текст приведенной надписи явно «принадлежит кому-то из смоленских "авраамистов" и относится ко времени засухи, о которой Ефрем говорит сразу же вслед за описанием суда и рыкающих, "аки волове", игуменов. Климята, по всей вероятности, - вторая после епископа фигура в соборе смоленского духовенства... Под "домом великим", возможно, следует понимать не конкретный храм, а общину авраамистов - тех, которые долго восхищались толкованиями книжной премудрости, ораторским искусством Авраамия, называя его пророком, чем вооружили против него (и против себя) прежде всего *игуменов* смоленских монастырей» {*Рыбаков,* 1993. С. 55-56). К сожалению, на большее эта все-таки краткая надпись, чудесно попавшая в раскопки, не уполномочивает, но и это очень интересно. К названиям смоленских монастырей начала XIII в., которые мы знаем по Житию Авраамия (Крестовоздвиженский, Богородицкий и неизвестный), где священником был Лазарь, она добавляет еще один храм, где "авраамисты" молились о помощи против "врагов-игуменов, а врага Климяту называли по имени. Надписи на стенах церквей в домонгольской Руси часто имели, видимо, и какой-то сакральный смысл, и ученым еще предстоит, по-видимому, понять - какой, зачем писались на церковных стенах подобные надписи столь серьезного содержания.

F

Перед нами прошли три выдающихся подвижника - христианских просветителей XII-XIII вв., и нам предоставляется возможность, несмотря на сравнительную скудость наших известий, все же провести их сравнительную характеристику (что облегчается в известной степени тем, что ранние русские жития, как мы сказали, сохраняли индивидуальные черты своих персонажей). Склонности у всех троих были различны. Все они происходили из обеспеченных семей, куда проникала в то время больше всего образованность в виде учения Церкви, и первые шаги на овладение ею были похожи. Они рано выучились читать и писать, чтение же религиозных книг - они в основном только и имели хождение на Руси в то время - возбуждало мысль о вечном, о Боге-строителе его, о Вселенной, о преходящем значении жизни земной и о вечном блаженстве, которое можно было достигнуть лишь особенно праведной жизнью. В книгах шла речь о равенстве всех перед Богом, о грехе богатства, о любви к ближнему, о собственном воздержании от искушений нечистого... Путь к вечному блаженству был один - аскетизм, молитва, покаяние и прежде всего монашество. Все трое приняли постриг.

Однако дальнейшая деятельность всех троих была различной. Для Евфросинии Полоцкой путь к учительству - проповеди с амвона был невозможен, и она обратилась к устройству этого "амвона", к конкретной деятельности - к строительству церквей, обустройству женского монастыря, игуменьей которого она вскоре оказалась, к возведению мужского монастыря и церкви в нем. Склонная к честолюбию, она заказала лучшему мастеру на Руси драгоценную ставротеку - крест, для которого снарядила специальное посольство в Византию для получения ряда святых мощей. Мощи были вложены в эту мощехранильницу, на ней были сделаны дорогие перегородчатые эмали, добыт жемчуг для обрамления креста, и он с соответствующими надписями, прославляющими Евфросинию и молитвенной надписью мастера был вложен в отстроенную ею монастырскую церковь Спаса. В бытность свою игуменьей, она, несомненно, ревниво относилась к строгости храмового благочестия в своих монастырях, особенно на литургии. Дальнейшую часть жизни она отвела собственному спасению, совершила паломничество к Гробу Господню и кончила свои дни в Иерусалиме.

Не обладая такими финансовыми возможностями, как княжна из Полоцка, Авраамий не занимался столь широким церковным строительством. Его молитва была иной: "в нощи мало сна приимати, но коленное поклонение и слезы многы от очью безъщука (беспрестанно) излияв и в перси бия и кричанием Богу припадая помиловати люди своя, отвратити гнев свои". Итак, широкие мысли о роде людском, о его судьбе перед Всевышним - это не похоже на Евфросинью, мысли которой были заняты иным! Истовая исступленность молитвы - это совсем другое, у Авраамия это путь к учительству людей. «Упоминается о милостыни, - говорит Г.П. Федотов о житие, - но не с состраданием к немощам людским выходил из своей кельи суровый аскет, а со словом назидания, со своей небесной, и, вероятно, грозной наукой, наполняющей трепетом сердца. Этот особый "дар и труд божественных писаний" заменяет преподобному Авраамию дар и труд общественного служения, без которого редко можно представить себе святого Древней Руси...» *(Федотов,* 2000. С. 55).

Дар учительства снискавший особую популярность в народе - не забудем, что Авраамий, живший в конце XII - первых десятилетиях XIII в., проповедовал другому поколению, чем его предшественники, когда христианские основы внедрились еще глубже, - подверг его клевете и гонениям со стороны обычного духовенства, а запрещения в служении действовали на подвижника особенно горестно!

Весьма возможно, что "перед нами первая в русской истории картина столкновения свободной богословской мысли с обскурантизмом невежественной, хотя и облеченной саном, толпы" *(Федотов,* 2000. С. 60).

Много меньше мы можем сказать о деятельности Кирилла Туровского, направившего свою учительную деятельность на писание литературизованных портретов своих современников князей, епископов, на их беспечность и необходимость пользоваться "мудрыми советниками", на монахов ("подобаеть же и болшим и меньшим игуменом с полицею служити и не просити того у епископа" и т.д. - Слово об иноческом образе). Многочисленные речи его - торжественное красноречие к праздникам - образцы литературного стиля древности - важное гимнографическое наследие, пользовавшееся, как мы сказали, громадной популярностью на Руси. И до сих пор, с точки зрения гомилетики (учения о красноречии) он считается недосягаемым образцом. Его проповедь с прославлением монашества, страха Божия и спасения только через монастырскую аскезу, надо думать, очень волновала прихожан церквей его времени. Им увлекались, переписывали, подражали даже на бересте (рис. 1).

Христианские реликвии

Таинамъ Божиимъ вiзруй - т1>лу и кръви
Его съ страхъмь причаштяя ся - да причастьникъ будеши Царству Его!
Нев-Ьръство же отъм-Ьтаи, не рьци, како хл-вбъ - т-вло и вино - кръвь: но слыши, яже от человекъ не возможьна: от Бога възможьна...!

Изборник 1076 г.

В богослужении во все времена существования христианства использовались определенные предметы, известная часть которых считалась священной,

участвующей во всех семи таинствах. Каждый из этих предметов нес на себе определенный религиозный смысл, символ и т.д. и, следовательно, является важным источником для изучения духовных воззрений древнего человека, почему мы и рассматриваем их здесь, а не в разделе художественного ремесла.

Крест

Главным символом христианства был "святой крест", передающий нам идею того креста, на котором был распят Христос. Первое датированное изображение креста мы встречаем на надгробии 134 г. *(Иванов,* 1973. С. 74). Но это было еще начало.

В языческой Римской империи христианство стало приобретать силу, как мы знаем, в IV в. н.э., после того, как император Константин Великий (285-337) издал знаменитый Миланский эдикт о веротерпимости (313 г.). Символ креста при Константине получил огромную силу. Дело в том, что в 312 г. в битве с римским императором Максенцием Константину было видение в небе креста с греческой надписью: "Сим победиши..."

Константин действительно победил и стал истовым христианином. Его престарелая мать Елена (ок. 244-327), предприняв путешествие в Палестину (325), разыскала гроб Иисуса Христа и якобы крест, на котором он был распят (кресты использовались единожды, и после казни на них, они, "оскверненные", закапывались в землю). Крест был "воздвигнут" (отсюда праздник Воздвижения у христиан). На самом людном месте Рима сенат поставил памятник Константину Великому с крестом того типа, который был "обретен", а воины Константина обязывались иметь изображение креста на своих щитах. Изображение креста стало предметом всеобщего поклонения, оно было объявлено "символом Вселенной" (его четыре конца символизируют четыре стороны света).

"Крест с его четырьмя концами означает, что распятый Бог все вмещает и все объемлет", - разъяснял Иоанн Златоуст (ум. 407 г.) и продолжал: "Посмотри на звезды небесные и каждый день ты усмотришь среди них знамение креста, образуемое сочетанием звезд" *{Иоанн Златоуст,* 1905. С. 950, 951). "Как четыре конца креста держатся и соединяют его средоточием, так и силою Божьею держится высота и глубина, долгота и широта, т.е. вся видимая и невидимая тварь", - вторил ему в VIII в. Иоанн Дамаскин (657-753) *(Иоанн Дамаскин,* 1844. С. 23). "Крестом Господа нашего Иисуса Христа, - писал он, - упраздняется смерть, разрешен прародительский грех, ад лишен добычи, даровано Воскресение, дана нам сила презирать настоящее, даже самую смерть, уготован путь к первоначальному блаженству, отверсты врата райские..." *(Иоанн Дамаскин.* С. 242).

По неписанному апостольскому установлению, крест стал основой всех совершенных церковных таинств. По представлению средневекового человека, он был наделен особой чудотворной силой, ведущей к "Обожению" человека. "Крест - неизреченная благодать!" - восклицал Иоанн Златоуст (1889. С. 45). Отметим, наконец, что первое упоминание о поклонении Распятию относится к VII в. *(Иванов,* 1973. С. 75). В Киевской земле самым страшным преступлением было нарушить крестоцелование. Когда это случилось в 1067 г. и Всеслав оказался в порубе в Киеве, "Бог же показа силу крестную, на показанье земл-Ь Руегьй, - писал летописец, - да не преступають честнаго креста, цізловавше его; аще ли преступить кто, то и здЪ прииметь казнь... вънчую. Понеже велика есть сила крестная: крестомь бо поб-Ьжени бывають силы бъсовьскыя, крестъ бо князем в бранех пособить, въ бранех крестомъ сограждаеми в-Ьрнии люд'Ье побъжають супостаты противныя, крестъ бо вскор-в избавляеть от напастий призывающим его в'Ьрою. Ничего же ся бояться бъхи, токмо креста..." (ПВЛ, 1950. С. 115).

Ясно, что на Руси крест также воспринимался как религиозный символ, в чем иногда видят пережитки язычества *(Франчук,* 1988. С. 155). Там же, в Повести временных лет, мы читаем, что за то же нарушение крестного целования Ярославичами Всеславу Полоцкому "Бог яви силу крестную и наведе поганыя" на Русскую землю (ПВЛ, 1950. С. 115). "Кто соступить крестное ц-блование, да сь крестъ взомстить!" - клялись князья в 1142 г. (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 310). "Мстил" именно тот крест, на котором князья клялись, и клятва была нарушена. Поэтому при военных столкновениях такой крест полагалось брать с собой - он помогал победить. Так, в 1097 г. "преступи Святополк крест, надеяся на множество вой. И сретошася на поли на Рожни, исполцившися обоим, и Василко възвыси кресть, глаголя: ... Да буди меж нами (очевидно судьей. - *Л.А.),* кресть сь ... и мнози челов-Ьци благов-врнии вид'Ъша крестъ над Василковы вой" (ПВЛ, 1950. С. 178, 179). Конечно, клятвопреступник был поражен. Отметим, наконец, своего рода религиозный спор по поводу чудотворной силы креста, разгоревшийся в 1153 г. между Владимиром Галицким и посланником Изяслава киевского боярином Петром Бориславичем. На укоры последнего в нарушении крестоцелования Владимир, издеваясь, отвечал: "сии ли крестец малый!", на что боярин с достоинством отвечал: "Княже, аче крестъ малъ, но сила велика его есть на небеси и на земли!" (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 462; *Рыбаков,* 1991. С. 164).

Как видим, кресту придавалось огромное значение и на Руси, в нем находили огромную чудотворную силу, ему поклонялись, на нем клялись, его брали с собой в походы, его всячески, следовательно, берегли, энколпионы носили на себе в особых шелковых мешочках, как было обнаружено нами при раскопках Мстиславля *(Алексеев,* 1974а. Рис. 4, *1,8;* 1980. С. 175, рис. 25,2,5, 6). Стремление выразить в кресте высокие христианские идеи "стало

сокровенной задачей христианского искусства, - пишут богословы нашего времени, - поэтому употребление золота и драгоценных камней было связано с желанием представить крест сияющим началом преображенного мира..." {*Иванов,* 1973. С. 78). Таким крестом является знаменитый полоцкий крест XII в., к которому мы и переходим.

Крест Евфросинии Полоцкой 1161 г.

Среди домонгольских христианских реликвий особо крупное место принадлежит кресту Евфросинии Полоцкой, сделанному, как это написано на нем, около 1161 г. по заказу игуменьи полоцкого Преображенского монастыря Евфросинии (рис. 2). Этот реликварий для мощей святых, прикрытых золотыми пластинами с перегородчатыми эмалями тончайшей работы некоего Лазаря Богши, - величайшее творение, как показала Т.И. Макарова, выдающегося, лучшего на Руси ювелира: центральное изображение Христа на нем "можно считать лучшим среди всех изображений в древнерусских изделиях с перегородчатой эмалью". Это, считает она, - вершина древнерусского эмальерного дела {*Макарова,* 1975. С. 70, 73).

История креста подробно изучена нами в двух работах {*Алексеев,* 1957; 1993а). До моих разысканий изображение этой реликвии публиковалось только по рисункам Н.И. Менцова (1841). В 1955 г. мне удалось найти фотографии (крест пропал в войну 1941-1945), опубликованные мною в 1957 г. {*Алексеев,* 1957. С. 224-244). С этого времени началось изучение знаменитого креста.

Начнем с шестиконечной формы креста, что она выражала? Казнь на кресте была запрещена, как известно, еще при Константине Великом в IV в., и форма крестов, на которых казнили, была вскоре забыта. Избиралась она теперь из других принципов, произвольно. Как показано в нашей первой статье о кресте Евфросинии (1957), избранная для него шестиконечная форма не являлась в Византии господствующей, а на Руси характерна в основном, для домонгольского времени. Форма креста с двумя поперечинами в древности казалась самой совершенной: "Шестиконечная форма креста - самый совершенный символ первобытной вселенной, - пишут богословы нашего времени. - Шесть лучей его отражают шесть дней творения мира. Он равно символизирует как распространение силы Бога, так и процессы мира к своему духовному центру" {*Иванов,* 1973. С. 75). Изображения креста Евфросинии представляют "почти всю историю Нового завета и первобытной церкви среди обуревавших ее гонений" {*Батюшков,* 1890. С. 40, примеч.), они, следовательно, служат тоже тем задачам, которые отражает его форма. Особую и главную ценность реликвии придают те частицы святых мощей, которые были вложены в ставротеку (лицевая сторона - кровь Христова,

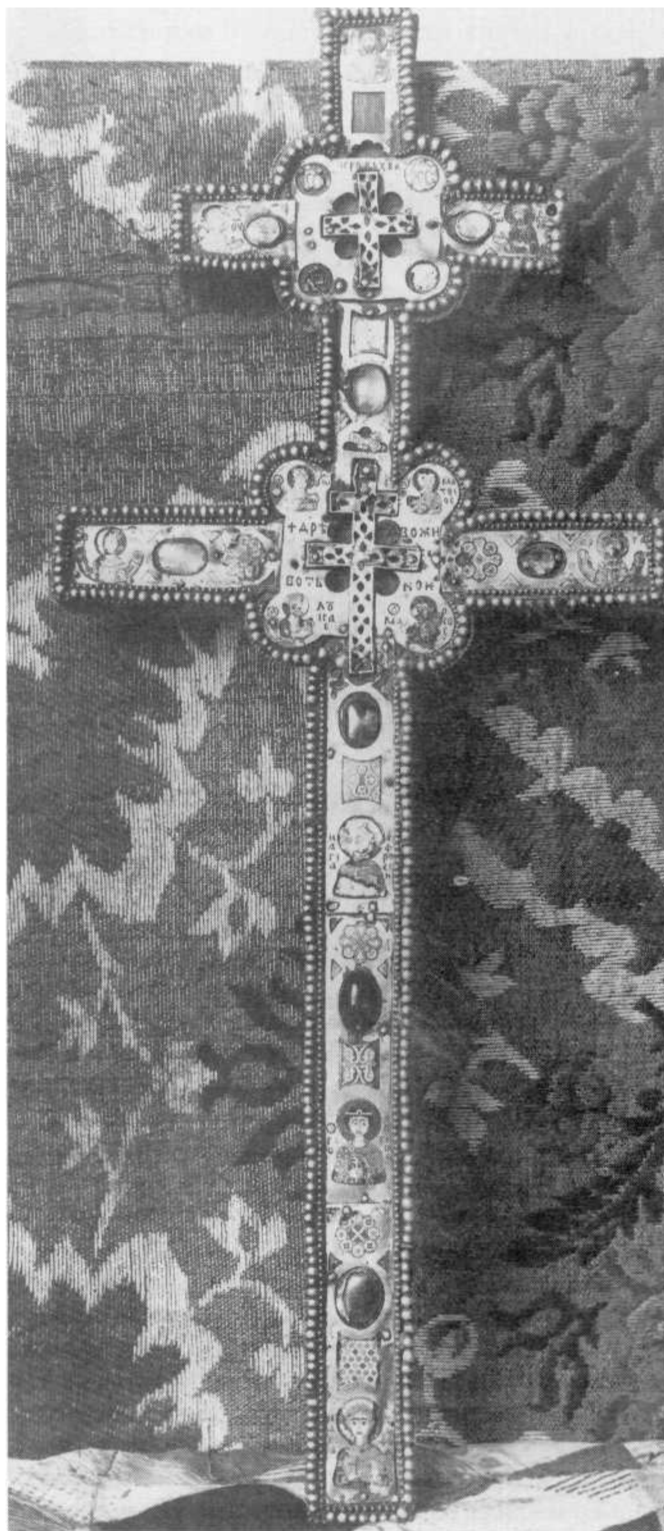

Рис. 2. Крест Евфросинии Полоцкой. 1161 г.

верхнее перекрестье - "древо животьное" (животворящее. - *Л.А.),* нижнее перекрестье, обратная сторона: часть гроба Богоматери (верхнее перекрестье), часть гроба Господня (нижнее перекрестье), также кровь св. Димитрия, частицы мощей св. Стефана и Пантелеймона. Все эти реликвии вряд ли было легко достать на Руси. Известно, что в 569 г. вдова французского короля Хлотаря напра-

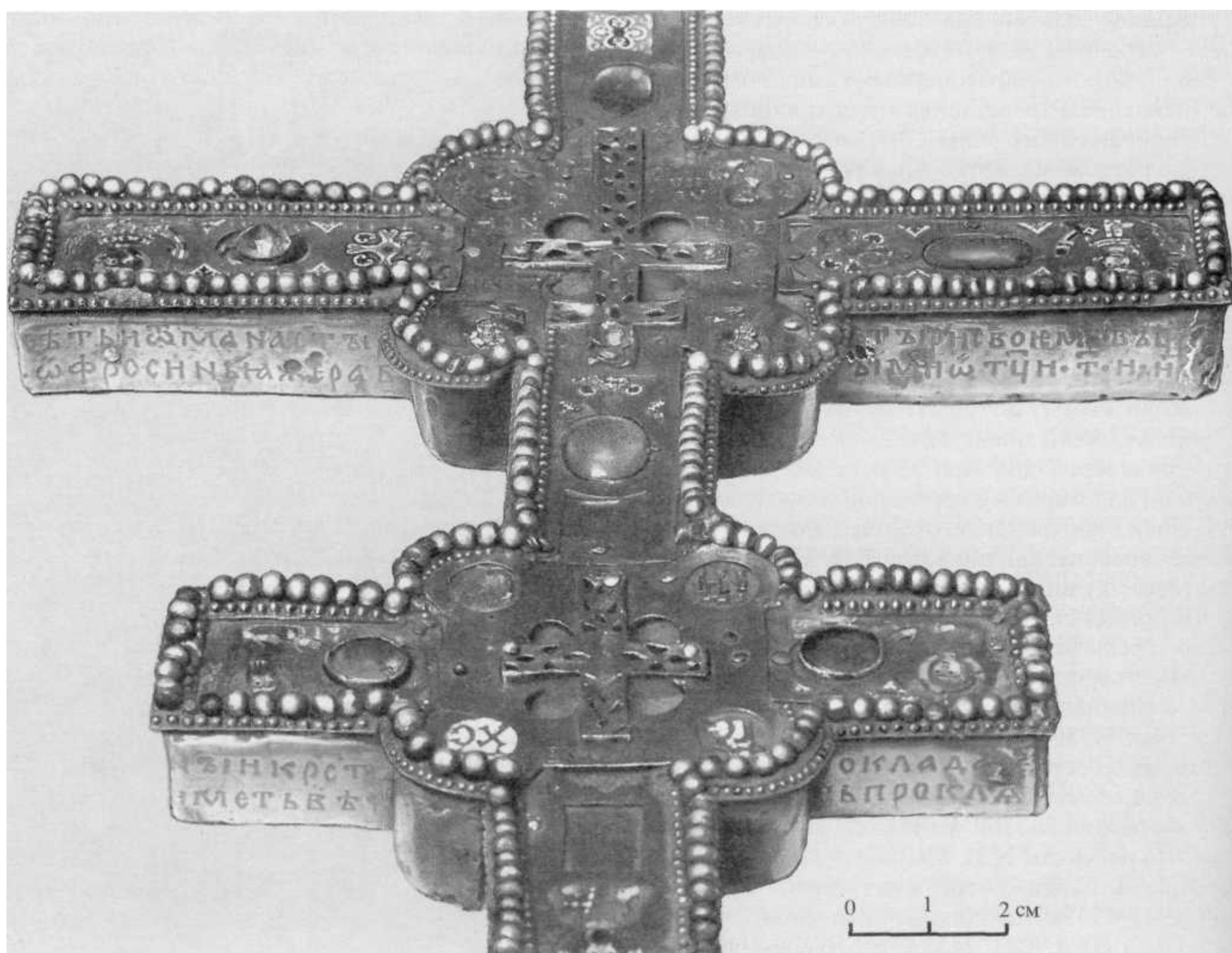

Рис. 3. Крест Евфросинии Полоцкой. 1161 г. Боковые стороны, вид сверху

вила посольство в Византию, чтобы получить частицу креста Господня, что было удовлетворено женой императора Юстиниана (564-578) Софией *(Chitil,* ***Friedel,*** *Kondakov,* 1930. S. 36). Можно думать, что и в этом случае Евфросинией снаряжалась в Византию специальная экспедиция - связи у полоцких князей с императорским домом были прямые. И действительно, в нашем распоряжении есть глухие свидетельства: Мануил Комнин и патриарх Лука Хризоверг по просьбе Евфросинии "присылали ей некоторые святыни" *(Иконников,* 1908. Т. 2, кн. 1. С. 534). Предприятие было настолько из ряда вон выходящим, стоило вложения столь громадного труда (может быть, целой ювелирной мастерской, к тому же, лучшей на всей Руси!), что на боковых пластинах креста была выбита по распоряжению Евфросинии своего рода вкладная грамота, сообщающая, когда и чьим иждивением сооружен этот уникальный предмет, для какой цели, сколько он стоил, все это было "уравновешено" страшным заклятием о неотчуждении, а мастеру было даже позволено выбить на кресте небольшой текст о себе! Подобный заказ он выполнял впервые (рис. 3).

Как же случилось, что такой уникальный и дорогой предмет тщательно хранился в течение 800 лет и не исчез? Дело, несомненно, в христианской основе русского человека эпохи средних веков и позднее. Как мы писали, крест не все 800 лет провел в Полоцке. При первом же удачном походе на Полоцк в начале XIII в. смол няне взяли его в Смоленск, где в 1495 г. сделали с него приблизительную копию *(Алексеев,* 1957. С. 237, рис. 12). В 1514 г. при взятии Смоленска Василием III, реликвия была перевезена в Москву, а Иоанн Грозный, отправляясь в поход на Полоцк (1563), вернул реликвию на прежнее место в Полоцке. Видимо, он поклялся, что, если крест поможет ему вернуть Полоцк, он водворит его в храм Евфросинии. Крест "помог", и обещание Грозный выполнил. Он верил в крестную силу реликвии. Не приходится сомневаться, что все предыдущие владельцы креста тоже верили в его чудотворную силу. Эта вера, видимо, помогла и в дальнейшем сохранить ценнейший ювелирный предмет вплоть до советского времени, когда от веры этой отказались... Веруя в чудотворную силу креста Евфросинии христианские люди прежде всего основывались на тех высо-

чайшей цены христианских реликвиях, вложенных в эту русскую ставротеку. Однако для такой веры были и еще основания.

В работах об этом кресте исследователи обычно более всего рассматривают его как ювелирное изделие прошлого высочайшего мастерства. Однако до наших работ никогда, сколько известно, не ставился вопрос о том, какие религиозные убеждения он отражал. С любопытством прочитывалось заклятие на его боковых сторонах - не более. Позволим себе привести его полностью: "В л-бто 6669/1161 покладаеть Офросинья чьстьныи крестъ въ манастыри своемь въ црkви С(вя)т(а)го Сп(а)са. Чьстное др-Ьво бесц-Ьнъно есть, а кованье его, злото и серебро и камъ-нье и жьнчугъ въ 100 гривнъ, а д (пропуск) 40 гривнъ. Да нъ[1] изнъ-еЪтъся из манастыря, никогда же яко ни продати, ни отдати. Аще се кто пръхлушаеть изнеебть и от манастыря, да не буди ему помощникъ чьстьныи кр(е)стъ ни въ сь втжъ, ни (в)ъ буд(дефект)щии. И да будть проклятъ с(вя)тою животворящею троицею и с(вя)тыми отци 300 и 50 семию съборъ с(вя)тыхъ от(е)ць. И буди ему участь съ Июдою, иже преда Х(ристо)са. Кто же дрьзнеть сътворити с (е, дефект) властелинъ или князь, или пискупъ, или игум-Ънья, или инъ который любо члов(е)кь, а буди ему клятва си. Офросинья же раба Х(ристо)ва, сътяжавъши кр(е)стъ сий прииметь в-Ьчную жизнь съ всЪми св(дефект)" *(Алексеев,* 1957. С. 231, рис. 8). Утяжеленная различными ссылками - 7 вселенских соборов, которые признавались православной церковью, - надпись эта указывает на особую исключительность вкладываемого в храм Спас-Евфросинии в Полоцке, предмета. В заклятии особую важность имеет санкция, поставленная Евфросинией первой, т.е. самой важной: " да не будет ему (крест) помощником ни в сий век, ни в будущий". Крест, следовательно, рассматривался не только как помощник на этом свете (вспомним - "сь крестъ взомстить!"), но и на том свете. Эта "фетишизация креста", полагают исследователи, восходила к языческим клятвам на оружии и т.д. *(Франчук,* 1988. С. 155), это была христианская реликвия, на которую переносились какие-то языческие реминисценции, хотя христианство существовало в стране более полутора веков. Б.А. Рыбаковым сделано интереснейшее наблюдение, что на середину и вторую половину XII в. - т.е. эпоху, когда был сделан и наш крест, попадают "расцвет новых и воскресение старых языческих сюжетов" древнерусского искусства *{Рыбаков,* 1987. С. 599), что на время между 1164 и 1169 гг. падает известный спор о языческом мясоедении в Великий Пост *{Рыбаков,* 1987. С. 745), что именно в эту эпоху автор "Слова о полку Игореве" так "свободно и смело пренебрегал сентенциями в церковном духе", насыщая поэму "языческой романтикой" *(Рыбаков,* 1987. С. 745). Это было коротким временем возрождения до некоторой степени язычества в городах, в княжеско-боярских кругах. Нам не приходится удивляться, что, возникнув в эпоху возврата князей и бояр к "прадедовским традициям", крест Евфросинии, судя по заклятию, несет на себе тоже языческие реминисценции, хотя он - прежде всего мощехранильница с нетленными христианскими реликвиями, придающими ему дополнительную чудотворную "крестную" силу. Драгоценые металлы, судя по упоминанию креста Никоновской летописью (ПСРЛ, 1965. Т. 13. С. 347) мало заинтересовывали, не являлись главными, многословное заклятие же устрашало и запоминалось. Ценили как священную реликвию крест Евфросинии и униаты XVII-XVIII вв. Игнатий Кульчинский (1707-1747), много бывавший в Полоцке, писал: "Будучи доктором философии в нашем монастыре (Базилианский монастырь на Верхнем замке с храмом святой Софии, где тогда хранился наш крест. *-Л.А.),* я часто наблюдал, как чтут память этой святыни инокини нашего базилианского монастыря и жители полоцкие, а также довольно обширного (Полоцкого. *-Л.А.)* воеводства. В кафедральной церкви полоцкой до сих пор хранится золотой крест великолепной работы с разными мощами, надпись на нем: "Я, раба Христова Параскева (!) отдаю этот крест на вечные времена в церковь св. Спаса" (текст надписи приведен по-латыни с ошибочным именем не Евфросинии, а Параскевы. Ошибка не случайна, см.: *Алексеев,* 1988. С. 103). Как бы там ни было, высокие христианские религиозные чувства крест Евфросинии вызывал как у православных, так и у униатов. Православные считали его чудотворным во все времена. Однако степень преклонения перед реликвией была все же не всегда одинаковой и слабела перед наступлением XX в. все больше. Не чувствуем мы прежнего преклонения перед крестом, перед его чудотворной силой уже в поступках бывшего униата, витебского митрополита Василия Лужинского. На кресте была надпись "да не изнесет", однако в 1841 г. он спокойно его "изнес" и возил в Москву и Петербург на поклонение, чтобы, правда, собрать некоторые средства на ремонт церквей восстановленной после воссоединения униатов (1839) епархии, где реликвия "эксплуатировалась" 24 часа в сутки... Для этого все же требовалось, как минимум, разрешение российского митрополита, чем владыка пренебрег... В столицах (во всяком случае, в Москве вокруг уникальной реликвии возникла какая-то недостойная игра)[12].

[12] Полоцкий и витебский епископ Василий Лужинский детально рассказывает, как использовало столичное духовенство крест, чтобы как можно более получить средств своим церквям. В Москве крест был положен для поклонения в Успенском соборе Кремля с 5 часов утра до 10 часов вечера, ночью его возили "по домам чиноначалии, вельмож, князей, графов и богатых купцов" для водосвятия. Он говорит с огорчением, какие огромные суммы были получены, ему же для своих церквей удалось получить лишь 4000 рублей, да и то ассигнациями!" *(Лужинский,* 1885. С. 239-241).

Что же говорить о послереволюционном времени! В конце 1920-х годов, в период начавшейся бесславной борьбы с церковью, унесшей огромное количество величайших художественных и исторических ценностей, отнятый ("изнесенный" из храма), наш крест лежал где-то в шкафах обыкновенного финотдела Полоцка, перенесен в Могилев, где, как мы сказали в 1941 г. вовсе пропал! Он уже не считался даже художественной, исторической или даже просто материальной ценностью, а просто "богослужебным реквизитом", притягивающим к нему массу верующих. В этом качестве крест пребывал недолго и очень скоро исчез. Как это случилось с грустью рассказывает бывший директор Могилевского музея в могилевской газете *(Мигулин,* 1991). Реликвия, оказывается, была сдана музеем в комнату-сейф Обкома партии Могилева. Во время панического бегства властей из города при наступлении немцев (28 июля 1941 г.) о комнате-сейфе начисто забыли. Ее вскрыл по указанию немцев русский пленный (боялись мин). Все, что там было, пропало. Став только материальной ценностью, крест исчез... И в этом тоже, как в истории креста, есть некое знамение!

Прочие предметы религиозного культа

КРЕСТЫ-ЭНКОЛПИОНЫ (см. рис. 4, 5). Древний христианин хорошо знал, что святые приближают людей к Богу. В далеком горнем мире они молятся о нас, за останками их стоят сами праведники, а за ними Сам Господь Бог, его помощь. Так возникло почитание святых мощей. «Самое слово "мощи", - говорит Г.П. Федотов, - в древнерусском и славянском языке означало кости и иногда противополагалось телу. Об одних святых говорилось: "Лежит мощьми", а о других: "Лежит в теле". На древнем языке "нетленные мощи" означали "нетленные", то есть не распавшиеся кости... Это только в синодальную эпоху укоренилось неправильное представление о том, что все почивающие мощи угодников являются нетленными телами» *(Федотов,* 2000. С. 15). Вполне понятно желание людей сохранять те материальные частицы, которые были связаны со святыми, почитать то, что принадлежало им. Традиция эта была весьма древней. Еще при жизни апостолов "выносили больных на улицы и полагали на постелях и кроватях, дабы хоть тень проходящего святого Петра осенила кого из них" (Деян. 5, 15), на больных возлагали платки и опоясанья с тела апостола Павла - "и у них прекращались болезни, и злые духи выходили из них" (Деян. 19, 12).

Величайшими святынями являлись частицы креста, на котором был распят Христос, Гроба Господни, множества драгоценных для христиан святынь! Им поклонялись как истинному свидетельству Божьей силы и святости. Как мы сказали, святая Елена - мать императора Константина (IV в.) сама путешествовала в Иерусалим, нашла место, где он был закопан (по традиции, кресты для распятия употреблялись единожды и после закапывались), велела его выкопать, и он был поставлен на площади перед народом и с тех пор этот день празднуется Церковью: Крестовоздвиженъе (14/27 сентября). Считались святыми и части гроба Господня, Богородицы, частицы мощей святых и т.д.

В крест Евфросинии Полоцкой были вложены частицы запекшейся крови Христовой, "древа животьнаго" - креста, на котором он был казнен, части гроба Богородицы, гроба Иисуса Христа, мощи святых мучеников: мощи святых Стефана и Пантелеймона, кровь святаго Димитрия. Доставались они через Византию, что могли позволить себе или князья, или очень богатые люди.

Частицы мощей носили обычно на себе в специальных дарохранительницах, имеющих форму четырехконечного креста и именовавшихся энколпионами. Изредка делались они из золота (в Киеве был найден скелет в парчовой одежде с золотым энколпионом на груди; *Хойновский,* 1893. С. 32, 33), но обыкновенно, из бронзы, которая легко окислялась и поэтому их носили, как мы говорили, в шелковых мешочках (см. кн. 1. С. 237, рис. 91).

Изучение этих предметов позволит исследователям получить хорошее представление о технике древнерусского ремесла (находки в Киеве литейных форм не позволяют сомневаться в их русском происхождении), о торговле, широте распространения христианства, наконец, о художественных вкусах давно ушедших людей. Изучение 342 энколпионов позволило Б.А. Рыбакову сделать много важных наблюдений и установить, как мы сказали, их киевское происхождение *(Рыбаков,* 1948. С. 454-455), важные выводы принадлежат Г.Ф. Корзухиной по классификации этих предметов и их датировке *(Корзухина,* 1958), интересны выводы В.И. Лесючевского, а также М.Х. Алешковского при изучении крестов, посвященных Борису и Глебу *(Лесючевский,* 1956; *Алешковский,* 1972). В свое время автору этих строк удалось собрать сведения о 41 отливке крестов и иконок из Белоруссии, к чему можно прибавить еще 8 энколпионов из небелорусской Смоленщины, всего 49 находок *(Алексеев,* 1974а. С. 204-219). С тех пор найдено было еще некоторое количество энколпионов, в частности в Новогрудке *(Гуревич,* 1981. С. 114, рис. 91, *8, 9) (Корзухина, Пескова,* 2003).

Основные торговые коммуникации в Западнорусских землях, как мы говорили, проходили по Западной Двине и Днепру с притоками. Здесь довольно рано образовалось Полоцкое княжество, получившее значительное экономическое развитие в X-XI вв. и достаточно рано христианизировавшееся. Здесь, в неизвестном месте Витебской губернии были найдены впервые бронзовые энколпионы. На *[*

Рис. 4. Предметы религиозного культа
1 - Губичи, *2, 6, 7, 9* - Друцк, *4, 5* - Новогрудок, *10* - Браслав

первом были рельефно изображены Богородица в рост с младенцем и святыми в медальонах по концам. Такие энколпионы обычно датируются XII в. На втором была известная обратная надпись (писец писал не по предмету, а по форме): "Пресвятая Богородица, помогай" *(Сементовский,* 1890. С. 129). Эти кресты, как мы знаем после исследований Г.Ф. Корзухиной, точно датируются татарским нашествием 1240 г. *(Корзухина,* 1958). Два энколпиона происходят из Минска и датируются (во всяком случае один из них) концом XII - началом XIII в. *(Алексеев,* 1974а. С. 205). Четыре энколпиона происходят из Друцка (подробнее см.: *Алексеев, 191 А.* С. 205-207, № 5-8). Один энколпион, отлитый в глиняной форме с креста XI-XII в., здесь же эта вторичная отливка (с потерей литейной формы?) датирована мной XII - началом XIII в. Если перейти уже в Смоленскую землю, кроме четырех сведений об энколпионах, опубликованных без описания *(Алексеев,* 1974а. Примеч. 41), к которым следует прибавить еще упоминания о находках у оз. Бряслово на Лучесе (Указатель памятников..., 1893. С. 128) и в д. Заозерье Вельского уезда *(Спицын,* 1899. С. 184 - в обоих случаях это не Смоленская земля), отметим 20 энколпионов, происходящих из Мстиславля, среди которых один с уже упомянутой надписью "Пресвятая Богородица, помогай!", а один - в шелковом мешочке (мои раскопки 1962 г., *Алексеев,* 1974а. С. 212,214, рис. *А, 1,8;* 5), там же встречены и энколпионы послемонгольские (с архангелом Михаилом,

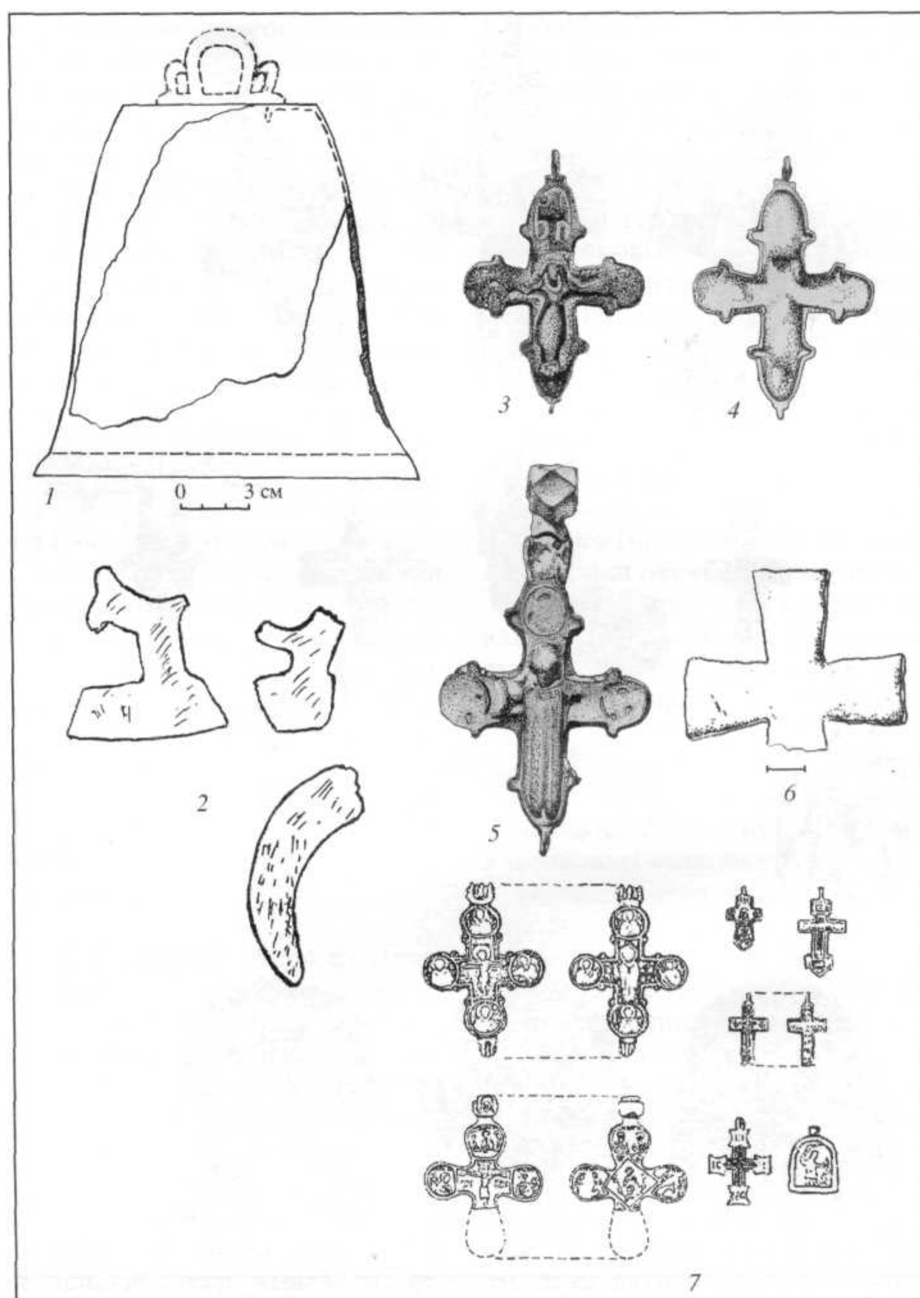

Рис. 5. Друцк. Предметы религиозного культа
1 - колокол (реконструкция), 2 - фрагмент хороса, *3-7* - крестики и иконка

с крестами на концах креста, XIV в.[13] и т.д.). Энколпионы указанных многочисленных типов изготовлялись в основном киевскими ювелирами, в Мстиславле их так много потому, что кратчайший путь на Смоленск лежал по р. Сож, близ которого располагался и Мстиславль. В Турово-Пинской земле найдено довольно много находок, связанных с христианской религией и, между прочим, крест-энколпион (передняя створка) с черненым изображением распятия и расширяющимися концами. Публикуя этот крест, автор раскопок указал, что он найден в Бресте, в шурфе на втором штыке, где проходи слой XIV в. Предмет представляет лицевую створ* бронзового энколпиона с изображениями: способе черни в средокрестьи распятия Иисуса Христа нимбом, справа от распятия - Богородицы, слева Иоанна Крестителя. Под руками Христа - надпйі IC-XC, над нимбом - равносторонний крест с пол круглой надписъю ОДУС (не расшифровано). А тор отмечает, что "прямых аналогий этому крес нет", кресты же, сделанные в аналогичной техник по Г.Ф. Корзухиной (1958. С. 133) датируются XII Отдаленные аналогии из Новгорода (мнені П.Ф. Лысенко) датируются XII в.; *Седова,* 19£ С. 56, 57, рис. 18,7,2).

[13] В Новгороде эти кресты также датируются XIV в. *(Седова,* **1981. С. 59).**

Карта распространения энколпионов показывает, что эти христианские изделия в Западнорусских землях являются привозными: их мало в западной Белоруссии (Туров, Гродно, Новогрудок) и значительно больше в районах приднепровского региона (Могилев, Мстиславль, Друцк и др.)- Здесь найден в слоях гнёздовского Смоленска и древнейший энколпион с гравированным изображением святого и надписью ЮАНИС, а на другой стороне, видимо, предполагалось изобразить Богородицу с младенцем. Это так называемый "Сирийский крест", датируемый Н.П. Кондаковым, по свидетельству Н.И. Асташовой, VI-XI вв. и происходящий из сирийской провинции Византии. Стратиграфические данные позволяют его отнести к X-XI вв. (очевидно, X - началу XI в.) *(Асташова,* 1974. С. 249-251). Энколпионы, следовательно, распространялись на нашей территории более всего там, где проходили торговые пути из Киева. К сводке находок энколпионов, некогда составленной Б.А. Рыбаковым (1948. С. 454), мы можем прибавить еще несколько мест по нашей территории:

Гнёздовский Смоленск, Масковичи,
Мстиславль, Полоцк,
Могилев, Торопец,
Друцк, Дрогичин,
Минск, Ерсике *(Корзухина, Пескова,* 2003).
Гродно,
Новогрудок,
Брест.

По любезному свидетельству Н.И. Асташовой, крест-энколпион был найден Смоленской археологической экспедицией МГУ и в Смоленске. Таким образом, мы можем считать, что в Западных землях Руси были обнаружены при раскопках и случайных находках преимущественно, по-видимому, киевские, но и византийские энколпионы.

ИКОНКИ (см. рис. 4). Помимо большого количества тельных крестиков, встречающихся в Западнорусских землях повсеместно (почему мы на них и не останавливаемся), там были распространены и небольшие подвесные иконки, назначение которых было, по-видимому, тем же: их носили на груди. Многие из них явно были отлиты в одной литейной форме, исходили, следовательно, от одного мастера. Такова иконка из бронзы с изображением на одной стороне Крещения, на другой - Рождества Христова. На первой стороне - Иоанн Креститель с высоким посохом и в плаще, перед ним внизу условными полосами изображена р. Иордан, куда входит крестящийся, на обратной стороне с поразительным мастерством "втиснуто" огромное число фигур: Богоматери с Младенцем, тот же Младенец, лежащий в яслях, из которых тут же едят животные, видны волхвы, пришедшие поклониться Христу по путеводной звезде. Этот великолепный предмет с литыми выпуклыми изображениями случайно найден у д. Мышковичи Кировского района Могилевской области Белоруссии, по свидетельству нашедших, якобы в кургане. Подобные отливки хорошо известны и многократно публиковались. Они есть в Каталоге графа А.С. Уварова (но тот экземпляр - хуже), в сборнике Н. Леопардова и Н. Чернева, у М.П. Погодина *(Алексеев,* 1974а. С. 217). Одна отливка этой иконки найдена Г.В. Штыховым (1978. С. 137, рис. 58, 2). На одной стороне всех отливок вверху читается: "Рождество Христово". Это великолепное изделие литейного мастерства, безусловно, относится к домонгольскому времени, точно датировать его мы не решаемся, но всего вероятнее оно отлито в XII в.

Большой интерес представляет бронзовая литая иконка с изображением святых Бориса и Глеба верхом на конях, Борис бородат и с мечом, Глеб с копьем без бороды. По М.Х. Алешковскому (1972), иконки с изображением конных Бориса и Глеба появились в период великокняжеского правления Владимира Мономаха (1113-1125). Иконка найдена М.С. Козловским в Мстиславле, вне пределов детинца. Аналогии данной иконки нам не встречались. Известны две большие иконки с прорезным фоном *(Уварова,* 1908; *Алексеев,* 1974а. С. 215, 216).

Представляют несомненный интерес четыре свинцовые литые иконки, найденные И.Ф. Лысенко при раскопках Турова *(Лысенко,* 1967. С. 261-284). Все иконки представляют свинцовые отливки в глиняных формах и имеют размеры 23 x 21 мм (первая), 27 x 24 мм (вторая), 25 x 21 мм (по осям элипсиса, третья), 24 x 22 мм (четвертая). На первой вырезано изображение святой с нимбом, на второй - "деисусной Богоматери" (П.Ф. Лысенко), на третьей - "изображение какого-то святого из святительского чина преподобных" - у груди его - книга, и автор раскопок предполагает, что это епископ (наброшенный на плечи омофор), возможно, святой Кирилл Туровский *(Лысенко,* 1967. С. 283). "Может быть, более широкое и глубокое раздвоение лопатообразной бороды и есть та отличительная черта, которой мастер-ювелир хотел обособить изображение Кирилла Туровского от широкоизвестных изображений Николая Чудотворца" (изображавшегося с лопатообразной бородой, - полагает автор раскопок. Он предполагает (и по-моему, справедливо), что все четыре иконки были вставками в какой-то предмет. Их поясные изображения позволяют думать, что они были вставлены скорее всего в напрестольный, а может быть, даже и в воздвизальный или запрестольный (если таковой в ту эпоху был) крест. Касаясь даты изделий, И.Ф. Лысенко отмечает: "Высокий реализм в манере изображения и тщательность дополнительной обработки, отсутствие черт иконописной условности и стилизации XIV-XV вв. наряду со стратиграфическими наблюдениями, служат дополнительным основанием определения времени изготовления туровских иконок XIII веком" *(Лысенко,* 1967. С. 284).

В Мстиславле встречена иконка-киотец (часть триптиха), литая из бронзы, с изображением на ли-

цевой стороне Богоматери с младенцем и монограммами Христа, на обратной стороне - сильно потертый змеевик в круге с надписью Федор Тирон. Иконка датируется XVI в. *(Алексеев,* 1974а. Рис. 4, 7, 9).

Представляет интерес и бронзовая сквозная иконка с изображением Георгия Победоносца, найденная в древнем городе Прупошеске (Славгород). Близкие аналогии мне неизвестны, но по иконографическим особенностям - XVI в. *(Алексеев,* 1974а. С. 216, рис. 2, 72).

В Речицком районном музее Гомельской области хранится бронзовая иконка-медальон круглой формы с изображением воина с копьем и надписью по сторонам - "Федор Тирон", по Г.В. Штыхову (1971. С. 129)-XII в.

Прочие предметы церковного обихода постоянно находят во многих городах Западнорусских земель. Наиболее выразительны находки частей колоколов, которые всегда безошибочно указывают на существование в данном месте церкви. Первые находки колоколов в наших землях происходят из Гродно, где они были обнаружены при раскопках детинца И.И. Иодковским (1930-е годы). Один, размером 95 х 80 х 17 см «сохранил часть грубовато исполненной надписи из четырех букв: "РАБУ" (вернее, судя по натуре "РАБО(У)". *-Л.А.).* Очевидно, по краю колокола шла вотивная надпись, с именем Всеволодки - строителя Нижней церкви», - полагает Н.Н. Воронин (1954а. С. 119, 120). Таким образом, дата надписи - первая половина XII в. Гродненский обломок является пока одним из древнейших образцов колокола с древнейшей надписью. Другой колокол из Гродно представлял бесформенный слиток расплавившегося металла и облеплен углем сгоревшего дерева - он погиб при пожаре Нижней церкви в 1183 г. Вопрос о том, где висели эти колокола - на колокольне, звоннице или на самом храме, Н.Н. Ворониным решался определенно: на самом храме: "Большой кусок оплавившегося в огне колокола был найден при работах И.И. Иодковского, т.е. рядом со стенами Нижней церкви, так как Иодковский обходил руины храма сравнительно узкой траншеей" *(Воронин,* 1954а. С. 120).

Интереснейшими находками являются большие обломки колоколов, найденные в Турове и в Бресте. К сожалению, автор раскопок не уделил им должного внимания. Отсутствие их профилей, как и масштабов на рисунках лишает нас возможности реконструировать формы этих уникальных изделий и по ним путем аналогий определить тип и дату этих колоколов *(Лысенко,* 1999. С. 178, рис. 53, 75, *20;* 1985. С. 266, 270, рис. 186, 7).

При наших раскопках в Друцке и Мстиславле также были найдены фрагменты колоколов. Как мы говорили выше, в одном из восточных раскопов друцкого детинца был найден кусок сильно оплавившегося колокола (рис. 5, 7). Он небольшой, с диаметром верхней части 15-20 см, восстанавливается по форме с известным трудом. Удалось установить, что колокол был ульеобразным, типичным для XПI-XIV вв. *(Шашкина,* 1985. С. 118, рис. 3). Близок к нему по типу, вероятно, колокол из Турова *(Лысенко,* 1999. Рис. 53, *16; Алексеев,* 20026. С. 91, рис. 7, /). В Мстиславле, в северной части детинца, в том месте, куда завалился донжон, были также найдены остатки колоколов, ибо донжон одновременно был и церковью *(Алексеев,* 19936. С. 229). В обоих случаях выяснилось, что церковь-донжон и просто церковь на детинцах стремились ставить так, чтобы они были видны издалека - из-за реки, как в Друцке и т.д. Донжоны пришли к нам с Запада через Волынь. Предполагается, что деревянные донжоны существовали в домонгольское время и в городах Побужья *(Карабушкіна,* 1999. С. 65). К сожалению, реконструировать мстиславльские колокола не представляется возможным. Удалось лишь в двух случаях определить состав колокольной бронзы *(Алексеев,* 19936. С. 229).

Архитектура

Каждая волна времени оставляет на памятнике свой намыв, каждое поколение — свой слой, и каждая личность добавляет свой камень.

В. Гюго

Древнерусская архитектура - одна из важнейших и ярчайших сторон русской культуры... Зодчество было ведущим видом искусства.

П.А. Раппопорт

Обратившись к истории духовной культуры наших земель, поняв, прежде всего ее "философскую сторону" - религию, взгляд на мироздание, и т.д. , нам надлежит обратиться к памятникам древности, в которых эти воззрения отразились, и первое место здесь принадлежит, безусловно, архитектуре, ибо она, "сохраняясь наиболее полно, в течение веков доносит до нашего времени идейно-политиче-

ские и художественные взгляды своей эпохи (Н.Н. Воронин).

В самом деле: в домонгольское время здесь существовало большое количество архитектурных памятников, большую часть их время не пощадило, но в земле сохранились их остатки, по которым и движется археолог. Остатки эти крайне важны, ибо ныне разработаны методы их исследования, позволяющие судить не только о строительной технике того времени, но и решать многие вопросы, связанные с мышлением создавших их людей, с развитием архитектуры как искусства и даже чисто исторические вопросы. Вспомним утверждение Н.В. Гоголя, что архитектура - та же летопись мира и становится источником, когда нет письменных свидетельств, а В. Гюго говорил, что до XV в. зодчество - главная летопись человечества. Для Руси это стало особенно ясным после блестящих исследований выдающихся ученых - М.К. Каргера, Н.Н. Воронина, так же П.А. Раппопорта, - они много работали и в наших землях. И все-таки, нам уже приходилось писать, что в исследованиях этих ученых не все было доведено до конца, не все полностью исчерпано и даже докопано. В них подчас недостает к тому же чисто исторического осмысления того, что было раскопано, что вызвало храмостроительство на разных этапах развития страны. Частично мы пытались это восполнить на примере Полоцкой земли *(Алексеев,* 1996в. С. 97). Ныне повторим эти рассуждения, пользуясь теми же приемами для всей нашей территории.

Эпоха древнерусского каменного зодчества началась, как мы знаем, со строительства в Киеве десятинной церкви Пресвятой Богородицы (991-996), когда Владимиру Святому в 989 г. пришла мысль "создати церковь... и, пославъ, приведе мастера от Грек" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 83). Раскопки погибшего в 1240 г. храма велись Д.В. Милеевым (1908-1914 гг.) и М.К. Каргером (1938, 1939, 1947 гг.). Выяснилось, что это был шестистолпный трехапсидный храм с галереями и большим нартексом, необходимым, как мы знаем, при обилии оглашенных *(Комеч,* 1987. С. 170). Следующий обширный храм был воздвигнут через 40 лет, когда Ярослав Мудрый и его брат в 1024 г. поделили между собой по Днепру русские земли и могущественный Мстислав решил отстроить в своем Чернигове храм, как теперь доказывается, взяв за образец храм своего отца — десятинную церковь, и начал возводить с помощью византийских зодчих черниговский храм Спаса *(Комеч,* 1987. С. 179). Со второй половины 1030-х годов, когда Русь была вновь воссоединена, Ярославу Мудрому потребовался новый храм вблизи его дворца. Этот храм должен был отразить могущество киевского князя, возглавившего (со смертью Мстислава в 1036 г.) вновь земли. Греческим мастерам был заказан новый собор в Киеве с огромными хорами, где, как и в Константинополе, надлежало во время службы стоять князю в окружении приближенных, принимать от митрополита причастие и т.д. Византийская служба была исключительно торжественна. Так на месте старого деревянного возник грандиозный собор, заложенный в 1037 г., т.е. сразу после смерти Мстислава.

Софийский собор имел успех, и в Новгороде сыну Ярослава Владимиру стало очевидным, что подобный храм должен стоять и у него. Так в 1045 г. была заложена София Новгородская, в значительной степени повторявшая Софию Киевскую и возведенная, как теперь ясно, той же артелью греческих мастеров. Строительство этих храмов было связано не только с торжественностью богослужения, это было "доказательством равенства" с Цареградом *(Лазарев,* 1978. С. 211), но и несло "идею государственного величия Руси с юга на север" *(Вагнер,* 1990. С. 43).

Переходя к Западнорусским землям, отметим, что архитектурное строительство там полностью отразило развитие их частей. Как мы видели, в XI в. раньше всех там получила развитие Полоцкая земля. Приблизительно на 50 лет позднее появилось Смоленское княжество, слабо и медленно развивались Турово-Пинские земли. Раньше всего началось каменное строительство в Полоцком княжестве. К этим землям мы и перейдем.

Архитектура Полоцкой земли

СТРОИТЕЛЬСТВО ВСЕСЛАВА В ПОЛОЦКЕ. Знаменательно, что два десятилетия спустя, за далекими лесами в Полоцке поднялась еще одна пятинефная София, не менее грандиозная: Всеслав Полоцкий претендовал на равенство с Киевом и Новгородом (рис. 6). Какие процессы вызвали это соревнование? Вторая половина XI в. здесь была связана с деятельностью князя Всеслава Брячиславича (1044-1101). Как мы говорили, первые 16 лет своего правления он был занят внутренними делами и был, вероятно, еще слаб *(Алексеев,* 1966. С. 242, 243), над ним висел еще договор отца 1021 г. о совместных войнах против половцев, и ему пришлось участвовать в походе Ярославичей на торков 1060 г. (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 109). Он, несомненно, побывал в Киеве, видел всю византийскую роскошь двора Ярослава и его сыновей. Поссорившись с ними, как мы говорили, он стал заклятым врагом Ярославичей. По возвращении в Полоцк у него, видимо, зародилась мысль, разорвав договор 1021 г., превратить свою столицу в некое подобие Киева. Равенство с Ярославичами должна была демонстрировать в его столице своя собственная София. Из Византии были призваны мастера, которые и возвели храм. Датировку полоцкой Софии 1044-1066 гг., по-видимому, следует пересмотреть. Представляется очевидным, что ее стро-

Рис. 6. Полоцк. Софийский собор (1062-1066 гг.)

или после 1060 г. Около двух лет ушло на приискание в Византии соответствующих зодчих, которые и построили грандиозный собор, "подобный" киевскому и новгородскому, т.е. в 1062-1066 гг.[14] Три последовательно вызванные византийские артели зодчих отстроили Десятинную церковь в Киеве, черниговский Спас и, наконец, киевскую Софию, и те же мастера - Софию новгородскую, какая же артель строила в Полоцке? Ясно, что это были греки, но те ли, что возводили в Киеве и в Новгороде? Здесь нужно прежде всего опереться на сравнение всех трех Софийских храмов. Уже беглого взгляда на планы всех трех памятников достаточно, чтобы стало очевидно, что София в Киеве в своей центральной части близка к Софии новгородской и храмы сделаны, по-видимому, одними и теми же мастерами. София полоцкая не имела галерей (в отличие от первых двух, хотя возможно, что там они были возведены позднее), но ее центральная часть в общих пропорциях совсем иная! (рис. *1,1)*.

Вопрос о том, какая артель строила в Полоцке, Ю.С. Асеев решал очень просто: окончив строительство в Киеве и Новгороде, построив Ирининскую и Георгиевскую церкви (1150-е годы), мастера переехали в Полоцк *{Асеев,* 1980. С. 139). Конечно, при Ярославе византийские мастера приезжали надолго и не только зодчие. Степенная книга сообщает, например, что для "богогласного пения" "приидоша... от Царяграда богоподвизаимии трие гречистии с роды своими" (ПСРЛ, 1908. Т. 21. С. 171). Зодчие тоже, конечно, приезжали с семьями, но считать, что они строили на Руси более 30 лет - произвольно. (А извечная ссора полоцких князей с Киевом!)

---

[14] Дата начала строительства Софии будет уточнена, если дендрохроноргически удастся выяснить начало возведения укреплений Полоцка Всеславом, ибо они, несомненно, предшествовали храму.

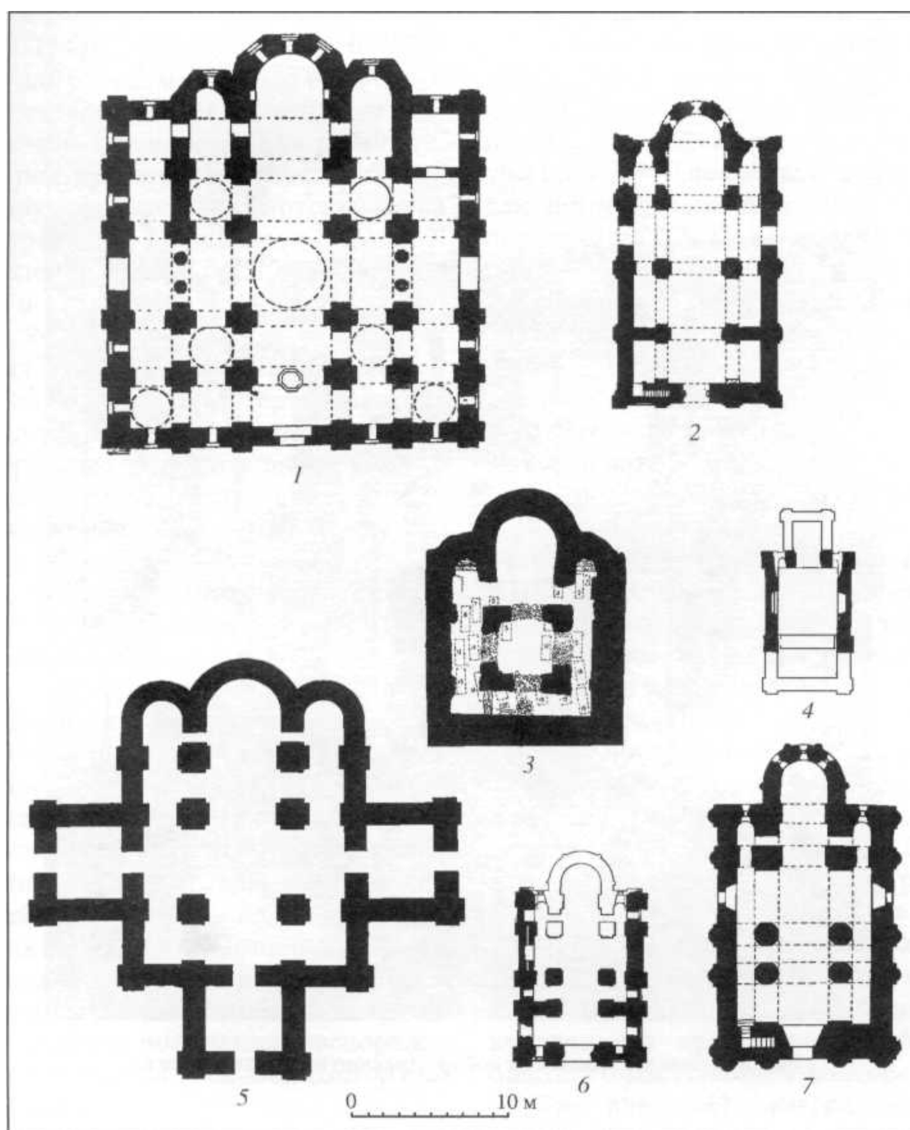

Рис. 7. Планы церквей Полоцкого княжества

1 - Софийский собор в Полоцке; 2 - церковь Благовещения в Витебске; *3* - храм в Минске; *4* - церковь Параскевы Пятницы в Бельчицком монастыре; 5 - Успенский собор Бельчицкого монастыря; *6* - церковь Бориса и Глеба Бельчицкого монастыря; 7 - Спасский собор Евфросиниевского монастыря

Попробуем опереться на сравнение всех трех памятников, их объединяет не только обычность идеи, но и то, что все они построены в новой части города: в Киеве - в городе Ярослава, в Новгороде - на недавно укрепленном детинце, в Полоцке - на новой цитадели - Верхнем Замке *(Комеч,* 1987. С. 257). Единое назначение всех трех памятников - очевидно, их функция - едина, сходства с киевской Софией больше *(Комеч,* 1987. С. 257-260) - это явно желание заказчика. Однако, сходство это в мелочах. При этом у полоцкого храма и много отличий: он выделяется удлиненной алтарной частью, его восточные подкупольные столбы - в основном пространстве храма, алтарная преграда перемещена на один неф к востоку. В нем 5 поперечных нефов, а не 4, что ближе к черниговскому Спасу *(Афанасьев,* 1961. С. 66). Некоторая "базиликальность" плана дала вытянутые нефы, а так как подкупольный квадрат - в центре здания, то восточная часть, получив лишний поперечный неф, "заглубила апсиды" *(Вагнер,* 1990. С. 44), а это заставило переместить один неф к востоку *(Комеч,* 1987. С. 257), чего в других храмах нет. В целом, в отличие от других Софий план симметричен по обеим осям, особенно, "если учесть, что на месте поздних западных апсид, мог располагаться нартекс" (рис. 8) *(Комеч,* 1987. С. 257, 258). А это, несомненно, свидетельствует о некоторой вытянутости пропорций вверх, что, между прочим, отражено и на гравюрах XVI в. *(Gwagninus,* 1611. S. 208, 209; *Алексеев,* 1966. С. 137). Это устремление вверх было новой чертой, неизвестной Софийским соборам Киева и Новгорода. Разрыв между окончанием строитель-

Рис. 8. Полоцк. Софийский собор. Древние восточные абсиды

ства в Новгороде и началом строительства в Полоцке (после 1060 г.) окончательно убеждает нас в том, что в Полоцке работала самостоятельная артель византийских зодчих - четвертая на Руси (после артелей, строивших десятинную церковь, черниговский Спас и большие соборы в Киеве и Новгороде). У полоцких князей были свои связи с Византией и ее императором - дочь Всеслава (от второго брака?), мы видели, в 1106 г. была выдана замуж за сына византийского императора *(Мошин,* 1947. С. 83). Тонкие наблюдения П.А. Раппопорта над строительной техникой в полоцкой архитектуре показали, что храмы "несут на себе все признаки киевских мастеров, но формовка кирпича здесь скорее черниговского типа" *{Раппопорт,* 1985. С. 83). Видимо, зодчим из Греции присылали мастеров из других мест Руси.

Мы говорили выше об идеях сепаратизма полоцких князей, получивших особенное развитие при Всеславе Полоцком. Очень интересно, что эти идеи угадываются в полоцкой Софии. Как Ярослав Мудрый противостоял своей киевской Софией Константинополю, так и Всеслав противостоял своей Софией Киеву и Новгороду!

Говоря об архитектуре городов Западнорусских земель, отметим, что в течение всего XI в. грандиозный храм Софии Полоцкой был единственным церковным памятником, построенным там из камня, и это не удивительно: Полоцкое княжество было организовано с конца X в., когда князья - сыновья Рогнеды перенесли его столицу на Верхний замок. Смоленское княжество было создано (и "столица" его перенесена из Гнёздова на новое место - так называемую Соборную гору) в середине - второй половине XI в., т.е. на 50 лет позднее Полоцка. И на 50 лет позднее, в 1101 г., Мономах начал строить в Смоленске "не кафедральный храм, а большой городской собор" *{Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 26), т.е. памятник, назначение которого совпадало с назначением Софии Полоцкой. В Турово-Пинских землях в XI в. каменных храмов еще не существовало.

Не приходится удивляться и тому, что Всеслав, с жадностью смотря на Южнорусские земли и возведение там церквей, не построил после окончания Софии ни одного каменного памятника: всю третью четверть XI в. он был в беспрестанных сражениях, а в четвертой четверти - уже стар и слаб.

Перейдем в XII в.

ЦЕРКОВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СЫНОВЕЙ ВСЕСЛАВА. Мы плохо знаем, как шло развитие в Полоцкой земле в начале XII в. В южной Руси храмостроительство очень оживилось. Там работало, несомненно, еще под руководством византийских зодчих не менее двух строительных артелей, одна из которых обстраивала Переяславль {*Комеч,* 1987. С. 134). В Полоцке же шла борьба с Владимиром Мономахом, и средств, конечно, было мало [*Алексеев,* 1966. С. 249-250). Мы знаем, что первые 16 лет Всеслав был занят внутренними делами: завоевывал "плохо лежащую" территорию менских дреговичей, строил укрепления Минска на Свислочи (1063-1066), переселял туда жителей Менска на р. Менке (см. выше) и т.д. В 1101 г. его не стало. Начался, как обычно, дележ владений между сыновьями умершего.

Можно думать, что в результате этого дележа менские дреговичи стали княжеским уделом. Получив этот густонаселенный удел (судя по обилию инвентарей некоторых курганов), Глеб Всеславич, укрепивший к тому же свою базу женитьбой на дочери Ярополка Изяславича, не только проявил авантюрные наклонности своего отца, но и пришел к мысли о строительстве в своем уделе. Получив его с очень мощной крепостью - Минском - площадью 3 га, он решил озаботиться строительством собственного "идейного центра" - не столь, может быть, мощного, как в отцовском Полоцке (с братьями, обосновавшимися там, мы видели, он был в ссоре), но достаточно солидного каменного храма. Об этом летописи молчат, но в нашем распоряжении - прекрасные материалы раскопок (*Загорульский,* 1982. С. 189-202).

Минский храм Пресвятой Богородицы. Как мы уже говорили, в 1949-1951 гг. белорусский археолог В.Р. Тарасенко вблизи материка раскопал храм уникальной конструкции (фундамент и части стен) конца XI - начала XII в. {*Тарасенко,* 1957а. С. 220-228) (рис. 9). Не будучи должным образом изучен, ни оценен, памятник простоял на открытом воздухе 10 лет и был засыпан. Рассмотрим его как исторический источник. Храм не только не простоял до XV в., как показалось неспециалисту {*Поболъ,* 1988. С. 50), но его строительство дальше нижних частей стен не пошло - нет ни слоев развала, ни остатков других материалов строительства (кроме "творила" для гашения извести), а камни вокруг - без следов раствора {*Тарасенко,* 1957а. С. 203). Еще до окончания строительства в нем стали совершать погребения (что не должно удивлять: князь Мстислав черниговский был положен в недостроенном Спасском соборе, когда стены были выведены до высоты "на кони стояще рукою досящи" (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 101). И самое главное: в XII в. по остаткам храма прошла деревянная мостовая улицы, перемощенной 4 раза, а на ее нижнем настиле было найдено самое большое количество обломков стеклянных браслетов, и он положен, следовательно, в 30-40-е годы XIII в. (рис. 10).

Это был четырехстолпный, крестовокупольный, трехапсидный, с выступающей средней апсидой, храм. Мощные стены (1,5 м), выложенные снаружи тесаным камнем, внутри были заполнены рваным камнем на известковом растворе. В местах для склепов - оригинальная облицовка из тесаных кирпичеобразных известковых плиток {*Тарасенко,* 1957а. С. 226, рис. 20). Как мы писали, организация внутреннего пространства обличала не очень опытного мастера (или мастера, строящего в этой манере впервые): центральный подкупольный квадрат был сдвинут к югу, южный неф, как это видно по обмерам, был уже северного (см. об этом

Рис. 9. Минск. Храм Богородицы (?) Апсиды. Фото автора. 1949 г.

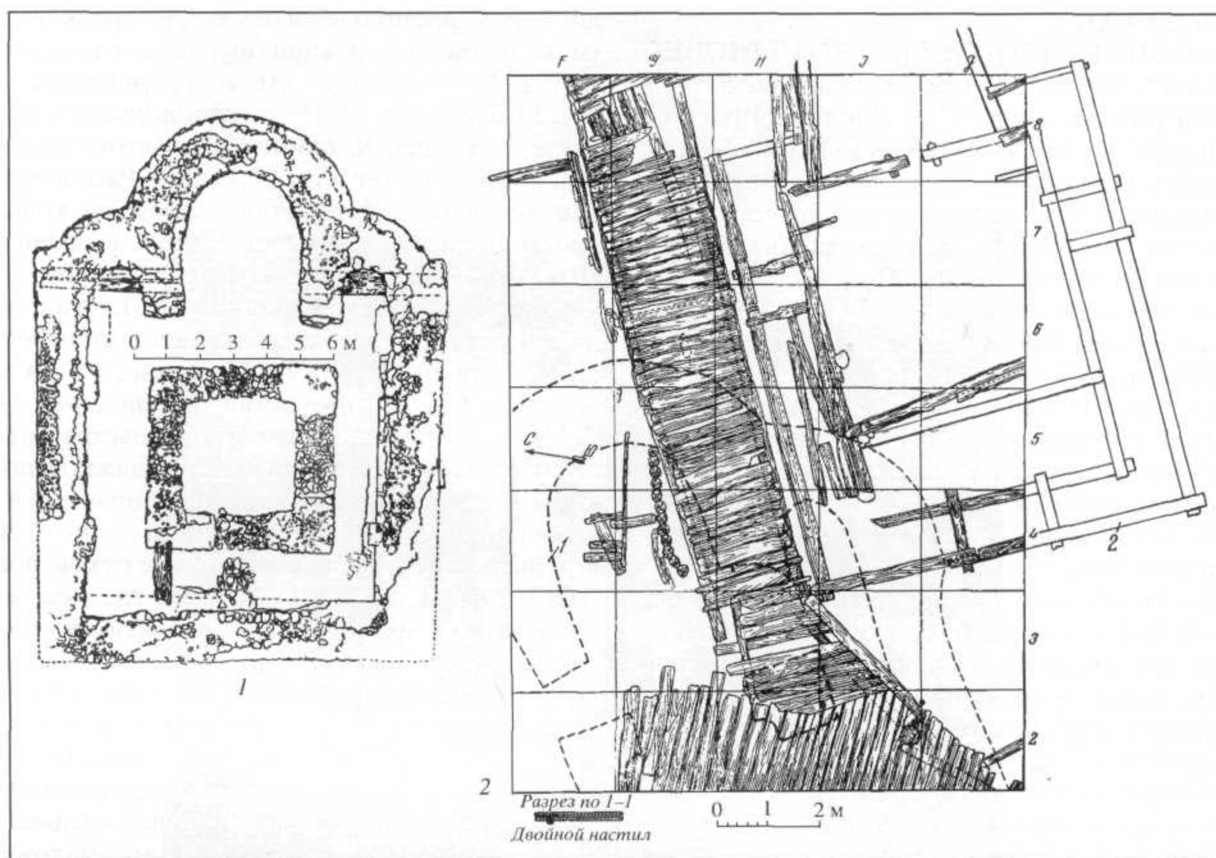

Рис. 10. Минск. Храм Богородицы (7); деревянные сооружения над ним (2). Реконструкция автора. Раскопки В.Р. Тарасенко

нашу дискуссию с Э.М. Загорульским: *Загорулъский,* 1982. С. 191; *Алексеев,* 1987. С. 270, 271). Повторные исследования памятника Э.М. Загорульским *(Загорульский,* 1982. С. 198) и Г.В. Штыховым *{Штыхов,* 1978. С. 76) установили, что храм закладывался очень близко к материку, и его следует датировать либо концом XI в., либо самым началом XII в. Исходя из исторической ситуации, Э.М. Загорульский даже склонен относить его закладку к 1071-1073 гг. (однако нельзя забывать, что четырехстолпные храмы в XI в. не были распространены, и дата конец XI - начало XII в., безусловно, предпочтительней).

По сравнению с другими памятниками Полоцкой земли, этот храм не так уж мал, его площадь без апсид 144 м^2, немногим уступает витебскому Благовещению (153,96 м^2), больше церкви Евфросинии Полоцкой (142 м^2), а Бельчецкие Пятницкий и Борисоглебский храмы ему даже уступают. Малое количество опор внутри (четыре столба) при большой площади храма предполагалось, очевидно, компенсировать утолщением стен и столбов (толщина стен здесь превышала толщину всех храмов княжества) *{Алексеев,* 1966. С. 197, рис. 50), что позволило отказаться от конструктивно необходимых пилястр, и стены получили гладкую поверхность, а столбы доведены до двухметровой толщины, подкупольный квадрат сдвинут к югу, южный неф оказался суженным, внутренние пилястры неточно соответствовали столбам, что привело бы к искривлению сводов, либо, как думал Г.К. Вагнер (личная беседа), было рассчитано на ступенчатые арки, и здание, следовательно, предполагалось вытянуть вверх (София Киевская, раннемосковское зодчество), а это было бы для нас особенно интересно (см. ниже).

Итак, минская церковь - один из самых ранних четырехстолпных храмов Руси - почему-то не была достроена. Э.М. Загорульским высказана исключительно плодотворая мысль, что памятник строили по русскому образцу западноевропейские мастера[15] - в романской архитектуре Польши есть квадратные в плане столбы, храмы часто строились не из плинфы, а из мощного камня (Познанский собор, например, - *Загорульский,* 1982, С. 199, 200). Сейчас в своих рассуждениях ученый пошел дальше, но с этим согласиться невозможно. Он утверждает в популярном издании, что: 1. Храм строился тогда, когда Минск не принадлежал Полоцку, иначе "были бы приглашены полоцкие мастера с их традицией и характерной техникой", что могло быть только в 1071-1073 гг., когда Всеслав был побежден под Голотическом сыном Изяслава (Киевского. - *Л.А.)* Ярополком (1071). 2. Храм построен

[15] Ср.: "Князь Андрей (Боголюбский) ...получил какое-то количество мастеров непосредственно с Запада" *(Воронин,* 1961. Т. 1.С. 330, 334).

вскоре после основания Минска, когда Глеб был еще мал, и это опять поручили бы полоцким зодчим. 3. Если допустить, что Ярополк был в 1071-1073 гг. минским князем, что он и пригласил польских зодчих (его мать - дочь польского короля Мечислава II). Строительство оборвалось, так как предполагаемое княжение Ярополка в Минске должно было в 1073 г. прекратиться *(Загорульский,* 1993). Здесь слишком много допущений, но есть и неверные утверждения - автор забывает, что в XI в. не было еще полоцких зодчих и тем более их традиций! Единственный храм XI в. - Софийский - был воздвигнут византийскими зодчими. Неясно также, почему в 1073 г. строительство храма прекратилось: вернувшийся в Полоцк Всеслав (см. выше) примирился с отцом Ярополка и даже вел какие-то будто бы матримониальные переговоры с ним *(Алексеев,* 1966. С. 249). И все-таки, кто бы ни строил храм, в какой бы технике ни работал, он воздвигал православный храм и должен был руководствоваться русскими образцами. Какими же?

Среди всех древнерусских храмов мы можем указать лишь один, построенный тоже в конце XI в., четырехстолпная часть которого (без нартекса) во всех деталях и даже абсолютных размерах (!) полностью совпадает с минской церковью. Это киевский храм, раскопанный М.К. Каргером в усадьбе Художественного института в 1947 г. *(Каргер,* 1951а. С. 209-226; 1961а. С. 391, 402). Четырехстолпная часть киевского храма составляет квадрат со стороной 12 м, а длина этой части с апсидой - те же 16 м. Конечно, это памятник совсем иной - он выложен из плинфы на цемянке, с шестью столбами, и делать широкие выводы неосторожно, но полное совпадение пропорций и размеров его четырехстолпной части с минским храмом случайным быть не может. Вспомним, что князь Глеб был тесно связан с Киевом, в 1108 г. отстроил в Печорском монастыре трапезную, его вдова отдала этому монастырю по завещанию "все и до повоя". Вполне вероятно, что Глеб Всеславич был связан с Киевом и раньше, в начале XII в., когда, мы увидим, киевским зодчеством увлекались и другие Всеславичи, выписывая оттуда мастеров. Изгойный Глеб, как мне представляется, вызвав архитектора с Запада, указал на храм в усадьбе Художественого института как на образец, четырехстолпная часть которого его устраивала по размерам. Плинфа не была привычной для западного зодчего, и он обратился к камню.

Как оценить минский памятник до того, как, мы в это верим, он вновь будет освобожден от наброшенного балласта и капитально изучен? Памятник представляет очень раннюю (может быть, "тупиковую") попытку зодчего (заказчика?) вырваться из статичной крестовокупольной схемы византийского образца. Попытку, давшую через 60-70 лет блестящие образцы домонгольской русской архитектуры с ее стремлением к "высотным" композициям (правда, теперь уже через ступенчатую пирамидальность). В этом раннем стремлении, проявившемся в Минске, с нашей точки зрения, и содержится огромное значение минского памятника (даже если строившие его иноземцы не справились со своей задачей, о чем мы уже говорили).

Борисоглебский монастырь на р. Бельчице (рис. 7, *6).* У нас нет прямых сведений о существовании в XI в. в Западнорусских землях каких-либо монастырей. Однако они должны были быть, так как во главе полоцкой во всяком случае церкви стояли епископы, т.е. монахи, они имели свою усыпальницу в Сельце под Полоцком и всего вероятнее там монастырь уже был (правда, женский). Существовал, видимо, и мужской деревянный монастырь Бориса и Глеба на р. Бельчице. Торжество по перенесению мощей первых русских святых, как мы знаем, в Вышгород под Киевом состоялось в 1072 г. Следовательно, он возник позднее этой даты.

По смерти отца Всеславичи (вероятно, еще не перессорившись), сообща начали думать, по-видимому, о необходимости, подобно Киеву, иметь свои монастыри с каменными церквями. За помощью они обратились не в далекую Византию (подобно их отцу), а в Киев, постоянно обогащавшийся каменной архитектурой. Посмотрим, насколько это справедливо.

"Начало собственного монументального строительства в Полоцке, - писал П.А. Раппопорт (1980. С. 157), - относится к началу XII в. По-видимому, именно тогда был возведен большой собор Бельчицкого монастыря. Близость этого памятника киевской церкви Спаса на Берестове уже обращала на себя внимание историков архитектуры. Здесь совпадают как архитектурные формы, так и строительная техника. В соборе Бельчицкого монастыря выявлены даже такие типичные для киевского зодчества конца XI - начала XII в. технические детали, как деревянные лежни под фундаментом, сбитые на перекрестьях железными костылями." П.А. Раппопорт вслед за Н.Н. Ворониным датирует памятник 20-30-ми годами XII в., забывая, что это вовсе не "начало" века, когда строился Спас на Берестове.

При каком князе был построен монастырь? В поздних летописях сообщено, что некий Борис Гинвилович "змуровал церковь на Замку Вышнем святой Софии коштом немалым. На Бельчици также монастырь з вежами бардзо хорошими и церковь святых мученик Бориса и Глеба... змуровал" (ПСРЛ, 1975. Т. 32. С. 22). Для западных летописей традиционно смешивать Бориса Всеславича с неким Гинвиловичем *(Флоря,* 1995. С. 111-112).

Успенский ("большой"") собор Бельчицкого монастыря известен по документам: "Записал тую землю со всим к монастыру на Бельчице Пречистое Богоматери и св. мученикам Борису и Глебу"(1511 г.; *Хорошкевич,* 1980. С. 77; 1982. С. 213).

Рис. 11. Полоцк. Реконструкции церквей

1 - Спасский собор Евфросиниевского монастыря. Западный и южный фасады (реконструкция П.А. Раппопорта и Г.М. Штендера); 2 - Княжеский храм на детинце (реконструкция Г.В. Штыхова)

Об этом же соборе есть упоминание и в архивных документах *(Селицкий,* 1992. С. 34).

Не зная первого документа, авторы именовали храм традиционно -"Большой собор". Развалины этого памятника, известные в 1820-х годах игумену Изоиашу Шулакевичу (монастырь тогда был униатским), были бегло обмерены *(Сементовский,* 1867. С. 114), их акварельный рисунок ныне опубликован *(Трусов,* 1988. С. 23, рис. 8). По плану И.М. Хозерова Н.Н. Воронин (1956. С. 15) выяснил, что это был шестистолпный трехпритворный храм, построенный из плинфы, скрепленной цемянкой и положенной по строительной методе "с утопленным рядом". План храма крайне близок к плану церкви Спаса на Берестове в Киеве (рис. 7, 5), которую, как доказал М.К. Каргер (1961. С. 391), можно уверенно датировать рубежом XI-XII вв. Бельчицкий Успенский собор И.М. Хозеров отнес ко времени относительно раннему, когда на территории Борисоглебского монастыря еще не было других храмов *(Хозеров,* 1994. С. 69). Н.Н. Воронин *предположительно* отнес строительство Успенского собора ("Большой собор") к 1120-1130-м годам *(Воронин,* 1956. С. 17), осторожный П.А. Раппопорт предложил еще более общую дату - первая половина XII в. *(Раппопорт,* 1982. С. 98). Однако, как мне уже приходилось писать, вторая четверть XII в. в Полоцке была временем самым неудачным для строительства (к тому же самых больших храмов) в Полоцкой земле: полоцкие князья находились в постоянной вражде с киевскими: в 1116 г. был разгромлен Мономахом Глеб Минский, выслан из Минска в Киев, в 1121 г. тот же Мономах примирял полоцких князей, погрязших в ссорах, в 1127 г. южнорусская коалиция князей громила полоцких и меняла им полоцкого великого князя на его брата, а в ИЗО г. за ослушание полоцкие князья с женами и детьми были изгнаны в Византию (по-видимому, к их родственникам, родным императора) и прожили там 10 лет *(Алексеев,* 1966. С. 257-263). Какое уж тут строительство! Совершенно очевидно, что Успенский Бельчицкий храм строили до всех этих событий, т.е. тогда, когда Всеславичи после смерти отца еще были в силе, даже выдавали свою сестру за сына византийского императора (1106 г., о чем уже была речь), принимали нового епископа-грека Мину (1105 г.). К нашему удивлению, ни Н.Н. Воронин, ни П.А. Раппопорт не только не учли все эти чисто исторические события, но не учли и соображения, которые им должны были придти из области археологии! В рукописи (которую обрабатывал по просьбе Белорусской академии наук Н.Н. Воронин - ныне опубликована), И.М. Хозеров писал, говоря об этом соборе: "Особый интерес вызывает конструкция фундамента, заложенного в песчаном грунте на глубину 1,63 м на лежнях из дубовых брусьев (0,22 х 0,25 м), скрепленных *железными коваными четырехгранными штырями* (длиной до 24 см) *(Хозеров,* 1994. С. 69; подчеркнуто нами. - *Л.А.).* Лежни фундамента, соединенные в местах пересечения костылями и чаще всего именно железными, - характерный признак для памятников Киевской Руси рубежа XI и XII вв. М.К. Каргер писал: "Субструкция, состоящая из деревянных лежней, скрепленных на перекрестиях железными костылями, обнаруженная под фундаментами церкви Спаса (на Берестове. - *Л А.)* ...является типичной особенностью киевской строительной техники второй половины XI - начала XII в." *(Каргер,* 1961 С. 391). В самом деле: в церкви Спаса на Берестове в Киеве М.К. Каргером обнаружены "у подошвы фундамента" "деревянные брусья-лежни, скрепленные в перекрестьях железными костылями' *(Каргер,* 1961. С. 384). Подобные же лежни и железные костыли в перекрестьях оказались в церкви в усадьбе Художественного института в Киеве *(Каргер,* 1961. С. 396 и рис. 141), как и в храме Бориса и Глеба в Вышгороде *(Каргер,* 1961. С. 327) Колышки и костыли, скреплявшие перекресты лежней, выявлены тем же исследователем в Андреевской церкви Переяславля Хмельницкого *(Раппопорт,* 1982. С. 34). Подобные лежни (и, по-види мому, костыли) найдены и в переяславском храме св. Архангела Михаила 1089 г. при небольших ра

ботах М.К. Каргера в 1949 г. *(Каргер,* 19516. С. 56) и т.д. Все эти памятники датируются концом Xl - началом XII в. На памятниках более поздних этого приема скрепления лежней под фундаментом нет.

"По сравнению с Берестовским храмом, - писал Н.Н. Воронин (1956), - собор представляет шаг вперед, он является развитием намеченной в Берестове композиции". По его мысли, собор строили зодчие, работавшие у Владимира Мономаха (врага их брата Глеба Минского. *-Л.А.).* "В соборе Бельчицкого монастыря они перенесли подкупольное пространство на одно членение к западу, что дает возможность создать строго центрическую объемную композицию... при таком решении плана храм должен был иметь сильно повышающуюся часть. Подобная композиция, продолжающая традиции ступенчато-пирамидальных объемов памятников эпохи Киевской Руси, в то же время давала широкие возможности для дальнейшей разработки. Киевские мастера... заложили основы развития местного строительства, которое с этого времени ведется в Полоцке непрерывно", - писал П. А. Раппопорт (1980. С. 157).

Это был шестистолпный трехапсидный трехпритворный храм размерами без притворов 23,5 х 16,2 м. Его стены выложены из плинфы с утопленным рядом. По свидетельству А.И. Павлинова (1895. С. 11), ряды плинфы чередовались с полосами "булыжного камня (кругляков) разной величины", что можно рассматривать как пережиток кладки opus mixtum, типичной для XI в., а это лишний раз поддерживает нашу уверенность, что храм был построен в самом начале XI в. и теми мастерами, которые только что кончили церковь на Берестове и приехали в Полоцк для возведения в этом городе второго каменного храма (после Софии) высотного ступенчато-пирамидального объема, распор сводов которого погашался тремя притворами, изобретенными (может быть, ими?), как показал М.К. Каргер (1961. С. 389) на Берестовском памятнике. Строительство киевских зодчих, которыми руководил еще *греческий* специалист, мы увидим, имело в Полоцке большой успех.

Усыпальница полоцких епископов св. Георгия Победоносца, мы увидим, представляет совершенно особое уникальное явление, если не всей домонгольской Руси, то во всяком случае - всех Западнорусских земель, и по достоинству еще не оценена наукой. Так и не выяснено, как назывался этот памятник, а в его датировках есть некоторые расхождения.

Остатки этого памятника находятся в Спасском монастыре Полоцка, в нескольких десятках метров к северо-востоку от Евфросиниевского храма (1161). Обширный (без апсид - 14,85 х 16,3 м), четырехстолпный трехнефный храм с галереями и гробницами под ними, был, по-видимому, усыпальницей полоцких епископов (в основном, скелеты стариков), о которой в 1128 г., мы увидим, говорил Евфросинии епископ Илья, побуждая ее, как мы думаем, к строительству каменного храма на месте прежней усыпальницы. По эффектной роскоши, явной дороговизне строительства (на стенах, на полу храма изобиловали ковры из смальты!), это было, несомненно, княжеское строительство, в котором, вероятно, участвовал не один князь, но, по-видимому, и его братья. Объемно-ступенчатая вертикаль постройки (о ней пишут все исследователи) должна была быть видна издалека, прославляя память о полоцких иерархах. Конечно, об этом соборе говорит грамота короля Стефана Батория 1582 г., понимаемая обычно неверно. По ней, король, захватив Полоцк (1579) передает иезуитам "монастырь святаго Спаса, коего храм, близкий к разрушению (!), еще виднеется над рекою Полотою" *(Сементовский,* 1890. С. 106). А.М. Сементовский считал, что речь идет о Евфросиниевском храме. Однако М.К. Каргер (1977. С. 247) резонно возражал: «Трудно предположить, чтобы грамота Стефана Батория имела в виду церковь Спаса, выстроенную Иоанном, которая дошла, как известно, до нашего времени, хотя и в перестроенном виде, но которую все же нельзя было в XVI в. охарактеризовать, как "близкую к разрушению"». Дальнейших выводов ученый не сделал, а П.А. Раппопорт уже писал, что якобы так *мог* выглядеть храм, благодаря верхам, которые *могли* иметь разрушенный вид" *(Раппопорт,* 1980. С. 150).

Этот ученый доказал, что храм отстроили *те же мастера, что ставили Спас на Берестове в Киеве,* возводили собор в Бельчицах, но эта постройка указывает и на проникновение сюда "иных архитектурных традиций" (одноапсидность, сложные галереи и, др.), неизвестные Руси - здесь участвовал еще один византийский зодчий *{Раппопорт,* 1980. С. 159). К тому же, прибавим мы, этот высотный храм-усыпальница епископов был украшен внутри не только фресками, коврами керамической плитки, но - не частый случай - роскошной стенной мозаикой из дорогостоящей смальты! Только на одних раскопках П.А. Раппопорта было собрано 43 кг смальты (по устному свидетельству Ю.Л. Щаповой - единственный случай такого количества на Руси!).

Как же датировать этот уникальный памятник? М.К. Каргер с его тонкой интуицией отнес храм к самому началу XII в. *(Каргер,* 1977. С. 245).

П.А. Раппопорт (1980. С. 159; 1982. С. 96) нашел, что "архитектурные формы и строительная техника не позволяют настаивать на столь узкой дате. Осторожнее пока датировать памятник более широко - в пределах первой половины XII в.". Однако осторожность эта была излишней, ибо, как мы знаем, употребление смальтовой мозаики заканчивается в самом начале XII в. и полностью вытесняется керамической плиткой *(Каргер,* 1958. С. 465), что исследователь упустил.

Итак, в самом начале XII в. в Полоцке строилась, как увидим, огромная, "высотная", роскош-

ная усыпальница епископов, требовавшая очень большого вложения денег. Что же произошло в земле? Почему княжеские верхи отважились на такое предприятие именно теперь, когда умер их "вождь", полоцкий князь Всеслав (1101)? Почему подобное сооружение он не воздвигнул при своей жизни, когда он строил много - минские укрепления на новом месте (1063-1066), Софийский собор в Полоцке (1062-1066) и, вероятно, многое, о чем мы не знаем? Видимо, потому, что во Всеславе (как мы помним) еще не были крепки религиозные убеждения, он, как мы говорили выше, был еще близок к язычеству, что позволяло ему насильно увозить колокола из Новгорода, когда в них была нужда для Полоцкой Софии и т.д. Обстановка, по-видимому, в корне изменилась с его смертью: шесть его сыновей получили свои княжения и первое время еще не перессорились, как было несколько позднее (см. очерк 5). Усыпальница возводилась в начале XII в., а это было время интенсивных связей с византийским императорским домом. Связи эти, конечно, особенно усилились, когда выдавалась полоцкая княжна Всеславна за сына византийского императора (1106) и, видимо, в связи с этим в Полоцк был поставлен, как мы говорили, новый греческий епископ Мина (1105). Между Полоцком и Царьградом, несомненно, сновали послы, оговаривались с Всеславичами условия брака, приданое и т.д. Необходимо было поднять авторитет Церкви, и вполне возможно, что недовольный деревянной епископской усыпальницей, Мина потребовал новой постройки.

В строительстве столь уникального высотного храма с роскошно украшенным интерьером (смальтовые ковры стен были только в главнейших южнорусских городах - Киеве, Чернигове, Переяславле, они были неизвестны ни Новгороду, ни Пскову, ни Старой Рязани!) принимали, очевидно, участие все полоцкие князья. Возможно, это было тогда, когда Всеславичи только что помирились с братом Глебом Минским (1104), *сообща* ходили на земгалов и те "победиша всю братию" (1106 г.; ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 185, 186).

Кто же был главным в строительстве храма, какой Всеславич? Как наименовали новую усыпальницу? Здесь нужно обратиться ко времени, когда храм еще стоял, но вскоре был разрушен. По свидетельству А.М. Сементовского (1890. С. 107), местность, где стоял евфросиниевский Спасский монастырь, в его время именовалась, очевидно, по старой памяти "Спас-Юровичи". Юрий - Георгий. Не так ли назывался утраченный храм? - задавались вопросом, по свидетельству М.К. Каргера (1977. С. 247), И.М. Хозеров (1994. С. 60) и Н.Н. Воронин. Однако они этого вопроса так и не решили. Как я говорил, после публикации Лебедевской летописи в 1965 г. (ПСРЛ, 1965. Т. 29), мне стало очевидным, что вопрос этот, наконец, может быть разрешен. Под 1563 г. там сообщается, что, двигаясь от Невеля к Полоцку для его осады, Грозный "прошедъ Егореи святыи, и увид-Ь в город-в Полотцске верхъ церькви Софии премудрости Божий и послалъ большой полкъ ко князю Володимеру Ондр-вевичю..." (ПСРЛ, 1965. Т. 29. С. 306). От Егория, перейдя к озеру Волову, царь поставил свой полк "против города". Между озером и "св. Георгием" были поставлены воеводы "с нарядом большим", а на следующий день "к Георгию Великому" он перебрался через Двину из Бельчиц (накануне там заночевав, ибо "Двина-река учала портиться"). Грозный ночевал, конечно, в Бельчицком и в Спасском монастырях, но в последнем упоминается только "Георгий Великий" (упоминать малый Евфросиниевский храм не было нужно). Это и был соборный храм Спасского монастыря, возведенный, как мы сказали, в самом начале XII в. у старой усыпальницы епископов, "малой и деревянной", как свидетельствует Минея Дмитрия Ростовского (1651-1709) *(Сапунов,* 1888в. С. 47). Итак, до следующей войны 1579 г. (со Стефаном Баторием) за Полоцк "Георгий Великий" был еще цел. П.А. Раппопорт отрицал связь остатков каменной усыпальницы с наименованием "Георгий Великий" потому, что в документе 1582 г. в "перечне передаваемых иезуитам Георгия не числится" *(Раппопорт,* 1980. С. 150). Это удивляет: храм был попросту разрушен сейчас поляками, его остатки еще виднелись и были "близки к разрушению". Что же тут было передавать?! По этой же причине Пахоловицкий (участник или современник боев), рисовавший Римскому папе и отметивший на месте монастыря лишь храм Евфросинии, не изобразил Георгиевского храма - он был разрушен в боях!

Отцом Евфросинии, судя по ее Житию, был Георгий Всеславич (нехристианское имя его нам неизвестно[16]). Он скорее всего и был главным основателем храма, почему тот и назван по имени его святого. Видимо, не случайно епископ Илья, по Житию Евфросинии, привлек ее сюда для постройки каменного храма. Это было, как мы увидим, в 1128 г., когда останки иерархов полоцких из ветхой (иерархия возникла в Полоцке в конце X в., когда, видимо, и построили для них деревянную усыпальницу) давно были перенесены в новую усыпальницу начала XII в. Владыке хотелось на месте, откуда были извлечены останки, вместо ветхой деревянной церкви воздвигнуть каменную (что Евфросиния и совершила) - "место то свято есть!" - учил преподобную ангел (на самом деле - Илья).

Не лишено вероятия, что сам же Георгий Всеславич вложил в усыпальницу большие средства, что и позволило назвать храм именем его святого: он хотел увековечить себя невиданной постройкой, которая по декору "могла конкурировать со всеми известными нам храмами Полоцка, не уступая

---

[16] Святые Георгий и София изображены и на кресте Евфросинии, несомненно, это патроны отца и матери ее.

Рис. 12. Полоцк. Церкви в Бельчицком монастыре (по А.М. Сементовскому)
1 — церковь Параскевы Пятницы; 2 - церковь Бориса и Глеба

самому Собору Софии" *(Каргер,* 1977. С. 247). Любопытно, что и его дочь увековечила себя надписью на роскошном кресте!

Церковь Бориса и Глеба на Нижнем Замке (рис. 12, 2). Кроме Давида и Георгия, остальные братья Всеславичи (может быть, кроме Глеба, с которым все были в ссоре) ставили свои храмы не только в своих уделах-вотчинах, но и в Полоцке (как мы сказали, подобная ситуация была в Смоленске), вероятно, на своих дворах, или в отстроенных ими монастырях. По находкам каменных саркофагов, можно думать, что это были усыпальницы семьи ктитора.

На Нижнем Замке, над Полотой Г.В. Штыхов обнаружил остатки церкви из плинф на цемянке с "утопленным рядом" с галереями (северная и южная на востоке оригинально кончались апсидами) *(Раппопорт,* 1980. С. 152, рис. 7). Стены были расписаны фресками, полы устланы керамической плиткой. Храм был настолько близок к церкви св. Георгия, что исследователям было ясно, что их строила одна и та же артель. Храм был усыпальницей одного из родов Всеславичей - в нем обнаружились шиферные саркофаги, в среднем нефе стоял саркофаг, вероятно, ктитора-родоначальника, как увидим ниже, одного из сыновей Всеслава *(Раппопорт,* 1980. С. 134). Из своей традиционной "осторожности" П.А. Раппопорт датировал памятник первой половиной XII в., однако, если храм св. Георгия строился в начале XII в., то это было скорее всего в первом, или в крайнем случае, в начале второго десятилетия этого века. Как мы видим, в 1120-1230-х годах обстановка не могла не мешать такому строительству. В Полоцке строили либо до этого, либо после (в 1150-е годы - деятельность Евфросинии). Итак, очевидно, что и этот храм, близкий к Георгиевской усыпальнице и к Успенскому собору Бельчиц (до 1160-х годов заказчиками храмов были только князья *(Раппопорт,* 1985. С. 85)) строил кто-то из Всеславичей[17], но кто?

По описи 1664 г. на этом месте стояла церковь Бориса и Глеба *(Сапунов,* 1886. С. 201). Борис-Рогволод - один из старших сыновей знаменитого князя, ехавший когда-то с отцом в ладье мириться с Ярославичами и наследовавший, как мы знаем, Друцкий удел. Он был возведен на полоцкий стол полочанами в 1127 г., а в 1128 г. умер (ПСРЛ, 1962. С. 293). Если усыпальница в Сельце была посвящена патрону его брата Георгия, то очень вероятно, что храм - свою усыпальницу в Полоцке ставил князь Борис (на своем дворе на Нижнем Замке - рядом с Верхним?). Отстроив в Друцке деревянную церковь (ее поливные плитки мозаичного пола, колокол и части хороса мы обнаружили на детинце при раскопках *(Алексеев,* 1966. С. 157; 2002а; 20026), Борис поставил усыпальницу своего рода в Полоцке, подобно тому, как смоленский Давид Ростиславич в конце того же XII в. возвел на своем дворе храм Архангела Михаила *(Алексеев,* 1980. С. 154). Конечно, все это построено на реальных предположениях, и было бы интересно, если бы в Полоцке нашлись другие храмы Всеславичей, однако, надежда на это пока невелика.

ЦЕРКОВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ПРИ "ВСЕХ ВНУКАХ ВСЕСЛАВСКИХ". При внуках Всеслава враждебные отношения полоцких и киевских князей первоначально необычайно обострились, и престарелые Всеславичи с его внуками в ИЗО г., мы помним, были высланы в Византию, а по городам Полоцка были посажены киевские ставленники, и о строительстве храмов речь вряд ли может идти. Маловероятно, что севший в Полоцке

[17] "Церковь играла роль усыпальницы полоцких князей" *(Раппопорт,* 1980. С. 154).

Рис. 13. Витебск. Благовещенская церковь. XII в. Фото автора, 1961 г. (перед уничтожением церкви)

Рис. 14. Витебск. Благовещенская церковь. XII в. Фото автора, 1962 г. (развалины церкви после взрыва)

Рис. 15. Витебск. Благовещенская церковь. XII в. Лестницы на хоры в западной стене Фото автора, 1962 г.

Василько был достаточно богат, чтобы что-либо строить. Однако, храмоздательное искусство в стране не умерло и было восстановлено, правда, с помощью византийских архитекторов.

Церковь Благовещения в Витебске (рис. 13-15). Если следовать гипотезе Н.А. Раппопорта, в начале 40-х годов XII в. кто-то из князей, вернувшихся из Византии, привез оттуда и зодчих, которые и возвели витебское Благовещение в Окольном городе (на детинце, по-видимому, стояла церковь Архангела Михаила, так археологами и не найденная). Вблизи того места, где она должна была стоять, находили погребения, керамические плитки разных форм (11 х 7,5 см), плинфы со следами цемянки, оконные фигурные стекла, один кубик смальты. Есть мысль, что храм построен в первой четверти XII в. *(Колединский,* 1995. С. 59-66), а вероятнее, как нам кажется по политической ситуации и строительству в Полоцке, в начале XII в., после смерти Всеслава, когда Витебский удел принадлежал еще Полоцку. В 1116 г., мы говорили, Витебск, по-видимому, перешел к Смоленску.

Храм Благовещения шестистолпный, крестово-купольный, в плане сильно вытянутый в продольном направлении, расширенный средний неф членится столбами на равные части, нартекс отделен глухими простенками, боковые нефы оканчиваются внутренними апсидами, фрески стен положены на сухую штукатурку, что оригинально, как и кладка - тесаный белый камень перемежается рядами плинфы. Строителями явно были византийские мастера, как считает П.А. Раппопорт, работавшие в своих традициях. Но в решении плана и объема мастер был вынужден (как и минский мастер) ориентироваться на русские художественные образцы. Я указывал на исключительное сходство пропорций витебского храма Благовещения и Нижней церкви в Гродно *(Алексеев,* 1966. С. 202, табл. 6) (рис. 7, 2). Оно свидетельствует об общем, недошедшем до нас образце, которому зодчие должны были следовать.

П.А. Раппопорт предположил, что "витебский князь привез греческих мастеров с собой, возвращаясь в 1140 г. из Византии" *(Раппопорт,* 1980. С. 158). Однако, он не учел, что возвращались из десятилетней ссылки не Всеславичи, а их сыновья (Рогволод Борисович Друцкой и некий Иван, может быть, и витебский княжич). На чужбине они

прожили около 10 лет, потеряли отцов и вряд ли были достаточно богатыми, чтобы там, в Византии еще помышлять о строительстве в Витебске или где-либо на родине, которую, к тому же, оставили весьма молодыми! Невероятно, чтобы они везли с собой зодчих. Мы помним, как возвращались княжичи, как среди киевских князей началась борьба за женихов и они получили свои земли к 1146 г. *(Алексеев,* 1966. С. 265). Благовещение было построено не сразу по возвращении княжичей, а позднее - в конце 1140-х-l 150-х годов, т.е. в то время, когда в Полоцке работал зодчий Иоанн. Те же мастера возвели в Новогрудке храм с такой же кладкой и уехали *(Раппопорт,* 1987). Галереи к этому храму пристраивали уже полоцкие мастера *(Каргер,* 1977. С. 81)»>.

Пятницкая церковь Бельчиц. Этот храмик так изменен перестройками, что только в 1920 г., когда снаряд "белополяков" обнажил его кладку, стало ясно, что это постройка XII в. Во времена работ И.М. Хозерова (1926, 1928) и Н.Н. Воронина он еще высился до основания сводов.

Памятник представлял длинную и узкую постройку с пониженным нартексом и алтарем (рис. 12, /). И.М. Хозерову стало ясно, что древнейшая часть его бесстолпная, размерами 6 х 3,3 м и принадлежала, учитывая подземную "камеру" княжеской усыпальницы, как он полагал, роду Бориса Всеславича *(Хозеров,* 1994. С. 77). Однако храм был довольно высок - "проем его апсиды, открывшейся внутрь храма, имел высоту 6 м, а основной четверик был еще выше - около 7 м". На фасадах древние окна были расположены в 2 яруса. "Очень возможно, - писал ученый, - что с запада к храмику примыкал небольшой притвор. Кладка стен была выполнена из кирпичей со скрытым рядом... Раствор - розовый, с примесью цемянки... В раскопках 1977 г. найдены керамические поливные плитки. Изнутри все стены храмика были оштукатурены и покрыты фресковой росписью. Фрески были закрыты поздними наслоениями, но в большинстве мест древняя роспись достаточно хорошо просматривалась, что позволяло даже составить представление о расположении и содержании изображений" *(Раппопорт,* 1982. С. 99). Апсида храма не сохранилась, однако И.М. Хозерову удалось выяснить, что она была прямоугольной (!) и завершалась на востоке, как он полагал, треугольным фронтоном *(Хозеров,* 1994. С. 184). Как полагал И.М. Хозеров, Пятницкая церковь Бельчиц являлась усыпальницей рода Бориса Всеславича (ум. 1128). Он считал, что Пятницкая и Борисоглебская церкви построены почти одновременно и, возможно, одними и теми же мастерами, хотя размеры плинфы там и здесь не совпадают *(Раппопорт,* 1982. С. 99). Однако система кладки в обоих памятниках одинаковая: "на розоватом растворе извести с примесью толченого кирпича (цемянки), с чередованием выступающих и скрытых широкой полосой раствора (8-11 см) рядов" *(Воронин,* 1956. С. 10). Крайне важно, что центральный объем Пятницкой церкви был сильно вытянут вверх, четверик имел высоту, превышающую его длину, высота его достигала примерно 7,0 м. Верх, как полагает Н.Н. Воронин, был "нарублен деревом", как это было в Остерской Божнице. По мнению ученого, церковь-усыпальница могла быть построена в 20-х годах XII в. *(Воронин,* 1956. С. 13).

Борисоглебская церковь Бельчицкого монастыря. А.М. Сементовский, видевший храм в середине XIX в., писал: "При первом взгляде на храм, на толщину его стен, форму и способ кладки кирпича, на узкие приземистые двери, на заделанные ниши старинных окон и, наконец, на малый деревянный куполок поверх плоской крыши, - ясно видишь, что сей храм, принадлежал к XII или XIII вв., был не раз переделываем, прежде, чем получить эту наружность" *(Сементовский,* 1890 С. 108, 109). Больше сказать о памятнике краевед тогда не мог. Не обратил должного внимания на эту церковь и А.И. Павлинов (1895. С. 11, 12). Памятником заинтересовались, свидетельствует Н.Н. Воронин (1956. С. 4), лишь после того, как Н.И. Брунов сделал интересные открытия на Спас-Евфросиниевской церкви. Ей стали искать аналогии, и оказалось, что данный памятник ей очень близок.

Во времена Н.Н. Воронина (1929 г.) от памятника осталось лишь три стены, восточной уже не было, и в настоящее время все остатки церкви полностью уничтожены.

Отметив, что церковь разрушена в 1924 г., И.М. Хозеров писал: "Как показали раскопки, произведенные мною в 1928 г., этот памятник представлял центральнокупольный (очевидно, крестовокупольный. *-Л.А.)* храм о трех нефах, с нартексом, отделенным от боковых нефов глухой стеной. Установить форму и число апсид было совершенно невозможно, ввиду устройства на их месте обширной апсиды из брускового кирпича и склепов под нею. По всей вероятности, апсида была одна, подобно тому, как в Спасо-Евфросиниевской и в Благовещенской церквах в Витебске, фасад Борисоглебской церкви включал два яруса - более высокие окна в западинах ниш с двумя обломами, и в верхнем ярусе окна значительно меньшего размера, прясла отделены прямыми однообломными пилястрами... Хоры Борисоглебской церкви лежат на коробовом своде... Вход на хоры *был,* очевидно,

* По мысли Ф.Д. Гуревич (1986. С. 3б^i-О), витебский храм мог быть построен во второй четверти XII в.: более поздний новогрудский храм тех же мастеров был сооружен на слое XI в., некоторые дома выше этого слоя имели печи, выложенные снаружи плинфой, т.е. в период строительства церкви, а постройка № 12 имела оштукатуренные стены с фреской совершенно такой же, как и в храме. Ее дата - вторая четверть XII в. Все-таки эти соображения условны, как соображения о дате более позднего времени, о которых мы говорили.

устроен изнутри нартекса при посредстве деревянной лестницы" *(Хозеров,* 1994. С. 73, 74). Отсутствие в храме аркосолиев позволило исследователю считать, что княжеские погребения осуществлялись в малом храме-усыпальнице, о котором мы говорили.

Итак, перед нами шестистолпный храм, выложенный из плинф на цемянке в технике с утопленным и подкрашенным рядом, который имел две пары столбов, сильно сдвинутых к западу, а восточные - близко от восточной стены (рис. 7, 6; 12, 2). Западная пара соединена с боковыми стенами простенками, что отделяло нартекс. Несомненна близость Борисоглебского храма к Пятницкому, который И.М. Хозеров считал первым по постройке, хотя они возводились, по-видимому, одним и тем же лицом. Композиция же общего плана Борисоглебской церкви "близко напоминает Спасскую церковь Евфросиниевского монастыря (о нем - ниже. - *Л.А.)* - членение по боковым стенам: простенки большой - малый, большой - малый. Эта ритмичность планировки характерна для композиции Спасской и Борисоглебской церквей. Однако в декоруме и решении некоторых конструктивных частей Борисоглебская церковь отличается от Спасской" {*Хозеров,* 1995. С. 186).

Строительство Спасского храма. Роман Всеславич, как свидетельствует начальная летопись, умер в 1116 г. (ПВЛ, 1950. Т. 1. С. 201). Несомненно, что вдова его сразу же ушла в монастырь. Однако, чтобы ей стать игуменьей, должно было пройти какое-то время для монашеского послушания, во всяком случае, учитывая, что она была княгиня, не меньше пяти лет. Значит, двенадцатилетняя княжна Предслава обратилась к ней где-то в начале 1220-х годов. Деятельность в Голубце продолжалась до 1128 г. (мы увидим, что в Житии полоцкий князь Борис Всеславич, княживший всего два с лишним года - 1127-1128 и в 1128 г., упомянут как умерший (ПСРЛ, 1927. Т. 1, вып. 2. Стб. 299), т.е. лет 6-7. В эти годы Евфросинии было немногим меньше двадцати лет.

Житие рассказывает, как "отроковица" увидела во сне ангела, который увел ее на окраину города, именуемую Сельцо, и произнес: "Зде ти подобает быти!". В ту же ночь ангел явился и местному епископу Илии, сказав: "Веди ю, рабу Божию Евфросинию в церковь Святаго Спаса, нарекомое Сельце, -место то свято есть!" (Повесть..., 1860. С. 174). Наутро епископ говорил с преподобной: "тебе не лепо зд-ь (в Голубце. - *Л.А.)* пребывати. То есть церковица святаго Спаса в Сельце, ид еже братья наша лежат, преже нас бывши епископы". Далее рассказывается, что, пригласив полоцкого князя Бориса, сестер Евфросинии, ее отца князя Георгия и преподобную и с ними "честные мужи" и "постави я сам послухы" (свидетели. - *Л.А.)* и произнес: "Се отдаваю Евфросинии место св. Спаса при вас, да никто не посудит моего даяния" (Повесть..., 1860. С. 174, 175). Далее надлежало услышать согласие как князя полоцкого Бориса, так и отца Евфросинии Георгия. Они, конечно, выразили согласие. Далее крайне важна речь самой "отроковицы" к отцу: "ты же иди и послушай епископа, еже ти велит, тако сотвори то (епископ. - *Л.А.)* есть отец всем нам, того подобает слушати". Здесь очень важно, на что внимания не обращалось (Житие вообще все еще почти не изучено): отец, а не Евфросиния должен слушаться владыку, тот ему что-то приказывает через Евфросинию - учтем это. Той же ночью она в сопровождении некой "черноризицы" водворяется в Сельце и вызывает сестру, дав клятву Богу быть подвижницей. Далее Евфросиния начинает руководить постройкой храма. Вместе с тем ясно, что буквально "руководить" архитектором она, будучи женщиной, не могла. Она могла пригласить зодчего, сказать ему, какие храмы ей по душе (в Полоцке, в Киеве и т.д.), но руководство зодчим и строителями, финансовая сторона дела - это удел мужчины. Дальнейшие наблюдения покажут, кто это, по-видимому, был.

Деятельность полоцкого зодчего Иоанна. 20-30-е годы XII в. - время, когда "во всех древнерусских землях начинается формирование собственных художественных школ, по отношению к которым архитектура XI в. является лишь общей предшественницей, хотя и заложившей основы всего дальнейшего" *(Комеч,* 1987. С. 134). В Полоцке в это время появился талантливый зодчий Иоанн - "приставник над делатели церковными", он строил только в Полоцке, был следовательно, полочанином, монахом ("отче Иоанне") и "спасался", видимо, в Бельчицком монастыре, где, мы увидим, и занимался строительством. Ясно, что учился он, по-видимому, в той артели, которая в начале XII в. воздвигала в Бельчицах Успенский собор, а затем строила еще две усыпальницы, как выше говорилось. Последним он в 1161 г. строил храм Спаса в Спасском монастыре (как записано на кресте Евфросинии), и больше его имя нам не встречается, как и не встречаются его постройки. Таким образом, можно представить, когда жил талантливый самородок: он родился где-то в конце 1090-х годов, а умер после 1161 г., примерно 70 с лишним лет (уже "приставником").

Надо сказать, что явное стремление артели к вертикализму было молодому ученику по душе - так строились русские деревянные сооружения, о чем говорил уже А.И. Некрасов (1994. С. 439).

"К числу интереснейших достижений советских исследователей древнерусского зодчества бесспорно принадлежит реконструкция первоначального облика храма полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря середины XII в.", - писал некогда Н.Н. Воронин (1954. С. 260), имея в виду работы Н.И. Брунова и И.М. Хозерова. Нам представляется, что не только в этом была заслуга наших уче-

Рис. 16. Полоцк. Евфросиниевский монастырь. Фото автора, 1950 г.

ных, и прежде всего самого Н.Н. Воронина, а затем П.А. Раппопорта, Г.М. Штендера и др., а в том, что теперь стало ясно, что в Полоцке в XII в. возникла *особая* школа зодчих, оказавшая *огромное влияние на все последующее архитектурное строительство Руси.* Благодаря всем этим исследованиям стало очевидно, что строительство Пятницкого, а позднее Борисоглебского храмов Бельчиц было осуществлено одним лицом, все время совершенствующимся в своей строительно-архитектурной деятельности. Этим зодчим был монах Бельчицкого монастыря Иоанн.

Его имя мы узнаем из Жития Евфросинии: "Б-Ь муж именем Иоанн, приставник над делатели церковыми. К нему же прихождаше многажды глас, свитающи дни (на рассвете. *-Л.А.),* глаголя, о Иване, восстани и пойди на д1>ло Вседержителя Спаса. И во един от дний восстав, прииде ко блаженной Евфросиньи и рече ей: ты ли, госпоже, присылаешь понужати меня на Д-БЛО? Она же рече: Ни" (Повесть..., 1860. С. 176). Как бы то ни было, о строительстве храма условились. Так говорится в Житии. Как же было на самом деле?

Мы видели, что, получив указание свыше идти в монастырь в Сельце, преподобная, обращаясь к отцу, произнесла: "Ты же иди и послушай, еже ти велит, тако сотвори". Мы понимаем, что епископ к чему-то понуждал отца, тот, видимо, не очень хотел подчиниться и исполнить, откуда и императивный тон "отроковицы" напомнившей ему, что епископа надлежит слушаться во всем. Что же хотел архиерей? Можно думать, что все эти чудеса с явлением свыше - типичная житийная риторика. На самом же деле все обстояло так:

В монастыре был храм Георгия Победоносца, построенный ее отцом, как говорилось выше, куда были перенесены могилы владык.

Прежняя усыпальница их - Спасская церковь особо чтилась ("место то свято есть"), однако была ветхой, деревянной, малой ("церковица").

Вполне понятно желание епископа сделать ее каменной. Этого без отца "отроковица" еще не могла - замуж она не выходила, следовательно, приданого не имела, и все деньги были у Георгия Всеславича, уже возведшего роскошную новую усыпальницу около 20 лет назад ("отроковица" не даром сама зарабатывала перепиской книг!). Итак, Георгия приходилось уламывать, напоминая о необходимости слушаться владыку Илью. Так, нам представляется, следует "расшифровывать" Житие. Отец подчинился, строительство началось и продолжалось 30 недель - 7,5 месяцев - (апрель-октябрь).

Исследователи часто обращались к храму Евфросинии Полоцкой и констатировали исключительную оригинальность его конструкции (рис. 11,7; 16-18). К этому относились по-разному, но никто не понял, видимо, глубинного смысла гениально заложенного в этом сооружении. Здание действительно удивляет с самого начала своими пропорциями - двускатным, явно поздним перекрытием, необычайной вытянутостью барабана. Загадочным казался и интерьер церкви, странно загруженный массивными столбами при, как казалось, очень толстых стенах. Историк и теоретик архитектуры А.И. Некрасов писал, что "расчленение внутреннего пространства Евфросиниевской церкви лишено строгих рациональных отноше-

Рис. 17. Спасский собор Бвфросиниевского монастыря. Вид с востока. Фото автора

Рис. 18. Спасский собор Евфросиниевского монастыря.
Фото Ю.В. Несквернова, 1972 г. (слева); модель реконструкции.
Автор В.В. Ракицкий (справа)

ний", внутренний объем он называл "пещерообразным" (!) и заключал, что "примитивизм и чувственная пластика воплощает сознание примитивной среды, содержащее отзвуки идеологии родового быта (!); это было свойственно и феодалам в новых условиях их существования" (далее объяснялось, в соответствии с требованием тех лет, что "демократизированная" архитектура городов XII в. не была "буржуазной архитектурой"! {*Некрасов,* 1936. С. 86).

Однако как объяснить эту чрезмерную загруженность интерьера объемами? Это ошибка строителя, или преднамеренный расчет? - интересовался А.И. Брунов, молодой аспирант, поднимаясь в 1923 г. на церковный чердак. Из темноты выступил громадный, массивный, полый внутри и сделанный из плинф, декоративный постамент под барабаном (его скрыл чердак, сделанный при ремонте храма архитектором Портом в 1830-х годах). Этот постамент и потребовал мощных стен и столбов, призванных его поддерживать. А.И. Брунову стало ясно, что постамент - декоративное связующее звено между объемом центральной части храма и его главой {*Брунов,* 1924. С. 3). Из декоративного постамента, как стебель с цветком, вырастал барабан с куполом и крестом. Среди низких деревянных построек монастыря в древности храм смотрелся легкой изящной свечой. Этот замечательный эффект был достигнут "вертикализмом" сооружения, что было абсолютно новым словом в истории древнерусского зодчества! "Башнеобразность композиции, богатая декоративная обработка экстерьера, часто и весьма значительное несоответствие внешних форм и конструкции, подчиненное положение внутреннего пространства по отношению к внешнему облику - вот те особенности, которые... выделяют (его) среди прочих синхронных храмов", - писали П.А. Раппопорт и Г.М. Штендер (1980. С. 466). Констатируя это, исследователи не поставили вопрос о том, какие идеи преследовали Евфросинья и мастер Иоанн. И к этому мы обратились в предыдущем изложении. Скажем лишь, что Евфросиния, по ее Житию, не спускала глаз со строительства, истово молилась, когда нужное количество плинфы иссякло и т.д.

Что же касается выбранного ею мастера, то это был "бесспорно, крупный русский зодчий из числа тех немногих известных нам по именам русских мастеров, которые в XII в. уже прочно держали в своих руках судьбы русского искусства, вкладывая в его развитие новый смысл, облекавшийся в новые художественные формы. Среди русских мастеров того времени Иоанн обладал наиболее яркой художественной индивидуальностью, о чем свидетельствует его, устанавливаемая по отрывочным данным источников, биография и его собор Евфросиниевского монастыря" {*Воронин,* 1954а. С. 268).

Однако пришло время кратко рассмотреть памятник, о котором мы столько говорим, так сказать "морфологически". Надо сказать, что летописи об этом храме не говорят, сведения о нем из письменных источников мы черпаем из уже знакомого нам Жития Евфросинии. Остальные сведения дает археология.

Спасский храм - шестистопный, с одной сильно выступающей апсидой и двумя боковыми - внутренними. Размеры центральной части в плане 14,4 х 9,8 м, длина апсиды - 3,8 м. Восточные столбы в сечении квадратные, остальные в нижней части восьмигранные (рис. 19). Величина подкупольного пространства вдоль церкви - 2,85 м, ширина -

2,67 м. Нартекс сообщается с кафоликоном тремя невысокими арками. Толщина стен различна: западная - 1,80 м, остальные - 1,24 м. В западной части памятника расположены хоры, к которым поднимались по каменной лестнице внутри западной стены. Две пары западных столбов необычайно придвинуты друг к другу - так же, как и в Борисоглебской церкви Бельчиц. Западное членение много ниже основного объема. Фасады основной части храма снаружи завершены закомарами со щипцом в вершине каждой. Крайне интересен трехлопастный постамент под барабаном, о котором уже говорилось. Стены выложены из плинфы с утопленным рядом. Несохранившаяся кровля памятника была, по-видимому, свинцовой. Фундамент состоит из булыжников, положенных насухо и углубленных на 1 м. Апсида украшена четырьмя декоративными тягами, подчеркивающими устремление памятника вверх.

Есть еще одна уникальная особенность памятника - "крестообразные храмики", как их назвал П.А. Раппопорт, - "перекрытые купольными сводами на парусах, но без барабанов" *(Раппопорт, Штендер,* 1980. С. 462, 463). Это пространственно решенные, интереснейшие маленькие капеллы второго этажа, по бокам хор. По преданию, южная принадлежала Евфросинии, северная - ее сестре Параскеве. Строго расписанные фресками, они имели вертикальные отверстия в восточных стенках для наблюдения за службой в храме и участия в ней. Итак, архитектурные поиски полоцкого зодчего Иоанна, начавшиеся в Пятницкой церкви Бельчиц-кого монастыря, через храм Бориса и Глеба, уже близкого по характеру к Преображенской церкви Евфросиниевского монастыря, в этой последней получили свое завершение. Поиски эти, как уже говорилось, шли по линии поисков наиболее удачного вертикализма постройки. Отстроив храм, престарелый зодчий, как нам кажется, еще не ушел на покой. Очень возможно, как предполагают исследователи, его "руке" принадлежит и храм Богородицы, о чем мы скажем в своем месте.

Как бы там ни было, Спасский храм Евфросиниевского монастыря - вершина архитектурной мысли Полоцкой земли, повлиявшая на все дальнейшие постройки древнерусских храмов. Его основное значение для русской архитектуры состоит в том, что это - "наиболее ранний памятник, в котором с достаточной определенностью выявились новые архитектурные формы, ставшие в конце XII в. характерными для всего русского зодчества: башнеобразность композиции, богатая декоративная разработка экстерьера, частое и весьма значительное несоответствие внешних форм и конструкции, подчиненное положение внутреннего пространства по отношению к внешнему облику" *(Раппопорт, Штендер,* 1980. С. 466). О причинах этого несоответствия в Евфросиниевской церкви, неуловленных исследователями, мы говорили.

К окончанию строительства (1161 г.) Евфросиния заказала лучшему киевскому мастеру великолепный драгоценный крест-реликварий, о чем будет речь в своем месте.

ДАЛЬНЕЙШАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕВФРОСИНИИ, ЕЕ СУДЬБА. *Монастырь и собор Богородицы "новой".* Если Преображенский монастырь Полоцка не был построен Евфросинией Полоцкой и существовал до нее, с начала XI в. с деревянным собором-усыпальницей епископов, то в конце своей полоцкой жизни преподобной, естественно, хотелось создать монастырь уже "собственными руками" (Житие сообщает, что она украсила "всю землю Полотскую своими благол-Ьпныма манастырема" (Повесть..., 1860. С. 177). Об этих монастырях мы ничего не знаем - может быть, преподобная их организовывала без каменных строений, а скорее это обычное житийное "благолепное преувеличение". О монастыре же пресвятой Богородицы сообщает источник так: "умысли создати вторую церковь каменну святие Богородиц-ь. И ту свершивши и иконами украси, освятивши, предасть ю мнихом и бысть монастырь велий" (Повесть..., 1860. С. 176). И далее: "посла слугу своего Михаила в Царьград к цареви, нарицаемому именем Мануилу и к патриарху Луц-ь

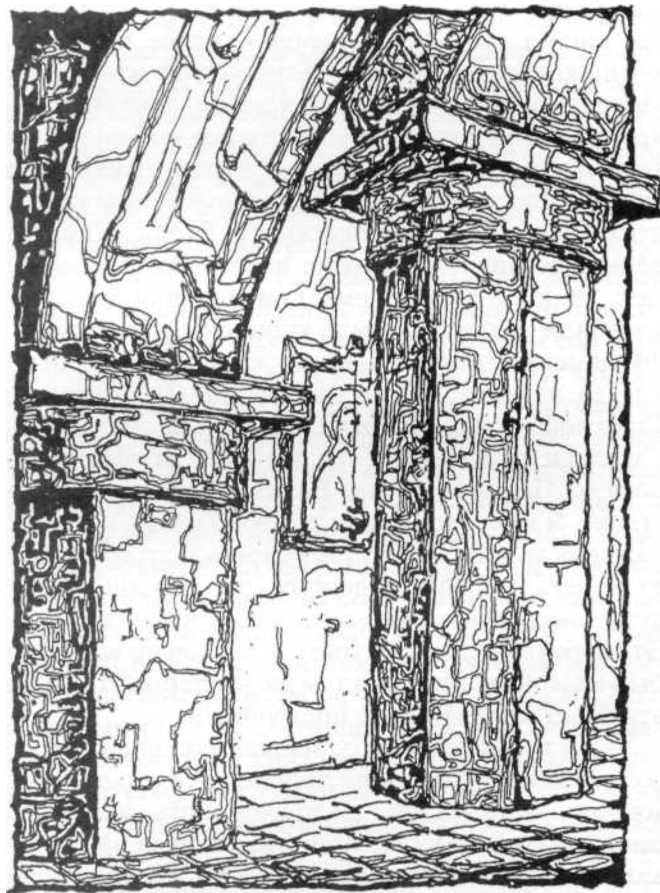

Рис. 19. Спасский собор Евфросиниевского монастыря. Интерьер

с дары многоценными, просяще от него иконы св. Богородицы, еже б-fe евангелист Лука написал 3 иконы, еще при животе св. Богородицы..." (Повесть..., 1860. С. 176).

Как известно из сообщений летописи о событиях в Полоцке в 1159 г. (см. выше), по-видимому, в центре города стояла церковь Богородицы старой. "Старой" она стала, видимо, после того, как Евфросиния построила свой храм Богородицы "новой". Церкви Успения Богородицы обычно стояли в самой старой части города - первым собором в Печерском монастыре, судя по Патерику, был Успенский: Богоматерь "была покровительницей русского воинства, а праздник Покрова, посвященный ризам Богоматери, - праздником, который до XIX в. праздновался только в России" {*Лихачев,* 1985. С. 18). Где был основан Богородицкий монастырь в Полоцке, мы не знаем, предположений было много, но, кажется, самый верный ответ был получен И.М. Хозеровым, который, основываясь на современном ему "предании" писал, что «в "Житии" Евфросинии назван другой мужской монастырь, построенный Евфросинией - не Борисоглебский, а Богородицкий, местонахождение которого определяется и указывается совсем в другой части Полоцка - в районе старого католического кладбища, где в свое время, именно при иезуитах был построен костел св. Ксаверия. Больше того, справедливость указанного предания подкрепляется такими существенными данными, как обнаружение при рытье могил кладки из тонкого плиткообразного кирпича на известковом растворе с примесью мелкого искрошенного кирпича, т.е. такого строительного материала, который, по свидетельству старожилов, совершенно подобен тому, которым характеризуется Спасо-Евфросиниевская церковь. Действительно, живший в Полоцке иеромонах Сергий писал: "В настоящее время при копании могил на кладбище находят в земле кирпичи и даже остатки фундамента древнего здания, кирпичи которого и кладка их, совершенно одинаковы (!) со стенами Спасской церкви" {*Сергий,* 1864, С. 15, примеч. 7). Он писал, что находки эти попадаются посреди дороги от Полоцка к Спас-Евфросиниевскому монастырю. Я много раз ходил по этому месту, искал обнажения грунта, но без раскопок все это результата не давало. Будем надеяться, что кто-либо из будущих исследователей всерьез возьмется за поиски. Эта работа обещает окупиться сторицей: ведь храм был наверняка возведен тем же мастером Иоанном, это будет его четвертая постройка!»

Так или иначе, но позднейшие полоцкие зодчие (его ученики?) за ним не пошли: заказчиков, несомненно, отталкивала загруженность интерьера опорами (храмы в большинстве случаев рассчитывались на широкий круг молящихся мирян); развивая идеи вертикализма, они предпочли вернуться к начальному этапу полоцкого зодчества - Успенскому собору Бельчиц с его трехпритворной композицией, с перенесением барабана на западные пары столбов, но боковые апсиды стали внутренними, а восточные стенки притворов получили апсидообразные выступы (храм на детинце). В сравнении со Спасской "церковь на детинце демонстрирует идею в гораздо более разработанном виде" {*Раппопорт,* 1980. С. 161).

Итак, идея переосмысления византийского архитектурного наследия на русской почве возникла в южнорусских землях, но не в Вышгороде, как полагал первоначально Н.Н. Воронин (1954а. С. 274-282), а в Киеве при строительстве по заказу Владимира Мономаха церкви Спаса на Берестове, где укрепилась идея вертикализма церковной конструкции. Вместе с характерной для конца XI в. кладкой "с утопленным рядом" строители этого храма, приглашенные Всеславичами следом для большого строительства в Полоцке, перенесли туда эту идею, там она (как и архаическая кладка, отвергнутая в остальной Руси XII в.) утвердилась, а затем идея перешла на памятники других земель Руси (но с порядовой кладкой). Мне напомнил в свое время Г.К. Вагнер, что увлечение вертикализмом охватило прежде всего западнорусские земли, потому что они были близки к западноевропейским землям, где все более постройки нового стиля - готики с ее громадными архитектурными строениями высотного стиля. Однако не следует забывать, что строения русского деревянного зодчества были тоже "высотными" (башни крепостей, как думают некоторые, деревянные языческие храмы, наконец, шатровые храмы, правда, сохранившиеся с XVI в. и только на севере). В общем, увлечение "высотностью", если оно и пришло с Запада, попало у нас на благодатную почву. Важно, что идеи, разработанные в Полоцке задолго до смоленской архитектурной школы (см. ниже), получили там развитие, но это было вторичным явлением.

ЦЕРКОВНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВНУКОВ ВСЕСЛАВА (конец XII в.). В последние 30 лет Полоцкая земля пришла в сильный упадок: на нее нападают Новгород, Смоленск (к нему уже давно перешел Витебск) {*Алексеев,* 1966. С. 278-284). Это не могло не отразиться на каменном (в основном, церковном строительстве, где главными заказчиками были по-прежнему все-таки князья). Заказов, видимо, почти не было. В 1160-х— 1180-х годах зодчие, возможно ученики не так давно скончавшегося Иоанна, возвели лишь церковь на полоцком детинце, храм "на рву" - в третьей четверти XII в. и, наконец, "храм триконх" в самом конце XII в. Для нас крайне важно, что все эти постройки были осуществлены в типично полоцкой манере (кладка - плинфы с утопленным рядом - в остальной Руси уже давно перешли к порядовой кладке). Отныне этот порядок кладки отличает именно полоцкую домонгольскую архитектуру.

Рис. 20. Полоцк. Княжеский храм в Верхнем Замке. Раскопки М.К. Каргера. Фото автора

Храм на детинце. Осенью 1966 г. на полоцком детинце на территории больницы при рытье котлована для строительства морга были обнаружены остатки домонгольского храма. Не так давно выстроенный больничный гараж уничтожил всю среднюю часть уникального здания, и раскопки были осуществлены проф. М.К. Каргером в течение двух сезонов по сторонам этого гаража (рис. 20). Наибольший интерес представила южная апсида и южный притвор с особой полуциркульной апсидой (рис. 21). "Раскопанные руины, - писал исследователь, - при всей их фрагментарности позволяют полностью реконструировать первоначальный облик храма, который оказался прототи-

Рис. 21. Полоцк. Княжеский храм в Верхнем Замке. Апсиды. Раскопки М.К. Каргера. Фото автора

пом известного храма Михаила в Смоленске. Как и этот последний, полоцкий храм на Верхнем Замке представлял кубический одноглавый храм с одной, полуциркульной в плане, средней апсидой и двумя апсидами по сторонам ее, полуциркульными внутри и прямоугольными снаружи... Боковые апсиды церкви Михаила, как и апсиды полоцкого храма, представляют самостоятельные объемы в пространственной композиции здания, воспринимаемые не только изнутри храма, но и снаружи, наряду со значительно выдающейся на восток средней, полуциркульной в плане, апсидой" *(Каргер,* 1972. С. 203-204, 208). Своеобразны пилястры: они напоминают будущие полоцкие многообломные, что перешло затем в Смоленск. С одной стороны, храм напоминает Успенский собор в Бельчицах, а с другой - церковь Архангела Михаила в Смоленске, построенную, как свидетельствует летописец, в 1190-х годах. Однако, в отличие от первого, он снабжен лишь одной наружной апсидой, две других у него - как в Архангельской церкви - внутренние, как и в ней, восточные стенки притворов оканчиваются апсидами. Совершенно очевидно, что все три церкви принадлежат одной полоцкой школе зодчих, весьма своеобразной, сложившейся в Полоцке в XII в. Усыпальниц в храме на Детинце не обнаружено, судя по находкам штукатурки, стены были покрыты фресками, пол выстелен керамической плиткой. Храм выстроен на Детинце неподалеку от Софийского собора, и М.К. Каргер предположил, что он был выстроен на Княжьем дворе *(Каргер,* 1972. С. 203). Храм выстроен на Детинце, где и был раскопанный археологами княжеский терем. Можно думать, что его строил один из "основных" полоцких князей, близких к правившему князю, полагал П.А. Раппопорт (1980. С. 142-161). "Менее усложненный декор фасадов полоцкой церкви на Верхнем Замке позволяет отнести этот памятник к несколько более ранним годам XII в., по сравнению с последними десятилетиями XII в., которыми ус-

тойчиво датируется смоленская церковь Михаила Архангела" *(Каргер,* 1972. С. 209).

"Церковь на рву" - так назвал П.А. Раппопорт остатки храма, обнаруженные "по внешнюю сторону рва детинца" при археологических раскопках в Полоцке М.К. Каргера (1962, 1967), а затем П.А. Раппопорта (1976 и 1977). Памятник был срыт в наше время при строительстве школы № 8, сохранились лишь фундаментные рвы и "участок фундамента апсидной части храма". Длина апсиды около 7,5 м, ширина - 7,1 м, ширина среднего нефа - 4,45 м. Остатков кладки не сохранилось нигде, однако валяющиеся в беспорядке плинфы на постелистой стороне имеют крупные "княжеские" знаки. Они и найденный поблизости шиферный саркофаг свидетельствуют о том, что это усыпальница кого-то из потомков Всеслава. По знакам на плинфе и по ее формату, П.А. Раппопорт отнес памятник к третьей - четвертой четвертям XII в. *(Раппопорт,* 1980. С. 155; 1982. С. 95).

О храме типа "триконх", как его назвал Н.Н. Воронин, говорить еще сложнее. Подготавливая выступление на IX археологическом съезде, посвященном западнорусским землям в 1893 г., историк архитектуры А.И. Павлинов был командирован в Витебск и Полоцк, которые дали ему "случай встретиться с весьма древними христианскими памятниками каменного зодчества" *(Павлинов,* 1895. С. 1; *Алексеев,* 1996. С. 136, 137). В Бельчицком монастыре ученому показали вблизи собора развалины еще какого-то здания, принадлежавшие, по преданию, жилому монастырскому дому *(Павлинов,* 1895. С. 12). Благодаря документу конца XVIII в. с рисунком плана здания, обнаруженному Н.Н. Ворониным (19626. С. 103) (впрочем, он, был известен и М.К. Каргеру - личное сообщение), стало очевидным, что это остатки еще одной, четвертой в монастыре церкви, и притом крайне оригинальной конструкции. Храм "одноапсиден и необычайно вытянут... С севера и юга, примерно посреди боковых стен, выдаются открытые внутрь полукруглые выступы, отвечающие трансепту... Боковые полукружия - конхи играют и художественную и конструктивную роль ...являясь контрфорсами по поперечной оси распора". Кладка состояла из плинф на цемянке с заполнением (подобно минскому храму. - *Л.А.)* внутренней полости плинфяной стены бутом *(Воронин,* 19626. С. 103). Отмечая идентичность кирпича этой постройки и собора, А.М. Павлинов справедливо относил их к одному времени. Памятник, по-видимому, принадлежал "к типу триконхов, распространенных в храмовой монастырской архитектуре Афона, Болгарии и особенно Сербии на протяжении почти 7 столетий - с XI по XVII в., где боковые конхи были связаны с особым распорядком монастырского пения" *(Воронин,* 19626. С. 104). Считая и бельчицкий храм "явно монастырским", Н.И. Воронин не прав.

На Руси подобные храмы, по-видимому, изредка все же строили и не в монастырях. Так, в путивльском кремле В.А. Богусевич обнаружил памятник, подобный описанному *(Богусевич,* 1963. С. 168, рис. 3). В отличие от бельчицкой аналогии, здесь была порядовая кладка; храм имел три апсиды и один прямоугольный притвор на западе, где, судя по рисунку, в Бельчицах существовал род "крылечка", впрочем, возможно, эта разница объясняется и неточностью рисунка.

Интересно, что памятник Путивля имел пучковые пилястры, получившие распространение, как известно, более всего в смоленской архитектуре. Очень вероятно, что такие же пилястры были и в Полоцке, ибо о находках нужного для них лекального кирпича сообщал А.И. Павлинов (1895. С. 12). Этим мы воспользуемся в дальнейшем изложении. Несмотря на краткость сведений, можно считать, что четвертая церковь Бельчицкого монастыря - еще одно новое свидетельство культурных связей Полоцка с далекими византийскими и другими землями. Изучение церкви по ее остаткам в натуре представит в будущем ценнейшие материалы. Храм этот, хоть и в остатках, кажется, все-таки существует в земле: видимо, его видел в 1865 г. А.М. Сементовский, который писал: "Нам указывали на остатки фундамента от келий этого труженика (Кесария Чудовского. *-Л.А.),* находящиеся в углу монастырской ограды, в саду; здесь мы нашли наружную стену келий, на которой сохранились украшавшие ее арабески" *(Сементовский,* 1890. С. 113). Автор не учел, что "арабески" вовсе неуместны в "келиях". Это, конечно, остатки храма с фресками на стенах. "Бельчицкие руины", как их именовал Н.Н. Воронин, до сих пор еще требуют полного вскрытия и детальнейшего изучения, крайне необходимого для уяснения истории полоцко-смоленской домонгольской архитектуры. С этим нужно спешить, ибо город разрастается!

Подведем итоги. Полоцкая земля, опередившая, как мы говорили, многие земли в своем историческом развитии, оказалась передовой и в отношении возникновения и развития своей архитектурной традиции. Вырвавшись в XI в. из-под эгиды Киева, Полоцкая земля открыла и новые самостоятельные пути в переосмыслении византийской архитектуры. При Всеславе существовали уже самостоятельные отношения с Константинополем, тогда же была приглашена отдельная артель византийских зодчих и ей поручалось создать свой особый вариант полоцкого Софийского собора, чем как бы подчеркивалось равноправие Полоцка с Киевом и Новгородом (где главнейшими храмами были свои Софийские соборы). В этом новом памятнике еще в слабой степени проявилось стремление (возможно, заказчиков) к высотной композиции (что, как часто думают, шло от деревянного, возможно, языческих времен, зодчества Руси).

В начале XII в. при сыновьях Всеслава, когда им при получении своих уделов-вотчин все же не хотелось порывать с Полоцком, где, видимо, многие из них имели свои княжеские дворы, они начали строить в Полоцке свои усыпальницы. Полоцк был общей столицей. Лишь враждебный братьям минский Глеб строил храм в Минске с помощью, по-видимому, западноевропейских архитекторов. Есть данные, что остальные братья такие усыпальницы стремились возводить в самом Полоцке, пользуясь достижениями зодчих при строительстве Спаса на Берестове в Киеве.

Сейчас можно полагать, что энергичная перестройка статичной византийской крестово-купольной схемы церкви, начинавшаяся строительством трехпритворного храма на Берестове в Киеве с сильно повышенным верхом (в ходе строительства при желании повысить верх, там было придумано погасить распор сводов сначала двумя притворами, а затем в ходе строительства был добавлен и третий - *Каргер,* 1961а. С. 389) была подхвачена в изгойном Полоцке. Туда были приглашены именно эти строители для возведения Успенского собора в Бельчицах, а затем Георгиевского собора в Спасском монастыре и потом церкви на Нижнем Замке (усыпальница Бориса и Глеба?) *(Раппопорт,* 1980. С. 155). Все это строительство принадлежало, как мы думаем, Всеславичам - Давиду, Георгию и Борису. Их четвертый брат - исконный враг - Глеб Всеславич (вражда Глебовичей и Борисовичей продолжалась и позднее, когда в Минске сидел его сын Ростислав Глебович) задумал свой храм (как кажется, в пику братьям) тоже оригинальной конструкции и пытался осуществить задуманное с помощью западноевропейских архитекторов (поляков?). Будем надеяться, что со временем выявятся постройки и остальных двух Всеславичей в Полоцке - Романа и Ростислава.

"Башенные" формы храмов Всеславичей в Полоцке, по-видимому, имели огромный успех. При внуках Всеслава идея высотного храма захватила и руководителя артели местных зодчих, полочанина из Бельчиц Иоанна. Как показал Н.Н. Воронин, он начал поиски своего "вертикализма" сначала в своем монастыре в Бельчицах постройкой малой усыпальницы церкви Параскевы Пятницы, затем церкви Бориса и Глеба (монастырь был Борисоглебский, и на месте этого храма ранее стоял, видимо, деревянный - этого же наименования древнейший в обители).

После этого он разработал высотный храм еще больше - это была особая оригинальная конструкция Спасского храма Евфросиниевского монастыря - вершина его творческих исканий. Здесь инженерная мысль была примитивнее - распор сводов при повышенной главе и постаменте под ней погашался не притворами, как в ряде других церквей, а умощнением стен и столбов, что загружало интерьер, но эффективно передавало идеи заказчицы о монастырской аскезе, как мы говорили. Упрощенный подход себя оправдал сторицей: из трехпритворных храмов Руси, за исключением храма Архангела Михаила в Смоленске (дело рук, мы увидим, полоцких мастеров), через 200-300 лет уже выносили мусор обрушившихся сводов (!), церковь же Иоанна в первозданном виде дошла до наших дней!

К вопросу об архитектурном строительстве в Турово-Пинском княжестве

Об архитектурной деятельности туровских князей известий нет. Каменных храмов на поверхности земли не сохранилось. Вместе с тем в Турове весьма рано появилась своя епископская кафедра, и можно думать, что князья выстроили хотя бы епископу каменную церковь и усыпальницу. В 1909 г. при рытье могил на Борисоглебском кладбище был обнаружен большой каменный саркофаг великокняжеского времени, состоящий из шести шиферных плит, внутри которого обнаружились кости и золотые нити парчи. Поняв, что это княжеское захоронение, его внесли в кладбищенскую церковь, и его дальнейшая судьба неизвестна.

В 1954 г. М.К. Каргеру удалось посетить Туров и осмотреть его археологические древности. Незадолго до приезда маститого ученого, на дворе школы, выстроенной на "большей части городища" (в окольном городе, в местности, ближайшей к детинцу), при копании ямы глубиной 0,5-1,5 м рабочие выбросили обломки древней плинфы и кусков раствора в виде цемянки. В 1960 г. на том же дворе рабочие наткнулись на остатки кладки из плинфы. В 1961 г. М.Д. Полубояриновой при участии П.А. Раппопорта в Турове на том же месте были выявлены остатки домонгольского здания из плинф, которое П.А. Раппопорт предварительно ориентировочно отнес ко "второй половине XII или началу XIII в. *(Раппопорт,* 1962. С. 71, примеч. 66).

При рекогносцировочных работах М.К. Каргера в следующем году были найдены остатки храма неплохой сохранности, которые автор с уверенностью отнес к середине или второй половине XII в. *(Каргер,* 1965. С. 133).

В августе-сентябре 1963 г. руины храма были вскрыты М.К. Каргером полностью. Это были нижние части стен трехнефного шестистолпного храма, высотой до 30-50 см (рис. 22). Стена средней апсиды сохранилась на высоту до 2 м, как и стена северной половины южной апсиды. Техника кладки была та же, как и широко распространенная на Руси этого времени. Следы штукатурки не были выявлены нигде (но в древности она могла быть). На глубину 1,2 м был опущен фундамент из валу-

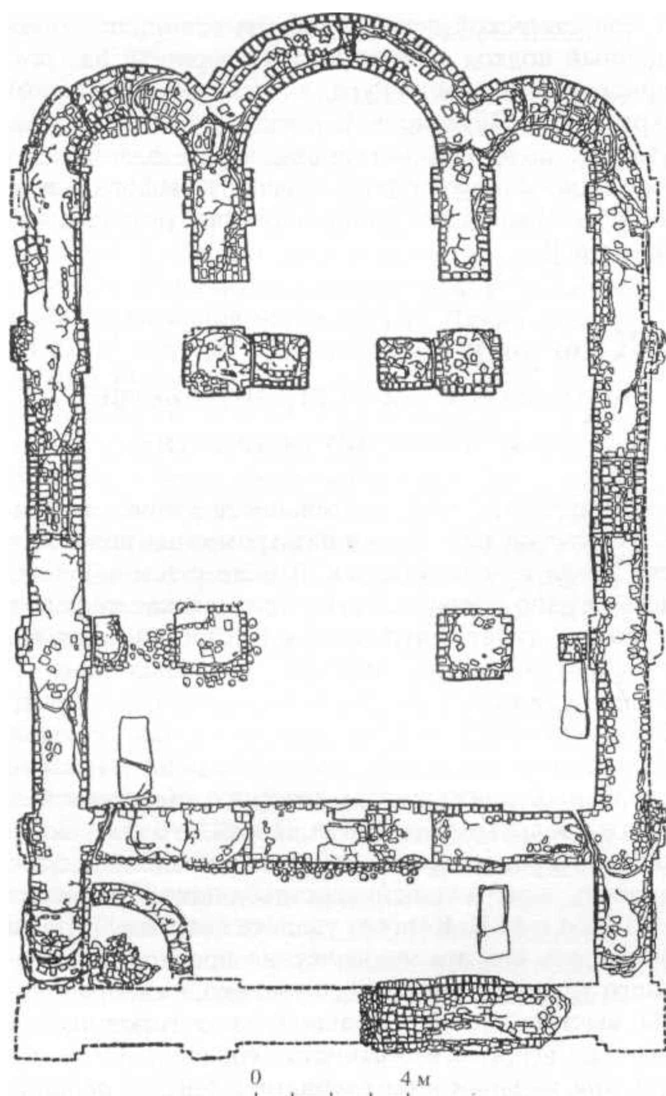

Рис. 22. Туров. План храма. (Раскопки М.К. Каргера)

нов (так называемый бут). Нартекс храма был отделен от кафоликона стенками, кладка которых была перевязана с кладкой стен здания (с северной и южной). Лишь в среднем нефе между столбами был сделан сравнительно широкий проход. Фасады с севера и юга членят лопатки, соответствующие внутренним членениям памятника. В северо-западном углу нартекса были выявлены остатки винтовой лестницы, ведущей на хоры, так называемой круглой лестничной башни. Возможно, что частично она была врезана в северную и западную стены храма.

"Развалины туровского храма, - писал М.К. Каргер, - несут на себе печать крупной строительной катастрофы и последующего восстановления, широкие трещины, прорезающие не только кладку стен, но и бутовую кладку фундаментов на всю глубину, разорвали основную конструкцию здания... Здание в силу каких-то причин, как бы разорвалось, и стены его накренились на все четыре стороны. По-видимому, причина этой строительной катастрофы была вызвана неудачной конструкцией фундаментов, несмотря на значительную глубину их заложения. Следует отметить, что фундаменты здания на всю их глубину лежат в рыхлом культурном слое, только подошва их опирается на материковый грунт... Не удалось установить точно время его катастрофы. Однако нельзя не сомневаться в том, что это произошло еще в глубокой древности" *(Каргер,* 1965. С. 134, 135). Надо отметить еще кладку мощных контрфорсов, пристроенных впритык к восточной паре столбов, что значительно сузило проход из прдкупольного пространства в алтарь. Эта "прикладка" выполнена в технике равнослойной кладки из плинфы на растворе с цемянкой. Сделано это было не позже XIII в. Значит, уже тогда были какие-то неполадки в строении, грозящие падением подкупольных столбов. Это была первая капитальная перестройка в туровском памятнике. Вызывает удивление отсутствие следов фресковой росписи и на остатках стен, и на фрагментах штукатурки, - видимо, храм в Турове расписан не был.

Что касается архитектурно-художественного облика туровского памятника, то он принадлежит к кругу памятников, первоначально возникших в Киеве и других городах в 1120-х-l 130-х годах, которые много проще и скромнее, чем монастырские соборы Киева второй половины XI в., когда существовала равнослойная кирпичная кладка. Памятники 20-х^Ю-х годов XII в. имеют много общего с памятниками Волынского, черниговского, смоленского и рязанского зодчества второй половины XII в. Туровский храм ближе всего к волынской архитектуре (Успенский собор, "Старая кафедра" Владимира-Волынского, Борисоглебский собор на Смядыни в Смоленске). В отличие от киевских памятников, как и памятников черниговских и рязанских, XII в. он имеет удлиненные пропорции, западные столбы примыкают вплотную к южной и северной стенам, отделяя нартекс. Все это находит аналогии только во владимиро-волынском соборе. Оригинальна башня в северо-западном углу нартекса цилиндрической или прямоугольной формы с лестницей внутри. В гродненской Нижней церкви "круглая коробка" винтовой лестницы, ведшей на хоры, была на том же месте, и она была врезана частично в стены храма, но в юго-западном углу нартекса *(Воронин,* 19546. С. 106 и рис. 55). "Начиная с 20-х годов XII в., - пишет автор раскопок в Турове, - в киевских храмах описанного выше типа башня заменяется лестницей, расположенной в толще западной или северной стены. Этот же прием устройства лестниц характерен для храмов XII в. в Чернигове, Смоленске, Рязани. Башня, расположенная в нартексе туровского храма, представляет для XII в. необъяснимый возврат к архаическим традициям и имеет лишь одну аналогию - башню в юго-западном углу Нижней церкви в Гродно" *(Каргер,* 1965. С. 137). Любопытны лопатки, членящие фасад храма, с двухступенчатым про-

филем и второй уступ со скругленными углами, в результате уступ выглядит, как уплощенная полуколонна. Подобный прием есть в Гродно (церковь на Коложе), в церкви Василия в Овруче, в церкви Параскевы Пятницы Чернигова, Архангела Михаила в Смоленске, в храме на Вознесенском спуске в Киеве - все это памятники конца XII - начала XIII в. *(Каргер,* 1955. С. 138). «Указанные немногие особенности туровского храма, - заключал М.К. Каргер, - разумеется, недостаточны для установления новой - "туровской школы" древнерусского зодчества XII в. Туровский храм, открытый раскопками 1963 г., - пока еще одинокий представитель этой школы и засвидетельствовал лишь отдельные ее черты. Выяснение строительно-технических и архитектурно-художественных особенностей этой школы станет возможным лишь в результате дальнейших археологических поисков памятников древнего зодчества Турово-Пинской земли» *(Каргер,* 1965. С. 137).

Архитектура Смоленской земли

СТРОИТЕЛЬСТВО МОНОМАХА В СМОЛЕНСКЕ. Мы видели, что развитие Смоленской земли в XI - начале XII в. отстает от Полоцкой на полстолетия. Любопытно, что это особенно явственно видно и на примере архитектуры. Если полоцкий Софийский собор возводился в 1062-1066 гг., то аналогичный собор, призванный, как и там, демонстрировать мощь и значение своего князя, был построен Мономахом в Смоленске в 1101 г.: "в се же л-Ьто Володимеръ заложи церковь оу Смоленьск'В, СВЯТО-Б Богородшгв камину епискупью", - говорит летописец (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 350) (видимо он забыл, что кафедра была создана в Смоленске лишь в 1136 г., когда собор, вероятно, вторично был переосвящен). В 1150 г. по жалованной грамоте Ростислава собору и, следовательно, епископу, был пожертвован весь холм (ныне Соборная гора). Как предполагает Н.Н. Воронин, храм был опять освящен, т.е. в третий раз *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 27). 3 июня 1611 г. собор был взорван из-за пороховых складов, находившихся в подклете *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 29).

В 1965 г. Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт провели работы по отысканию собора Мономаха снаружи, близ стен ныне существующего собора: прорезали траншеи общей площадью 44 $га^2$ по его сторонам. Были найдены плинфы двух родов: одни явно времени Мономаха, другие - близкие храму Бориса и Глеба на Смядыни (середина XII в.), что показало, что собор в 1150 г. как-то обстраивался или перестраивался и после этого действительно освящался. Никаких кладок обнаружено не было, но по количеству плинф и цемянке исследователям стало ясно, что Мономахов собор был вчетверо меньше современного собора и находился вблизи его апсид. Можно полагать, что места престола обоих соборов совпадали, а самый храм вошел полностью в восточную часть позднего сооружения. Вместе с тем, ученые пришли к заключению о "безнадежности" поисков древнего храма внутри современного. Раскопки внутри главного алтаря современного действующего собора ныне действительно невозможны, но это не значит, что остатков собора Мономаха найти нельзя. Вспомним уникальные раскопки корифея в работах такого рода, М.К. Карге - ра, Десятинной церкви на месте снесенного позднего собора, когда в его котловане были обнаружены фундаменты и остатки стен древнейшего храма Киевской Руси X в. *(Каргер,* 1951а. С. 45 и ел.; 1961. С. 27 и ел.) и автору удалось восстановить план памятника. О том, что Мономахов собор следует искать археологам внутри нового собора, где могут быть найдены и сооружения XII в., отмечал еще Я.Н. Щапов (1972в. С. 144). В Смоленске таких работ до сих пор не было, и мы можем лишь привести заключение названных ученых относительно этого памятника. "Немногие остатки этого здания, которые удалось обнаружить при раскопках на детинце (Соборной горе. *-Л.А.),* свидетельствуют о работе южнорусских зодчих. Очевидно, собор был возведен руками мастеров, которых Мономах прислал из Киева или Переяславля. В данном отношении Смоленск шел по тому же пути, что и Суздаль, где в те же годы по заказу Мономаха южнорусские мастера возвели первое монументальное здание Северо-Восточной Руси - собор Рождества Богородицы. Но, по-видимому, совершенно также как и в Суздальской земле, в Смоленске в эту пору еще не сложились условия для развития собственного монументального строительства" *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 384).

Прежде, чем обратиться к дальнейшему обзору домонгольской архитектуры Смоленска необходимо отметить, что в середине XII в., примерно с 1140-х годов, начался поразительный расцвет Смоленска, что немедленно отразилось и на смоленской архитектуре, в частности на строительстве каменных храмов. Незадачливый в своих "археологических" исследованиях И.Д. Белогорцев, занявший должность главного архитектора города в 1945 г., оказал все же большую услугу истории Смоленска, фиксируя места находок кладок из плинфы и отдельных "россыпей" плинфы и цемянки во всех случаях нового строительства в городе. Составленный им список таких находок насчитывает 46, и большинство уже скрылось или было срыто под новыми зданиями восстанавливавшегося после войны города *(Белогорцев,* 1952. С. 88-92). Н.Н. Воронину и П.А. Раппопорту, много лет раскапывавшим остатки домонгольской архитектуры в городе, удалось выяснить, что в Смоленске было

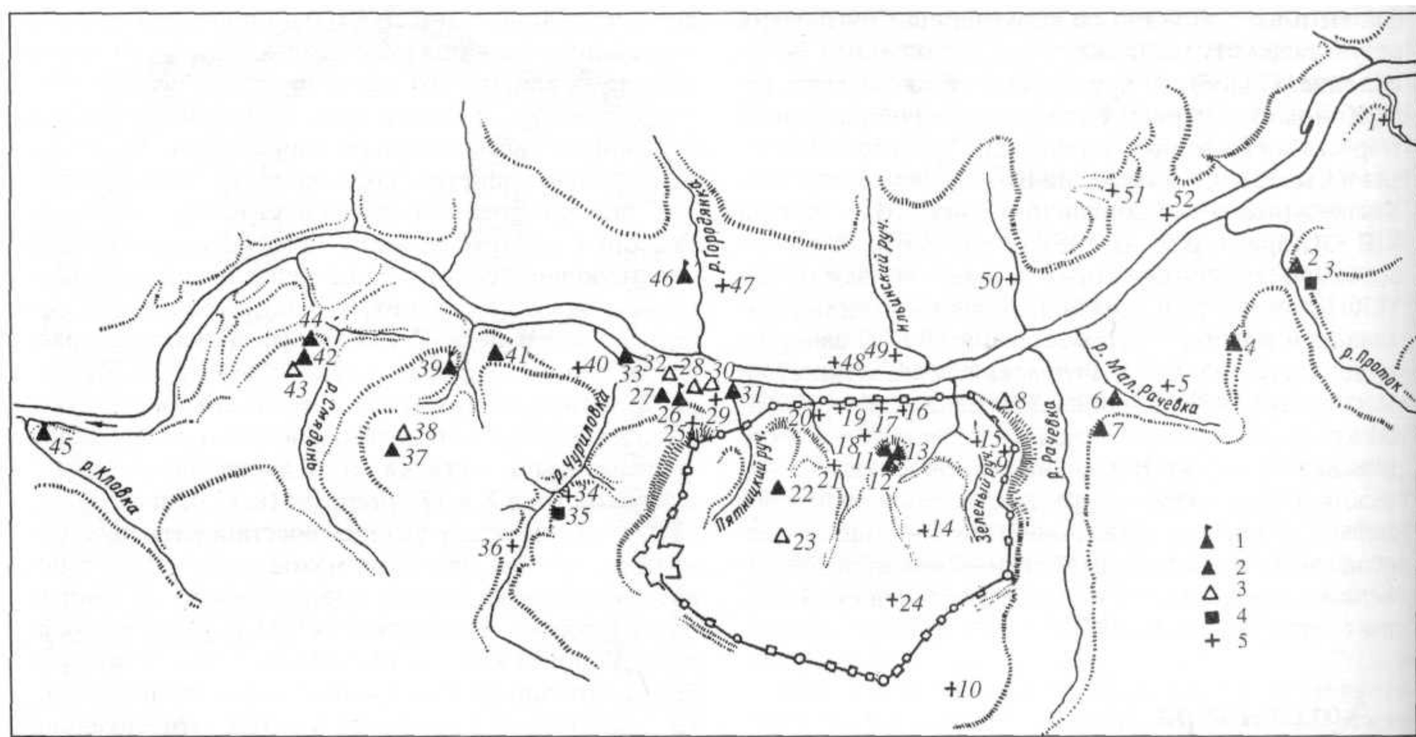

Рис. 23. Смоленск. Схема расположения древних памятников

Условные обозначения: 1 - сохранившиеся памятники; 2 - памятники, изученные археологическими раскопками; 3 - неизученные, но существующие памятники; 4 - изученные раскопками производственные комплексы; 5 - сомнительные или несуществующие памятники

в то время не менее 26 церквей (рис. 23). Памятники гибли из-за постоянных военных действий в близком к русско-литовской границе Смоленске, также, может быть, из-за землетрясения: 14 октября 1801 г. землетрясение "паче приметно было при берегах Днепра" (где и стояли древние церкви; *Щекатов,* 1807. Стб. 1037). В 1979 г. вышло капитальное исследование о домонгольской смоленской архитектуре {*Воронин, Раппопорт,* 19796), что избавляет нас от необходимости подробно описывать домонгольские памятники, и мы ограничимся лишь краткими сведениями о них и о тех выводах, к которым пришли названные ученые.

Несколько слов о методах датировок, которыми пользовались авторы. Самый распространенный метод, естественно, - упоминание данного памятника в летописи и метод датированных аналогий. Обилие памятников в Смоленске позволило П.А. Раппопорту ввести в науку еще один метод: метод сравнения размеров плинф всех памятников. Оказалось, что размеры кирпича со временем убывают, изменяется соотношение ширины и длины![9]. Хак, размеры плинфы церкви Бориса и Глеба на Смядыни (1145 г.) ближе всего к плинфам церкви Петра и Павла (середина XII в.) и дальше от близких друг к другу по размерам плинфы храмов в Чернушках и на Окопном кладбище и т.д. Исследователь установил постепенное изменение формата плинф смоленских памятников в сторону их уменьшения, что позволило составить таблицу постепенного изменения величины плинф от более раннего памятника к более позднему. Ответить на вопрос о причинах такой эволюции размеров кирпича П.А. Раппопорт с уверенностью не мог, но отметил, что "уменьшение размеров плинфы несомненно давало преимущества, прежде всего улучшая качество обжига. Кроме того, если кирпичники изготавливали кирпич, не имея заданных цифровых размеров его величины, они, очевидно, принимали за образец кирпичи предыдущей законченной ими постройки. Делая новые рамки для формовки по размеру этого кирпича, они должны были делать рамки с заметным увеличением, так как знали, что кирпичи при сушке, а затем при обжиге уменьшаются в размерах (усадка кирпичей при обжиге - от 9 до 15% линейного размера). Кирпичники должны были вводить какой-то эмпирически найденный общий коэффициент усадки. Опасаясь, чтобы кирпичи не стали по размеру больше чем предыдущие, мастера ХП-ХШ вв., видимо, принимали этот коэффициент несколько меньше, чем фактический, что и приводило к уменьшению формата". Автор добавляет при этом в примечании, что "общая тенденция уменьшения формата плоских кирпичей (плинфы) хорошо прослеживается также в архитек-

[19] Известным недостатком этого метода является невыясненность причин столь "закономерного уменьшения строительного кирпича во времени".

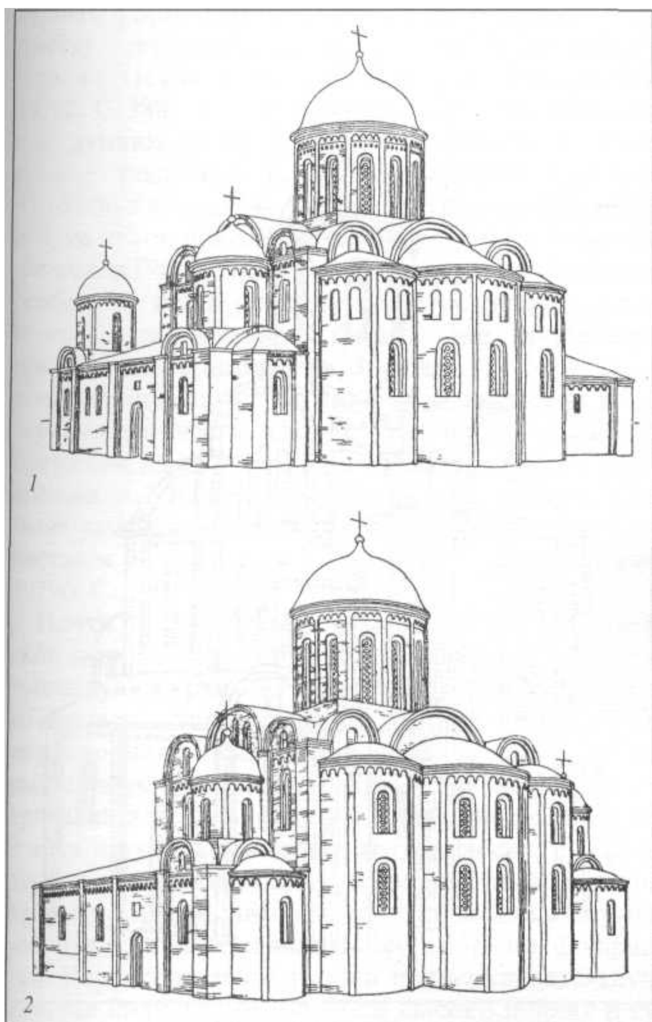

Рис. 24. Смоленск. Церковь Петра и Павла *(1).* Реконструкция комплекса после возведения галереи; церковь Иоанна Богослова (2). Реконструкция

Рис. 25. Смоленск. Церковь Михаила Архангела. Конец XII в. Фото автора, 1970-е годы

туре Византии и Болгарии" *(Раппопорт,* 1976. С. 89), что, конечно, очень важно!

Постепенная эволюция размеров плинфы в сторону ее уменьшения позволила исследователю установить, как он считает, последовательность возведения смоленских домонгольских храмов:

1. Успенский собор (1101 г.).
2. Церковь Бориса и Глеба (1145 г.).
3. Церковь в Перекопном переулке.
4. Церковь Петра и Павла (середина XII в.) (рис. 24, 7).
5. Церковь - капелла.
6. Терем на детинце.
7. Церковь Иоанна Богослова (рис. 24, 2).
8. Немецкая божница (ротонда).
9. Церковь Василия на Смядыни.
10. Церковь Михаила Архангела (рис. 25).
11. Церковь на Большой Краснофлотской.
12. Церковь на Протоке.
13. Церковь на Малой Рачевке.
14. Церковь на р. Кловке (рис. 26, *1).*
15. Церковь на Чуриловке.
16. Церковь на Воскресенской горе.
17. Церковь Параскевы Пятницы.
18. Церковь в Чернушках (рис. 26, 2).
19. Церковь на Окопном кладбище.

Из приведенного списка видно, что после собора Мономаха 1101 г. интенсивное строительство храмов в Смоленске началось с конца правления Ростислава Смоленского (1125-1159), когда в 1145 г. был возведен храм Бориса и Глеба на Смядыни, церковь Петра и Павла (середина XII в.), продолжилось при его сыне Романе (1159-1167) - храм-капелла на детинце, Церковь Иоанна Богослова. Однако самое интенсивное строительство было в конце XII - начале XIII в. (Немецкая божница, церковь св. Василия на Смядыни, храм Михаила Архангела, датируемый 1190-ми годами - летописное упоминание - 1197 г., с указанием, что церковь построил Давид Ростиславич (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 703, 704; см. также: *Каргер,* 1964. С. 77, 78; *Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 163), храм "на Большой Краснофлотской", храм "На протоке", на Малой Рачевке, св. Кирилла на Чуриловке, на Кловке). В XIII в. построены лишь 4 церкви: на Воскресенской горе, церковь Параскевы Пятницы, храмы в Чернушках и на Окопном кладбище - *Раппопорт,* 1976. С. 86 и ел.). Установив метод датирования памятников по размеру плинфы, П.А. Раппопорт предупреждал: "Не следует, конечно, преувеличивать возможности этого метода" *(Раппопорт,* 1976. С. 89). Однако предварительную картину он дает, и в своем позднем труде исследователи расположили материал, руководствуясь именно этим методом с небольшими перестановками (храм в Пе-

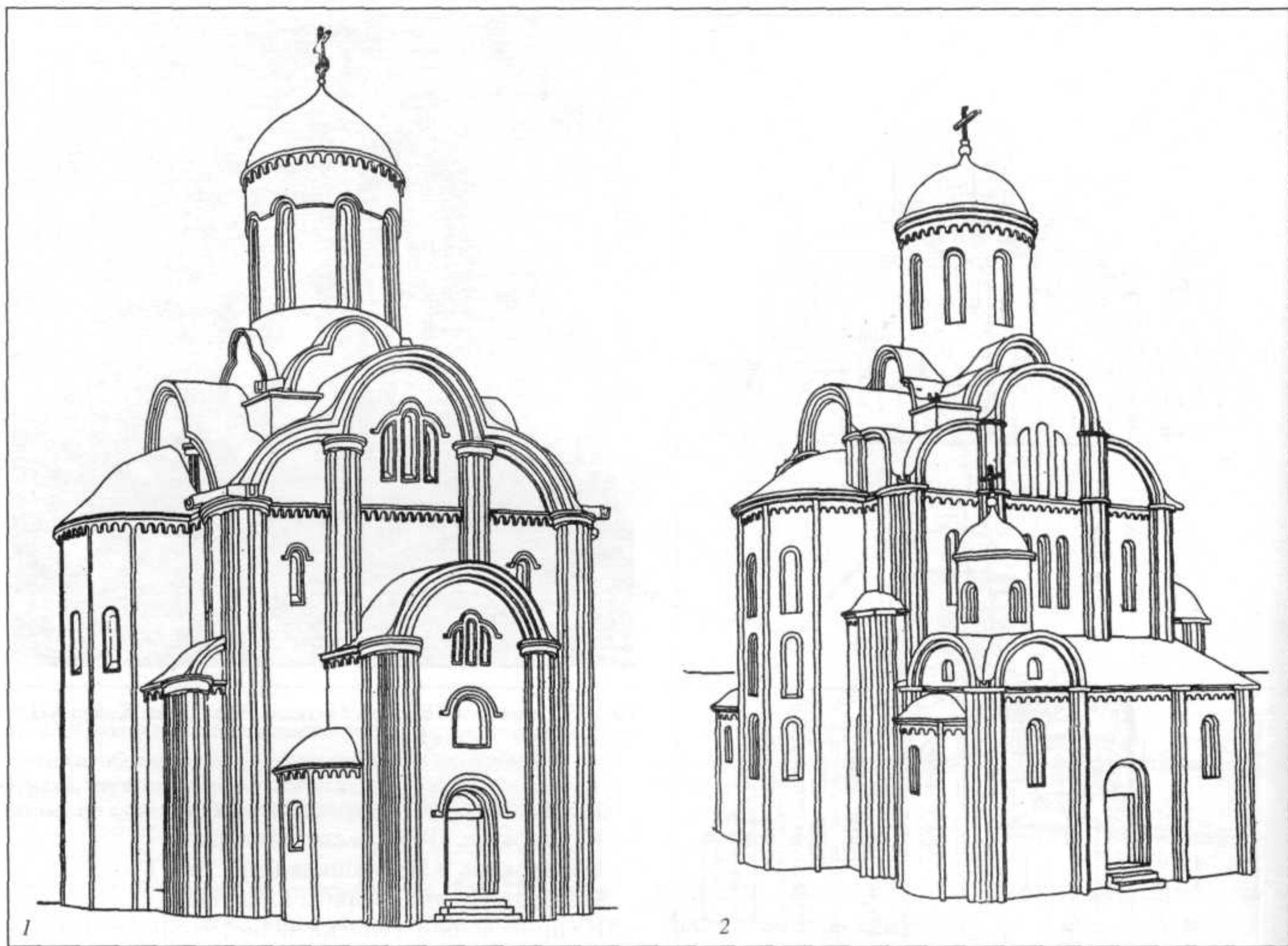

Рис. 26. Смоленск. Троицкий собор на Клокве (7). Реконструкция П.А. Раппопорта; Спасский собор в Чернушках (2). Реконструкция

рекопном переулке поставлен на седьмое место вместо третьего, храм на Краснофлотской ул., соборы "На протоке", на Малой Рачевке - на 11-13-м местах, т. е. сразу после Архангела Михаила и т. д.) *(Воронин, Раппопорт,* 19796). В книге есть оговорка: "Точная последовательность возведения смоленских храмов нам не вполне ясна" *(Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 386). Но авторы правы, расположив так памятники во времени - других критериев у нас нет.

Исследователям удалось установить, что, судя по плинфе, собор Мономаха строили мастера, приглашенные им из Киева или Переяславля, Ростислав же Смоленский вызвал артель мастеров из Киева или Чернигова, прибавив к ним умельцев из Смоленска (1145 г.). Возведенные при нем храмы Бориса и Глеба на Смядыни и Петра и Павла в городе (на его окраине) ничем не отличались от церквей южной Руси. Это была одна церковная школа. Однако в Смоленске в это время появилась и своя артель мастеров, они начали решать свои "совершенно новые задачи" и возвели, например, бесстолпный храм на детинце. Они, видимо, были выучениками южнорусской школы, и большого расхождения с ней у них не было *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 366).

Можно думать, что эта же появившаяся в Смоленске своя архитектурно-строительная артель в 1170-х—1180-х годах была приглашена немецкими купцами, уже давно наводнившими Смоленск, для постройки так называемой "Немецкой божницы", упоминание о которой находим в Договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. ("а подроугъ его лежить въ немецьскои божници" - Смоленские грамоты, 1963. С. 38). Впервые здание было раскопано И.Д. Белогорцевым, установившим, что это - ротонда, которая принадлежала... первой в Смоленске школе (!). Д.А. Авдусин с помощью студентов МГУ в 1958 г. вскрыл здание и определил его, как *оборонное сооружение (Авдусин,* 1962. С. 253). П.А. Раппопорт доказал, что это *немецкий храм,* а Д.А. Авдусин уточнил, что эта церковь скандинавских купцов имеет "прямые скандинавские аналогии" *(Раппопорт,* 1972. С. 283-289; *Авдусин,* 1991. С. 11).

"Вплоть до 70-х гг. XII в., - пишут Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт, - в смоленском зодчестве еще не чувствуется серьезных изменений архитек-

турных форм. Церковь Ивана Богослова по существу повторяет построенную на 20 лет раньше церковь Петра и Павла" *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 388). В 1180-х же годах все существенно, как думают исследователи, изменилось. Если раньше заказчики не имели желания изменять что-либо в киевском облике отстраиваемых церквей, то новое поколение как заказчиков - князей, потомков Ростислава, так и смоленских мастеров, особенно в конце века, начало стремиться к изменению архитектурных форм. Они проявились прежде всего в церкви св. Василия, где отсутствие лопаток указывает на какие-то изменения в завершающей части здания. Основываясь на изображении на гравюре В. Гондиуса, авторы предположили, что при обычном плане здания у него были изменены фасады, "завершающиеся трехлопастным перекрытием" *{Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 390).

Почти одновременно с постройкой Васильевской церкви, - полагают исследователи, - в складывавшуюся архитектурную традицию смоленского зодчества влилась новая струя. В 1190-х годах, мы говорили, Давид Ростиславич Смоленский на своем дворе возвел храм Архангела Михаила, сохранившийся до наших дней. Особенностью его является четко выраженная центричность, боковые апсиды сильно понижены и средняя апсида и притворы воспринимаются симметричными выступами, придающими зданию крестообразный характер. Вертикализм постройки подчеркивается пучковыми пилястрами. Барабан высоко поднят и сужен по отношению к подкупольному квадрату и подпружным аркам и т.д. (рис. 27). Мы чувствуем здесь сходство с рядом построек Полоцкого княжества, а если добавить, что кладка стен сложена из плинфы с утопленным рядом (что в XII в. сохранилось только в Полоцке), мы поймем, что храм Михаила Архангела строили полоцкие мастера. Не приходится сомневаться, что Давид Ростиславич, князь Смоленский, оказался под влиянием обаяния архитектурных находок конца XII в. полоцких зодчих и решил возвести в своем личном смоленском дворе церковь с помощью полоцкой артели. Это была та самая артель, которая, как мы предположили, училась у Иоанна, вполне восприняла его идеи высотных построек, но отказалась от умощнения стен и столбов для погашения распора сводов и заменила их тремя притворами, выдерживавшими, как они полагали, трехлопастный постамент (см. выше). Храм всем явно нравился, и смоленские зодчие следовали этой конструкции, правда, используя порядовую кладку. В смоленской церкви были и некоторые новшества: была усложнена профилировка наружных пилястр, в которую была добавлена еще и полуколонка. Обычно считается, что это влияние романского запада (подобно вертикальным тягам на апсидах Евфросиниевской церкви (см. выше), но есть и другие мнения *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 392). Сложнопрофилированные пилястры подчеркивали вертикализм постройки.

Рис. 27. Смоленск. Церковь Архангела Михаила. Реконструкция С.С. Подъяпольского

Смоленские зодчие подхватили идеи полоцких, и в результате возникли некоторые храмы, построенные как бы в полоцких традициях. Это прежде всего Троицкий собор на Кловке, план которого был явно навеян церковью Архангела Михаила, правда в его план были внесены некоторые незначительные изменения в пропорциях - если Архангеломихайловский храм был шестистолпным и, следовательно, вытянут по оси восток-запад, то Троицкий четырехстолпный несколько приближался к квадрату. С 1190-х годов смоленская архитектурная школа стала вполне самостоятельной, хоть и во многом использовала полоцкие образцы, предшествовавшие церкви Архангела Михаила. "Смоленская архитектурная школа, - пишут Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт, - в исключительно яркой форме отразила те передовые тенденции, которые наметились в русском зодчестве в конце XII в. Стройность и острота силуэта, динамичность композиции, богатство де-

коративной обработки фасадов отражены в смоленских храмах данной поры с предельной полнотой, не меньшей, чем в памятниках таких передовых архитектурных школ, как киевская и владимиро-суздальская" *(Воронин, Раппопорт,* 19796. С. 399). Удивительно ли, что смоленских зодчих стали приглашать в другие русские города! Подобные трехпритворные храмы стояли в Новгороде Северском (Спасский монастырь, конец XII - начало XIII в.), в Старой Рязани (Спасская церковь, конец XII в.), в Суздале (Рождественский собор, 1222 г.), в Юрьеве Польском (Георгиевский собор, 1152 или 1234 гг.), в Нижнем Новгороде (Михайлоархангельская церковь, 1227 г.), в Новгороде (Пятницкая церковь, 1207 г.) и т.д. (см. : *Раппопорт,* 1982. Табл.: 6, *66;* 7, *71;* 9, *84; 9, 95;* 9, *88;* 15, *103).*

Объясняя широкое привлечение смоленских зодчих к строительству в других землях, Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт (19796. С. 399) отмечали: "Конечно, работу смоленских мастеров в Рязани можно объяснять отсутствием там собственных кадров, но в Новгороде и Киеве собственные зодчие имелись в достаточном количестве. И обращение к помощи смолян в данных случаях может иметь только одно объяснение - широкую популярность смоленской архитектуры за пределами Смоленска. В Новгородской земле это должно было чувствоваться особенно сильно, поскольку здесь архитектура полностью продолжала следовать традициям, сложившимся в середине XII в. и консерватизм новгородских зодчих, очевидно, явно вступал в противоречия с новыми художественными требованиями".

Так развивалось архитектурное строительство в Смоленской земле домонгольского времени.

Архитектура Новогрудка

ХРАМ БОРИСА И ГЛЕБА домонгольского времени в этом городе стал известен лишь после археологических работ М.К. Каргера в 1961-1962 гг. Современная церковь Бориса и Глеба была построена в XVI в. в окольном городе Новогрудка и представляет один из немногих памятников белорусской готики. Ее наименование позволяло предполагать, что впервые возникла она в гораздо более ранние времена. Ученому удалось выяснить, что современный храм построен на остатках древнего домонгольского и тот в ряде мест служит ему фундаментом. Раскопки были начаты, естественно, с алтарной апсиды позднего храма, а затем были продолжены у его наружных стен. Уже работы у алтарной стены показали, что, выложенная из кирпича XVI в. она стоит на стене высотой до 1,5 м, сложенной из "отесанных квадров пористого известняка с прослойками плинфы". У северной и южной стен апсиды были обнаружены прекрасно сохранившиеся две лопатки со слегка уплощенными полуколоннами. Восточная часть древнего храма находится под современной церковью *(Каргер,* 1977а. С. 80 и ел.).

Борисоглебская церковь в Новогрудке в интересующее нас время представляла, по-видимому, четырехстолпный, трехапсидный храм шириной 13 м (длина неизвестна). Судя по сохранившимся лопаткам, его подкупольный квадрат имел сторону несколько менее 3,5 м, толщина стен - около 1,3 м. С трех сторон памятник окружали галереи шириной около 3,2 м, однако западная, исходя из расположения лопаток, была много шире. Толщина стен галерей - 1,1 м *(Раппопорт,* 1982. С. 101).

Кладка новогрудского храма в основной его части полностью совпадает с витебским Благовещением, где тоже, мы видели, были употреблены квадры тесаного камня, перемежающиеся двумя рядами плинф. Эта типичная византийская кладка была произведена там приглашенными византийскими мастерами в самом конце 1140-х-l 150-х годов *(Алексеев,* 1996в. С. 106), однако галереи, пристроенные к храму выложены совсем иным образом: из плинфы с утопленным рядом. Не приходится сомневаться, что отстроив храм, мастера отъехали в свою Грецию, а для строительства галерей были приглашены мастера из Полоцка, ибо в это время только у них хранилась традиция "утопленного ряда", давно оставленная в остальных землях Руси, перешедших на порядовую кладку.

Поздней осенью 1964 г. давно закрытый храм Бориса и Глеба начали перестраивать под здание архива. М.К. Каргеру удалось добиться задержки строительства и в 1965 г. провести раскопки внутри церкви, пол которой большей частью был уже забетонирован. Удалось проложить траншею в среднем нефе и зафиксировать довольно хорошо сохранившуюся часть древнего пола с майоликовым покрытием, найдены были также куски фресок с процарапанными на них граффити древних прихожан, по палеографическим данным - XII в. Все это было сообщено в посмертной работе талантливого ученого М.К. Каргера *(Каргер,* 1977а, С. 79-85). Большего, к сожалению, он сделать не успел.

Что касается точной датировки новогрудскогс храма, то М.К. Каргер об этом высказаться не успел. П.А. Раппопорт же сообщил, что "архитектур ные формы памятника разрешают датировать егс лишь в *очень широких пределах* - XII в." *(Раппопорт,* 1982. С. 101), забывая при этом, что сам же он отнес более раннее витебское Благовещение *i* 1140-м годам *(Раппопорт, Штендер,* 1987), а точ нее, как я указывал, к концу 1140-х-l 150-х годоі *(Алексеев,* 1996в. С. 105, 106). Значит, храм Борис; и Глеба в Новогрудке построен в *1150-х - началі 1160-х годов,* а галереи пристроены.

Архитектура Гродненского княжества

Мы оставили страны дремучих лесов Полотчины и Смоленщины, болотной Туровщины с их выдающимися памятниками на больших реках. Вступая в Западную Белоруссию, именуемую некогда "Черной Русью", нас поражает полный контраст ее со страной, которую только что оставили. Мимо нашего окна вместо лесов и вырубок между ними мелькают рощи, холмы, по ним взбегают аккуратные елки, всклокоченные березы, одинокие торжественные сосны, бегут деревеньки, каменные церковки, костелы, каплички, ветряки... Словно люди давно здесь поняли, что страну эту нужно украшать мелкой архитектурой - она так идет этому неповторимому пейзажу. Действительно, если страна Днепро-Двинского междуречья богата архитектурными шедеврами только на транзитных реках в больших городах (Полоцк, Витебск, Смоленск), то здесь каменные памятники, правда, недалекого прошлого встречаются поминутно, а древние высокохудожественные снова встают перед нами лишь на среднем Немане. "Неман, - говорит Н.Н. Воронин, - являлся одной из важнейших водных артерий Прибалтики, не уступавшей Западной Двине. Одинокими свидетелями очень ранних и далеких торговых связей Принеманья и, в частности, его гродненского участка с югом являются находки римских монет IV в. н.э. в Немане близ Коложи и на огородах за Коложской церковью. Здесь соприкасались границы славянских и литовских племен - дреговичей - с юга, кривичей - с востока... Левобережные притоки Припяти близко подходили к притокам бассейна Немана". Мы можем думать, что дреговичи проникли сюда с левобережья Припяти по Ясельде, Щаре и т.д. О каких-то волоках свидетельствует и наименование Волковыск. Домонгольские архитектурные памятники здесь есть и обращают на себя внимание своеобразием, своей школой зодчих.

Историкам архитектуры Руси домонгольского времени издавна было известно, что в белорусском городе Гродно есть одна домонгольская церковь Бориса и Глеба на Коложе, что выложена она была из плинфы, в стенах ее находятся большие булыжные камни и обильные узоры из керамических плиток. И.И. Иодковский написал о ней детальное исследование, считал ее церковью-крепостью подобно более поздним (XV и XVI вв.) церквам у д. Сынковичи и Малое Можейково {*Jodkowski,* 1936; *Аляксееў,* 1996. С. 139-142; 89-92), с чем не соглашались позднейшие исследователи Зд. Дурчевский и Н.Н. Воронин, докопавший, мы увидим, открытый И.И. Иодковским еще домонгольский храм - так называемую Нижнюю церковь (о раскопках поляками памятников в Гродно см., например: *Jodkowski,* 1936; Sprawozdanie..., 1938; *Durczewski,* 1939).

НИЖНЯЯ ЦЕРКОВЬ - довольно большой шестистолпный храм (кафоликон 16,8 х 11,6 м) с восьмигранными (углы срезаны под 45°) столбами, с главой, опиравшейся на западные пары столбов, с боковыми апсидами, вдавленными полукружиями в восточную стену изнутри (рис. 28, 7). Алтарная часть, несомненно, была пониженной, в юго-западном углу нартекса - не часто встречающаяся ко-

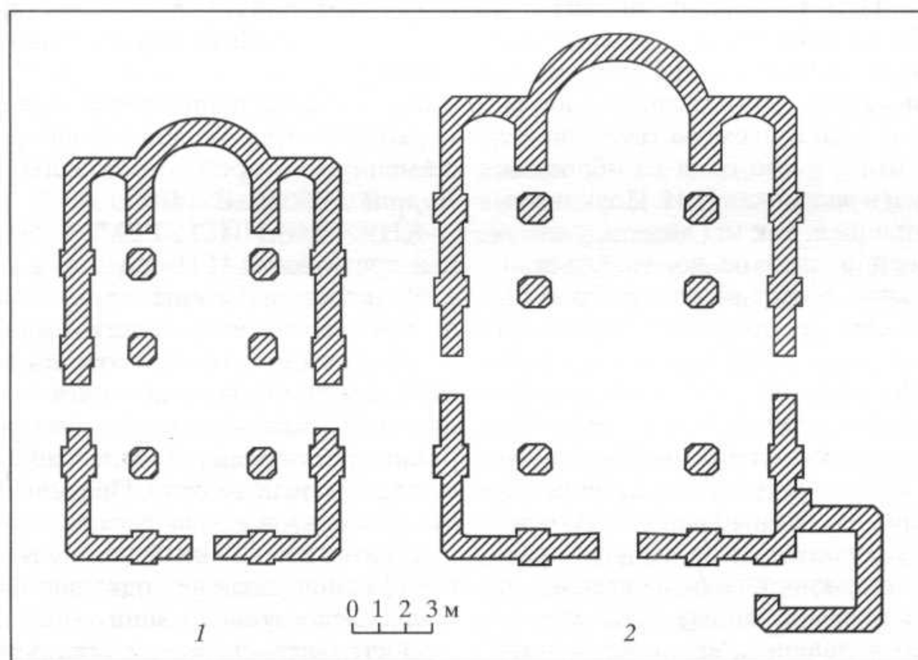

Рис. 28. Планы церквей в Гродненском княжестве: Нижняя церковь в Гродно (1); храм в Волковыске (2)

робка из плинфы для винтовой лестницы на хоры, несомненно, сводчатые *(Воронин,* 19546. С. 106). Наружные углы стесаны под 45°. Сохранившаяся часть наружной стены в верхней части - простенок между парными узкими арочными окнами *(Воронин,* 19546. Рис. 59, *37, 42).* Внутри простенка видны части вмазанных голосников. При раскопках Н.Н. Воронина внутри храма была обнаружена отколовшаяся и обвалившаяся внутрь памятника часть столба из плинф, сохранившая в значительной степени свою высоту *(Воронин,* 19546. Рис. 55; 67, 2).

Важен вопрос о существовании в Нижней церкви колокольни. Следов ее найдено не было, как и следов хотя бы деревянной звонницы. Вместе с тем вблизи храма были найдены обломки колоколов, "глубоко врезавшиеся при падении в толщу культурного слоя". К тому же, один колокол упал еще до пожара 1183 г., как думает Н.Н. Воронин, ибо «его осколки не имеют следов огня. На нем - грубовато выполненная надпись из выпуклых букв "РАБОУ", вернее, судя по фотографии, РАБО(У)» *(Воронин,* 19546. С. 120, рис. 65, 7). "Очевидно, предполагает исследователь, по краю колокола шла вотивная надпись, вероятно, с именем князя Всеволодки - строителя Нижней церкви" *(Воронин,* 19546. С. 120). Автор не замечает, что он приводит указание Н. Оловянишникова о том, что надписи на колоколах начали делать лишь в XIV в. *(Воронин,* 19546. С. 120, примеч. 1). Нам кажется, что, утверждая, что колокол упал до пожара 1183 г., автор ошибался — это просто фрагмент, отлетевший при падении в сторону, как это было, например, в Мстиславле *(Алексеев,* 2000. С. 97, рис. 2, *1).* Бесформенные остатки второго колокола, погибшего в пожаре 1183 г., лежали поблизости Нижней церкви, облепленные углем горевшего дерева. Следов звонницы не было, и Н.Н. Воронину осталось заключить, что "колокола висели на самой церкви", в пользу чего свидетельствует, по его мысли, то обстоятельство, что один из обломков колокола был найден в раскопках И.И. Иодковского, проводившего траншеи, как мы видели, у самого храма. Это, конечно, шаткое доказательство, ибо трудно представить, где же на храме этого типа висел его звон? Однако, колокола висели на храмах, чаще, по-видимому, башенного типа (как было в том же Мстиславле, где это доказывается безоговорочно *(Алексеев,* 19936. С. 229-231). Ряд материалов до некоторой степени позволяет судить о внутреннем убранстве и богослужебном реквизите Нижней церкви. «Стены храма, гладко затертые известью, из-под которой выступали красные и желтоватые блики кирпича, были светлыми; их теплый тон подчеркивали черные пятна горловин голосников, создававших "звонкость" пространства храма. Его восточная часть была менее освещенной, в ее глубине светилась "жженым златом" своего металлического убора алтарная преграда с иконами, шитыми пеленами и лампадами. Княжеский храм служил усыпальницей владельцев; один из них, постриженный перед кончиной в монахи, был погребен в углу под хорами, другой - у южной стены вблизи алтарной преграды» *(Воронин,* 19546. С. 122). Никаких следов фресок не было - видимо, церковь не была расписана, стены выглядели сурово, но алтарная преграда, очевидно, деревянная, щедро украшалась гравированной медью (найдены изображения св. (апостола?) Федота, св. (апостола) Павла, св. Симеона (Богоприимца?)), много пластин с гравированным орнаментом *(Воронин,* 19546. Рис. 62). Из других предметов отметим фрагменты паникадила, лампады, обоимицы для укрепления цветных стекол и т.д. Особенно интересна медная пластина с гравированной розеткой в соседстве с ромбом и плетенкой.

Отметим в заключение еще одну особенность декора Нижней церкви, сближающую ее с Коложской церковью, что дало даже возможность исследователям говорить о самостоятельной гродненской школе зодчих. Это наружное украшение стен, которое, правда, уступает по богатству и выдумке той, но, тем не менее, очень своеобразно. Нижние части стен украшены сравнительно большими валунами, наружная сторона которых стесана (учтем всю трудность обработки природных валунов!) и расположена заподлицо с поверхностью стен. Конструкция эта очень оригинальна и сложна: ведь тяжесть валунов сильно ослабляла кладку и требовала, вероятно, от строителей особо прочного раствора! Верхняя часть стен снаружи украшена майоликовыми плитками. Удалось выяснить, что верхние части лопаток и углы здания были украшены крестами из наборных квадратных плиток *(Воронин,* 19546. С. 110). Украшались фигурами из плиток и простенки между окнами *(Воронин,* 19546. Рис. 59).

Н.Н. Воронин пришел к выводу, что Нижняя церковь построена значительно ранее Коложской. а именно во второй четверти XII в.(1116-1141 гг. - *Воронин,* 19546. С. 140).

КНЯЖЕСКИЙ ТЕРЕМ. К югу от Нижней церкви при работах И.И. Иодковского в 1932 г. обнаружились остатки еще одного здания из плинф - фрагмент домонгольского княжеского терема Южная часть его не сохранилась, как дума.г Н.Н. Воронин, была подмыта Неманом, но ТОЩЕ пришлось бы предполагать, что укрепления Батория были поставлены на насыпной грунт у СКЛОНЕ к реке, что невозможно. Правильнее, по-видимому думать, что южная часть терема была уничтоженг при рытье котлована под стену Батория. Неман же в XVI в. еще сюда не подходил, площадка детинц; была, следовательно, много большей.

О стратиграфической обстановке этого мест* нам ничего не известно, скорее всего она не входи ла в сферу внимания И.И. Иодковского. Н.Н. Во ронину удалось проследить, что терем был постав

лен выше Нижней церкви более чем на полметра, и терем, видимо, был поставлен много позднее Нижней церкви. Вещи, найденные вокруг, носят домонгольский характер (шиферные пряслица и др.). "Мы ясно ощущаем, - пишет исследователь, - пройденный И.И. Иодковским обычный русский культурный слой ХП-ХШ вв." *(Воронин,* 19546. С. 129). Основываясь на этих находках, польский ученый понял, что вскрыл остатки княжеского терема (что, опротестовывал Н.Н. Воронин, полагавший, что перед нами обычная крепостная башня XII в.).

Обратив внимание на обилие поливных керамических плиток древнего пола, неуместных в крепостных строениях, П.А. Раппопорт определил, что И.И. Иодковский был прав - это остатки терема с красивым керамическим цветным полом, возможно, в торжественном зале *(Раппопорт,* 1982. С. 102-103). С этим, по-видимому, и следует согласиться.

Терем сложен порядовой кладкой из плинф, соединенных цемянкой. Снаружи вложены в кладку декоративные, почти необработанные валуны. Северная стена сохранилась на длину 9,72 м и на высоту около 2 м. В середине северной стены - входной проем шириной 1,6 м. Западная часть терема внутри помещения с запада на восток имеет длину 6,5 м. Фундамент крайне не велик - один ряд валунов, положенных на глубину 35 см. Этот фундамент, видимо, и привел Н.Н. Воронина, к мысли о том, что перед нами не терем в несколько этажей, а крепостная башня. Однако, при его раскопках найдены, как сказано, керамические плитки пола (в том числе фигурные) и слитки расплавленного олова кровли. Любопытно, что по сторонам входа позднее были пристроены две фланкирующие вход стенки, а "во второй половине XIII-XIV в. сам вход был вычинен брусковым кирпичом (в это время, следовательно, в здании нуждались)" *(Раппопорт,* 1982. С. 102). Любопытно, что кирпичи терема имели большое количество знаков на торцовой стороне *(Jodkowski,* 1933), приведенных Н.Н. Ворониным *(Воронин,* 19546. С. 132-135). Среди них целый ряд кирпичей с княжескими знаками, что, возможно, свидетельствует о княжеском заказе (?). Как указывает исследователь, некоторые знаки можно связать с конкретными именами князей - трезубец с крестом внизу *(Воронин,* 19546. Рис. 74, 70) аналогичен знаку на плинфе церкви св. Димитрия во Владимире-Волынском первой половины XII в. *(Воронин,* 19546. Рис. 74, *65).* "Весьма правдоподобно, полагает автор, что знак двузубца с крестом ввел Всеволодко Давидович Городненский, от которого он и перешел к преемникам" *(Воронин,* 1954. С. 130) и т.д. Размеры кирпича-плинфы в тереме и в остатках небольшой стены в укреплениях, сохранившихся, как полагает Н.Н. Воронин "на мысу" Замковой горы и устья Городничанки, позволяет считать, что оба здания одновременны и относятся именно к укреплениям.

Действительно, к западу от Нижней церкви сохранился остаток какого-то сооружения из плинф на цемянке - фрагмент стены, вполне возможно укреплений. Однако он был не на мысу, который в древности был гораздо дальше. Единообразие же кладки этой стены и знаков на плинфе с терема может свидетельствовать лишь о том, что все это строилось одновременно или почти одновременно. Если это остатки стен второй башни (что Н.Н. Воронин допускает), то непонятно, почему в ней не было мозаичных полов, как в первой, да и зачем они были нужны в "тереме", если он не терем? Остается поддержать мнение П.А. Раппопорта: остатки постройки из плинфы на цемянке с вмазанными с наружной стороны декоративными камнями были, несомненно, фрагментами княжеского терема *(Раппопорт,* 1982. С. 102, 103). Остатки терема и крепостной стены, о которой мы сейчас говорили, Н.Н. Воронин датирует позднее Нижней церкви - третьей четвертью XII в. *(Воронин,* 19546. С. 140).

КОЛОЖСКАЯ ЦЕРКОВЬ БОРИСА И ГЛЕБА расположена на высоком берегу Немана к юго-западу от детинца, за р. Городничанкой, на очерченном оврагом плато, получившем в XV в. название Коложа. Этот некогда выложенный из плинфы на цемянке храм, был шестистолпным, трехапсидным, две пары восточных столбов поддерживали некогда барабан и купол. Кладка стен порядовая. Нижняя часть стен снаружи украшена вставками булыжных камней, над которыми поднимались ряды вмазанных в стены майоликовых крестов. Древний пол был покрыт майоликовыми плитками в апсиде, среднем нефе, и в северном (в остальных частях здания пол, видимо, не сохранился). Есть основания думать, что средняя часть здания была покрыта более богатым узором, цвет плиток традиционен: полива - желтая, коричневая и зеленая (тот же, что и на Нижней церкви). С внутренней стороны стены церкви в верхних частях изобилуют вставленными в них большими голосниками, что, видимо, сильно повышало качество акустики здания.

Интересен вопрос о хорах. В простенках апсиды находятся проходы в боковые апсиды и узкие лестницы в толще стен, по которым можно было подняться до пятиметровой высоты. Они выводили к узким деревянным балконам, идущим вдоль северной, западной и южной стен. Есть предположение, что и в западной стене был вход на хоры. Удивляться входам на лестницы через алтарь не приходится: эти входы свидетельствуют о том, как мы думаем, что Борисоглебский храм с самого начала был монастырским, а монахам, тем более мужчинам, вход в алтарь допускается.

В храм вели три вытянутые по своим пропорциям двери с арочным верхом. В верхней же части стен располагались узкие окна с арочными перемычками, которые не могли быть бойницами, как

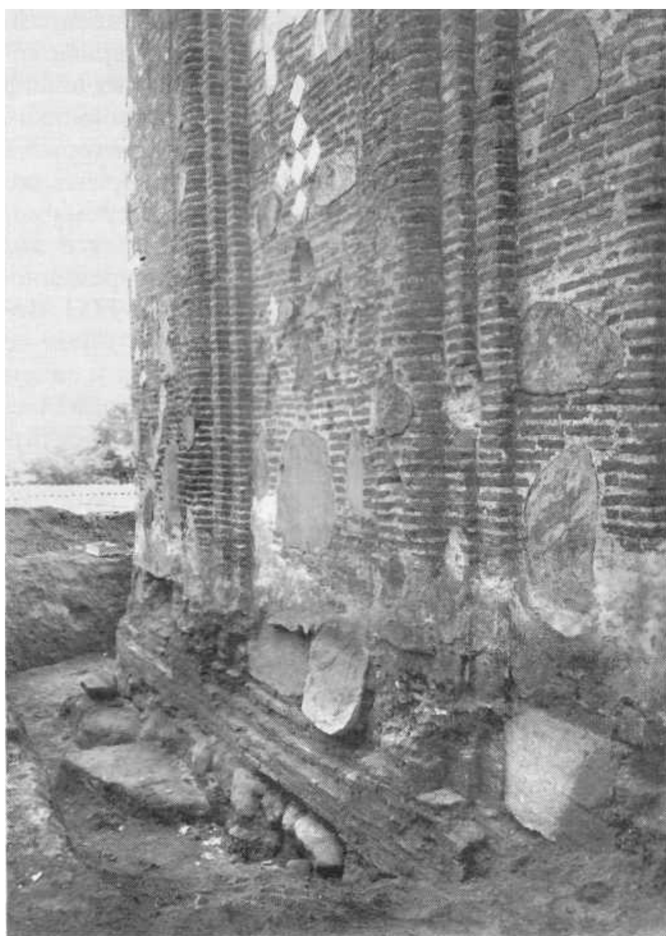

Рис. 29. Гродно. Коложская церковь. "Многообломные" (?) пилястры, украшение стен керамической плиткой

предполагал малоосведомленный в архитектуре уже упоминавшийся выше И.И. Иодковский. Очень любопытны трехуступчатые лопатки наружных стен церкви (рис. 29). Они напоминают пучковые пилястры церкви Архангела Михаила в Смоленске, построенной, как мы помним, в 1190-х годах полоцкими мастерами, от которых эта черта перешла к собственно смоленскому зодчеству и известна в Пскове (Троицкий собор), в Чернигове (церковь Параскевы Пятницы) и т.д. Это одна из тех черт, которые, мы увидим, позволяют датировать памятник сравнительно поздним временем двенадцатого века (о чем ниже).

О живописном убранстве храма сведений очень мало. Есть ряд свидетельств, что храм был расписан, однако следов фресок нет. П.А. Раппопорт полагает, что фрески были лишь в алтарной части *(Раппопорт,* 1982. С. 104). Пол украшался поливными плитками, в том числе фигурными.

Судьба не была особенно благосклонна к памятнику: его своды и верх обвалились в позднем средневековье. Неман подмывал гору все сильнее, и в результате в 1845 г. обрыв был уже у памятника. В ночь с первого на второе апреля 1853 г. южная стена рухнула в Неман. Церковное начальство памятник не берегло, и в 1857 г. литовский митрополит доносил в Синод: "Борисоглебская церковь на Коложе не отличается никакими ни архитектурными, ни артистическими особенностями и не заслуживает таких больших издержек, какие требуются на ее исправление..." *(Воронин,* 19546. С. 82). В результате, в 1889 г. упала под откос апсида диаконника. В 1894 г. епископ Иосиф поставил вопрос о дальнейшем сохранении церкви, ив 1910г. консервация была произведена. Ее продолжили, по-видимому, в 1935 г., когда за год до этого в памятнике появились новые трещины. Южная стена была сооружена из дерева.

От утвари Борисоглебского храма сохранился лишь бронзовый водолей, находящийся ныне в Виленском музее. Это - грубовато вылитый всадник, несомненно рыцарь, с ногами в стременах, в сапогах со шпорами. Вода наливалась через отверстие во лбу лошади, которое закрывалось крышкой, а выливалась через нижнюю часть морды. Верхняя часть головы всадника отломана (возможно, потому, что в шлеме имелась петля для подвешивания рукомойника). Впрочем, водолей можно было наклонять, держа его за ручку у хвоста. Предмет датируется Н.Н. Ворониным XII в. *(Воронин,* 19546, С. 160).

ПРЕЧИСТЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА ПОСАДЕ была обнаружена в 1980 г. белорусским археологом М.М. Чернявским при проведении исследований внутри Базилианского монастыря. Храм бы; выложен из плинфы способом порядовой кладки и несмотря на ряд различий в плане, принадлежал несомненно, гродненской школе зодчих. Памятнш был возведен на культурном слое мощностьк 20-60 см, как думает М.М. Чернявский, в XI в. Он - шестистопный, размерами 19,1 x 12,7 м при толщи не стен 1,08-1,1 м. Барабан и купол опирались, каі в Нижней церкви, на западные пары столбов. Цен тральная апсида - прямоугольная. Столбы в планì квадратные со скошенными углами.

Судя по обнаруженным рядом с церковью кам ням с зашлифованной поверхностью, можно ду мать, что нижние части стен (сохранившихся отча сти на 1 м высоты) были украшены, как в Нижне и в Коложской церквах, вмазанными в них камня ми, а верхняя часть, как в тех же храмах, - полйі ными плитками, в изобилии найденными у стеі Плинфа почти всегда одного размера 28 x 16 x 4 см. Судя по обилию половых плйтоі пол в храме был ими выстелен. Фрагментов фр« сок не встречено, видимо, храм не расписывала как и в предыдущих храмах, вокруг церкви найден большое количество голосников - их обилие заст; вляет думать, что эта черта характерна для гро; ненского зодчества. Наконец, куски оплавленног свинца показывают, что и здесь крыша настил; лась свинцовыми пластинами.

Отмечая, что Пречистенская церковь - блйжаі ший памятник Нижней церкви, автор раскопок д< пускает, что его прямая апсида - влияние Пятни]

кой церкви полоцкого Бельчицкого монастыря, построенной, как мы помним, полоцким мастером Иоанном *(Чернявский,* 1983. С. 121).

Мы рассмотрели архитектурные памятники домонгольского Гродно. Последовательность их возведения, по-видимому, следующая:

Нижняя церковь - вторая четверть XII в.

Пречистенская церковь - приблизительно та же дата.

Терем - третья четверть XII в.

Остатки крепости на детинце - третья четверть XII в.

Коложская церковь Бориса и Глеба - 80-90-е годы XII в.

"Начало каменного строительства в Гродно, — пишет Н.Н. Воронин, - при Всеволодке Давидовиче, конечно, связано с деятельностью пришлых мастеров. Скорее всего, зодчие Нижней церкви и прибыли из Владимира-Волынского (этому он ранее привел доказательства. *-Л.А.).* Однако последующие здания строили, видимо, уже местные княжеские мастера. Может быть, с этим и связаны редкость знаков на кирпиче Нижней церкви и массовое появление их на кирпиче крепостных башен (одну из них мы считаем теремом. *-Л.А.)* и Коложского храма" *(Воронин,* 19546. С. 144).

Один из самых важных вопросов гродненской домонгольской архитектуры - вопрос о происхождении декоративной системы фасадов гродненских памятников. Система эта исключительно оригинальна и, возможно, восходит к памятникам XI в. (в Западнорусских землях это — София Полоцкая), где употреблялась особая кладка - так называемая Opus mixtum, там перемежались ряды плинфы с рядами декоративных больших камней, которые сильно экономили производство кирпича. Несколько рядов плинф (иногда с утопленным рядом), ряд разноцветного подтесанного камня, розовая цемянка, соединяющая все. По византийскому образцу все это не штукатурилось и, несомненно, производило сильное впечатление. Мысль о том, что система гродненской кладки в основе восходит к памятникам XI в., вероятно, справедлива - Н.Н. Воронин прав. Однако еще более близкую аналогию гродненскому декору исследователь находит в памятнике более позднем - церкви святого Василия в Овруче (XII в.), в наружные стены которой включено большое количество разноцветных валунных камней. Но связь здесь обратная: зодчий конца XII в., строивший храм Василия в Овруче для Рюрика Ростиславовича (родом смолянина), "знал гродненские постройки и подражал им" (разрядка Н.Н. Воронина. - *Л.А.).* Любопытно, что в черниговской церкви Параскевы Пятницы повторен редкий в древнерусском зодчестве и характерный для Гродно прием - "срез" угла четверика под 45°, - добавляет этот автор *(Воронин,* 19546. С. 145). Итак, рассмотренные выше особенности гродненского зодчества, начатые еще при Всеволодке, в конце концов получили признание и за пределами гродненской архитектуры.

ЦЕРКОВЬ В ВОЛКОВЫСКЕ. При раскопках местного археолога-краеведа Г.И. Пеха (копавшего еще с И.И. Иодковским) в окольном городе Волковыска в 1955-1956 гг. обнаружились остатки фундамента домонгольской церкви из плинф на цемянке. В 1958 г. работы им были продолжены и был составлен первый план памятника. Было установлено, что храм шестистолпный с перенесением подкупольного пространства на западные пары столбов, одноапсидный, с общими размерами 22 x 16 м, с наружной лестничной четырехугольной в плане башней у юго-западного угла для подъема певцов на хоры *(Пех,* 1963. С. 232 и ел.). Вокруг церкви обнаружились многочисленные валунные камни с зашлифованной одной стороной (один был шлифован на три грани - *Пех,* 1963. Рис. 4). Рядом с фундаментами оказалось большое количество плинф, не бывших в употреблении, а некоторые были испорчены в пережоге. На некоторых плинфах видны знаки Рюриковичей, кресты и волнистые линии.

Работами П.А. Раппопорта в Волковыске в 1959 г. был обследован и окольный город. Картина, нарисованная Г.И. Пехом, подтвердилась. Исследователь смог сделать реконструкцию плана церкви, и находил ее большое сходство с нижней церковью в Гродно - украшения в виде валунных камней для стен, скошенные углы всего здания, выпуклые знаки на торцах многих, здесь же валяющихся плинф (они по размерам тоже близки к гродненскому памятнику). Все это дало возможность, как считал П.А. Раппопорт, по аналогии с Нижней гродненской церковью датировать волковыский храм "первой половиной" или "серединой XII в." *(Раппопорт,* 1963. С. 239, 240).

Новые обследования памятника были осуществлены М.К. Каргером, не удовлетворившимся работами предшественников. Весной 1966 г. он провел там новые раскопки, теперь памятник был вскрыт полностью. Оказалось, что фундаменты "лежат непосредственно на материковой подошве". Вопреки обмерам П. А. Раппопорта, оказалось, что фундамент сохранился полностью, даже в апсиде, где его наличие отрицал П.А. Раппопорт. Фундаменты не были стесаны на углах здания под 45°, как в Гродно, и углы были прямоугольными (сопоставления с Гродно здесь не могло быть, П.А. Раппопорт вообще "несколько усилил сходство волковыского и гродненского храмов") (рис. 28, 2). Раскопками М.К. Каргера были выяснены необычайные вещи: "параллельно фундаментам северной и южной стен почти вплотную к ним были заложены *дополнительные* (!) более узкие полосы фундамента... Судя по кладке и характеру материалов, - писал М.К. Каргер, - эти дополнительные укрепления сделаны вскоре после закладки основ-

ных фундаментов и были вызваны необходимостью какой-то конструктивной поправки" *(Каргер,* 1968. С. 426). Эта поправка, скажем мы, тем более удивительна, что храм, как было выяснено всеми тремя археологами, не был достроен, дальше строительных рвов и фундамента дело не пошло, хотя рядом было обнаружено два "склада" плинф *(Каргер,* 1968. С. 427, рис. 5), а также творило, которым, видимо, не воспользовались - фундаменты положены насухо! Причина дополнительных фундаментов для нас осталась загадкой. И далее: "Сказанное отнюдь не опровергает возможности сближения волковыского храма с планом гродненской Нижней церкви. О принадлежности волковыского храма гродненской школе... свидетельствует, однако, не столь плановая схема обоих зданий, сколько характерные особенности строительной техники недостроенного волковыского храма" *(Каргер,* 1968. С. 427). Сходство обоих храмов автор видит в декоративных валунных камнях, долженствовавших украсить стены и т.д. Датировку П.А. Раппопорта М.К. Каргер, видимо, поддерживает: первая половина или середина XII в.

Итак, мы видим, что строительство каменных храмов, как в зеркале, отражает интенсивность жизни земель Западной Руси и, как везде в это время, возможности, которыми располагали князья (во всяком случае, до середины XII в.)[20].

Одиннадцатый век в этом отношении был характерен. Монументальное строительство здесь возникло в передовом Полоцком княжестве, расположенном на водных путях ответвлений Днепро-Двинского междуречья. Рано обособившийся князь начал немедленно соревноваться с Киевом и с помощью специально приглашенной артели зодчих из Греции возвел Софию - аналог Софиям Киева и Новгорода. В Смоленске, развивавшемся, по сравнению с Полоцком, на полстолетия позднее, смоленский князь, уже не соревнуясь с храмами других городов, возвел храм Успения (1101 г.), долженствовавший, по-видимому, соответствовать новым требованиям торжественного "княжеского", как и в Полоцке, богослужения. Однако, смоленский князь Мономах вскоре перешел на другой стол, и строительство храмов в Смоленске временно прекратилось. Напротив, сыновья полоцкого князя в начале XII в. продолжали каменное строительство церквей, как бы не нарушая традиций отца. Но в отличие от него, они ориентировались уже не на греков, с императором которых имели в это время тесную матримониальную связь (1106 г.), а на Киев, вызывая оттуда греческих мастеров. После первых двух десятилетий ресурсы вечно сражающихся между собой Всеславичей, видимо, иссякли. Строительство храмов в Полоцке возобновилось с новой энергией по возвращении из десятилетней ссылки в Византию внуков Всеслава Полоцкого, в конце 1140-х годов, выявивших в Бельчицком монастыре талантливого местного зодчего, продолжившего прежние традиции строительства храмов, но на новой конструктивной и идейной основе.

Строительство смоленских архитектурных памятников домонгольского времени "вошло в силу" лишь в конце XII в. и, главное, в первой половине XIII в., когда экономическое положение города и его князей, благодаря новому оживлению торговых путей через Смоленск, стало очень сильным. Начало этому строительству положил зодчий Полоцка, оказавшийся с обнищанием страны в конце XII в. не у дел. А позднее в Смоленске трудилось, как показал П.А. Раппопорт, две самостоятельных артели архитекторов. В XIII в. город стал крупным торговым центром, строительство каменных храмов его буквально "наводнило".

В XII в., с возникновением Гродненского княжества, с усилением торгового центра Новогрудка, а также в Турове были выстроены каменные храмы, среди которых особенно выделилась, видимо, кратковременно, гродненская школа зодчих, пришедшая туда всего вероятнее, из Галицко-Волынских земель.

Таковы наши общие сведения об архитектурном строительстве домонгольского времени в Западно-русских землях.

Живопись

Иконы заменяют неграмотным книги и остаются немолчным вестником чести святых, научая беззвучным голосом созерцающих их и, освещая зрение...

Иоанн Дамаскин

"Живопись была органической, неотъемлемой частью христианского храма. Его стены, своды и купола обычно покрывались мозаикой или фресковыми росписями, которые вместе с декоративной скульптурой, пышной отделкой интерьера и драгоценной утварью сливались в единое художественное целое, строго подчиненное архитектурному замыслу. В сложной системе храмовой росписи были воплощены основные идеи христианства; для изображения различных сюжетов и тем существовали обязательные правила и нормы (иконогра-

[20] Оставив без внимания прежнюю датировку, П.А. Раппопорт (1982. С. 104) отметил: "по аналогии с Нижней церковью в Гродно памятник обычно датируют первой половиной или серединой XII в., хотя более вероятно, что постройка относится ко второй половине XII в."

фия), которым художники должны были строго следовать. Художественный строй этого искусства условен и идеалистичен...", - так писал М.К. Каргер (1964а. С. 3) в своей книге о древнерусской монументальной живописи.

ЖИВОПИСЬ ВИЗАНТИИ. Нашими учителями, как и в архитектуре, и здесь были греки. Русь включилась в великое изобразительное искусство Византии уже после того, как оно там формировалось столетиями, после жестокой борьбы с иконоборчеством, отрицающим поклонение иконам ("божество не изобразимо"). На знаменитом Седьмом Вселенском соборе в Никее (787 г.) иконопочитание было возвращено Церкви, "богоборческая ересь" пала, ее влияние возобновилось вновь, была "побита" окончательно в 842 г., и был учрежден Праздник Православия. Византийская живопись в развитии. Теперь "постепенно вырабатывается и совершенствуется особый иконописный художественный язык, во многом противоположный реализму и сенсуальности античной живописи и отчасти иконописи доиконоборческого периода" *(Лепахин,* 2002. С. 32). От увлечения эллинизмом в доиконоборческое время и, частично, теперь, в позднеиконоборческое время (конец IX - начало X в.), живопись переходит к так называемому "спиритуалистическому" искусству. Оно призвано было свидетельствовать не о мире сем, а о Царствии Небесном *(Лепахин,* 2002. С. 32). Не отступая от заданной темы, иконописцы середины XI в. сумели добиться огромной силы и выразительности образов, "используя в совершенстве возможности линейной характеристики лиц, колорита, оттенков... Пройденный византийским искусством в IX-XII вв. этап развития оказался чрезвычайно плодотворным во всех сферах живописи. Усовершенствование техники приемов мозаики, развитие техники фресковой живописи, виртуозное владение линией и красками в искусстве книжной миниатюры - таковы были несомненные достижения художников, работавших в этот период" *(Липшиц,* 1967. С. 407, 411).

Не приходится сомневаться, что Русь, попадавшая теперь в родственную ей по религии Грецию, была потрясена величием этого искусства. Греческие мастера строили ей храмы, были приглашены и живописцы, расписывавшие, мы увидим, и храмы Западной Руси (где кое-что сохранилось). Живописцев оплачивали в Византии, только бы приехали на Русь (Патерик, 2003. С. 159).

ЖИВОПИСЬ РУСИ. Нам ясно, что искусство живописи в древней Руси также теснейшим образом было связано с христианским мировоззрением. Как и в Византии, оно требовало особого пространства в здании, где молился христианин. В церкви - символе Неба на земле - был необходим глубоко продуманный интерьер. Константин Великий (326 г.) желал, чтобы храм был самым красивым в мире. Интерьер, где проходили многочасовые церковные службы, где длительно возносились к самому высшему молитвы, являлся таким образом, "главнейшим моментом архитектуры" *(Некрасов,* 1994. С. 89). При входе в храм, молящегося должно охватывать особое чувственное переживание, связанное с особым ощущением именно внутреннего пространства. Это хорошо чувствовали как византийские, так и следом за ними выдающиеся древнерусские зодчие, и, вероятно, прав А.И. Некрасов, который укорял позднейших зодчих XVIII-XIX вв., утративших ощущение интерьера и, перенесших главное внимание на фасад *(Некрасов,* 1994. С. 89). Интерьер церкви не должен быть статичным, он должен увлекать входящего вперед к солее, к алтарю - символу Рая, где происходит основное священное действо, а сверху разносится ангельское пение...

Лучшие древнерусские мастера владели этим уже в середине XII в. (например, полоцкий зодчий Иоанн и др.).

Домонгольский христианин, в котором были живы еще и языческие корни, входил в храм, как его учили, Рай на земле, где можно было очиститься, обогатиться духовно и получить надежду на спасение. Понимал он, что в церкви все должно говорить о Творце Вселенной, там - все святое - и стенная живопись, и иконы в драгоценных ризах, и утварь... Несмело поначалу он вступал туда и, надо думать, радовался, окруженный смотревшими на него отовсюду ликами святых, чувствуя как много у него "родственников во плоти" на Небе, как он может не отчаиваться в спасении. "Русский человек.., - говорит А.В. Карташев (1996. С. 160), вероятно, о несколько более позднем времени, - хочет быть сплошь окруженным Херувимами, Серафимами, всеми небесными силами, патриархами, пророками, апостолами, мучениками и всеми святыми... не любит в одиночестве подходить к Богу..." В этом стремлении к окружению обилия святых нельзя не видеть еще пережитков и психологии не так давно оставленной языческой религии!..

И он шел в этот свой новый храм, где его окружали изображения самого Вышнего и святых - его заступников... Все они были разные, эти лики! Как разнообразны лица и в жизни... А это удивляло уже Владимира Мономаха (1053-1125):

"И сему чуду дивлюся: како от персти (земли. - *Л.А.)* создавъ челов-Ька, како образи разноличнии въ челов-вческыхъ лицихъ! - Яще и весь миръ совокупить, не вси - въ одинъ образъ, кый же своимъ лиц-Ь образомъ по Божий мудрости..." (ПВЛ, 1950. Т. 1.С. 156)2i.

Живопись Полоцкой земли

Искусство древних живописцев, работавших некогда в ПОЛОЦКОЙ епархии, еще не так давно могло предстать перед нами во всем своем многогранном

[21] "Как из земли создав человека, как разнообразны человеческие лица, если всех людей собрать - все они на одно лицо, но каждый имеет свой облик по мудрости Божией" (пер. Д.С. Лихачева - ПВЛ, 1950. Т. 2. С. 357).

Рис. 30. Полоцк. Фрагмент росписи Софийского собора. Раскопки П.П. Покрышкина

обличий - стоило лишь расчистить стены белорусских домонгольских храмов. Но судьба решила не так. Ныне, с варварским уничтожением в 1920-х годах малограмотным белорусским начальством храмов XII в. (храмы Бельчицкого монастыря, в 1961 г. - витебского Благовещения), возможности изучения древней западнорусской живописи сильно сократились. Лишь чудом сохранившаяся церковь Преображения в полоцком Спасском монастыре, еще хранит под поздними записями драгоценные древние изображения - они, да отдельные фрагменты роскошных былых росписей на деталях храмовых строений, открываемых археологами, вот все, чем может располагать будущий исследователь.

О существовании древних росписей в церкви Евфросинии было известно еще в 1820-1830-х годах. 10 февраля 1822 г. могилевский епископ Гавриил извещал губернатора Западного края Н.Н. Хованского: "Внутреннее иконописное расписание всей (Спасской церкви. *-Л.А.)* - в старинном греческом вкусе с надписями древнерусского письма... Эта живопись, - писал он далее, - сохранилась с явными признаками несовершенного искусства" и для сохранения просил средств на ремонт храма *(Арсеньев,* 1910; см. также: *Г-в,* 1832. С. 881-884; О Церкви Всемилстивейшего Спаса, 1833. С. 526-529). В результате последовал ремонт памятника архитектором А. Портом (см.: Ремонт церкви Евфросинии в 1831 г. // РГИА. Ф. 1297. Оп. 1. Д. 5891; *Алексеев,* 1996. С. 53).

ФРЕСКИ СОФИИ ПОЛОЦКОЙ (1062-1065) (рис. 30). Следы фресок сохранились на нижних частях храма, датированных XI в. Архитектор-реставратор П.П. Покрышкин, реставрировавший храм в 1912-1913 гг., высказал предположение, что они могут быть обнаружены. И действительно, в 1913 г. архитектор-инженер И.П. Суханов вскрыл некоторые части древнего собора со штукатуркой, но о находках следов фресок речи не было *(Кайгородов,* 1914. С. 33).

Фрески обнаружились в 1910 г. в западной части подполья собора. В 1913 г. при ремонте Софии "по отбитии штукатурки внутри алтаря восточного придела Св. Тихона Задонского, также были открыты остатки древних стен и росписей, к сожалению, сильно поврежденные и поцарапанные". Решено было их как можно больше сохранить и "несколько отреставрировать" *{Кайгородов,* 1914. С. 29, 32). Об этих работах сообщалось в местной прессе, и есть их описание *{Селицкий,* 1992. С. 25).

Основываясь на "общей закономерности" расположения системы росписи в храмах по сохранившимся фрагментам и сведениям о работах П.П. Покрышкина, В.В. Суслова, К.В. Шероцкого, А.А. Селицкий предложил в общих чертах реконструировать росписи Софии: «Вероятно, в конхе апсиды размещались традиционные изображения Оранты, а на южной стене ее сохранились остатки "Евхаристии", примерно на высоте 4-5 м от современного пола. Различим фрагмент крайней фигуры апостола - нога и складки одежды. По сведениям К.В. Шероцкого, этот фрагмент был виден при ремонте 1914 г. Сохранились остатки красочного пигмента одежды и подготовительного рисунка, исполненного охрой». "На уровне окон проходит орнаментальная полоса (около 100-120 см), сохранившаяся примерно на 80 см слева и справа по краям апсиды. Орнаментальный мотив состоит из крупных трилистников и треугольников. Под орнаментальной полосой помещался, видимо, святительский чин. По нижнему поясу шел фриз, выполненный под мрамор" *{Селицкий,* 1992. С. 27).

В других местах подполья сохранились еще частично отдельные фрагменты фресок: у основания одного из северо-восточных столбов виден стилизованный рисунок виноградного стебля, обнаруженный еще в 1910-1914 гг. *{Кайгородов,* 1914), по мнению А.А. Селицкого этот мотив сопоставим с узором Софии Киевской, построенной, как мы знаем, тоже в XI в. В Софии Полоцкой сохранились и иные узоры (волнообразные полосы под мрамор и т.д.). Все это очень отрывочно и по-настоящему говорить об этом невозможно.

УСПЕНСКИЙ СОБОР БЕЛЬЧИЦКОГО МОНАСТЫРЯ. Говоря о росписях полоцких церк-

вей, А.А. Селицкий совершенно справедливо обращается к Успенскому собору Бельчиц (по старой традиции именуя его просто "Большим собором", хотя, основываясь на архивных данных, приведенных им же, ясно, что это именно Успенский собор; *Селицкий,* 1992. С. 35). Как свидетельствует названный автор "пол в центральной части храма был покрыт полосой (13-15 см) фресковой росписи. Такая же однотонная, обрамленная сверху каймой (ширина 4-5 см) более темного сурикового цвета полоса шла по самому низу стены" *(Селицкий,* 1992. С. 35). В 1964-1965 гг. М.К. Каргер выявил панели в углу западной части храма. Сохранились также "подножие креста с первозданной пещерой Адамовой и завитки перекладины". "Роспись панели выполнена таким образом, - продолжает А.А. Селицкий, - что создается иллюзия наложения плиты светлого фона с орнаментом на темный красно-коричневый фон стены", что находит аналогии, по его мнению, в мотивах новгородской Мартирьевской паперти середины XII в., Староладожской Георгиевской церкви и в смоленском Петропавловском соборе середины XII в. *(Селицкий,* 1992. С. 36). Подобные орнаменты автор находит и на кресте Евфросинии Полоцкой (1161 г.). "Это типичный мотив древнерусского орнамента, который часто встречается в декоративно-прикладном искустве Киевской Руси" *(Селицкий,* 1992. С. 36). Все имеющиеся аналогии орнаментам Успенского собора Бельчиц, как видим, более всего тянут к середине XII в., когда, видимо, этот огромный собор и удалось расписать при возвратившихся из Византии "внуках Всеславлих".

УСЫПАЛЬНИЦА СВ. ГЕОРГИЯ ПОБЕДОНОСЦА была следующим храмом, который, как мы доказывали, был построен следом за Успенским собором. Как показал П.А. Раппопорт, его возводили те же мастера, которые строили и собор. Как говорилось выше, этот храм-усыпальница полоцких епископов имел особенно импозантный вид и был украшен, как ни одна церковь в Полоцкой земле. Его покрывал внутри ковер майоликовых плиток, а на стенах была смальтовая мозаика (чего нет в других столицах - Новгороде, Пскове, Рязани и т.д.). Это была усыпальница иерархов, в начале XII в. заменившая собой усыпальницу деревянную, и строилась она в Борисоглебском монастыре Полоцка, где еще не было ни одного каменного храма.

Фрески, кусочками попавшиеся при раскопках П.А. Раппопорта, А.А. Селицкому удалось разделить на три части, свидетельствующие, что храм расписывали не менее трех мастеров, вероятно, со своими подмастерьями: 1. Объем лика был особенно подчеркнут, хорошо моделирован, например, лик молодой святой *(Селицкий,* 1992. С. 78, рис. 47). 2. Изображение объемное с довольно широкой линией контура (голова юного святого, *Селицкий,* 1992. С. 78, рис. 43).

3. Сочетание живописной моделировки целого с плоскостной графичностью деталей (голова юного святого, *Селицкий,* 1992. Рис. 44-46). Все приводимые А.А. Селицким иллюстрации выполнены в печати крайне плохо, детали, о которых он говорит, в его издании совершенно не различимы, и автору приходится верить на слово. Важно, тем не менее, его заключение: "на наш взгляд, определяющей в живописи храма-усыпальницы является скорее последняя, третья манера.

Отголоски античности прослеживаются в прекрасном, полном женственности лике неизвестной святой. Мягкие черты лица, сочные губы - все это придает ему земной характер. Но в то же время он подкупает своей одухотворенностью". И далее вновь о третьей манере: "Глубинная внутренняя экспрессия является доминирующим элементом в ликах... Посредством четкой, варьируемой по толщине линии в них выделяется самое главное - глаза. Здесь налицо формирование оригинальной манеры, где соединены живописная объемность с плоскостной графичностью. Заметно выступают линейные акценты, иногда построенные на разрывах и смешениях. Письмо эмоциональное.

Образу старались придать яркую психологическую выразительность. Рассмотренная манера живописи несколько напоминает первый слой стенописи Земенской церкви в Болгарии - фрагменты изображений святых Анны и Константина, датируемые второй половиной XI в." *(Селицкий,* 1992. С. 79). Подобное наблюдение искусствоведа может быть очень интересным: прежде всего дата - рубеж XI и XII вв. Это не первая половина XII в., как "из осторожности", не обладая интуицией М.К. Каргера, исправляет его П.А. Раппопорт, а именно начало XII в., на чем настаивал Каргер! Интересно также, что фрески третьего типа близки к болгарским. Это, очевидно, указывает, куда направился взгляд полоцкого князя Георгия Всеславича, решившего расписать построенную им епископскую усыпальницу! Все это прибавляет вес нашим заключениям об иключительной роскоши в украшении епископской усыпальницы ее ктитором. Видимо, еще рассорившиеся князья строили ее сообща.

БЕЛЬЧИЦЫ: ФРЕСКИ ЦЕРКВИ ПАРАСКЕВЫ ПЯТНИЦЫ. Как и в церкви Бориса и Глеба, «фрески малого Пятницкого храма были покрыты позднейшими наслоениями и записями, - писал Н.Н. Воронин, ссылаясь на рукопись И.М. Хозерова. - Этих наслоений не меньше четырех. На раннем слое есть граффити XVII в., а на древнем фресковом грунте - остатки нечитаемой надписи кириллицей. Для нас расположение фресок имеет особое значение, так как позволяет выяснить некоторые черты архитектуры храма.

Особенно хорошо сохранились фрески на северной стене и на косяках алтарной арки.

На северной, как и на южной стене, фрески размещались в два яруса: вверху по две больших композиции - видимо, разъединенные окном (на месте существующего позднего), внизу - одиночные изображения в рост. В восточной и северной части стены около прохода в жертвенник были фрагменты большой композиции "Распятие", сохранившей лишь грунтовку красно-коричневого тона и следы зеленой краски одежд; в композиции явно выделен крест, размеры которого по отношению к фигуре Христа сильно преувеличены. Богоматерь и Иоанн стоят по одну сторону креста в позах, выражающих как бы примирение с происшедшим, их фигуры несколько меньше фигуры Христа, - они отодвинуты на второй план; лик Христа, склоненный на правое плечо, трактован с большой экспрессией. Здесь же внизу можно было обнаружить следы фигуры святого с украшенной кругами епитрахилью. Около самого прохода в жертвенник имелись остатки растительного орнамента, нанесенного ярко-красной краской на светлый фон штукатурки.

В западной половине северной стены сверху прослеживалась большая композиция "Сретенье" с довольно хорошо сохранившимся красочным слоем: Иосиф - в оранжевом хитоне и зеленом гиматтии; Богоматерь - в розовато-оранжевой одежде; престол и четырехколонный киворий с купольным верхом над ним - светло-зеленые» *(Воронин,* 1956. С. 12).

Фрески восточной стены располагались также: над ярусом одиночных фигур - две обширные композиции. Одна композиция, размещенная симметрично с другой, представляла, видимо, пиету. Остальные были крайне незначительными.

Слабозаметные на восточной стене изображения были разделены фигурами Бориса и Глеба в рост. Глеб - отрок, Борис - с бородкой, на головах - шапки с меховой (соболь?) оторочкой - признак княжеского достоинства. На плечах - плащи с фибулой - хитоны. На плащах традиционный орнамент в виде колец.

Откосы алтарной арки в то время, когда их видели исследователи, сохранили нам две фигуры. Вверху северного - на синем фоне поясное изображение святителя Николая в зеленой одежде, очерченной красно-коричневым контуром, в белой епитрахили, с книгой в руке. На противоположном откосе - поясное изображение неизвестного святого, тоже поясное. Его одежда и нимб, проложенные красно-коричневым тоном, сохранили кое-где зеленую краску - одежда, земля, все это на синевато-зеленом фоне.

А.А. Селицкий (1992. С. 46) обратил особое внимание на Сретение. Отметив, что композиция включала в себя две группы, он указал, что слева находилась св. Мария в красных одеждах, держащая в руках святого младенца, за ней в темно-красном хитоне - Иосиф с голубями в руках. Справа - Симеон, за ним, очевидно, пророчица Анна. Симеон почтительно склонился, собираясь принять Христа. На втором плане - светло-зеленый киворий с прямоугольным престолом и лежащей на нем книгой, "композиционно объединяющий обе группы". Основное внимание художника, по наблюдению А.А. Селицкого, обращено на изображение Девы Марии: "Ее стройная пропорциональная фигура выполнена в линейно-графической манере: правильные тонкие черты, видимо, навеяны византийскими образцами" *(Селицкий,* 1992. С. 46).

«В византийском искусстве иконографическая тема "Сретения" к XII в. была основательно разработана, - продолжает исследователь. - Чаще других встречается вариант, где слева изображена св. Мария, собирающаяся передать младенца праведному Симеону. Таким образом, в Пятницкой церкви представлен один из наиболее распространенных вариантов сцены» *(Селицкий,* 1992. С. 46). Это заключение чрезвычайно важно: фрески с Пятницкой церкви, столь варварски уничтоженные в начале 1930-х годов, принадлежали кисти византийцев!

"Распятие" распространилось на четверть стены, по свидетельству А.А. Селицкого. На светлом фоне - крест. "Сведенное судорогой" обнаженное тело Спасителя было изображено в нечеловеческом изломе, голова упала на левое плечо, на лике - нечеловеческое страдание. Внизу убитые горем предстоящие - лик Богоматери искажен страданием, скорбит Иоанн Богослов. Интересна фигура сотника Лонгина, - замечает исследователь. Она контрастна всей группе иудеев: "он всматривается в лик мертвого Христа. На сотника как бы нисходит прозрение. Весь его облик говорит о пробуждающейся вере и сочувствии: "Истинно Человек сей, был Сын Божий" (Марк, 15, 39) *(Селицкий,* 1992. С. 49). Исследователь полагает, что "ближайшую иконографическую и эмоционально-психологическую аналогию полоцкому Распятию" находят в иконе "Распятие" (XI-XII вв.) из монастыря св. Екатерины на Синае, на котором отсутствует изображение сотника Дентина *(Селицкий,* 1992. С. 51).

А.А. Селицкий не согласен с мнением, что на восточной части южной стены было изображено "Распятие", и полагает, что сцена "оплакивания" отдаленно напоминает композицию фрески в люнете северной стены Спасо-Преображенского собора Мирожского монастыря (середины XII в.; *Селицкий,* 1992. С. 51).

Суммируя сказанное, он заключил, что церковь Параскевы Пятницы некогда "была расписана полностью по трем ярусам: вверху - многофигурные композиции, ниже - одинокие фигуры святых (возможны многофигурные сцены) и орнаментальные мотивы. По-видимому, третий ярус занимали погрудные изображения святых в медальонах, а по самому низу стены шел декоративный фриз - роспись под мрамор" *(Селицкий,* 1992. С. 54).

Рис. I. Роспись Спасо-Евфросиниевского храма.
Лик святой мученицы (южный неф)

Рис. II. Роспись Спасо-Евфросиниевского храма. Святитель. Деталь фрески. Северный неф

Рис. III. Роспись Спасо-Евфросиниевского храма.
"Деисус".
Деталь фрески в молельне Евфросиньи

Рис. IV. Роспись Спасо-Евфросиниевского храма.
Архангел Михаил. Фрески барабана

Рис. V. Роспись Спасо-Евфросиниевского храма.
Христос Пантократор. "Деисус". Деталь фрески
в молельне Евфросиньи

Автор предлагает приблизительную реконструкцию росписи, сохранявшейся в конце 20-х - начале 30-х годов XX в.

БОРИСОГЛЕБСКАЯ ЦЕРКОВЬ БЕЛЬЧИЦКОГО МОНАСТЫРЯ. Как мы говорили, она еще высилась в 1929 г., до варварского сталинского уничтожения храмов. Построенная тем же мастером Иоанном, она была близка по архитектурным особенностям Евфросиниевской церкви. Исследовавшие ее в 1924-1929 гг. И.М. Хозеров и Н.Н. Щекотихин отмечали обилие сохранившихся фресок на ее стенах. К сожалению, Н.Н. Щекотихин, увлекшись глобальными проблемами белорусского искусства, начав с доисторических времен, в книге, насчитывавшей 278 страниц, древней живописи уделил всего 61 страницу (куда вошла и Смоленщина). То есть говорит в самом общем виде о самом для нас главном. К тому же, многих памятников, которые ему удалось видеть, через несколько лет не стало! *(Шчакацiхiн,* 1928).

Церковь Бориса и Глеба постигла общая судьба древнейших белорусских памятников архитектуры, о которых мы можем судить лишь по остаткам фундаментов. На южной стене на уровне нижних окон Н.Н. Щекотихин отметил стилизованный узор, нанесенный светлой краской. У восточного оконца той же стены "в обрамлении полосы сурика был орнамент в виде сетки... По косяку оконного проема шла узкая полоса растительного орнамента. Над окном - следы изображения во весь рост какого-то святого. В средней части южной стены около лопаток, на уровне нижнего ряда окон сохранились верхние части двух фигур, обрамленные полосой красно-коричневого и зеленого тона" {*Воронин,* 1954в. С. 7). На северной стене под хорами были видны части отдельно стоящих фигур в рост и т.д. "Это все, - заключает исследователь, - что осталось от живописного убранства храма, и было видно там, где отпала штукатурка. Возможно, что под ней имелись и другие фрагменты росписи..." *(Воронин,* 1954в. С. 7). А.А. Селицкий детально сопоставляет рисунки и описания Н.Н. Щекотихина и Н.Н. Воронина, но это уже - за пределами наших задач.

Как свидетельствует видевший храм Н.Н. Воронин, он был богато украшен фресками, хорошо просматривающимися под позднейшей клеевой краской, а иногда и под несколькими слоями извести. Любопытно, что на фресках постоянно виднелись граффити давно ушедших прихожан - имена, отрывки слов и т.д. Все это не фиксировалось. Видна была однажды дата на штукатурке "1674 г.", что свидетельствовало, по мнению Н.Н. Воронина, о времени поновления росписи. Видимо, древняя роспись держалась около 500 лет!

На косяках окна в северо-западном углу Н.Н. Воронин видел стилизованный узор, "нанесенный светло-зеленой краской". На западной лопатке южной стены были остатки орнаментальной каймы. У восточного окна на той же стене - орнамент: сетка, обрамленная широкой полосой сурика, и т.д.

Под хорами на северной стене виднелись нижние части двух отдельно стоящих фигур в рост (святой воин и святитель). Фигура святого в рост в розовато-желтых с зелеными тенями на серо-зеленом фоне виднелась на третьей с запада лопатке. В согнутой руке - книга. Выше, на той же лопатке, на уровне второго яруса окон - подобная же фигура в рост. "Это все, что оставалось от живописного убранства храма, и было видно там, где отпала новая штукатурка" *(Воронин,* 1954в. С. 7). К сожалению, ни И.М. Хозеров, ни Н.Н. Воронин специально живописью храмов не занимались, хотя было ясно, что в этот горячий период борьбы большевиков с религией, уникальные руины будут вовсе разобраны, что и случилось (хотя никакого строительства вокруг не предполагалось!). Нашими единственными источниками (кроме небольших фрагментов, найденных А.А. Селицким в ГТГ) остаются записи И.М. Хозерова, Н.Н. Воронина, может быть, М.В. Алпатова - в его архиве и в архиве П.Д. Барановского, которые были в Полоцке в 1928-1929 гг. (М.В. Алпатов и П.Д. Барановский, по их личным свидетельствам мне, фотографировали Крест Евфросиньи) *(Хозеров,* 1994; 1995; *Воронин,* 1954в; *Селицкий,* 1992).

ФРЕСКИ СПАСО-ЕВФРОСИНИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛОЦКЕ[22] (рис. I-V). О существовании фресок здесь было известно еще с 1832 г., когда архитектор А. Порт проводил ремонт собора. Однако они не были оценены по достоинству, и их закрасили масляной краской. Раскрытие фресок в соборе было начато лишь в 1929 г. архитектсь ром-реставратором Г.О. Чириковым. Он раскрыл фигуру неизвестного святителя (Иоакима?), а также святителя в "крестчатых ризах". Основываясь на свидетельстве Е.А. Домбровской, А.Л. Монгайт выяснил, что пробные раскрытия производились в 1937, 1939 и 1940 гг., когда были раскрыты головы юноши и женщины *(Монгайт,* 1966. С. 137). Д.Е. Брягина в 1950 г. обнаружила "на фресках и рядом с ними многочисленные граффити" *(Монгайт,* 1966. С. 137). А.Л. Монгайт, кажется, первым сравнительно подробно описал фрески и опубликовал две, открытые в свое время Г.О. Чириковым. Он не являлся специалистом, но все же заключил, что здесь работал не один мастер. "Судя по особой манере письма и способам разрешения колористических задач, полоцкие фрески очень

[22] Сейчас фрески расчищаются талантливым реставратором В.В. Ракитским (Минск), который подошел к своей задаче с большой ответственностью и глубиной. "Все стены церкви Спаса, - пишет он, - вобрали в себя и сейчас хранят следы многих поколений; эти следы выглядят как книга, страницы которой вы хотите прочитать, осознать и понять" *(Rakitsky,* 1997'. Р. 59). Автор, следовательно, изучает не только древнейшие фрески, но и последущие записи их.

близки фрескам Антониевого монастыря в Новгороде. Это сходство дало даже повод предположить, что фрески в храмах выполнялись мастерами одной школы" *(Монгайт,* 1966. С. 140). А.Л. Монгайт добавляет, что "наличие романского искусства в полоцких фресках особенно интересно и требует объяснения, если учесть грекофильские взгляды основательницы" (правильнее, игуменьи монастыря) *(Монгайт,* 1966. С. 141).

Фрески купола Евфросиниевской церкви. Как свидетельствуют новейшие исследования П.А. Раппопорта и Г.М. Штендера, купол собора при ремонте памятника в 1832 г. архитектором А. Портом не перекладывался, его фрески полностью сохранилась. А.П. Сапунов, описывая состояние храма в 1882 г., отмечал, что на куполе имеется изображение Пантократора с благословляющей рукой *(Сапунов,* 1888г. С. 20). И.И. Срезневский (1863. С. 62) привел находящуюся там надпись: монограмма Иисуса Христа и текст: ДОМОУ ТВОІЕМУ ПОДОБАІЕТ СВЯТЫ... И ВЪ ВЕ... ВЪЗДАНИИ ПОХВАЛИ ВЪ ВЕКЫ ПРЕБЫВАІЕТЪ ЧРЬНЬ ЦАРСТВА НИ ІЕГО МАЛО ВЪ...".

Как свидетельствует Селицкий (1992. С. 102), это одна из разновидностей традиционных подкупольных надписей, состоящих из двух частей. Первая ее половина - 6-й (5-й) стих 92-го псалма "Дому Твоему подобаетъ сияни, Господи, въ долготу дней". Текст второй взят, полагает А.А. Селицкий, из стихир или из канона.

Фрески главной апсиды и жертвенника. По мнению А.А. Селицкого, верхняя часть апсиды содержала "Евхаристию", в конхе было изображение Богородицы-Оранты. Второй ярус высотой около 2 м, был также занят "Евхаристией". Лопатки же подкупольных столбов содержали фигуры святых в рост, фронтально видны силуэты *(Селицкий,* 1992. С. 103). В ярусе под "Евхаристией" просматривается неколько композиций.

Наше особое внимание привлекают росписи стен, особенно интересна южная стена. Здесь поражает проникновенный лик монахини. Мученица с выражением много видевших и много познавших глаз. Стройно и спокойно, все понимая, она стоит перед нами, несколько даже мрачно взирая на мир, о котором знает все. Ее соседка - в той же позе. Она моложе, ее взгляд еще не потух и осмысливает жизнь, она углублена в себя... Третья мученица совсем молодая, она еще мало видела, она не углублена в себя, она еще созерцает мир в грустной думе. Четвертая мученица плохо сохранилась, видна лишь часть лица сравнительно молодой женщины с глазами, устремленными перед собой. В огромных ее глазах еще нет мысли, нет глубокой думы, они лишь печально созерцают то, что видеть нам не дано...

Техника живописи, столь поразившая нас на южной стене, "мало чем отличается от рассмотренных ранее, - пишут специалисты. При первом охрении тона красно-коричневая линия подготовительного рисунка усилилась в теневых местах темной охрой. Светлое охрение волос с добавлением зелени, белил и золотистой охры по подсыхающей штукатурке наносилось более толстым пастозным слоем, по сравнению с изображениями в апсиде, и поэтому в основном утрачено. У правой пары святых на завершающем этапе рисунок усиливался красно-коричневой линией, у левой сохранились линии подготовительного рисунка; конечного оконтуривания нет. Оконтуривающей линии между фоном и одеждами также нет. "Фон - рефть темно-синего цвета, сохранившаяся местами" *(Селицкий,* 1992. С. 129).

Молельня Евфросиши. Фрески этой молельни для нас особенно ценны и дороги. Мы представляем, сколько здесь возносилось ею коленопреклоненных молитв, как было сильно "намолено" все это место (как говорят православные)... Ясно, что Преподобной хотелось ежедневно видеть самые лучшие святые изображения, самые выдающиеся, самые "красивые". Те фрески, которые ей бы действительно нравились. Молельня Евфросинии представляет небольшой бесстолпный, крестообразный в плане храмик. Вблизи лестницы, ведущей в келью, располагалась узкая лежанка, на которой преподобная, по преданию, укрощала плоть в немногие часы ночного молитвенного отдохновения. В узкую щель она могла наблюдать за службой в храме. Барабана и купола келья не имела - все открывалось в храм. По открывшимся фрагментам росписи А.А. Селицкому удалось уловить порядок келейной росписи *(Селицкий,* 1992. С. 133-134, рис. 88).

Основное место в восточном рукаве было выделено для семифигурного поясного Деисуса: три фигуры на передней и по две на боковых стенах. "Лучше всего сохранилась фигура благославляющего Спаса" с Евангелием в руке. "Христос изображен на зеленовато-синем фоне в светлом гиматии и зеленом хитоне, фронтально, по пояс, с Евангелием светло-коричневого цвета в левой руке. Правой благославляет. Лицо Христа наполнено выражением духовной силы: значительные черты, крутой лоб и по-разному изогнутые брови, устремленный на зрителя взор больших глаз, впалые щеки. Суровый лик обрамлен пышными волосами синевато-серого цвета, разделенными на пряди светлыми линиями. Нимб золотисто-желтый, крестчатый, обведен белой линией, на правом и левом концах креста видны буквы. Гиматий разделан коричневыми линейными складками. Тщательно выполненный лик Христа исполнен в мягкой манере с помощью более тонких (относительно фресок апсиды) переходов от света к тени. По верхнему слою золотисто-желтой охры, положенной пастозно, коричнево-красными тонкими, четкими линиями очерчены детали лица. Притенения довольно интенсивные оливково-зеленого цвета, подбор

красок лаконичен; колористическая гамма строится на сочетании оливковых и охристых цветов..." *(Селицкий,* 1992. С. 132-133).

А.А. Селицкий, чувствуется, сам много времени провел в келье Евфросинии, проникаясь открывшейся ему живописью. Дадим же ему еще несколько важных строк: "Прекрасная живопись лика Христа, - пишет он, - строгая и возвышенная. Главный акцент приходится на большие выразительные глаза, очерченные тонкой линией. Ради достижения большей экспрессии мастер делает несколько асимметричное построение лица, что в первую очередь выражается в совершенно по-разному приподнятых и изогнутых бровях. Особенно выделена высоко поднятая крутая правая бровь, идущая непрерывной линией от основания носа и заканчивающаяся у наружного уголка глаза, как бы подчеркивая этим взгляд Христа, обращенный вправо на Богородицу..." *(Селицкий,* 1992. С. 133-135). Это описание очень детально, основательно и верно. Простим увлеченному автору, ранее писавшему об "устремленном на зрителя взоре", а теперь понявшему, что взор обращен направо к Богородице. Гораздо важнее другие наблюдения А.А. Селицкого.

Он уловил «некоторое стилистическое сходство живописи лика Христа с одной из манер росписи церкви Спаса на Нередице, которую В.К. Мясоедов характеризует как "пошиб очень утонченный, строгий и замечательно нежный по колориту, но слишком зализанный, может быть поставлен с наиболее шикарной константинопольской манерой того времени" (ссылка на: *Мясоедов,* 1925. С. 16)». Далее автор указывает на большой ряд сходных черт фресок Спасо-Нередицы и указанной росписи *(Селицкий,* 1992. С. 135). Автор стоит на очень правильном пути и, может быть, нашел ту нить, за которую можно вытянуть важнейшие сведения о том, к кому обращалась Евфросиния Полоцкая для написания той части фресок, которую хотела иметь перед глазами в своей молельне. Может быть, те две буллы, которые были найдены с ее именем и именем построенной ею церкви Спаса-Преображения, действительно крепились к ее прошению игумену о посылке в Полоцк наиболее выдающегося художника. Разыскание в этом направлении дало бы очень много для изучения полоцких фресок.

ВОПРОС О ДОМОНГОЛЬСКОЙ ШКОЛЕ ЖИВОПИСИ ПОЛОЦКА. Этот вопрос был поднят сразу, как только были раскрыты первые фрески в Спасо-Преображенской церкви, и решался он, естественно, на первых порах почти положительно, а вскоре и просто положительно. Так, Г.В. Штыхов, публикуя в популярном издании первые расчистки с прекрасным фотографическим воспроизведением, осторожно писал: "Некоторые исследователи высказали такую мысль: поскольку фрески Спасской церкви Евфросиниевского монастыря весьма близки фрескам расписанного в 1125 г. Антониевского монастыря в Новгороде, то они и выполнены новгородскими мастерами. Но достаточно более или менее вглядеться в полоцкие фрески, чтобы убедиться, что их авторы принадлежали не одной, а к разным школам древней живописи. Более чем вероятно (!), что в росписи церкви принимали участие и местные полоцкие мастера.

Выдающееся мастерство полоцких фресок отражает живопись как Новгорода, так и Киева, и связана с византийской традицией. Но это и высокое самобытное искусство древних земель Белоруссии" *(Штыхаў,* 1970. С. 32). С увлечением описывая полоцкие фрески, забывая, что в то раннее время не было портретной живописи, что лики святых писались по определенным канонам, он без обоснования сообщает, что на фреске северо-западного столба изображена сама Евфросиния *(Штыхаў,* 1970. С. 31). Через 8 лет он обоснует существование особой полоцкой живописной школы в XII в. таким ходом мысли: "Живописные школы обычно связаны с архитектурными (на чем основано это утверждение? *-Л.А.),* а наличие собственной архитектурной школы в Полоцке - факт доказанный" *(Штыхов,* 1978. С. 134).

Стремление доказать, что живописцы Евфросиниевской церкви были непременно местными мастерами, сквозит и у некоторых искусствоведов. Исходя из того, что на Руси в XI в. возникают отдельные школы живописи - новгородская, киевская и т.д., «не исключено, - заключает О.В. Терещатова, - (о это вечное бездоказательное, удобное "не исключено"!), что полоцкие мастера могли выучиться в одном из этих центров. Однако собственная манера письма, композиции, приемы, также колористическая гамма фресок Бельчицкого (кто ее видел? *—Л.А.)* и Евфросиниевского монастырей скорее свидетельствует о том, что полоцкая настенная роспись есть сплав византийско-киевских узоров с местными (откуда известны "местные"? *-Л.А.).* Уже это дает основание предполагать, что в Полоцке существовала самостоятельная школа искусства, которая в то время находилась на весьма высоком уровне» *(Церашчатава,* 1986. С. 4-8). Это поразительное очень сложное рассуждение при абсолютной голословности напоминает поверхностные выводы некоторых авторов, желающих заранее объявить существование белорусских школ мастеров в каменном зодчестве XI в. *(Загорульский,* 1993. С. 2), в ювелирном искусстве XII в. - крест Евфросинии 1161 г. *(Штыхов,* 1975. С. 16; 1978. С. 136; Жыватворны сімвал..., 1998. С. 222, 258, 259), о чем речь впереди.

Рецензируя книгу Э.М. Загорульского 1978 г. Вал. и Вас. Булкины справедливо писали: «существовала ли в Полоцке местная школа живописи, отвечавшая как стилистическое явление тем же требованиям, что и архитектурная школа? Пожалуй,

спешить с ее провозглашением не следует. Многие современные искусствоведы склонны, на наш взгляд, излишне часто пользоваться понятием "школа" по отношению к любому памятнику или группе произведений искусства, имеющих отчетливые признаки индивидуального своеобразия. Для определения местной художественной школы признак такого рода является необходимым, но явно недостаточным, ибо в этом случае фиксируется факт индивидуальной специфики произведения, но не принадлежность его к художественному целому более общего порядка, каковым и может быть школа как проявление историко-художественной закономерности на определенном (достаточно длительном) этапе исторической жизни» {*Булкины,* 1980. С. 187).

Выводы А.А. Селицкого, писавшего в другое время, много скромнее и основательнее, чем выводы Г.В. Штыхова и О.В. Терещатовой. А.А. Селицкий справедливо отмечает, что по художественному анализу полоцких фресок, их живопись отражает традиции древнерусского и византийского (правильнее византийского и древнерусского. - *Л.А.)* монументального искусства. Более ранние памятники тяготеют к византийско-киевским традициям. Бельчицкие храмы, росписи усыпальницы св. Георгия и храм Евфросинии обнаруживают, однако, и некоторые оригинальные черты. Автор полагает, что повышенная, как он думает, выразительность, усиление декоративного начала - все это ближе к Новгороду. Фрески Спасо-Евфросиниевской церкви "в своих тематических образах и композиционных решениях росписи, обладают признаками, выделяющими ее из ряда древнерусских памятников середины XII в. (Спасо-Преображенский собор в Пскове и Кирилловская церковь в Киеве) и сближают с фресками Антониевого монастыря в Новгороде" *(Селицкий,* 1992. С. 154-155).

Заканчивая этот краткий обзор белорусской живописи, следует указать, что фрески Спасо-Евфросиниевской церкви, над восстановлением которых с научным азартом и интенсивностью трудится замечательный белорусский реставратор В.В. Ракицкий, далеко еще полностью не раскрыты. Их изучение впереди. Самое выдающееся открытие, сделанное только что, - фреска при входе в келью Евфросинии. Она изображает женскую фигуру с храмом в руках - несомненный ктитор храма - Евфросиния Полоцкая, что имеет огромный интерес![23] Ждем публикации с нетерпением.

[23] По свидетельству специалистов, на алтарном своде и апсидах Коложской церкви в Гродно еще в 1870-х годах сохранялись фрески, но сделанные с них акварели "в архивах пока не найдены" *(Зверуго,* 1989. С. 181, 182). Фрески также были на стенах витебского Благовещения, в Борисоглебском храме Новогрудка, на ряде памятников Туровской земли *(Церашчатова,* 1986. С. 13, 52 и др.).

Смоленская живопись

Выше уже много говорилось о смоленской домонгольской архитектуре, по памятникам которой мы только и можем судить о смоленской живописи того времени. Мы видели, что в Смоленске было много домонгольских памятников, большая часть которых не сохранилась, а в тех, что дошли до наших дней, следов живописи почти не осталось.

ОСТАТКИ ФРЕСОК ХРАМА НА ПРОТОКЕ. Храм этот был монастырским, но находился не в селе под городом, как Евфросиниевский храм в Полоцке, а в самом городе и, следовательно, был рассчитан на совершенно другое количество молящихся, да и строился позднее - в конце XII - начале XIII в. О монастырской аскезе здесь речи не было - он был "зального" типа, четырехстолпный со сравнительно большим нартексом - "оглашенных", видимо, было еще много в Смоленске. Галереи, примыкавшие к нему с двух сторон, предназначались для погребения богатых прихожан. Словом, памятник был рассчитан не только на монастырскую братию, но и на других, среди которых выделялись, по-видимому, жертвователи обители...

В таком интерьере, "распахнутом" молящимся, служба шла по-монастырски медленно, в нем, несомненно, не было евфросиниевской истовости, когда молящиеся чуть ли не видели Христа или Богородицу - прямо здесь перед собой. .. Это - прекрасный монастырский собор с особым многоголосым монастырским торжественным пением...

Но общая судьба, мы видели, постигла и его. По его разрушении осталась громадная куча щебня, сохранившая до нас отдельные, иногда весьма крупные части стен с фресковой росписью.

Как мы помним, памятник раскапывался в 1867 г. учителем Смоленской мужской гимназии М.П. Полесским-Щепилой, относившимся к его изучению со всей тщательностью *(Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 300). По его свидетельству, фрески на столбах и стенах "сохраняли колорит красок совершенной свежести". Однако "фресковые изображения дозволяли любоваться собою весьма короткое время: от прикосновения с воздухом, от лучей летнего солнца фрески трескались, падали, разбиваясь в мусор, краски на орнаментах и лицах бледнели или быстро линяли, так что через несколько часов рисунки становились неузнаваемыми". И далее: "Непрочные недотроги-фрески обнажались только в определенное время, когда прибывший художник мог тотчас наложить на бумагу рисунок и колорит красок, по возможности подражая колориту древней живописи" *(Каргер,* 1964. С. 103). "Возможности" у художника были, по-видимому, невелики, и копии, которые делал А.М. Федотов, были далеки от древних оригиналов (См.: *Воронин,* 1977. Рис. 16, 17, 27-29, 34).

Если по свидетельству М.П. Полесского-Щепило, в его времена руины храма сохранялись до

сводов и хор (западная треть здания), то ко времени археологической экспедиции Н.Н. Воронина они достигали "значительной высоты", местами до трех метров, и росписи оставались лишь в нижних частях памятника. Смоленской живописи посвящена специальная монография Н.Н. Воронина (1977) с большим количеством прекрасно выполненных цветных фотографий и рисунков. Это освобождает нас от подробного описания росписей храма на Протоке и позволяет характеризовать их лишь в самом общем виде.

Что же было расписано и сохранилось исследователям?

«Наиболее значительные остатки живописи, - свидетельствует Н.Н. Воронин (1977. С. 18), - уцелели в жертвеннике (где стены храма сохранились на большую высоту). Это самый нижний ярус росписи. Внизу - идущий от пола очень эффектный пояс белых завес с желтыми складками и высокими и черными красными фигурами "процветших", "копьевидных" крестов. ... Выше, на высоте 1,60 м от пола, идут лицевые изображения».

На северной стене жертвенника - четыре поясные фигуры на синем фоне: две из них, как полагает автор, первомученики Стефан и Лаврентий. Третья женская фигура в красной одежде с "золотными" опястьями, вероятно, - Параскева Пятница. Рядом - архидьякон (?) в белых одеждах, молодой, безбородый.

В центре апсиды, за престолом - большая композиция, представляющая тему "моления или предстояния". На синем фоне фигура босого Христа в темно-синем плаще и желтом хитоне, восседающего на троне, и ряд других фигур. На южной стене жертвенника "счастливо сохранилось" поясное изображение святого Николая с надписью АГИОС НИКОЛА. Его фигура облачена в красно-коричневую одежду, омофор - с черными крестами. Левая рука держит желтое Евангелие с красным обрезом.

Надо сказать, что весь живописный ансамбль храма включал не только монументальную живопись, но и украшения в виде лицевых шитых пелен, а также и иконы алтарной преграды, сделанной явно из дерева, которое, естественно, до нас не дошло. Уникальная роспись просматривалась в западной плоскости юго-западного столба, где изображены были две крупные фигуры сидящих спинами друг к другу зверей, головы которых не сохранились. Это были львы или, скорее, грифоны. Рисунок сделан, по свидетельству исследователя, "черной и коричневой краской очень смелыми широкими линиями (и) хорошо передавал упругость и напряженность звериного тела" *{Воронин, 1911.* С. 22). Многие фрески изображали "драпировки" нарядной "тканью" с разнообразными узорами. "Роспись велась по хорошо выравненной штукатурке, по которой прографлены контуры кругов и их орнамента, а также прорезных крестов" *(Воронин,* 1977. С. 23). «Обилие текстильных мотивов в росписи храма на Протоке (завесы, надгробные "пелены") невольно приводят на память, - интересно заключает исследователь, - свидетельство Жития Авраамия Смоленского, который в своем монастыре богато украсил храм "иконами и завесами и свещми"» *{Воронин,* 1977. С. 43).

Остатки фресковой росписи были открыты и в аркосолиях галерей храма. Большой интерес представляют и фрагменты росписи, найденные при раскопках в кусках. Все это детально разобрано в указанной книге Н.Н. Воронина, к которой и отсылаю интересующихся.

СЛЕДЫ РОСПИСЕЙ НА ДРУГИХ СМОЛЕНСКИХ ХРАМАХ. *Церковь Петра и Павла (середина XII в.).* Среди остатков этой росписи удалось выделить несколько.

На западной поверхности крестовины северо-западного столба видны чередующиеся коричневые и зеленые горизонтальные полосы фрески, волною идущие по белому фону - струйчатый орнамент. Нижний ярус росписи, по-видимому, представлял сплошную панель полилитии. На откосе окна видны розетки.

Видны росписи галерей. При наличии в углах сводов, помещена композиция Страшного суда.

На южной стене просматривается орнамент, нижний его ряд особенно сложен. Второй ярус - роспись из арочных обрамлений, третий - трехцветная композиция: стоящий ангел и две фигуры на подножии из арочек. Это, по Н.П. Сычову, царь Константин и царица Елена.

Церковь на Малой Рачёвке росписи не сохранила.

Церковь в Перекопном переулке, исследована Д.А. Авдусиным, также не сохранила фресок.

Храм на Вознесенском холме был хорошо расписан. Его развитые архитектурные формы позвляют относить храм к середине XII в. «Лицевая стенка II (с запада) аркосолия южной стены, - описывает Н.Н. Воронин, - сохранила прекрасную роспись, имитирующую гробовой покров из дорогой узорчатой ткани. Роспись сделана на двойном слое грунта: видимо, гробница была первоначально просто заштукатурена слоем в 1,5 см, затем на этот сухой слой нанесен свежий грунт под роспись (толщиной 1,3 см). Узор при длине 1,90 м, по высоте сохранился до 16-62 см, состоит из больших прочерченных циркульной графьей кругов с двойным ободом. Фон зеленовато-черный, контур кругов - малахитово-зеленый, внутри обода - свободно написанные киноварные колечки: при мрачноватом колорите "пелены" красные колечки мерцают. В кругах изображены также зеленые парные птицы, по сторонам дерева сидящие на ветвях и клюющие его плоды. Участки между кругов заняты ярко-желтым, сверкающим, почти как золото, ажурным крестовидным узором, основные контуры которого частично намечены графьей» *(Воронин,* 1977. С. 110, рис. 60-62).

Выводы исследователя исключительно интересны. Мы видели, что А.А. Селицкий связывал

росписи Спасо-Евфросиниевской церкви с Новгородом (Антониев монастырь, росписи церкви Спаса-Нередицы и т.д). В Смоленской росписи храмов картина была иная: она тянула к Киеву. Уже М.К. Каргер писал о "чрезвычайном архаизме", который он тонко подметил в некоторых смоленских памятниках: реалистический прием декорировки стены "полилитией", к тому же в весьма разнообразных вариантах. А это "можно встретить лишь в фресковых росписях Киево-Софийского собора, раскрытых в результате наших археологических раскопок" *(Каргер,* 1964. С. 108). Не соглашаясь с "архаизмом" данного приема, Н.Н. Воронин (1977. С. 147) считает, что обращение к Киеву было нарочитым: князья смоленские "не раз занимали киевский престол и не будет смелым предположение, что, украшая свой Смоленск новыми храмами, они стремились повторить в их убранстве приемы главного собора на Руси". Для нас важно, что строители смоленских храмов, украшая их, обращались в Киев, в то время как художники, работавшие над полоцкими фресками, стремились к Новгороду[24].

Любопытно, что, судя по Троицкой летописи, княгиня Софья Витовтовна в 1398 г. везла из Москвы отцу многие дары - "иконы, окованные златом и серебром... еже бяху в Смоленске были давно принесены из Царягорода". Н.Н. Воронин не без основания полагает, что эти иконы были привезены в Смоленск при учреждении там в 1136 г. епископии *(Воронин,* 1977. С. 149).

Таковы наши сведения о росписи смоленских храмов. "Смоленск был богат монументальными росписями, которые имела почти каждая культовая постройка" *(Воронин,* 1977. С. 155).

В заключение скажем вместе с религиозным писателем: "Ни одно художественное явление не имело в России такого всеохватывающего значения, как икона, и никакой другой вид искусства не внес такой выдающийся вклад в церковную, культурную, государственную и повседневную жизнь, как иконопись!" *(Лепахин,* 2002. С. 212).

Декоративно-прикладное искусство

> В декоративном прикладном искусстве всегда наиболее свободно и непосредственно отражались глубинные народные представления о прекрасном как эстетическом и даже этическом выражении важнейших законов и норм жизни. А в наше время понятие народного далеко вышло за границы собственно крестьянского, приобрело всеобщий характер, отождествив само художественное с народным.
>
> *Г.К. Вагнер*

Потребность в постоянном совершенствовании - имманентный закон человеческого общества, как и всего живого. Частный случай этой потребности - тяга человека к прекрасному, на этом стремлении производственная деятельность человека, его ремесло, выросли и в бытовое декоративно-прикладное искусство. Уже с IX-X вв. у славян наметилось разделение искусства на бытовое и, как бы "высшее". В бытовом использовались самые обычные и простые материалы, доступные обработке каждому, требующие сравнительно небольших навыков и наибольших способностей. Естественно, здесь дольше удерживались народные формы с корнями, уходящими в родоплеменной строй. Однако вскоре появились и умельцы делать красивые вещи, производство которых требовало особых способностей.

На изучаемой нами Западнорусской земле стремление к эстетизму изделий восходит еще к эпохе славянских племен - кривичей, дреговичей и радимичей. "Самыми простыми (изделиями. - *Л.А.),* - пишет В.М. Василенко (1977. С. 211), - были кольца кривичей - легкие, тонкие, почти невесомые обручи из недорогого серебра, по-видимому, символы солнечного диска. ... Радимичи имели кольца, подобные сияющим звездам ... В них, несмотря на геометричность, чувствуется легкая пластичность, в целом такое кольцо смотрится, как красивый орнаментальный рисунок".

Если племенные, а затем деревенские изделия примитивны и о существовании производства на рынок говорить серьезно нельзя, то в городах, мы знаем, уже существовали настоящие ремесленники, главной деятельностью которых было производство на рынок как первоначально бытовых изделий, так вскоре и "высшего класса" изделий - вещей церковного обихода, тонко выработанных изделий из камня, металла, керамики, мозаичных панно и т.д. К ним и обратимся. Произведения искусства мы будем рассматривать вне зависимости от того, созданы ли они на наших землях, или на

[24] Н.Н. Воронин (1977. С. 155) не отрицает в смоленской живописи и новгородские черты.

стороне. Нам важен круг декоративно-прикладных изделий, которые вращались в домонгольское время в Западнорусских землях и воспитывали глаз местных жителей, развивая вкус и стремление к прекрасному. О кресте Богши говорилось.

Художественные изделия косторезов

Археологические раскопки ежегодно приносят десятки костяных, часто художественно выполненных изделий, пополняющих и расширяющих наши представления о понятиях, вкусах и мастерстве давно ушедших людей. Кость - один из излюбленных материалов прикладного искусства древности. Как показывают работы, посвященные специально косторезному делу древних славян и Киевской Руси, орнаментированная кость носит обычно примитивный характер, повторяя уже известные каноны орнаментирования гребней, плоских, к чему-то пришиваемых пластин, ручек ножей *(Изюмова,* 1949. С. 15-25; *Zurowski,* 1953; *Шовкопляс,* 1954, С. 27-32; *Hruby,* 1957. S. 118-217; *Ратич,* 1959 и др.). Тем интереснее находки, открывающие тонкое мастерство, высокий художественный вкус, широкий художественный кругозор их создателей.

Находки из Друцка. Друцк - один из древнейших городов Западнорусских земель, возникший в конце X - начале XI в. В нижних слоях этого центра на южных раскопах детинца была найдена замечательная костяная пластина, датированная нами при первой публикации первой половиной XII в. *(Алексеев,* 1966. С. 129). Теперь оказалось, что слои, где она залегала, относятся к концу XI в. (см.: *Алексеев,* 20026. С. 93). Пластина довольно толстая (1,5-2 мм), обломана с трех сторон и имеет сейчас вид трапеции с сохранившимся справа первоначальным краем. На поверхность нанесен орнамент, в основном, циркулем, точками, лишь в некоторых местах сделан по линейке и слагается из нескольких элементов: либо две небольшие концентрические окружности с точками в центре и между ними и треугольниками с кружками на них, либо три концентрических окружности, из которых одна очень мала, а две - большие, с тремя дугами и точками между первой и второй, либо, наконец, циркульные сплетения двух волнистых линий с розетками в середине с прибавлением тех же треугольников с кружочком (но с двумя точками). Весь орнамент выполнен не очень аккуратно, центры розеток циркульной плетенки не лежат строго на одной линии и т.д. Все это придает ему большую живописность. Особенностью является умышленная непараллельность линий циркульного плетения и правого бокового украшения, что не мешает, на наш взгляд, его художественному восприятию.

Циркульная плетенка на средней линии предмета известна как в древнерусском, так и в романском искусстве (использован в рисунке мозаичного пола гродненской Нижней церкви (Воронин датирует ее второй четвертью XII в.) - *Воронин,* 19546. С. 140, рис. 60), есть он в прикладном искусстве Европы XII-XIII вв. (шкатулка из церкви Ювеналия в Орвиедо (Испания, XII в. - *Holdschmidt, Weitzmann,* 1930. Tabl. XLIV, N 112), на рукояти ножа *(Hruby,* 1957. S. 129, tabl VI, la). Круглые розетки и орнаменты с треугольниками и кружками - по-видимому, изобретение данного костореза (некоторую аналогию см.: *Каргер,* 1958. Табл. XLVIII - средняя внизу). Назначение данной пластины, несомненно - налучье. Среди аналогичных пластин она уникальна, и в этом заключается ее интерес для науки.

В 1961 г. в Друцке была найдена еще одна уникальная пластина из кости, залегавшая близко к материку, но по стилю очень близкая к кочевническим пластинам XII-XIП вв. Это весьма тонкая нашивная пластина, орнаментированная поясками: верхний - широкая зигзагообразная линия, выполненная способом выемки треугольников, ниже - поясок гораздо более часто поставленных мелких треугольников. Нижние два пояска сохранились хуже (треугольники и кружочки). Половцы были в Друцке, мы знаем, в 1180 г. - они участвовали в нападении Ярослава и Игоря Святославича (героя "Слова о полку Игореве") на этот город (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 124). Возможно, именно тогда кочевническое налучье из стана врагов попало в осажденный город.

Еще одна художественно выполненная костяная пластина в виде кружка с орнаментами была выявлена при раскопках 1957 г. в слое, как можно понять, XIV-XV вв. (третий штык здесь сильно перемешан). Это небольшой зубчатый кружок (диаметром 62 мм) с пятью почти симметрично расположенными круглыми сквозными отверстиями, из которых центральное окружено орнаментом из девяти прочерченных кружков с точками в центре каждого. Внутри зубцов выбраны треугольники. По-видимому, это тоже накладка, металлическими заклепками прикреплявшаяся к чему-либо (сохранились отверстия от заклепок). Аналогии нам неизвестны, но отдаленно этот предмет напоминает костяной кружок с орнаментом и знаком Святослава из русского слоя Саркела-Белой Вежи X в. *(Артамонов,* 1958. С. 74, 76, рис. 49, 52).

Художественная кость из Мстиславля (рис. 31). В 1960 г. в Мстиславле нашей экспедицией были найдены уникальные костяные украшения колчана, столь редко и в таком количестве встречавшиеся в Северной и в Северо-Западной Руси. Обнаружены они были в раскопе VI, довольно близко расположенном от центра площадки детинца, к западу от нашей улицы № 3, в слое навоза и щепы, на котором лежат остатки сруба с дощатым полом, датируемого нами XIII в., и сами, по-видимому, тоже относятся к этому столетию. Всего обнаружено 6 пластин, все покрыты богатейшей орнаментаци-

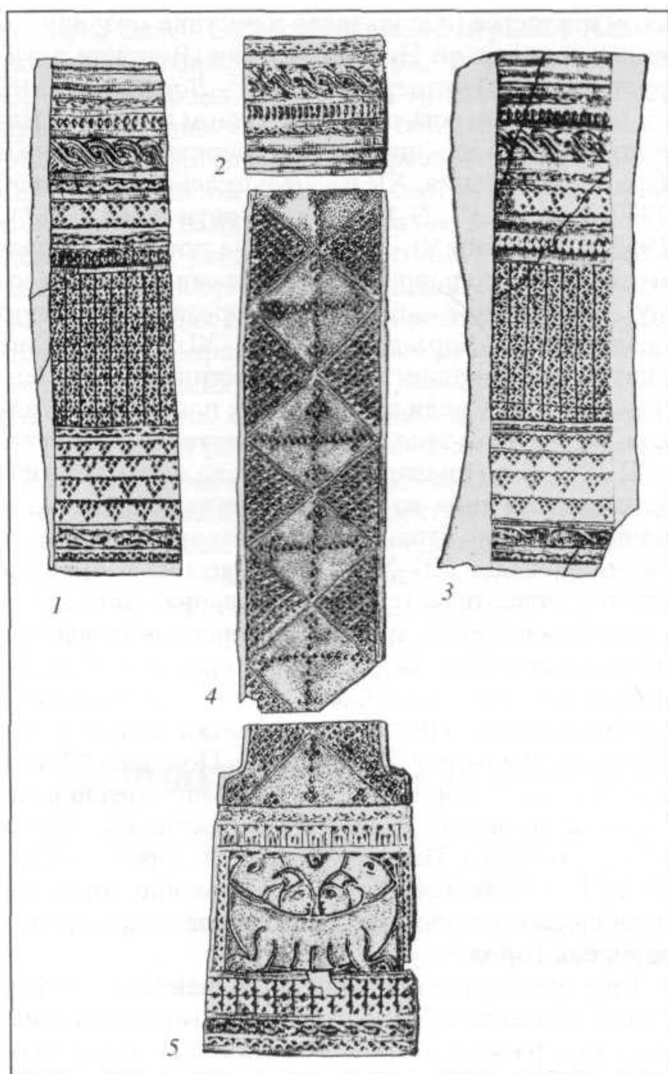

Рис. 31. Костяные накладки колчана из Мстиславля. XIII в. Раскопки автора

ей, свидетельствующей, что все они принадлежали одному и тому же колчану. По глубине залегания они распределяются следующим образом: первая пластина найдена на девятом штыке, вторая аналогично орнаментированная пластина - на седьмом, четыре пластины найдены в одном квадрате шестого штыка, что позволяет считать, что шестой штык был первоначальной дневной поверхностью всех шести украшений. В нашей давней работе *(Алексеев,* 1962. С. 197-204) мы детально исследовали эту замечательную находку, подробно описали ее резные орнаменты и нашли им художественные аналогии. Это освобождает нас от подробного описания всей проделанной некогда нашей работы, и мы остановимся лишь на главном, отсылая интересующихся к прежней статье и к тем рисункам, которые мы там приводим.

Как видно на схеме, орнамент пластин распадается на 19 элементов. Самой интересной пластиной является "центральная", вырезанная в форме лопатки, на которой изображено двуглавое чудовище с лапами, расходящимися в противоположные стороны. Обе головы его, повернутые внутрь, держат за шапки (фригийские колпаки?) две человеческие головы (может быть их лижут, или кусают), в свою очередь обращенные к центру композиции. Вся она обрамлена со всех сторон выпуклыми волнистыми линиями и небольшими пальметками - "триглификами", плетенкой и двумя поясками косых крестиков. В этом чудовище сильно чувствуется романское влияние, хотя в целом украшение колчана не только романское.

Три пластины украшены по-иному (рис. 31,*1-3).* У них совершенно одинаковый орнамент, первоначально они все были, видимо, нашиты вместе (одна пластина полностью не сохранилась) и составляли единый узор (описание его см.: *Алексеев,* 1962. С. 190). Еще одна пластина крайне мала и обломана по концам, орнаментирована зигзаговой полосой, образовавшейся способом выемки треугольников и ромбиков, что сближает ее с названными тремя пластинами.

Пятая пластина (рис. 31,4) совершенно не похожа по орнаментации на предыдущие четыре и по орнаменту явно составляет одно целое с первой пластиной.

Последняя накладка крайне мала и обломана по концам. Это узкая костяная пластина, орнаментированная вырезанными треугольниками с ромбами.

Такова сложная орнаментация пластин из Мстиславля. Двенадцать ее элементов можно разделить на две группы: "романскую" (две пластины) (рис. 31, *4,* 5) и "кочевническую" (остальные пластины). Аналогии им мной уже в свое время приводились: удалось собрать 17 опубликованных и неопубликованных колчанных пластин. Прямых аналогий мы не нашли, наиболее близкие - из кургана № 8 у с. Верхнее Погромное в раскопках В.П. Шилова (Пролейский район Волгоградской обл.), из станицы Усть-Быстрянская на берегу Северского Донца, из Пронска *{Алексеев,* 1962. С. 201 и ел.). Накладки из Верхнего Погромного перекликаются с нашими пластинами формой одной из них и "романизированными" изображениями некоторых животных, не встречающихся на других пластинах. Усть-быстрянские близки к мстиславльским "кружевным" орнаментам. Этот же орнамент есть на пластине из кургана у с. Мертвецкого Оренбургской губернии, где сходны с нашими и другие орнаменты. Все эти кочевнические пластины между собой значительно ближе, однако, походят и на мстиславльские.

Двуглавый "дракон" мстиславльских пластин выполнен не техникой выемки фона, а прорезью контура. Эта же техника применена и в пятой пластине (рис. 31, 5), и ничего общего с техникой остальных четырех пластин та и другая не имеют. Орнаменты этих двух пластин значительно ближе к древнерусским и романским (аналогии см.: *Алек-*

сеев, 1962. С. 203). Орнамент второй пластины служит продолжением украшения "романской" пластины. Сорок лет назад, впервые публикуя наши находки, мне казалось, что пластины были сделаны двумя различными мастерами, один работал в кочевнической манере, другой — в романской {*Алексеев,* 1962. С. 200). Сейчас мы, пожалуй, сможем уточнить это предположение. Все пластины найдены в близких квадратах шестого раскопа. Большинство из них, к тому же, происходят с шестого штыка и лишь две провалились ниже. Ясно, что все они происходят из когда-то существовавшей здесь, по-видимому, кожевенной мастерской (обломков и обрезков кости здесь не встречено, зато в изобилии найдены обрезки кожи). Не приходится сомневаться, что сюда в мастерскую кожевника кто-то из богатых дружинников князя принес заказанные ранее костяные пластины и просил кожевника сделать ему колчан для стрел, украсив его костью. По каким-то причинам мастер сделать этого заказа не успел, наступили крутые времена, и мастерская кожевника была разрушена. Заказчик, желавший получить колчан, ходил в походы на кочевников и, может быть, в западные страны, видел колчаны противника или владел ими и решил новое изделие украсить в двойной манере. Так приблизительно, нам кажется, следует толковать нашу находку. Круг аналогий ее резных украшений нами уже освещался, все они уходят в XII и XIII вв., чем и следует руководствоваться, датируя мстиславльский колчан (*Алексеев,* 1962. С. 202-204, рис. 4 и 5).

Костяная накладка из Минска, залегавшая в слое 80-х годов XIII - начала XIV в., имеет форму удлиненного четырехугольника и также является накладкой колчана кочевнического типа (*Загорульский,* 1982. С. 222, табл. XVI, 3). Нашедший ее при раскопках Минска В.Р. Тарасенко (1957а. С. 242, 243, рис. 44), мало осведомленный в подобных вещах, определил ее как "накладку меча или кинжала" (!), не дав более никаких разъяснений. Детально предмет изучен автором этих строк (*Алексеев,* 1962. С. 205), отмечавшим, что "подобно пластинам из Мстиславля минская пластина также орнаментирована по всей плоскости. Как и там, ее поле распадается на три части: нижнюю, где преобладают выпуклые зигзаги, волны и пояски ромбиков, столь характерные для орнаментации кочевнических колчанов; среднюю, с характерной для кочевников волютообразной спиралью, и верхнюю, с теми же присущими кочевникам ромбиками и зигзагами, образующими сверху и снизу поле довольно крупных русско-романских лепесткообразных косых крестиков". Я отмечал также, что минская пластина имеет намного больше, по сравнению с мстиславльскими, кочевнических черт. Она грубее и проще, центром ее является типично кочевническая спираль, а «единственный русско-романский орнамент, который лишь частично ее "уравновешивает", сдвинут в сторону» как несущественный. Ближе к кочевническим и размеры минской пластины (их длина - 18-21 см).

Итак, ряд пластин Друцка, Мстиславля и Минска свидетельствуют о существовании в Западнорусских землях каких-то южнорусских кочевнических традиций. Действительно, древнерусские летописи постоянно упоминают совместные походы русских и кочевнических войск на далекий север и запад. В Западнорусских землях, например, вблизи Полоцка в Стрежеве побывали торки (1128 г.; ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 292), под Пинском и на левобережье Припяти в 1158 г. - берендеи (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 491), а через два года под Минском снова появляются торки (ПСРЛ, 1962. Т. 2. Стб. 505) и т.д. Проникновение кочевников в Западнорусские земли подтверждено и топонимически (*Алексеев,* 1962. С. 205, примеч. 35): Половченки Полоцкого у., д. Торково Люцинского у., Торхово Витебской губ.; Торково Игуменского у. Минской губ. и т.д. О таком проникновении свидетельствуют и некоторые археологические находки - в Браславе, например, в наших раскопках найдены кочевнические удила без перегиба (*Алексеев,* 1960. С. 99, рис. 46,*14;* 1966. С. 235, рис. 69,2) и т.д. В Западнорусских землях видели военные соединения кочевников.

Художественная кость из древнего Гродно. Центр Гродненского княжества лежал вблизи огромного массива лесов, где водилось много дикого зверя и возможности охоты на него были самые широкие. Самым распространенным животным, на которых охотились, был благородный олень, сохранившийся ныне лишь в Беловежской пуще. По свидетельству В.И. Цалкина, изучавшего костный материал из раскопок, "благородный олень, населявший запад Белоруссии, в XII-XV вв., был значительно крупнее современного среднеевропейского" (*Воронин,* 19546. С. 226). Не приходится удивляться, что костная ткань рогов этого животного представляла большие возможности для косторезного дела и, в частности, для декоративного ремесла.

В самом деле, Н.Н. Воронин писал: "По обилию и разнообразию находок после гончарного дела первое место занимает косторезное ремесло. Оно представлено многочисленными заготовками, недоделанными бракованными изделиями, отходами производства. Несомненно, в крепости работал один или несколько ремесленников-косторезов. Их изделия очень разнообразны. Они изготовляли как примитивные вещи из метокарпальных костей или клыков кабана ... грубовато обработанные иглы для шитья, простые гребни, так и тонкие художественные вещи. Таковы обкладки для рукоятей ножей, луков, снаряжения для сбруи. Особенно замечательны, - продолжает автор, - тонкие большие круглые или треугольные с полукруглым вырезом пластины с зубчатыми краями и глазковым орнаментом..." (*Воронин,* 19546. С. 170, 171). На приво-

димых исследователем иллюстрациях мы видим костяные пластины для колчанов со скупым, по сравнению с пластинами Друцка и Мстиславля того же назначения, орнаментом в виде тонких прорезанных кружочков, с таким же орнаментом и т.д. "Резьба, полировка, орнаментика исполнены с большой тщательностью, - отмечает исследователь, - и обнаруживают удивительную тонкость руки и художественное чутье мастера. В этом отношении замечательна ромбообразная прорезная пластинка с фигурой зверя, мастерски обобщенной и вписанной в квадрифолий" *(Воронин,* 1954б. С. 173). Автор справедливо отмечает, что образцом для таких художественных поделок служили украшения из литого металла *(Воронин,* 1954б. С. 173). Есть и другие пластины с более примитивным орнаментом.

Художественная кость Волковыска. Обилие лесов вокруг Волковыска, близость Беловежской пущи - все это давало возможность охоты на крупного зверя, чем волковыские жители не применули воспользоваться. По свидетельству Я.Г. Зверуги (1975. С. 93), анализ костей диких животных показал, что более всего жители Волковыска охотились на зубра, затем лося и благородного оленя. В результате, как и в Гродно, косторезное ремесло здесь было очень развито. "Изделия из кости и рога, обнаруженные в Волковыске, - свидетельствует исследователь, - многочисленны и разнообразны от примитивных проколок до уникальных высокохудожественных изделий" *(Зверуго,* 1975. С. 51). Это 59 гребней, из которых 48 двусторонние и 2 односторонние (т.е. более ранние). Некоторые гребни примитивно украшались зигзагообразными линиями, плетенкой, циркульным орнаментом *(Зверуго,* 1975. Рис. 16). Была найдена костяная "лжица" для причастия и т.д. "Среди костяных изделий Волковыска есть вещи, которые по художественным достоинствам, мастерству отделки можно отнести к лучшим образцам древнерусского косторезного искусства", - пишет автор раскопок *(Зверуго,* 1975. С. 57). И он, безусловно, прав.

Выдающимся произведением является тончайшей работы *копоушка,* найденная на Замчище в слое XII в., подобная происходит из Новогрудка. Рисунка автор не публикует. Крайне интересна *шахматная ладья* из кости: "укреплена на круглой ножке с прямоугольной подставкой, часть ладьи обломана. На палубе судна - фигурки воинов: одна на носу и две посередине у бортов. На корме также была фигурка. Хорошо сохранились воины у бортов: они безбородые и безусые, длинные прямые волосы покрыты небольшими плоскими шапочками. На бортах ладьи повешены щиты миндалевидной формы. Такие щиты были распространены, - считает автор, ссылаясь на работу А.В. Арциховского (1948. С. 438), в Европе до XIII в." *(Зверуго,* 1975. С. 57). Найдена была еще одна художественно выполненная шахматная фигурка - пешка, изображающая воина-барабанщика, напоминающая воинов, вырезанных на ладье.

Замечательная *костяная головка льва,* пожирающего человека, была обнаружена при раскопках В.Р. Тарасенко и Г.И. Пеха *(Тарасенко,* 1957б. С. 277, рис. 12), однако она была плохо понята, и значение ее ускользнуло от автора, уделившего ей маленький абзац. В.Р. Тарасенко писал: «Из предметов прикладного искусства следует назвать навершие меча с изображением головы дьявола, проглатывающего старца, а с обратной стороны, видимо, владетельной особы "на столе"». Далее сообщалось, что это "тонкая художественная резьба по кости" *(Тарасенко,* 1957б. С. 278).

По счастью, на предмет обратил внимание В.П. Даркевич, детально изучивший изделие, давший его квалифицированное описание, нашедший аналогии, датировавший и определивший в общих чертах его назначение. Указав, что это "уникальное костяное навершие, которое можно отнести к числу лучших произведений западноевропейской резной кости XII - начала XIII в.", ученый дал его квалифицированное описание: "Навершие оформлено в виде вырезанной из моржовой кости скульптурной головы льва... Сквозь голову проходит круглое отверстие ... Резчик придал льву свирепый, устрашающий вид. В его облике, особенно при взгляде анфас, явственно проступают черты какого-то демонического существа ... В раскрытой пасти лев держит человека, которого готовится проглотить. В последнем тщетном усилии, упираясь согнутыми ногами в львиную морду, человек пытается вырваться. Это пожилой мужчина с длинными, опущенными книзу усами и ровно подстриженной, заштрихованной бородой ... Мужчина одет в рубаху до колен ... Подол окаймляет полоса ткани с жемчуженным орнаментом, характерным для западноевропейской резной кости XII в. На ногах мужчины мягкая остроносая обувь. Этот нарядный костюм был характерен для аристократических кругов Запада в XI-XII вв. (Франция, Германия, Англия и др.)" *(Даркевич,* 1963. С. 105).

В.П. Даркевич (1963. С. 105) рассматривает далее изображение обратной стороны головы льва. Здесь - сидящий на троне феодальный правитель, точная копия того, кого поедает лев, т.е., как, по-видимому, справедливо, предполагает ученый, это одно лицо в разные периоды его жизни - от падения до восхождения на феодальный трон, мысль очень интересна! К тому же, судя по аналогиям, (например, "стул из Зальцбурга" с подобными украшениями), перед нами навершие средневекового кресла с костяными резными украшениями, характерными для западноевропейского романского искусства, какими-то судьбами попавшего в Волковыск. К сожалению, стратиграфия раскопок В.Р. Тарасенко очень неясна и мы можем датировать предмет лишь исходя из стилевых аналогий, которыми и пользуется В.П. Даркевич (1963.

С. 108) - львиная головка из моржовой кости из Айхштетта (Южная Германия, XII в.), также из Ноннерберга в Зальцбурге - навершия сидения 1242 г. Иносказательность данного навершия из Волковыска могла быть и следующей. Кто-то заказал выдающемуся мастеру украшения для кресла, которое намеревался подарить владетельному лицу. Данное украшение отражало жизнь последнего - от униженного положения, когда его чуть не пожрал дьявол, до возвышения его, когда он был возведен на трон. Более философски трактует эти изображения В.П. Даркевич (1963. С. 108): он предполагает, что они могли иллюстрировать христианскую мысль о тщете всего мирского, как бы ни был человек знатен, его всегда подстерегает ад. Нам представляется наше толкование более соответствующим истине. Правда, оно более светское, и тогда кресло не могло принадлежать духовному лицу. Автор заключает, что предмет происходит из южной Германии второй половины ХП-начала XIII в.

В Волковыске, также как в ряде других городов Западнорусских земель, найдена тончайшей работы резная кость, сделанная из костной ткани рога лося (!). Предназначена она, несомненно, для украшения колчана и сильно напоминает украшения из кости колчанов кочевников. На штрихованном поле - скачущее фантастическое животное, олененок, и скачущий куда-то олень, между ними - примитивное изображение собаки с высунутым языком. Все это, несомненно, изображает охоту на оленей. Кусок точно такой же пластины, также с изображением олененка и морды еще одного животного (собака?) мы видим еще на двух пластинах от того же колчана *(Зверуго,* 1975. С. 56, рис. 18, *7-9).* К сожалению, условия находки почти не описаны, и мы вынуждены верить автору на слово, что это из слоя XII в.

Упомянем, наконец, еще одну шахматную фигурку - "музыканта", играющего на барабане. По рисунку трудно судить о мастерстве резчика, но Я.Г. Зверуго (1975. рис. 19, 7) полагает, что это пешка из того же набора, что и ладья, что, конечно, возможно.

Художественная кость из Турово-Пинской земли. Исходя из раскопок, охота в Туровской земле занимала меньшее место, чем в Гродненщине. Предпочиталась охота на кабана (27,6% костей диких животных из Турова), лося (18%) и т.д. Косторезным делом, художественной костью здесь, как будто, занимались меньше, находки этого рода редки.

В Турове найдены костяные пластины, украшенные резной волной, прорезанной решеткой, с изображением животного, однако, они напоминают украшения для колчана, а также пластины, сплошь украшенные кружочками с точками в центре, ручки ножей с затейливым орнаментом *(Лысенко,* 1974. Рис. 10, *//, 14, 18;* 11, *26* и др.; 1999. Рис. 56, *1;* 57, *16, 19, 31).*

Костные остатки в раскопках Пинска дают несколько иную картину. Наиболее частой охотничьей добычей здесь был лось, а затем кабан. Художественно обработанная кость здесь фрагментарна, и она мало интересна, хотя, как и в Турове, несомненно, существовала.

"Черная Русь' также изобиловала лесами, косторезное дело и особенно интересующее нас художественно-косторезное дело в Новогрудке сильно развиты не были. "Продукция новогрудских косторезов, - сообщает автор раскопок в Новгрудке Ф.Д. Гуревич, - была предназначена исключительно для хозяйственных надобностей, косторезы Новогрудка конца X-XI вв. не могли состязаться с резчиками по кости других поселений и городов как в древней Руси, так и за пределами" *(Гуревич,* 1981. С. 142). Лишь в Новогрудке она зафиксировала увеличение в три раза находок обломков кости и рога, заготовок вещей, целых предметов, что она связывала с переходом домашнего производства в область ремесла. "Развитию косторезного ремесла в ХП-ХШ вв., - считала она, - способствовал расцвет этой отрасли на территории Белоруссии... Однако новогрудские косторезы не достигают тех высот художественного мастерства, которые свойственны в это время ремесленникам других городов Белоруссии: Минска, Мстиславля, Друцка, Лукомля, Гродно, Турова и Волковыска, откуда происходят резные пластины для колчанов, нарядно орнаментированные рукояти и иные превосходные вещи" *(Гуревич,* 1981. С. 143, 144). Единственной яркой уникальной находкой, вырезанной из кости, найденной в Новогрудке следует считать уховертку с изображением музыканта, играющего на псалтири - струнном музыкальном инструменте. Предмет происходит с Окольного города, где он лежал внутри расчищенных остатков богатого деревянного дома из слоя XII в. *(Гуревич,* 1965. С. 276-281). Любопытно, что похожий музыкант, безбородый и безусый, играющий на инструменте в виде барабана, представляет шахматная фигурка из кости, найденная В.Р. Тарасенко на городище Шведская гора в Волковыске (19576. С. 278, рис. 14), о чем мы говорили.

В Полоцке, экономическом центре, где, казалось бы, должно было быть развито производство художественной резьбы по кости, остатки такой продукции встречаются, но все же не в том количестве, как это можно предположить. Причина этого, возможно, в том, что основные раскопки производились на детинце, где ремесленников было немного, на посаде же до сих пор исследована малая его площадь, а именно там и должны были жить ремесленники-косторезы. И действительно: если полоцкий детинец дал всего две-три орнаментированных кости, то на посаде при небольших раскопках их найдено много больше. На детинце обнаружены костяная пластина с изображением "дракона" (XIII в.) в виде собачьей головы и открытой зу-

бастой пастью (Очерки... 1972. С. 181; *Штыхов,* 1975. С. 114, рис. 59), костяная рукоятка ножа с примитивным нарезным орнаментом *(Штыхов,* 1975. С. 94, рис. 49). На Великом посаде выявлено больше резных художественных изделий из кости: здесь части хорошо орнаментированного гребня, датируемые, по мнению автора, XI в. *(Тарасаў,* 1998. Рис. 63, *1),* орнаментированный односторонний гребень XI в. *(Тарасаў,* 1998. Рис. 63, *8),* орнаментированные двусторонние трапециевидные гребни XIII в. *(Тарасаў,* 1998. Рис. 83, *11, 13),* уникальная костяная литейная форма для орнаментированных шариков (?) XII-XIП вв., орнаментированная рукоять ножа, аналогичная найденной нами в Мстиславле. Датировки даю по немецкой публикации автора *(Jarasov,* 1990/91. S. 146, Abb. 2) и т.д.

Художественные изделия ювелиров

Искусство ювелиров-художников, как мы знаем, много сложнее искусства косторезов, получавших материал для своих изделий - кость - в окрестных лесах. Материал, с которым работали ювелиры, большей частью был привозным - золото, серебро (выплавка арабской монеты), медь - требовал, кроме умения художника, еще и больших побочных знаний - по термической обработке металла, его пайке и т.д., по обработке камня, глины, изготовлению каменных и глиняных форм. Все это детально изучено Б.А. Рыбаковым (1948. С. 237-341). Таким образом, на нашу долю падает рассмотреть те художественные ювелирные изделия, которые окружали население Западнорусских земель, хотя далеко не всегда ясно, произведены ли эти изделия на этой территории или являются привозными.

Не приходится сомневаться в том, что местное ювелирное дело в наших землях существовало, что подтверждается большим количеством орудий ювелирного труда, встречаемых при раскопках в городах. В Полоцке, например, найдена 21 сланцевая литейная форма (целиком или во фрагментах), в них отливали трехбусинные подвески, крестики, пуговицы, перстни. "Некоторые формы выполнены, по свидетельству Г.В. Штыхова (1978. С. 107), с такой тщательностью, что сами по себе являются замечательными образцами прикладного искусства". В Минске свидетельств о местном ювелирном деле значительно меньше, и это, мы думаем, не результат "статистической недостаточности ... материала из раскопок", как полагает Э.М. Загорульский (1982. С. 281) - находки такого рода в Друцке, почти равновеликом Минску, тоже немногочисленны, - а в социальной значимости этих городов. В Друцке, где часто попадаются тигельки, как и в Минске, найдена лишь одна литейная форма для отливки художественных бусин. Не следует забывать, конечно, что литейные формы могли быть глиняными для одной лишь отливки модели и далее утрачивались, каменные же формы берегли, их труднее было сломать. Таким образом, о литейном производстве вообще на каждом памятнике, где оно было, свидетельствуют, прежде всего, находки тиглей, льячек. О ювелирном производстве, "механической" обработке изделий свидетельствуют находки инструментов, например, пинцетов в Минске *(Загорульский,* 1982. Табл. I, № 2-5), молоточков, литейных формочек, тиглей в Друцке *(Алексеев,* 1966. С. 127, рис. 22).

Из выдающихся ювелирных изделий назовем кусочек перегородчатой эмали, найденный при раскопках Полоцка в 1962 г. и, возможно, показывающий, что эта техника была известна полоцким ювелирам: "На крошечном кусочке золотого изделия помещались свыше десятка тонких золотых ленточек шириной в полмиллиметра, припаянных ребром к поверхности и образующих орнамент в виде крестиков и кружочков. Эти фигурки величиной менее миллиметра заполнены эмалью трех ярких цветов - синим, белым и красным" *(Штыхов,* 1978. С. 155).

В Друцке при наших раскопках был найден великолепный серебряный пластинчатый браслет со сканью, попавший туда, очевидно, из Киева. Абсолютная аналогия этому уникальному изделию была обнаружена И.А. Хойновским (1896. Табл. XI, 694) на городище княжая Гора под Киевом (Родня). Друцкий браслет найден в западной части детинца, где был расположен княжеский терем *(Алексеев,* 20026. С. 88, рис. 3, 7), правда, в переотложенном виде (в более позднем слое), сам же предмет следует датировать, по-видимому, XП-XШ вв. Другой высокохудожественный предмет - серебряный колт с припаянными внизу серебряными проволочными полуколечками, найденный на центральной площадке детинца в слое второй половины XI - начала XII в. В северной части раскопа, вблизи еще незамощенной улицы № 3, у материка детинца была найдена бронзовая застежка гривны с выбитым на ней тончайшим зигзагообразным узором, которую по близости к материку и по типу следует датировать XI в. Редкой величины (3,5 х 2,4 см) серебряная бусина с зернью найдена в южной части друцкого детинца, у самого материка (начало XI в.). Как мы помним, по нашей гипотезе там жили княжеские ремесленники. Там же в слое пожарища 1116 г. найдена бронзовая подвеска с "зернью", такая же, но отлитая, по-видимому, в другой форме, найдена в западной части центральной площади детинца, вблизи княжеского двора *(Алексеев,* 1966. С. 162, рис. 37,*15,16).* Еще одна находка - хорошо и тщательно выделанная в восковой модели и отлитая из меди, вероятно, в каменной форме, подвеска-медальон с плоским мальтийским крестом, очерченным выпуклым валиком по контуру. Крест

расположен на фоне вертикально-горизонтальной клетчатой штриховки (с боков) и косой клетчатой штриховки (сверху и снизу). Сама подвеска круглая, по ее контуру идет "шариковый" орнамент *(Алексеев,* 1966. С. 163, рис. 37, *17).* Замечательная форма для отливок именно таких медальонов обнаружена в 1974 г. на территории Полянского городища в Нижнем Поволжье эпохи Золотой Орды. "На одной трапециевидной плоскости (формы. - *Л.А.)* в центре нижней части вырезано ложе для отливки круглого медальона (диаметр - 34 мм). В медальон вписана фигура мальтийского креста с точкой-ямкой посередине. Край медальона украшен двумя поясками точечных вдавлений. Свободное пространство медальона между лопастями креста покрыто орнаментом в виде косой плетенки", - описывает форму М.М. Крымина (1977. С. 249). Как видим, "канон", по которому делали форму для этого рода медальонов, полностью соблюден в обоих случаях. Однако на золотоордынской форме плетенка единообразна, в отличие от Друцкой, где два вида плетенки, золотоордынский медальон украшен по краю двумя "точечными" полосами, у нас - одной (мы назвали ее "шариковый орнамент", так как имели отливку). По находке формы можно предположить, что эти украшения поступали из Золотой Орды, где их вырабатывали русские пленные (М.Д. Полубояринова).

К друцким находкам относятся литые "накладки на поясной ремень (?)"[25] из бронзы с змеевиком на лицевой стороне, попавшие туда из Золотой Орды *[Алексеев,* 20026. Рис. 3, 2, *3).* Подобные украшения происходят из Красного Яра (Сокровища... 2000. С. 151). Датируются эти изделия, судя по указанному изданию, XIII в.

Как можно понять по изданиям *(Тарасенко,* 1957а; *Загорульский,* 1982), во время многолетних раскопок минского детинца художественных ювелирных изделий найдено не так много. Помимо энколпионов, о которых мы говорили, здесь найде» лишь один серебряный колт с кружевной "обнизью" и один оловянный *(Загорульский,* 1982. Табл. XVII, 7, 2). К сожалению, мелкое их воспроизведение не дает возможности их детально изучить. В раскопках В.Р. Тарасенко в Минске был найден бронзовый подсвечник, несомненно, тонкой западноевропейской работы *(Загорулъский,* 1982. С. 285, рис. 187).

Новогрудок, как показали раскопки Ф.Д. Гуревич (1981), - чрезвычайно богатый, своеобразный город, связанный со многими иностранными центрами, обладавший своими ювелирными мастерскими, и совершенно не понятно, что именно здесь почти не найдено высокохудожественных изделий ювелиров. Есть лишь чашечка от подсвечника, который мог быть таким же, как и найденный в Минске, бронзовая чаша без украшений, несколько орнаментированных перстней *(Гуревич,* 1981. С. 105, рис. 82; С. 113, рис. 90, *2,* 7, *9)* и др.

Гродненский детинец (Верхний Замок) изобиловал археологическими находками и, в частности, художественными ювелирными изделиями, найденными при раскопках И.И. Иодковского, З.Д. Дурчевского и Н.Н. Воронина. Как мы знаем, там было много найдено литейных форм, указывающих на собственное ювелирное ремесло, а его продукция, как мы говорили, ценилась в Западнорусских землях.

Что касается художественных предметов с перегородчатой эмалью, то они должны нас особенно интересовать, ведь Евфросиния Полоцкая в 1150-х годах заказала из ряда вон выходящий крест, о чем мы уже говорили. В нем было вмонтировано много изображений святых, сделанных в этой технике. На территории Белоруссии в настоящее время найдено 6 предметов, сделанных в этой технике *(Кош-ман,* 2001. С. 131). Это: 1) крест Евфросинии Полоцкой (ок. 1161 г.); 2) "фрагмент изделия с орнаментом" (Полоцк); 3) подвеска из Новогрудка; 4) два колта из Вищина; 5) "вставка из Капланцев".

Вопрос о том, где работал мастер Богша, в Белоруссии даже не ставится, и обсуждению не подлежит. Наиболее сильный аргумент такой: "Большинство (!) исследователей признают тот факт, что крест Евфросинии Полоцкой мог быть изготовлен *только* в Полоцке и под наблюдением самой игуменьи Спасского монастыря". В. Орлов даже наивно предположил, что сама Евфросиния могла быть автором эскиза святыни и сделанной на ней надписи (Жыватворны симвал..., 1998. С. 173; *Кошман,* 2001. С. 131). Чего стоят такие заключения, которые опираются на "большинство исследователей", например, писателя-журналиста В.А. Орлова, который, будучи автором-составителем издания, посвященного кресту Евфросинии Полоцкой, столь же наивно полностью умолчал о замечательном исследовании крупнейшего нашего специалиста Т.И. Макаровой, где детально приведены доказательства того, что мастерская Лазаря Богши была не в Полоцке, а в Киеве. Из нее выходили самые лучшие ювелирные изделия с перегородчатыми эмалями, и самым выдающимся таким изделием Киевской Руси, не знавшим себе равных, был крест, заказанный Богше Евфросинией.

Художественные изделия камнерезов

"Произведения древнерусской мелкой пластики из камня являются древнейшими из всех миниатюрных рельефных изображений, выполненных из кости, дерева, рога, перламутра, глины или сделанных из стекла и всякого рода смол (литики) ... На них представлены самые ранние иконографи-

[25] Вполне вероятно, что это - часть парадной сбруи.

ческие сюжеты и лицевые изображения, которые отражают развитие стиля и разнообразие художественных приемов обработки камня. Этим произведениям придавалась и определенная символика, связанная с древними идеологическими воззрениями и суевериями, раскрытие которых обогащает наши знания о духовной культуре средневековья", - этими замечательными словами начинает свою капитальную книгу о мелкой пластике из камня выдающийся специалист в этой области Т.В. Николаева (1983. С. 5). Важно, что каждое произведение этого тонкого искусства резалось резчиками по камню всегда индивидуально, и будь то каменная литейная форма, настенный рельеф, маленькая иконка, - они никогда друг друга не повторяли, не являлись предметами массового ремесла, а это дает богатейшие возможности для изучения искусства каждого отдельного мастера, степени его мастерства и т.д. Мастер должен владеть искусством камнереза, быть художественно одаренным, грамотным, знатоком в ряде случаев религиозных текстов, канонов изображения, ясно, что такие люди встречались нечасто, а значит, произведения, которые они изготавливали, стоили дорого и доступны были далеко не всем. Нечасто находки этих изделий встречаются и в Западнорусские землях.

Исследовательница кропотливо собрала материал по мелкой каменной художественной пластике древней Руси (всего 376 предметов) и выделила в особую группу западнорусские каменные иконки - находки в Полоцке, Витебске, Минске, Новогрудке, Пинске, Смоленске, куда включила Волынь и Червень. "Западнорусская группа, - указывала она, - представлена немногочисленными, но очень характерными произведениями мелкой пластики из камня, свидетельствующими о местных центрах художественного ремесла" *(Николаева,* 1983. С. 42).

Самой замечательной оказалась каменная иконка, найденная Г.В. Штыховым в раскопках Полоцка в 1967 г. на Верхнем Замке *(Штыхов,* 1975. С. 111-114). Автор раскопок, издавая ее, отмечает, что сделана она, как свидетельствуют специалисты-геологи, из крайне мягкого материала -тонкодисперсной глины, неизвестной Белоруссии (О.В. Банк полагала, и, по-видимому, верно, что из камня - стеатита; *Штыхов,* 1975. С. 111), т.е. минерала плотный тальк. На иконке размером 62 х 44 мм изображены Константин и Елена, "держащие в руках восьмиконечный крест с косой нижней перекладиной. Характерны тяжелые статичные лица изображенных, условно декоративная разделка одежд скругленными сдвоенными линиями, образующими крупные складки. Фигуры статичны и изображены в фас. На головах короны не византийского, а западноевропейского типа. В таких коронах обычно изображали германских императоров. Все эти особенности сближают полоцкую иконку с романской пластикой", - пишет Т.В. Николаева (1983. С. 42). Однако иконографическая основа, - рассуждает она далее, - полностью соответствует византийским образцам Х-ХШ вв.. а на Руси характерна для русских памятников XII в. Может быть, не стоит утверждать, что здесь одежды говорят о "повышенной любви к узорочью русского мастера", и что "сами лица русского типа", как это делает Г.В. Штыхов (1975. С. 113-114) - это опять колеблет доверие к серьезности заключения ученых. Однако Т.В. Николаева приходит к выводу, что "это произведение, по-видимому, полоцкого русского мастера, знакомого с византийской и русской иконографией и в то же время находившегося под влиянием западноевропейского искусства. Иконка сохранила следы позолоты, что также характерно для русских и византийских изделий. Найдена она в пластах 20-х годов XIII в., а стилистически ближе к памятникам конца XII в." *(Николаева,* 1983. С. 42). Итак, мы понимаем, что иконка, сделанная из привезенного откуда-то стеатита в конце XII в., через несколько десятилетий, в 1220-х годах, была утрачена своим владельцем. Не исключено, что она была не привозной (что возможно), но сделана на месте полоцким талантливым мастером.

При раскопках П.А. Раппопортом церкви на Нижнем Замке в Полоцке был найден фрагмент каменной иконы круглой формы (диаметр 13 см) с надписью: "АГН1/БОРН(СЪ)", судя по эпиграфике, первой половины XIII в. *(Николаева,* 1983. С. 142).

В Витебске, по сведениям А.М. Сементовского, в 1737 г. была найдена иконка, очевидно, принадлежавшая кому-то из коллекционеров. "Пресвятая дева, - пишет автор, - изображена как бы скорбящею; левая рука ее поддерживает несколько наклонную голову, а правая покоится на груди. Резьба изображения глубокая, но весьма грубая; употребленный для образка камень - порфирит черного цвета с желтыми пятнами" *(Сементовский,* 1890. С. 129, 130; рис. на с. 129). С тыльной стороны серебряной коробочки, куда была вставлена иконка, имелась польская надпись о месте находки реликвии и дате находки (см.: *Сементовский,* 1890. С. 130; *Николаева,* 1983. С. 142). Исследовательница предполагает, что дата изделия - XIII в., и "судя по иконографии Богоматери, у которой голова не покрыта мафорием, это произведение имеет западноевропейские черты" *(Николаева,* 1983. С. 142).

В Минске найдены три каменные иконки. Две происходят из культурного слоя Замчища (детинца) (раскопки Э.М. Загорульского - 1982. Табл. XXI, *1-3).* На одной помещено изображение: Христос Еммануил благословляет, судя по надписям, Николу и Стефана. "Икона является одним из наиболее выразительных образцов мелкой пластики из камня, возможно, местного производства" *(Николаева,* 1983. С. 143). На одной стороне второй иконы помещено погрудное изображение Богоро-

дицы, на другой - апостол Петр в фас в хитоне с прямоугольным вырезом и гиматее. "Выразительный лик Петра передан в почти скульптурной манере ... Иконка выполнена, несомненно, мастером-профессионалом ... Он резал свободно, хорошо зная иконописную трактовку линий и в то же время, добиваясь выразительной скульптурной лепки лиц" *(Николаева,* 1983. С. 144). Исследовательница датирует первую иконку первой половиной **XIII в.,** вторую - концом **XII** - первой половиной **XIII в.** *(Николаева,* 1983. С. 144).

Третье изделие относится к случайной находке. Мастер работал на розовом сланце. Изображена поясная фигура Николы. Святой, по свидетельству Т.В. Николаевой (1983. С. 144), изображен в "довольно примитивном и простонародном образе", "чувствуется рука местного мастера, не проявившего черт художественной мастерской с установившимися традициями искусства каменной пластики" *(Николаева,* 1983. С. 144). Она относит это изделие к **XIII в.**

В Новогрудке при раскопках Ф.Д. Гуревич найдена прямоугольная каменная иконка (5,1 x 4,2 см) с поясной фигурой Николы в фас. Лик, к сожалению, сбит, видна лишь борода. По палеографии надписи "Николае агносъ" - **XIII** в. *(Николаева,* 1983. С. 145).

В Пинске в 1964 г. П.Ф. Лысенко была обнаружена иконка (3,5 x 2,1 см) из серпентина в форме киотца с прямыми нижними углами. На одной стороне погрудное изображение Христа Еммануила в хитоне. Т.В.Николаева полагает, что иконка является работой местного мастера *(Николаева,* 1983. С. 145).

В Волковыске при раскопках Я.Г. Зверуго были обнаружены две каменные иконки (в обломках). Одна с изображением Христа Еммануила - "резьба ремесленная. Иконка, возможно, местного происхождения" *(Николаева,* 1983. С. 146; см. также: *Зверуго,* 1975. С. 128, 129, рис. 26, *1).* Другая - с изображением архангела Гавриила. Обе - **XIII** в. "Судя по довольно частым находкам мелкой пластики из камня в западнорусских городах, - свидетельствует Т.В. Николаева (1983. С. 146) - эти вещи были местного производства, так как их ремесленный характер свидетельствует об оторванности от крупных центров древней культуры".

Не приходится удивляться, что в таком городе, как Смоленск, находившемся на пути из Киева в Новгород и Прибалтику, также должны были находиться (и может быть, в большом количестве) различные религиозные реликвии древности. Действительно, по сведениям Т.В. Николаевой, там найдено, во всяком случае, археологами, раскапывавшими город, четыре каменных иконки: 1) фрагмент иконки с изображением святого (слой конца **XII** в.). По Т.В. Николаевой (1983. С. 142), "возможно, местное производство иконки на случайно подобранном камне". 2) Иконка с изображением пророка Ильи с благославляющей правой рукой и с Евангелием - в левой, глава сбита. Дата - **XIII** в. 3) Иконка с изображением сошествия во ад. Вероятно, **XIII** в. *(Николаева,* 1983. С. 143). Найдена при раскопках Д.А. Авдусина в Смоленске, на Армянской (Соболева) улице. 4) Там же и на той же улице (под Соборной Горой, детинцем) найдена в раскопках и четвертая иконка, интересная тем, что представляет собой заготовку для этого произведения, доказывающую, что в Смоленске в **XIII** в. существовал художник-мастер, резавший по камню. Заключая сообщение о смоленских каменных образках, Т.В. Николаева писала, что "Смоленск

Рис. 32. Резьба по камню

1 — Константин и Елена. Полоцк (по Г.В. Штыхову); 2 - шахматный король из раскопок Слуцка (по Л.В. Колединскому)

был, видимо, одним из древних центров изобразительного искусства" *(Николаева,* 1983. С. 143). Утверждая, что "известные нам произведения мелкой пластики из камня в большинстве своем не составляют ярко выраженных групп, о которых можно было бы говорить как об изделиях одного художественного центра или мастерской в узком смысле этого слова" *(Николаева,* 1983. С. 18), маститая исследовательница все же нашла возможным, как мы видели, говорить о "западнорусской" группе находок - "очень характерных произведений мелкой пластики из камня". Вместе с тем, о том, в чем заключается эта "характерность" она не сообщила, и это, следовательно, потребует новых вдумчивых анализов теперь уже будущих исследователей. Пока же выпишем имена святых, которым посвящались иконки:

1. Константин и Елена. Полоцк, конец XII в. (рис. 32,*1).*

2. Борис. Полоцк, первая треть XIII в.

3. Богородица скорбящая. Витебск, XIII в. (?).

4. Христос Еммануил. Минск, первая половина XIII в.

5. Богоматерь Деисусная; апостол Петр. Минск, конец XII - первая половина XIII в.

6. Никола. Минск, XIII в.

7. Никола. Новогрудок, XIII в.

8. Христос Еммануил. Пинск, XII в.

9. Христос Еммануил. Волковыск, конец XII - начало XIII в.

10. Архангел Гавриил. Волковыск, Шведская Го ра, XIII в.

11. Неизвестный святой. Смоленск, конец XII в,

12. Илья ('?). Смоленск, XIII в. Сошествие во ад. Смоленск, XIII в. (?).

13. Святой. Двое святых. Смоленск, вторая по ловина XIII в. (?).

Искусство смальтовой мозаики

Искусство украшения стен и полов древних храмов пришло к нам также из Византии[26] и господствовало в течение X - самого начала XII в. Смальту мы встречаем уже в Десятинной церкви (996 г.) Киева: "Декорировка пола в византийских храмах была в некоторой степени связана с ходом театрализованного богослужения, - писал М.К. Каргер (1958. С. 58), - так, дьякону во время службы предписывалось на (мозаичном) круге произносить некоторые возгласы, полосы или реки, шедшие обычно от такого круга, служили границами для остановок священнослужителей во время богослужения и пределами для известных степеней кающихся". Смальта этого раннего времени состояла из мелких кусочков окрашенного стекла. Смальтовые мозаики более позднего времени носили уже иной характер. Так, в Благовещенском соборе Чернигова (1186 г.) пол был украшен мозаикой, составленной "не из малых кубических кусочков смальты, а из больших плоских пластин, размеры которых доходили до 8 см... Смальта очень тяжела с сильною примесью свинца" *(Рыбаков,* 1949. С. 73).

Рассмотрим, какие же архитектурные памятники Западной Руси были украшены смальтовой мозаикой.

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ. *Полоцкая София,* построенная византийцами, вполне могла иметь смальтовые мозаичные полы и стены, подобно Десятинной церкви Киева. Однако ее остатки мало исследованы, на кусочки смальты внимания, возможно, и не обращалось. Во всяком случае, даже в редких поздних публикациях решались лишь "проблемы изучения полоцкого Софийского собора" *(Булкин Вал.,* 1983), где вопрос о полах и стенах не стоял. В других работах о Софии говорится лишь о поле из плиток (см. ниже).

Усыпальница св. Георгия Победоносца (Полоцк) - единственный храм в Белоруссии, украшенный, как мы говорили, большим количеством смальты. "Всего за все сезоны раскопок храма их (кусочков смальты. - *Л.А.)* собрано более 43 кг. Наибольшее количество собрано в северной галерее, особенно в районе "крипты". Смальта четырех цветов - черная (12,5 кг), красно-коричневая (15,5 кг), желтая (11 кг) и зеленая (4,5 кг). На некоторых кусочках заметны следы известкового раствора. Толщина пластинок смальты от 6 до 8 мм. Несмотря на то что смальта кололась грубо и кусочки ее имеют обычно неровные края и не вполне правильную форму, им стремились придать форму квадратов, треугольников и полосок. Квадраты более или менее определенно делятся на три группы: большие (со сторонами около 4 см), средние (3-3,5 см) и малые (2,5 см). Треугольники равнобедренные, с прямым углом; они также делятся на три группы: "большие (гипотенуза равна 5-6 см), средние (4 см) и малые (2,5-3 см). Полоски имеют ширину около 1,5 см, длина их различна. Распределение этих форм по цвету очень неравномерно" *(Раппопорт,* 1980. С. 149). Из приводимой исследователем таблицы видно, что более всего были распространены треугольники, которые были всех четырех указанных цветов. В отличие от М.К. Каргера, П.А. Раппопорт считает, что вся смальтовая мозаика принадлежала полу и настенной мозаики не было. "Об этом свидетельствуют как относительно большие размеры пластинок, так и относительно ограниченный ассортимент цветов... Анализ смальт, - заключает он, ссылаясь на М.А. Безбородова, - показал, что они полностью *I* идентичны по составу смальтам Киева и Черниго- 1

[26] Вопрос о характере и способах производства смальт, находимых на Руси почти не изучен, что подтверждает и исследование такого знатока по строительному производству Руси, как П.А. Раппопорт (1994. С. 55.)

ва" *(Раппопорт,* 1980. С. 149). Как мы знаем из исследования того же М.К. Каргера (1958. С. 465), "в начале XII в. керамические плитки *полностью* вытесняют мозаику" (курсив мой. - *Л.А.).* И вывод этот сделан именно на памятниках Киева и Чернигова, что подтверждает правоту последнего исследователя о датировке всего памятника самым началом XII в., что для нас очень важно и снимает расплывчатую датировку "из соображений осторожности" П.А. Раппопорта. Такова замечательная смальтовая мозаика стен усыпальницы Полоцка, единственная в Западнорусских землях.

Искусство керамической мозаики

"Самым высоким проявлением русского керамического искусства было производство полихромной поливной керамики, создавшее великолепные образцы блестящих и цветистых строительных декоративных плиток, цветных поливных игрушек и красивой муравленой посуды", - писал Б.А. Рыбаков (1948. С. 359) в своем капитальном исследовании о древнерусском ремесле. Если при написании этой монографии ученому удалось собрать сведения всего о семи городах, где были обнаружены эти плитки, то ныне, благодаря раскопкам, список этот сильно расширен. Автор полагал, что древнейшим зданием так называемой "гридницы" близ Десятинной церкви X в. в Киеве (раскопки Д.В. Милеева) впервые на Руси началось украшение полов плиткой, и был, по-видимому, прав, хотя их расположение, как обычно считалось, в орнаментальном фризе являлось "плодом недоразумения" *(Каргер,* 1958. С. 464). Этот исследователь отметил, что "полы керамических плиток встречаются в киевских постройках X-XI вв. обычно лишь в боковых частях здания, тогда как полы центральной части состоят из мозаичных наборов. В начале XII в. керамические плитки *полностью вытесняют* мозаику" (очевидно, смальтовую; *Каргер,* 1958. С. 465).

ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ. В своей сводке каменных церковных и светских зданий домонгольской Руси П.А. Раппопорт указал, что в полоцкой Софии, как мы помним, древнейшем полоцком каменном храме, построенном в 1062-1066 гг. были найдены керамические половые плитки *(Раппопорт,* 1982. С. 94). Вал.А. Булкин (1980. С. 359) без указания размеров, отметил, что они желтого и зеленого цвета (полива).

Каменный храм - *Успенский* ("Большой") собор Бельчиц был первой постройкой сыновей Всеслава. Здесь "в южной апсиде и в проходе из нее в центральную обнаружены остатки пола из поливных плиток" *(Раппопорт,* 1982. С. 98). "Южная апсида" и проход из нее в "центральную" - это интерьер алтаря. Значит, алтарь был украшен поливными плитками пола. Были ли плитки в остальной части здания, неизвестно.

Другой большой храм в Полоцке - *усыпальница св. Георгия* - по обилию мозаичного убранства справедливо датированный М.К. Каргером началом XII в. (как и предыдущий храм), как мы говорили, усыпальница полоцких епископов, был богато украшен как фресками, так смальтой и поливными плитками пола. Напомним, что, как показал П.А. Раппопорт, эту усыпальницу строили киевские мастера, недавно кончившие Успенский собор в Бельчицах. Прообразом для них служила построенная ими на рубеже XI и XII вв. киевская церковь Спаса на Берестове (см. с. 82-83).

Третьим храмом, построенным теми же мастерами, мы говорили, была *церковь Бориса и Глеба* на стрелке Нижнего Замка, датированная П.А. Раппопортом первой половиной XII в., очевидно, из тех же "соображений осторожности". Исследователь забывает, что этот храм, по его же гипотезе, строили те же мастера, что строили Спас на Берестове на рубеже XI-XII вв., затем Успенский собор в Бельчицах, очевидно, во второй четверти первого десятилетия XII в. и затем церковь Бориса и Глеба на стрелке Нижнего Замка - т.е. это не более, чем третья четверть первого десятилетия XII в.! Представляется несомненным, что приглашенные в Полоцк вырвавшимися из-под эгиды отца Всеславичами киевские зодчие со своей артелью работали там не три десятилетия, как выходит, если принять гипотезу Н.Н. Воронина (1956. С. 17) о возведении Успенского собора Бельчиц в 1120-х—1130-х годах, а всего лишь приблизительно с 1103 по 1110 г. Это и позволило нам поставить в связь строительство названных трех храмов (из них один, построенный вторым, - роскошная усыпальница епископов, по обилию смальты, железным костылям под фундаментами и т.д. явно относится к началу XII в.) с замужеством дочери Всеслава от второго брака с сыном византийского императора (1106 г.).

Борисоглебская церковь, принадлежавшая, как мы думаем, предположительно полоцкой усадьбе Бориса-Рогволода Всеславича и его родне (шиферные саркофаги князей внутри) была скромнее: ее строил Борис, несомненно, без участия братьев, как в предыдущих двух случаях. В ней не было смальтовых панно на стенах, и украшали ее лишь фрески и поливные плитки пола, как свидетельствует П.А. Раппопорт (1980.С. 154), плитки были разных фасонов: квадратные (10,0 х 10,5 см, реже - 11 см), прямоугольные. Их толщина колебалась между 1,3 и 1,5 см. Цвет поливы тех же тонов, что в других церквях Руси XII в.: желтый, зеленый, красно-коричневый, именуемый иногда бордо. К сожалению, все они лежали вразброс, и восстановить узор пола, как и в большинстве случаев, невозможно.

Следующими по времени в Полоцке были построены два храма в Бельчицком монастыре: цер-

ковь Параскевы Пятницы и во имя святых Бориса и Глеба. При исследовании первой были найдены керамические плитки пола, при изучении второй - наличие следов какой-либо мозаики не отмечено *(Раппопорт,* 1982. С. 98, 99).

При раскопках у церкви Благовещения в Витебске следов плиток пола не отмечено. При исследовании Спасо-Евфросиниевской церкви, по утверждению П.А. Раппопорта (1982. С. 97, 98), были найдены "керамические плитки, вероятно, от первоначального пола".

Переходим к полоцкому строительству храмов конца XII в.

Храм на детинце был построен, по утверждению М.К. Каргера, ранее чем в последние два десятилетия XII в., когда те же мастера возводили церковь Архангела Михаила в Смоленске, для которой этот тип храма являлся прототипом *(Каргер,* 1972. С. 209). "В развалинах здания найдено большое количество фрагментов фресок, майоликовых плиток и обломков плинф с рельефными клеймами на торцах" *(Каргер,* 1972. С. 203).

Церковь на рву предположительно датируется П.А. Раппопортом (1982. С. 95) третьей четвертью XII в. Здесь найдены "обломки плиток для пола с поливой желтого, зеленого и коричневого цветов, толщина плиток различная - от 1,8 до 3,0 см" *(Раппопорт,* 1980. С. 156).

Таким образом, мы видим, что в Полоцкой земле был лишь один храм со смальтовой и керамической мозаикой. Это усыпальница полоцких архиереев - церковь св. Георгия в Евфросиниевском монастыре. Остальные же храмы, если и имели мозаичные "панно", то лишь керамические, покрытые желтой, зеленой и коричневой ("вишневой") поливой. В каких частях храма находилась эта мозаика, неясно. Лишь в одном случае удалось установить, что она была положена в алтаре.

Археологические раскопки в Западнорусских землях показали, что и здесь существовали деревянные церкви и богатые терема, в которых выкладывались, по-видимому, на глине поливные плитки полов. Основным признаком плиток, клавшихся в деревянных зданиях, является отсутствие на их обратной стороне следов извести - их клали, следовательно, скорее на глину или на песок. Цвета поливы - те же, естественно, что и на плитках в каменных зданиях: желтый, зеленый, коричневый. Подобные плитки, правда, несколько меньших размеров (8 x 8 x 2 см), обнаружены Г.В. Штыховым (1978. С. 90, 91, рис 38, *11)* в нижних (домонгольских) слоях летописного Логожеска (Логойска под Минском), в Лоске *(Саганович,* 1998. С. 174) и др.

Важные материалы для истории города дали плитки из раскопок в Друцке, где, как указывалось, они встречены в двух местах детинца (на месте церкви над рекой и в западной части у вала, где, видимо, был княжеский терем; *Алексеев,* 20026. С. 88-91 и табл. 1). Размеры плиток различны: на детинце - 9 x 9 X 1,2-1,8 см, в окольном городе - 10 x 10 x 1,3-1,5 см *(Ляўко,* 2000. С. 97). Цвет поливы всех плиток единообразен - желтый, зеленый, коричневый. Как мы говорили выше, храм и детинец строились (возможно, перестраивались) почти одновременно, по-видимому, в третьей четверти XIII в. Вероятно, другими мастерами и в иное время настилались полы в деревянном здании (церкви?) в окольном городе. Найдены плитки были при раскопках О.Н. Левко *(Ляўко,* 2000. С. 97). Их размеры здесь 10 x 10 x 1,3-1,5 см, и по каким-то данным они отнесены автором раскопок к XII в. Отсутствие следов раствора указывает, что здание, где они были настелены, было деревянным, часть попала в пожар. Цвет поливы - желтый, зеленый, "красно-коричневый".

СМОЛЕНСКАЯ ЗЕМЛЯ была, можно считать, тесно связана с Полоцкой (особенно в конце XII в.), хотя и возникла более чем на полстолетия позднее. На полстолетия позднее здесь возник и первый каменный собор. Обилие церковных зданий после этого дает возможность сопоставлений и в наших целях.

Первым здесь был отстроен, мы помним, Владимиром Мономахом большой *собор Богородицы* (1101 г.), на месте которого теперь стоит огромный собор XVII в. При пробных раскопках у стен этого позднего здания были найдены мелкие обломки квадратных и треугольных "майоликовых плиток (желтых, зеленых и коричневых) от пола древнего собора" *(Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 35). Вот все, что мы знаем об украшении Мономахова собора.

При раскопках *Борисоглебского собора Смядынского монастыря* в Смоленске в 1974 г. были найдены майоликовые плитки полов, большинство из которых имели размеры 11,7 x 11,7 x 2-2,8 см, однако были и треугольные, обрамлявшие вымостки из диагонально положенных квадратных плиток. Найдены плитки в виде квадратных рамок, в которые вставлялись маленькие плитки (7,2 x 7,2 см). "Плитки эти покрыты желтой или зеленой поливой с разбросанными по поверхности черными или желтыми кружками" *(Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 52). В целом же плитки были четырех цветов: "желто-хромовая, темно-зеленая, голубовато-серая (по-видимому, в результате разложения поливы), почти черная, т.е. вероятно, темно-коричневая" *(Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 52). Плитки собора двух серий: 1) квадратные и треугольные плитки, и фигурные плитки, относящиеся ко времени сооружения галереи через полстолетия после возведения храма (1145 г.) *(Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 53).

Смоленская церковь *Петра и Павла* датируется серединой XII в. Там тоже найдены керамические плитки, которые украшали храм, за исключением, по-видимому, трехапсидного алтаря. Их размер

11x11 x 2,3 см. Однако вскоре его заменили плитками размерами 10,5 x 11 x 2,5 см {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 84). На значительных участках пола они лежали непотревоженными, но полива их почти не сохранилась из-за действия охватившего их огня. Плитки были трех обычных цветов: желтые, зеленые и черно-коричневые. Они лежали под углом 45° к стенам здания так, что ряды одного цвета шли вдоль оси храма, найдено несколько треугольных плиток, укладывавшихся на краях пола у стен. Маленький кусок нетронутого пола удалось зафиксировать, но это почти ничего не дает. Ю.Л. Щапова (1966. С. 303) отмечала, что "в Смоленске техника изготовления поливных плиток была освоена под руководством киевских мастеров" (она имела в виду именно этот храм).

В Смоленске, как и в Гродно (см. ниже), некоторые, по-видимому, княжеские терема из плинф имели и полы, покрытые поливной плиткой. Это удалось выяснить на основании находящегося на детинце (Соборной Горе) *княжеского терема,* возле которого были найдены "два обломка плиток пола (толщиной 3 см) с желтой и коричневой поливой" {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 107). Дата терема в Смоленске - XII в.

Поливные плитки покрывали пол и в церкви *Иоанна Богослова.* Несколько их обломков желтого и серого (?) цвета найдено при раскопках М.Х. Алешковского {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 121). Храм был построен между 1160 и 1176 гг. [*Раппопорт,* 1982. С. 87).

Плитки найдены и в храмах *Архангела Михаила (Раппопорт,* 1982. С. 85 (конец XII в.)), и в соборе *Троицкого монастыря* на Кловке (30-е годы XII в.). В последнем они были квадратные со стороной 14 см при толщине 3 см, а также треугольные (16x7 см). Цвет поливы - желтый, зеленый или оливково-черный {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 207-208). Найдены поливные плитки и при раскопках церкви св. Кирилла *в устье Чуриловки* - несколько обломков, на них следы зеленой поливы (конец XII - начало XIII в.) {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 237, 238). Церковь на *Вознесенской горе* (дата памятника - конец XII - начало XIII в.) тоже имела пол, покрытый плиткой, - единичные находки обломков имели следы зеленой поливы, толщина 2,7-3 см "без скоса" {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 251, 252). Не сохранилось нетронутых участков пола в Спасском соборе Спасского монастыря у д. Чернушки, однако мелкие находки плиток свидетельствуют о покрытии пола. Цвет поливы - традиционный: зеленый, черно-коричневый и желтый. Размер: 12 x 12 X 1,8-2,5 см {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 265). Любопытно, что в северо-западном и северном приделе находились два фрагмента полихромных плиток "с червеобразными желто-белыми разводами по коричневому и зеленому фону" {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 265). Дата памятника, этого одного из шедевров смоленских мастеров рубежа XII и XIII вв. {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 268).

"Древние кафели" были известны СП. Писареву (1894. С. 18) на месте церкви *"на Большой Краснофлотской ул."* (Свирской). При раскопках П.А. Раппопорта выяснилось, что они были квадратные со стороной 11-11,5 см, толщиной 2,2-2,8 см. Края плиток скошенные, палитра желтая, зеленая, коричневая. Есть и треугольные плитки (9-10 см при высоте 4,6-5,7 см, толщина 2-2,4 см). Все это "элементы одного набора пола. Кроме того, найдено несколько обломков плиток, имеющих криволинейные очертания. Толщина их 2 см, полива желтая, форму установить не удалось" {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 285). Храм датируется концом XII - началом XIII в. {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 286). Часть мозаичного пола из поливных плиток удалось уловить в развалинах церкви *"На Окопном кладбище"* (конец XII - начало XIII в.) "Пол центральной апсиды, проход из центральной в северную апсиду и часть пола в северной апсиде были покрыты керамическими плитками. Остальная часть северной апсиды и вся южная апсида имели известковый пол", - сообщает П.А. Раппопорт {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 292).

Исследователь указывает размер плиток: 10,5 x 11,5 см, при толщине 2,3-2,5 см, их цвет - зеленый, желтый, черно-коричневый (темно-коричневый?). Любопытно, что плитки были уложены без раствора, т.е. так, как это делалось в деревянных храмах, и даже не на глине, а на слое песка {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 296). "Из-за небольших различий в размерах плиток и мелких погрешностей укладки, - сообщает П.А. Раппопорт, - диагональная система цветных рядов вымостки во многих местах не выдержана. Помимо квадратных плиток, в завале было найдено несколько треугольных, того же качества, цвета и толщины". Их размеры: основание - 13 см, боковые стороны - по 9,5 см. Были плитки и другого набора {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 296).

Керамические плитки пола *"храма на Протоке"* (конец XII - начало XIII в.) встречались очень редко. Размеры их, по-видимому, традиционны для Смоленска- 11,5 x 11,5 x 1,5 и 11 x l i x 2,5 см. Более всего плиток найдено в дьяконнике (24 обломка и 12 целых), в среднем же поперечном нефе - 8 обломков, в юго-западном углу храма - один обломок, в жертвеннике - один. Лишь одна плитка сохранила желтую поливу. Одна плитка - треугольная. Не исключено, что "плиточным был пол хор" {*Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 322).

В Мстиславле нами была обнаружена всего одна поливная плитка пола, по-видимому, квадратная, размер сохранившейся стороны - 12,1 см при толщине 1,7 см. Коричневая (красно-коричневая) полива сильно потрескалась как бы после нагрева, однако следов копоти нет {*Алексеев,* 2000. Рис. 2, 2).

Исходя из того, что эта плитка на всех северных и западных раскопах была одна, можно думать, что здание, где эти плитки устилали пол, было где-то в противоположном конце детинца, там, где раскопки не велись.

ТУРОВО-ПИНСКАЯ ЗЕМЛЯ. Туровский храм, открытый М.Д. Полубояриновой при участии П.А. Раппопорта и раскопанный М.К. Каргером, как мы видели, был очень велик (по П.Ф. Лысенко, - самый крупный памятник домонгольского времени в Белоруссии; *Лысенко,* 1999. С. 225). Он строился кем-то из туровских князей, и не приходится сомневаться, что об оснащении мозаичным полом думали. Действительно, П.Ф. Лысенко (1974. С. 62) скупо сообщил: "Наиболее частыми находками в раскопах туровского детинца являются керамические изделия - фрагменты сосудов, кирпича (плинфы. *-Л.А.),* поливные плитки... Все поливные керамические плитки квадратной формы размером 10 x 10 x 1 см, покрыты темной поливой, часто, как будто вследствие пожара, потрескавшейся и поднявшейся пузырями". Как мы помним, "в строительно-техническом отношении и прежде всего в технике кладки (храм) может быть с уверенностью отнесен к памятникам древнерусского зодчества XII в." *(Каргер,* 1965. С. 137). Остается пожалеть, что, подобно и другим многим археологам, П.Ф. Лысенко не нашел нужным показать, в каких горизонтах культурного слоя больше всего попадаются плитки, как датируются эти горизонты. Это помогло бы более узкой, чем весь XII в., датировке всего памятника.

Древний феодальный центр Пинск, несомненно, имел свой каменный храм в XII в. Однако до сих пор его найти не удалось, хотя следы его были обнаружены и искать его поблизости необходимо. В небольших раскопках Т.В. Равдиной 1955 и 1957 гг., как она ошибочно считала, на детинце Пинска было обнаружено огромное количество поливных плиток мозаичного пола *(Равдина,* 1963). В действительности она вела раскопки в западной части окольного города *(Лысенко,* 1974. С .73). Плитки обнаружены в "прослойках, датируемых концом XI - началом XII в." *(Равдина,* 1963. С. ПО). Всего найдено за два года 546 обломков и целых плиток, 10 из них имели следы раствора, и можно, следовательно, не сомневаться, что предназначались для строения, выложенного из кирпича, очевидно, плинфы. Сделаны плитки из белой (!) глины с примесью зерен кварца. Полива традиционна: коричневая, зеленая и желтая, кроме того, "очень своеобразна полива кремового цвета (цвет слоновой кости), возможно, вариант желтой" *(Равдина,* 1963. С. 111).

Главное значение находок плиток в Пинске - в количестве, указывающем, что здание было здесь же, поблизости (что не заинтересовало исследовательницу) и, кроме того, в исключительном разнообразии их форм.

Очевидно, ими был выложен какой-то уникальный ковер мозаики. Не приводя детального описания форм плиток, подсчетов каждой формы, она привела основные типы плиток и возможные варианты их сочетания. В заключение она отметила, что "эти плитки входили в декоративное убранство пола какого-то богатого здания" *(Равдина,* 1963. С. 111-112; рис. 34). Надо сказать, что Т.В. Равдина недооценила своей находки. Как указала М.В. Малевская (1966а. С. 149), "набор плиток из Пинска значительно превосходит набор плиток пола как Коложской, так и Нижней церкви в Гродно... Некоторые из этих плиток сходны по форме с плитками из Нижней церкви (в виде ласточкина хвоста, в виде зеленых плиток, крестообразно расположенных в орнаментальных кругах). Нахождение пинских плиток в слое конца XI - начала XII в. ставит их в хронологическом отношении рядом с полом Нижней церкви".

ЧЕРНАЯ РУСЬ. *Памятник в Новогрудке.* Интересующие нас майоликовые плитки пола были обнаружены М.К. Каргером в церкви Бориса и Глеба (XII в.) в Новогрудке. К сожалению, исследователь был уже сильно болен и в своей заметке, опубликованной посмертно, о работах на этом памятнике лишь кратко упомянул: "в среднем нефе была обнаружена в достаточно хорошей сохранности часть древнего майоликового пола" *(Каргер,* 1977а. С. 81). Вместе с тем, находка эта была, по-видимому, очень интересной. Руководствуясь описанием Ф.Д. Гуревич, П.А. Раппопорт сообщает: "В среднем нефе раскопан нетронутый участок пола из поливных керамических плиток, среди них - сложенный в центре храма (по-видимому, под куполом) из квадратных плиток круг диаметром 75 см" *(Раппопорт,* 1982. С. 101). Лишь по данным фотоархива ЛОИА Т.А. Чукова определила, что плитки из этого храма являются квадратными, треугольными и прямоугольными *(Чукова,* 1987. С. 17)27.

Памятники Гродно. Яркая и самобытная школа древнерусских зодчих, образовавшаяся в Гродненском княжестве - о ней уже шла выше речь - проявила себя прежде всего в наружном убранстве гродненских церквей. Однако, как показали раскопки, она не менее ярко выразилась и в древнем интерьере храмов, в его убранстве. При входе в церковь прихожанину прежде всего бросались в глаза поразительные по красоте рисунка и подборки красок мозаичные майоликовые полы - яркий ковер подкупольного пространства, прихотливо выложенный из разноцветных поливных плиток обычных цветов - желтых, зеленых, бордо (коричневых).

[27] Ф.Д. Гуревич (1962. С. 566) сообщает о находке вблизи храма Бориса и Глеба в Новогрудке еще двух плиток размерами 7 х 7 см с коричневой поливой с одной стороны.

Реконструируя мозаику Нижней церкви в Гродно, М.В. Малевская описывала сохранившийся рисунок. Обратимся "к замечательной мозаичной композиции в подкупольном пространстве, набранной из квадратных и многочисленных фигурных плиток тех же трех тонов - желтого, зеленого и коричневого (всего для убранства пола были применены плитки 17 видов)... От нее сохранились отрезки взаимопересекающихся лент плетенки, образующей квадраты и прямоугольники с вписанными в них кругами, и угловые прямоугольники из мелких плиток. Уцелели частично четыре круга (восточный, центральный, западный и южный). Несмотря на фрагментарность этой композиции, она легко может быть восстановлена, хотя и не во всех частях с одинаковой достоверностью" *(Малевская,* 1966а. С. 147). Восстановив весь мозаичный узор подкупольного пространства, исследовательница констатировала, что эта композиция не очень выделялась "на фоне обрамляющего ее шахматного узора", хорошо выделились лишь пять мозаичных кругов, являющихся центром композиции. Внутри каждого был сложный набор фигурных мелких поливных плиток. Плитки трех размеров: 17 x 17 см, 13 X 13 см, И x 11 см *(Малевская,* 1966а. С. 146).

Где же искать корни гродненской майолики? Говоря о гродненской архитектурной школе, мы отмечали, что ближе всего она соприкасается с архитектурой галицко-волынских памятников. "На галицко-волынский юг ведут нас и гродненские майолики", - свидетельствует Н.Н. Воронин, отмечая при этом, что более всего для этого характерна мозаика Нижней церкви *(Воронин,* 19546. С. 143). Надо сказать, что самые интересные аналогии ковру поливных плиток из Нижней церкви найдены М.В. Малевской, и лежат они за пределами Гродненского княжества - в Польше. При раскопках в той части гнезненского собора, которая датируется XI в. (время Болеслава Храброго?) сохранился мозаичный пол из майолики, отдельные участки которого сильно напоминают майоликовый пол в Гродно. "Часть пола в южном нефе представляет собой шахматный набор из квадратных плиток размером 20 x 20 см, уложенных, как и в Нижней церкви, вдоль стен (а не углом к ним), так что дорожки желтого и синего цветов направлены под углом 45° к осям здания. Другая часть пола, в центральном нефе, состоит из помещенного на желтом фоне квадрата, в который вписаны две концентрические окружности, образованные такой же плетенкой, как и в Нижней церкви, но желтого и синего цветов. Отделенные от квадрата полосой желтых плиток, расположены две параллельные ленты из плиток желтого и синего цветов в форме ласточкина хвоста, аналогичных плиткам пола Нижней церкви" и т.д. *(Малевская,* 1966а. С. 149). Исследовательница добавляет, что керамические майоликовые плитки известны в ряде других польских городов, начиная с X-XI до XIV в. И В. Хензель полагает, что плитки эти попали к ним из Византии через Киевскую Русь, что Болеслав Храбрый мог вызвать мастеров из Киева *(Малевская,* 1966а. С. 150). Как и Н.Н. Воронин, М.В. Малевская думает все же, что главные корни ковра мозаики Нижней церкви в Гродно уходят на Волынь *(Малевская,* 1966а. С. 151).

Храм в Волковыске (XII в.) не был достроен. Вместе с тем рядом лежали штабеля плинфы, не бывшей в употреблении, творило для гашения извести, большие камни со шлифованной поверхностью и майоликовые плитки (размер не указан; *Зверуго,* 1975. С. 120). Памятник явно относится к гродненской школе зодчих, и для нас важно, что плитки предполагалось постелить уже сразу при возведении храма.

Большинство материалов по прикладному искусству наших земель мы черпали из древних городов. Однако, не приходится сомневаться в том, что кроме городов, богатые материалы должны встретиться в княжеских и боярских владельческих усадьбах-крепостях, где в удалении от города жили в своих замках князья и крупнейшие феодалы некняжеского звания. Такие замки раскапывались не так часто. А.Н. Лявданский некогда исследовал такое городище у д. Ковшары на верхнем Соже *(Лявданский,* 1926. С. 225-250), В.В. Седов - городища Воищина и Бородинское на Смоленщине (1960. С. 51-122) и др. Ни в одном из них вещей высокохудожественного мастерства не обнаружили - видимо, они принадлежали не столь богатой верхушке феодалов. Не то княжеское городище Вищин Рогаческого р-на Гомельской обл. Белоруссии, где Э.М. Загорульским вскрыто 2/3 культурного слоя[28]. Блестящие результаты исследования этого памятника только что изданы автором раскопок. Среди обилия бытовых вещей был найден уникальный клад с великолепными предметами прикладного искусства[29], указывающими на то, что городище Вищин было некогда княжеским замком. Э.М. Загорульский вполне прав, что именно здесь находилось летописное городище Воищина, единожды упомянутое в летописи под 1158 г.: "Придоша Литва с Полочаны къ Смоленьску и взяша Воищину на щитъ" (НПЛ, 1950. С. 82, 310; *Загорульский,* 2004. С. 146).

Клад состоял из художественных вещей из драгоценных металлов и гривен новгородского типа (безмонетный период). В нем 37 предметов - 5 кол-

[28] К сожалению, катастрофа в Чернобыле 1986 г. закрыла возможность продолжать исследования на этом интересней шем памятнике.

[29] Уникальны условия находки клада: он найден в северо-за падной части городища среди камней и "был покрыт едва землей" (!), вываливщаяся из него когда-то золотая криновидная подвеска вообще оказалась под современным дер ном *(Загорульский,* 2004. С. 130).

тов, 2 серебряные шумящие привески, витой браслет, 2 криновидные подвески, 3 золотых бусины, цепочка от колта из золотых полуцилиндриков, 2 цилиндрика, 17 гривен.

"О стиле прикладного искусства киевского времени мы судим в основном по ювелирным изделиям, выполненным из драгоценных металлов, - пишет В.М. Василенко. - Если раньше даже городские вещи были в прямом смысле амулетами, служили оберегами, то теперь это прежде всего изысканные украшения... На первое место выходят новые. Это - колты - небольшие круглые плоские медальоны, чуть выпуклые, с небольшой выемкой в верхней части, с тонкой дужкой в верхней части, за которую колт подвешивался к тесьме или вплетался в косы" *(Василенко, 1911.* С. 237). Несколько колтов встречено и в описываемом кладе. Это прежде всего самые дорогие два золотых колта с перегородчатой эмалью. По свидетельству Т.И. Макаровой, таких колтов в музеях бывшего СССР насчитывалось всего 13 плюс 3 колта из Киева, хранящихся в коллекции П. Моргана в США *{Макарова,* 1975. С. 26). Оба описываемых колта золотые, с эмалевыми изображениями двух птиц, обращенных головами друг к другу, а между ними - подобие крина в сложной фигуре. Близкую аналогию этим изделиям можно найти среди вещей киевского клада 1906 г. (коллекция ГИМ, № 498[47]), найденного возле ограды Михайловского Златоверховского монастыря. Он также золотой, с петлями для жемчужной обнизи. На нем - две эмалевые птицы с крином в круге между ними и с небольшим треугольным эмалевым украшением внизу *{Макарова,* 1975. С. 27, табл. 3, *3; Василенко,* 1977. С. 241, рис. 98). Не менее интересны два серебряных колта из клада в Вищине. Оба отделаны очень тонко, с явным вкусом мастера. Один - звездчатый, другой - с так называемой ажурной каймой *(Загорульский,* 2004. С. 91, рис. 35,*1).* Аналогии этим колтам хорошо известны и их указывает автор *(Загорулъский,* 2004. С. 135 и ел.). Колт с ажурной каймой найден был в 1884 г. в Переяславле Хмельницком. Он также был украшен чернью (см. также: *Макарова,* 1986). В Белоруссии колты с каймой известны из раскопок Минска и Берестья *(Загорульский,* 1982. Табл. XVII, *1; Лысенко,* 1985. С. 209, рис. 168). К головным украшениям в Вищинском кладе были найдены шумящие шлемовидные подвески, которые не так часты в русских кладах *(Загорульский,* 2004. Рис. 38-40, 42). Это - полая коническая верхушка со свисающими цепочками, на которых "в три яруса размещены полые бляшки. В верхней части конуса есть петля, при помощи которой подвески крепились к головному убору. Верхушка одной подвески имеет шлемовидную форму", тонко украшенную зернью. Все подвески детально изучены автором раскопок *(Загорульский,* 2004. С. 136, 137). Эти подвески из Вищина отличаются разнообразием формы медальонов. Три криновидные подвески из клада - серебряные, изготовленные в технике тиснения, покрыты позолотой (см.: *Загорульский,* 2004. Рис. 43 на вклейке) и т.д.

"Вищинский клад, - заключает Э.М. Загорульский (2004. С. 139), - содержит почти полный набор украшений знатной женщины. Не хватает только перстней, которые были непременным атрибутом законченного убора и нередко встречались в составе наиболее полных кладов. В связи с этим очень соблазнительно было бы прибавить к комплекту из клада несколько украшений, найденных на городище. Это прежде всего криновидная подвеска точно такого же типа, как и найденные в кладе, и серебряный плетеный в средней части перстень. Очень похожий перстень входил в состав украшений Любечского клада. Обе находки обнаружены в Вищине на одном участке... Вищинский клад, несомненно, займет достойное место среди аналогичных памятников Руси", - заключает исследователь. Надо сказать, что ценность клада значительно увеличивают серебряные гривны общим весом более 2 кг (!). Подобных кладов Западнорусские земли больше не знают.

Просвещение и письменность

> Под просвещением следует понимать то, что буквально уже выражается в самом слове "просвещение", т.е. - свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни.
>
> *Ф.М. Достоевский*

О просвещении домонгольской Руси мы судим прежде всего по тем религиозным и литературным произведениям, которые в то время получили хождение в стране. Это были переводные жития святых, прологи, Четьи-Минеи. Цену книгам хорошо знали на Руси XI в. "Оузда коневи правитель есть и въздержание. Правьдьникоу же книгы. Не съетавить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдникъ бес почитания книжьнааго и якоже (пл-Ьньникомъ оу)мъ стоить оу родител(ь)", - говорится в Изборнике 1076 года (1965. С. 153). То есть: книги направляли читающего, учили воздержанию, без книг

человек оставался ребенком. Уже Ярослав Мудрый имел свою библиотеку, библиотеку имел и его сын Изяслав. По интересной гипотезе М.В. Щепкиной (1977. С. 220-234), богатейшая библиотека болгарского царя Симеона (865-927) после победы над Болгарией (927 г.) была вывезена византийским императором Иоанном Цимисхием (969-976) в Константинополь, его сын Василий II Болгаробойца (976-1025), выдавая замуж дочь Анну за Владимира Святого (9807-1015), среди приданого переслал в Киев и это богатейшее собрание книг, хранившееся, вероятно, в киевской Софии и погибшее, можно думать, в 1240 г.

Как мы знаем, обширное, по-видимому, собрание книг находилось и в полоцкой Софии (им пользовалась, мы видели, Евфросиния Полоцкая). Весьма возможно, что начало этой библиотеке положил Всеслав, соревновавшийся с Киевом, во всем демонстрировавший свою самостоятельность. Он, несомненно, дважды был в Киеве (один раз в качестве великого князя) и имел время видеть роскошную столицу земель Ярослава Мудрого и Ярославичей. Рукописные книги стоили очень дорого, их хранили обычно, боясь пожаров, в каменных зданиях, каковыми чаще всего были церкви. Но и это не всегда спасало. Рукописи, увы, горели! Это случилось и с библиотекой Софии Полоцкой! "В глазах образованных людей, - отмечал секретарь польского короля Стефана Батория Ромуайльд Гейденштейн (1889. С. 71), описывая разгром Полоцка в 1579 г., - почти не меньшую ценность, чем вся остальная добыча (!) имела найденная там библиотека. Кроме летописей, в ней было много сочинений греческих отцов церкви...". Полоцкие летописи, хранившиеся в XVI в. в Софийском соборе, почти полностью исчезли, однако Р. Гейденштейн успел увидеть, что это именно летописи, значит, не все полностью погибло! Действительно некоторые из них, очевидно, сохранились до XVIII в. и, можно думать, попали в Еропкинский список летописи, из которого было видно, что "пополниван в Полоцке", о чем говорил В.Н. Татищев (см. выше).

Книгами пользовались не только в Полоцкой земле: есть сведения, что Кирилл Туровский, например, кроме канонических книг читал еще и апокрифические, -Евангелие от Иоакова, Климента Смолятича, Вопросы Иоанна Богослова и др. {*Лихачев,* 1951. С. 172).

Житие Евфросинии Полоцкой, дошедшее, правда, в сравнительно поздних списках XVI в. - единственный источник сведений о религиозной и культурной жизни Полоцка. В 1120-х - 1140-х годах христианская идеология проникает в княжеско-боярскую среду еще более. Немалую роль здесь, несомненно, сыграли и княжеские семьи, вернувшиеся в 1 140-х годах из византийской ссылки. В Полотчине все больше получают распространение идеи подвижничества, монастырской аскезы. Переводы с греческого большей частью, по-видимому, религиозно-нравственного содержания, с усердием переписываются Евфросинией Полоцкой еще в 1120-х годах, в период ее первоначального затворничества в полоцкой Софии, - дошедшее до нас свидетельство все возрастающей потребности в книге в Полоцкой земле в это время. И полоцкая просветительница, очевидно, не была слепой поклонницей Византии, с которой ее и связывали, как мы помним, родственные узы с императором. С ее одобрения вблизи Полоцка в ее монастыре дерзновенно поднялся небольшой принадлежащий ей храм, своей композицией резко порывавший с византийским каноном, отвечавший ее философско-религиозным воззрениям и утверждавший своим появлением первые самостоятельные высоты молодого русского храмоздательского искусства. Так в XII в. византийское просвещение, попадавшее в Полотчину по прямым каналам, стало приобретать свои собственные "русифицированные" черты. В это время в Полоцке, надо думать, появилось, как и в некоторых других периферийных центрах, стремление к своему летописанию.

О глубине распространения смоленской культуры можно судить по произведениям смоленской литературы, дошедшей до нас. Не считая отрывочных записей летописного характера (см. выше), до нас дошло три законченных литературных произведения: "О великом князе Мстиславе (Ростиславе. *-Л.А.)* смоленском и о церкви", "О перенесении мощей Бориса и Глеба на Смядынь" и "Житие Авраамия Смоленского" - о нем мы говорили. Оставляя литературный анализ специалистам, мы лишь кратко их охарактеризуем.

Первая повесть, опубликованная И.И. Орловским с неверно понятой датой (1147 вместо 1150), лишь сравнительно недавно была детально изучена лингвистически и исторически {*Орловский,* 1909. С. 211-212; *Сумникова,* 1973; *Щапов,* 1974). Памятник сохранился в "Нифонтовой сборнике", написанном разными почерками в Исифо-Волоколамском монастыре при игумене Нифонте (Кормилицыне) в 40-х годах XVI в. Включение в него "Похвалы", как думает Я.Н. Щапов, было обусловлено тем, что он демонстрировал древность православия на Руси и был составлен в Смоленске, лишь недавно (в 1514 г.) возвращенном от Литвы к Москве. Правописание памятника, совпадающее с рукописями XII-XIП вв. и другие соображения позволили Т.А. Сумниковой утверждать, что оригинал был составлен вскоре после смерти Ростислава (1167 г.). Целью повести было всемерное прославление Ростислава за одно лишь деяние его богатой событиями и "добрыми" поступками жизни: учреждение им Смоленской епископии, что свидетельствует, по мнению Я.Н. Щапова, о стремлении составителей памятника к (так и не состоявшейся)

канонизации этого князя. Все более мелкие факты, о которых сообщается в повести, находят соответствие в других источниках. Это произведение - "незаурядный памятник древнерусской литературы и уникальный, наиболее ранний памятник литературы Смоленска времени расцвета культуры смоленского княжества", его автор "принадлежал, очевидно, к клиру кафедральной церкви; это был образованный политик, талантливый писатель и юрист, возможно, ведавший епископской канцелярией" *{Щапов,* 1974. С. 58).

"Повесть о перенесении мощей Бориса и Глеба на Смядынь" была также опубликована И.И. Орловским (1909. С. 211, 212) весьма неточно, а впоследствии Л.П. Жуковской *(Воронин, Жуковская,* 1976. С. 69-75). Рукопись выделяется орфографией с явными признаками смоленизмов, а также чертами, указывающими на "западное" происхождение повести (описка Хліба, вместо Гл-Ьба - фрикативное произношение "г", кровъ, вместо кровь и др.). "Смоленская повесть, - заключила Л.П. Жуковская, - очень хорошо передает древние написания архетипа и, видимо, отделена от него сравнительно небольшим числом списков... и является памятником смоленской литературы конца XII в." *(Воронин, Жуковская,* 1976. С. 74, 75). В повести рассказывается, как в 1191 г. при князе Давиде Ростиславиче Смоленском были перенесены из Вышгорода ветхие гробницы Бориса и Глеба в Смоленск, в монастырь на Смядыни, из которого Давид хотел сделать "второй Вышгород" и тем обессмертить место, где был убит Глеб. Описывается великолепная рака, куда были положены останки святых братьев, сообщается об освящении церкви Бориса и Глеба на Смядыни "великим освящением" в присутствии князя Давида, епископа Симеона, при игумене монастыря Игнатии. По свидетельству этого литературного памятника, мощи Бориса и Глеба, перенесенные на Смядынь, начали творить чудеса - исцелять больных и т.д.

Своей проповедью и почти недошедшими до нас трудами в середине XII в. выделялся уроженец смоленской земли Климент Смолятич (начало XII в., после 1164 г.), как считается, во многом схожий в своих проповедях с Кириллом Туровским (см. ниже). Однако по вопросу независимости русской церкви от константинопольского патриарха они полностью расходились. Климент был вторым после Илариона русским митрополитом, в то время как Кирилл Туровский строго стоял на византийском патриархальном приоритете. Из единственного дошедшего его труда - "Послание пресвитеру Фоме" - выясняется, что последний обвинял Климента в пристрастии не к словам отцов Церкви, а к античным авторам - Гомеру, Платону, Аристотелю и т.д. Как можно понять из труда Климента, ему были ближе литературно-экзегетические толкования Александрийской школы, которая стремилась перевести христианство на язык философии, неизбежно толкуя при этом источники аллегорически.

Летописцы ставили авторитет Климента очень высоко: "Бысть книжник и философь так, якоже в Русской земли не бяшеть". Он владел свободно средневековым греческим языком и, видимо, языком античности. Избрание его вторым после Иллариона русским митрополитом (хотя и ненадолго) было торжеством антивизантийской политики древнерусского духовенства. Иным был Кирилл Туровский, к которому мы теперь и перейдем (см. также: *Мельников,* 1992. С. 59-68).

Если в XI в. древнерусская литература существовала в основном в Киеве и Новгороде, то в XII в. она, благодаря местным религиозным деятелям начала приобретать локальные особенности. В наших землях мы уже видели таких деятелей, например, *Климента Смолятича,* стоявшего за самобытную церковь. В отличие от него, *Кирилл Туровский* был против независимости православной русской церкви от Византии. Ему приписано большое количество литературных произведений, что в значительной степени затрудняет исследование его литературного наследия. Д.С. Лихачев считал, что Кириллу принадлежит восемь поучений, связанных с церковными днями: Поучение на неделю вайй, на Пасху, поучение в Фомину неделю, в неделю о мироносицах, в неделю о расслабленном, в неделю о слепом на Вознесение, на "собор 318 отец". Кроме того, Кириллу принадлежит Поучение о слепце и хромце и ряд гимнографических сочинений. Из жития Кирилла известно, что им было написано еще "обличение ереси" о "субботнем посте" ростовского епископа Феодора, что находился он в переписке с Андреем Боголюбским и т.д., но произведения эти не сохранились" *(Лихачев,* 1951. С. 196).

Мы уже говорили о стиле, которым писал Кирилл. В нем главное была форма, которая доминировала над содержанием. Кирилл Туровский был убежденным "византинистом", сторонником антиохийского литературно-экзегетического направления. Подобно византийским писателям, он часто прибегал к тонким аллегориям, противопоставлениям, сравнениям, к вопросно-ответной форме изложения. Его проповедь полна пространных диалогов, монологов. "Благодаря своим внешним достоинствам, произведения Кирилла переписывались древнерусскими книжниками наравне с сочинениями самых знаменитых ораторов и богословов" *(Лихачев,* 1951. С. 196). Исключительно образованный проповедник, он своими проповедями демонстрировал глубокое знакомство с церковной литературой, написанной по-гречески, «Однако, - свидетельствует Д.С. Лихачев, - в его произведениях отсутствует широта "слова о законе и благодати Илариона", бытовые моменты, черты эпохи» *(Лихачев,* 1951. С. 196). Единственный отклик на современность мы находим в Поучении о слепце и хром-

це, направленном против Андрея Боголюбского и ростовского епископа Феодора. Любопытно, что в одном из своих "Слов" Кирилл ввел, по-видимому, в собственном переводе с греческого отрывок из Хроники Георгия Амартола, «где определялось общественное назначение трудов историков и поэтов: "Историци и ветия, рекше летописьци и песнотворци, преклоняють свои слухи в бывшая межю цесари рати и въпълчения, да украсят словесы и возвеличать мужъствовавшая крепко"» *{Робинсон,* 1980. С. 102).

"Проповеди и молитвы (Кирилла Туровского) наряду с произведениями чисто переводческого характера, развивали в славянской среде богатства византийской духовной культуры и служили общению славянских литератур" *(Лихачев,* 1973. С. 34).

Итак, просвещение исходило на Руси, в основном, от монастырей и белого духовенства. Однако как широко был грамотен русский человек (в частности в Западной Руси)? Этот вопрос в науке все еще далеко не решен: слишком еще недостаточно данных. Археологи открытием берестяных грамот, большого количества эпиграфического материала, внесли уже большую лепту в решение этого вопроса. Без сомнения, монахи были грамотны - игумен Поликарп недаром сообщает о неграмотном иноке как явлении исключительном (Киево-Печорский патерик, 1911). Грамотными были в значительной степени феодальные верхи и прежде всего князья, многие из которых, особенно в XI в., знали иностранные языки. Князья переписывались друг с другом и можно думать, что не всегда лишь с помощью дьяков и духовных лиц. Б.А. Рыбаков, например, установил существование особой эпистолярной манеры князей, в которой нельзя заподозрить руку летописца: "те документы, - пишет он, - часто повторяют уже сказанное (летописцем. *—Л.А.)* и нередко отличаются по графике и языку от основного текста" *(Рыбаков,* 1963а. С. 316).

Переписка Ростислава Смоленского с братом Изяславом Киевским

Среди многочисленных ярких открытий Б.А. Рыбакова были 62 грамоты переписки Изяслава Мстиславича с рядом лиц, которые летописец ввел в свой текст, явно заимствуя их из княжеского архива *(Рыбаков,* 1963а. С. 316-336), и которые не были замечены учеными. Переписка, в основном, посвящена военным делам, и десять из них связаны с его братом Ростиславом Смоленским. Приведем их полностью, воспроизведя так, как это сделано в труде ученого.

Грамота первая. Представим сентябрь 1147 г., листья еще не опали. Гонец с дружинниками через леса о двою коню спешно везет грамоту киевского Изяслава - смоленский брат извещается о разрыве с Давидовичами и о необходимости срочно ехать на юг:

Брате! Се Володимер, Изяслав Давидовича, хрест к нама была целовала и думу думала пойти с нама на стрыя наю, и хотела со мною лестью убити мя хотяча: но Бог и сила крестьная обуявила; а уже, брате, где есме были думали пойти на стрыя своего, то уже тамо, но пойди семо ко мне, а тамо наряди Новгородци и Смолняны, ать удержать Гюргя, и к ратником ся ели, и в Рязань и всямо.

Вторая грамота. В том же сентябре 1147 г. Ростислав Смоленский извещает брата в Переяславле о взятии им Любеча и предлагает встречу:

Брат ти молвить, сожди мене, яз ти еемь еде Любець пожегл, и много воевал, и зла еемь Олговичем много створил; а видиве оба по месту, что нам Бог явить.

Первые три слова свидетельствуют, что данное письмо писал не сам Ростислав, а кто-то из доверенных им грамотеев — письмо написано в третьем лице.

Третья грамота, посланная из Киева Изяславом в марте (?) 1148 г. брату Ростиславу в Смоленск, сообщает об удачной войне с Давидовичами и Ольговичами:

Брате! Являю ти: на Олговичи есми ходил к Чернигову, и на Олгове поли есми стоял, и много еемь им зла учинил, землю их повоевал еемь, и ту ко мне не возмогоша выйти битися полком.

И оттуду идохом к Любчю, и ту к нам приехаша, и разиде ны с ними река, и нельзе бы ны ся с ними тою рекою биться полком, и на ту ночь бысть дожчь велик и бе на Днепре лед лих, того деля поидохом на ону сторону.

И тако Бог и святая Богородица и сила животворящего креста приведены в здоровьи в Киев.

И тебе, брате, прашаю, в здоровьи ли еси и што ти тамо Бог помогаеть?

Четвертая грамота от Изяслава Мстиславича киевского - Ростиславу Мстиславичу в Смоленск (1148 г.) извещает, что Давидовичи и Ольговичи просят у Изяслава мира:

Се братья прислалися ко мне: Володимир, Изяслав Давидовича, и Святослав Олговичь, и Святослав Всеволодичь, мира прося, а яз пакы гадаю с тобою - а како будеть обеими нами годно. Годно ли ти мир? аще зло нам суть створили, но се мира ищуть у наю; пакы ли рать годно — а яз на тобе укладываю.

Пятая грамота, 1148 г. - ответ Ростислава Мстиславича на предыдущее письмо: если Ольговичи забудут вражду, то можно мириться, если нет, то - война. Любопытно, что эта грамота переписана летописцем полностью:

Брате! Кланяю ти ся, ты еси мене старей, а како ты гадаешь, а яз на том готов еемь; аже, брате, на мне честь покладываешь, то яз бых, брате, тако рекл: Рускых деля земль и хреетъян деля, то яз люблю, брате, мир лепле.

Ты были на рать вестали, што успели?

Ныне же, брате, хрестьян деля и всее Руской земли умирися; но оба ать ворожду про Игоря отложать и пакы того

не створять, что же хотели учинити, а того лишатся, то мирися; пакы ли им про Игоря ворожду имети, то лепле с ними в рати будучи, а како ны с ними Бог дасть.

Шестая грамота, посланная из Киева от Изяслава к брату Ростиславу в Смоленск в конце июля - начале августа 1149 г. содержала просьбу выступить в поход, как было условлено ими ранее:

Се есве угадала тако, аже Гюрги проминеть Чернигов, а тобе пойти ко мне; ныне же уже, брате, Гюрги проминул Чернигов, а пойди, ать оба видиве по месту, што нам Бог дасть.

Последние четыре документа относятся к 1151-1152 гг., когда в конце марта 1151 г. гонец привез Ростиславу грамоту от престарелого дяди Вячеслава Владимировича, где тот, называя Ростислава братом (в феодальном смысле слова) сообщал о дуумвирате и приглашал на снем:

Седьмая грамота:

Се, брате, Бог скупил нас по месту с твоим братом, а с моим сыном Изяславом, а се пакы добыв Руской земли, и на мне честь положил и посади мя в Киеве; а яз, сыну, тобе молвлю: како мне сын брат твои Изяслав, тако ми ты; а яз ти молвлю, сыну, потрудися к нама семо, ать вси видим по месту, што ны Бог явить.

Не менее интересна и другая грамота, привезенная гонцом в том же месяце от Изяслава Мстиславича брату в Смоленск:

Восьмая грамота:

Ты ми еси, брате, много понуживал, якоже положити честь на стреи своем и на отци своем; се же ныне Бог привел мя в Рускую землю и добыл есм стрея своего и твоего Киеве, тебе деля и всея деля Рускыя земля; а яз пакы тебе, брате, молвлю: тамо по Бозе у тебе сын твои и мои Новгороде Ярослав, а тамо у тебе Смоленск, тоже, брате, все урядив тамо, поиде же к нам семо, ать вси по месту видим, што явить ны Бог.

Девятая грамота, написанная братьями Ростиславом и Изяславом, а также Вячеславом Владимировичем из Василева Мстиславу Изяславичу в Карпаты, была краткой и требовала ускорить движение союзных венгров: (среда 2 мая 1151 г.):

Се уже мы идем на суд Божий, а вы нам, сыну, всегда надоби; а потщитеся како боле могуче.

Последняя из переписанных летописцем грамот, имеющая отношение к Западнорусским землям (главным образом Смоленской), послана в 1152 г. Изяславом Мстиславичем брату в Смоленск и касается борьбы братьев с Юрием Долгоруким:

Десятая грамота:

Тамо, брате, у тебе по Бозе Новъгород силный и Смолнеск, а скупився постерези же земле своея; юже Гюрги поидеть на тя, а яз к тобе пойду, не поидеть ли к тобе, а поминеть твою волость, пойди же ты семо ко мне.

Приходится поражаться, что за 200 лет изучения летописей все эти документы, использованные летописцем, не навели ученых на мысль о существовании в XII в. на Руси княжеских архивов. Понадобился талант Б.А. Рыбакова, чтобы сделать это важное для понимания культуры древней Руси выдающееся открытие. Сложен вопрос о том, действительно ли составителем летописи был ближний боярин киевского великого князя Изяслава Петр Бориславич, как утверждает Б.А. Рыбаков (1963; 1991). Вместе с тем это не исключено. Нам остается пожалеть, что в наших руках нет свидетельств о княжеских архивах других русских земель. Тем не менее, теперь нам ясно, что они были и в западнорусских княжествах. В них хранились не только полученные сообщения, но и копии всех отправленных. А это указывает на достаточно серьезно поставленное и развитое архивное дело в княжеских канцеляриях.

Торговые договоры Смоленска с Готским берегом

Смоленск был большим транзитным торговым центром на пересечении Пути из Варяг в Греки с западнодвинским, следовательно, там, как и в Новгороде, было много торгового люда (что мы видели еще на гнёздовской стадии этого города). Раскопки в большем торговом центре - Новгороде - показали, что грамотность там была широко распространена. Перепиской пользовались и купцы, которым необходимо было вести учет товаров, должников, поставщиков и т.д. По Уставу Ростислава 1136 г. мы видели, как учитывались письменно княжеские, а также и епископские, доходы.

С исторической точки зрения мне уже приходилось рассматривать дошедшие до нас торговые договоры между Смоленском и Готским берегом XIII в. {*Алексеев,* 1980. С. 25-29). Судя по хронике Генриха Латвийского, первыми "застрельщиками" в заключении торговых договоров с немцами были полоцкие торговые люди, заключившие недошедший до нас договор 1210 г. Однако в договоре 1212 г., по В.А. Кучкину, 1233-1240 гг. (1966. С. 106), первыми в договоре уже были названы смолняне, а потом полочане. Последующие договоры сохранились в нескольких редакциях (Смоленские грамоты XIII-XIV вв., 1963).

Смоленские грамоты представляют неоценимый источник по смоленской письменности XIII-XIV вв. Они позволяют восстановить "многие элементы фонетической системы смоленских говоров, выяснить их отношение к западным говорам русского языка и северо-восточным говорам Белоруссии... Смоленские грамоты имеют важнейшее значение для изучения русско-белорусских языковых отношений в их истории" (Смоленские грамоты XIII-XIV вв., 1963. С. 5). Они показывают широту использования письменности в Полотчине и Смолещине в то отдаленное время.

Из сказанного ясно, какое огромное значение для изучения истории письменности и широте ее распространения имеют берестяные грамоты простых людей нашей территории.

Берестяные грамоты из Смоленской земли

Археология показала, что на Руси широко пользовались берестой для переписки, записей для памяти и т.д. А.А. Медынцева резонно предполагает, что время возникновения кириллических записей было связано с реформами по "внутреннему государственному устройству (947 г.), установлению погостов, даней и оброков" *(Медынцева,* 2000. С. 255), т.е. тогда, когда Ольга, как мы говорили, проникла с этим и на нашу территорию, создала пункт сбора дани на р. Витьбе - Витебск. У нас появились надписи типа "горухща" (X в.). Можно думать, что здесь стали широко пользоваться кириллицей в XII в. (Борисовы и Рогволодов камень 1171 г.). В ХП-ХШ вв. начали пользоваться и берестой. Сейчас известны 17 берестяных грамот в Смоленской земле: 15 в Смоленске, по одной в Витебске и Мстиславле.

Первая грамота была найдена в Смоленске в раскопках Д.А. Авдусина в 1952 г. Она фрагментарна и представляла начало двух строк документа, написанного в ХП-ХШ вв.:

ПОКЛАНЕ
ВЛЕ ПОПЕ...

По-видимому, это было начало разорванного берестяного письма, традиционно начинавшегося словом "Поклон". Документ был найден севернее детинца на бывшей Армянской улице (Соболева), в раскопе № 3 *(Авдусин,* 1957. С. 248, 249).

Вторая смоленская грамота нашлась через 12 лет, в 1964 г. на настиле 1254 г. и датируется, таким образом, XIII в. Это обрывок левого края документа:

...НИ ДВЕМА ГРИВНАМА А ДРУГОМУ МОЛВЬ УСЕ...

По Д.А. Авдусину, здесь идет речь об уплате кому-то двух гривен, о чем надлежит передать третьему лицу и причем сказать ему о чем-то все полностью *(Авдусин,* 1966. С. 320-323).

Третья смоленская грамота была найдена почти рядом и тоже представляла собой обрывок:

...ВЫВЕЗТЬ СТОЛПЬЯ ПОШЛИ ОСТАШКА ПЛОТНИКУ ОТЬ...

По Авдусину: "столбы уже вывезли. Пошли Остатка (Остафия, Евстафия. - *Л А.)* к плотнику...". «Последнее слово, - писал Д.А. Авдусин, - сохранило только три буквы ОТЬ. В новгородских берестяных грамотах так, например, обозначается слово "отьцу"» *(Авдусин,* 1966. С. 323). Однако речь здесь явно не об отце. Слово ОТЬ есть в словаре И.И. Срезневского, что автор не использовал, и обозначает оно "пусть" *(Срезневский,* 1895. Т. 2. С. 827), встречается оно в "Русской Правде: ("оть идеть до конечьняго свода") и в летописях (в форме "ать" - "Ать Всеслава блюдуть") и т.д. Значение текста третьей грамоты очевидно: усадьба, где она найдена, была расположена у реки (Д.А. Авдусина удивляло: "бревна везли, а не сплавляли), но напрасно: лес пришел именно по Днепру. На его берегу он сушился и теперь следовало перевести его на усадьбу, а остаток посылался к плотнику, чтобы начинать обработку уже в усадьбе - пилить на доски. Если леса было много, то это большой труд для двоих.

Четвертая грамота, найденная в 1966 г. в слое 1270-1281 гг., представляла обрывок, где было несколько букв в двух строках (Авдусин, 1969. С. 186):

МОИ...
БЪ(БЫ?) Я

Пятая грамота не имеет стратиграфической даты и датируется лишь палеографически XIII в. Прочесть удается:

...(Ц)ЕЛОМЫ НИКОЛЫ ВАЛ(ОЮВА ?)

По предположению Д.А. Авдусина, грамота начинается "челобитьем" и, судя по дате - конец XII - начало XIII в., форма обращения "бью челом" здесь встречена раньше, чем в Новгороде. Автор отмечает, что в словаре И.И. Срезневского «иллюстративный материал к словам "чело", "челобитье" датируется XIV в. и позже» *(Авдусин,* 1969. С. 188-189).

Грамота № 6 не имеет признаков для датировки и представляет лишь маленький обрывок с неумело начертанной буквой М. *(Авдусин,* 1969. С. 189).

Грамота № 7 сохранилась в обрывке и датируется палеографически и дендрохронологически концом XII в. Содержит пять строк:

(ЕРЕ ?) МЕЯ СМЕОНА
ОВДОТИЕ ОЛЕ
КСЫ ОУЛИАНЫ
НАСТАСЫ ОЛИСЕЯ
ЛУКЫ ГЕРЕМЕЯ...

Это явно записка, подаваемая во время литургии - поминание за здравие или за упокой.

Грамота № 8 представляет обрывок документа, найденный в слое XII в. *(Авдусин, Мельникова,* 1985. С. 206). Сохранилась частично лишь нижняя часть букв. В.Л. Янин предложил читать:

(ПОЛ)Ъ ОСЪМЕ ГРИВНЕ

По утверждению авторов, судя по почерку, грамота эта написана тем же лицом, что и следующая грамота № 9.

Грамота № 9 - также обрывок документа. По предложнию В.Л.Янина, можно прочесть:

/ОТ ЖРОВЬЧА/ КЪ МОИСЕЮ. ВЪЗЕМИ ОУ ... /ГРИ/ВНЕ И ОСЬМЬ НЪГАТ/Е/ Ш А ОУ ЖРЫША ПЪ/ЛЪ/... *(Авдусин, Мельникова,* 1985. С. 207).

Грамота №10 представляет целый документ, где написано 16 имен в родительном падеже:

ДМИТРЯ ОГАФЕЕ ИВАНЯ НАСТАСИѦ
ѦКОВА ОВДОТЬЕ МИКИТЫ ИВАНЯ КОСТ
ѦНЯ ПАТРИКИѦ ВАРВАРЫ СЕРГЕѦ МА
КСИМЯ ФЕДОРЫ МИХЕѦ ОЗАРЕЕ

Данные палеографии и стратиграфии друг другу не противоречат - XII в.

Грамота №11 является, можно считать, самым интересным документом на бересте из Смоленска: она написана "младшерунических алфавитом в его средневековом (XII-XIV вв.) варианте" *(Авдусин, Мельникова,* 1985. С. 208) и человеком, явно привыкшим к подобному алфавиту. Е.А. Мельникова предлагает ее читать следующим образом:

... uiskaR tok rimi. pein.

... Viskarr (Visgeirr) tok rima pann.

Перевод: "Вискар (Висрайр?) взял (приобрел) этот участок земли" *(Авдусин, Мельникова,* 1985. С. 209).

Первое слово - мужское имя.

«До сих пор, - пишет Е.А. Мельникова, - берестяные грамоты, написанные скандинавским руническим письмом, не обнаружены ни в Скандинавии, ни на территории СССР. Однако об использовании бересты для письма говорит О л аи Магнус в "Истории северных народов"». *(Авдусин, Мельникова,* 1985. С. 209). Она отмечает далее, что владение скандинава Вискара, купившего землю в Смоленске, хорошо согласуется с данными истории и археологии. М.В. Седова, например, обнаружила в Суздале богатую усадьбу XI в., принадлежавшую явно скандинаву *(Мельникова, Седова, Штыхов,* 1983. С. 182-186). Среди обилия находок в доме и около, датируемых в основном XI в., выделяются две подвески, на одной из которых есть знаки, идентифицирующиея со знаками младшерунического алфавита *(Мельникова, Седова, Штыхов,* 1983. С. 184). Есть сведения, что в 80-х годах XI в. некий местный житель-скандинав Асгут задолжал вместе с жителями д. Погост на Селигере новгородскому ростовщику (берестяная грамота № 526 из Новгорода - *Авдусин, Мельникова,* 1985. С. 210). Не приходится удивляться, что некий скандинав Вискар в XII в. вполне освоился на землях у Смоленска и купил себе участок. Не исключено, что, как и в Суздале, эта земля находилась в самом городе Смоленске.

Как мы говорили, в Смоленске велись раскопки и в Заднепровье. Там также были обнаружены берестяные грамоты (№ 12-15) - все первой половины XII в.

Грамота № 12 найдена в кусочках, и ее удалось восстановить с некоторыми утратами. Она была заполнена с двух сторон, привожу текст ее и перевод:

(Ѿ) [И]ВАНЯ КО РОУСИЛЕ ВЪ ПРАВИ МИ ДЪБР...

- - - Ю ѦРИНЕ ВЪЗЕМИ ОУ КЪНЪЗЮЯ ГРВНОУ ОУ НЕЖ[Я]...

ЯЛ[И] ТИ НЕ ВЪДАСТЬ Я ВЪЗЕМИ (В)Ъ ТРЕТЬ Я ѦТИ...

КЪ ДА ЖЕ ТИ МИ БОУДЕТЕ ДЪБР[О] (Я) ПРИСЪЛОУ ТИ...

ОЖЕ ХЪЧЕШИ ПЪ-ЪНЕ Я ПРИСЛИ - - - - - [Е] ЧЕЛЪВ[Е]К...

Перевод: "От Ивана к Русиле. Добудь мне хороший (-ую, -ее, -их и т.д.)... Возьми гривну у Конозюя Нежатича (или: Нежатина брата, Нежатина внука и т.п). Если же он не даст, то займи в треть, а взять... Если у меня все будет хорошо, то пришю тебе... Если хочешь... то пришли... человека... Если же он (из контекста неясно, кто именно) начнет как-то хитрить (?)... то не вздумай (буквально не моги) ничего сказать". *(Асташова, Зализняк,* 1998. С. 338-339).

Грамота № 13 представляет также фрагмент, оборванный с трех сторон (сверху, слева и справа). Осмысленный текст восстановить нельзя. "Представляет интерес, - пишет А.А. Зализняк, - использование редкого глагола *крити* - купить, известного только из памятников раннедревнерусского периода" *(Асташова, Зализняк,* 1998. С. 340). Не вполне понятно, что подразумевает автор под термином "раннедревнерусский", какое время Древней Руси? Действительно, этот глагол фигурирует в Договоре Игоря с греками 945 г., в Русской Правде *(Срезневский,* 1893. Т. 1. С. 1341), в Смоленских грамотах XII-XIV вв.(1963. С. 38) и т.д.

"Глагол *кръноути,* являющийся индоевропейским наследием, совсем не зафиксирован в старших памятниках старославянской письменности, - писал А. С. Львов. - Поскольку этот глагол употребляется в таких оригинальных памятниках древнерусской письменности, как Смоленская грамота 1270-1277 гг., Рус[ская] Пр[авда] и в других, то нет сомнения, что употребление вместо него *коупити* - вторично" *(Львов,* 1975. С. 256). Как увидим, этот глагол использован и в берестяной грамоте из Мстиславля. А.А. Зализняк отмечает в другом издании, что этот глагол несколько раз встречается в берестяных грамотах, что это "одно из очень редких интересных для славянского и индоевропейского языкознания древнерусских слов" и «соответствует древнеиндийскому *krlnati* "покупает"», и с тем же значением известно в древнегреческом, древнеирландском, но "в других славянских языках он не сохранился" *(Янин, Зализняк,* 1986. С. 174). Приведем эти обрывки текста:

...ИН[Ъ П]РО...

...[Ъ]СОБЪ ВЪ...

...КРИЛЪ ЕС...

Из всего этого понятно лишь *собъ,* и *крилъ ес(мь)* [или *ес(и)] (Асташова, Зализняк,* 1998. С. 140).

Грамоты № 14 и 15 представляют мелкие обрывки, непригодные для расшифровки. Лишь стратиграфически можно указать, что они датируются в границах первой половины - середины XII в. *(Ас-*

Рис. 33. Берестяная грамота из Витебска (фото и прорись)

ташова, Зализняк, 1998. С. 341). Из Смоленской земли происходит и грамота, найденная на детинце в Мстиславле при раскопках 1980 г. *(Алексеев,* 1981. С. 330, 331).

Грамота из Мстиславля была найдена в нижних слоях древнего города, в ярусе, датирующемся вторым или третьим десятилетием XIII в. Это обрывок какой-то записи, где можно прочесть, разделив на слова:

... (Н) ИЦЕ ПОЛꙊПѦТЪ ГРИВН
... ИНИЛО СМЬН...
По-видимому:
(ПШЕ)НИЦЕ ПОЛꙊПѦТЪ ГРИВН(Ъ)
... (КР)ИНИЛО СМЬН... (*Алексеев*, 1983. С. 205, 207).

Текст мстиславльской грамоты приобретает смысл лишь в том случае, если считать, что слово "пшеница" имеет прямое отношение к выражению "полупятъ гривнъ", и речь, следовательно, идет о деньгах, на которые кому-то надлежало приобрести это зерно. Наиболее правдоподобным представляется следующий перевод документа:

... пшеницы четыре с половиной гривны
заплатил (купил?) Семен...

Письмо было послано на мстиславльский детинец и представляло, очевидно, отчет мстиславльскому князю о выполнении поручения. Миссия была ответственной, зерно покупалось на крупную сумму, ее выполняло несколько человек (не менее двух), один (Семен) был распорядителем финансов и главным покупателем (возможно, малограмотным), другой был грамотеем, информирующим князя о выполнении возложенного на них поручения. Должна была быть и охрана (если в стране голод, то большая). Было, несомненно, какое-то число подвод и один-два коня верховых для связи в пути с князем. Как мне удалось доказать при капитальном исследовании этого документа, зерно покупалось где-то в годину страшного голода 1219-1220 гг. *(Алексеев,* 1983. С. 210-211). Таким образом, этот маленький обрывок записки на бересте донес до нас сведение о весьма важном и солидном мероприятии в годину голода начала XIII в., которое предпринял мстиславльский князь, спасая свою семью и, вероятно, ближайшую обслугу.

Берестяная грамота из древнего Витебска (рис. 33) была обнаружена случайно при рытье котлована-траншеи на площади Свободы. Она представляет большую ценность - документ сохранился целиком, его текст вполне понятен и может быть прочитан:

Ѿ СТѢПАНА КО НЕЖИЛОВИ ОЖЕ ЕСИ ПРО
ДАЛО ПОРТЫ А КОꙊПИ МИ ЖИТА ЗА
·Ѕ· ГРРВЕНО АЛИ ЦЕГО ЕСИ НЕ ПРО
ДАЛО А ПОСЛИ МИ ЛИЦЕ МЕ АЛИ ЕСИ
ПРОДАЛО А ДОБРО СЪТВОРѦ ОꙊ
КОꙊПИ МИ ЖИТА

Перевод: От Степана к Нежилу. Если ты продал одежды, то купи мне на 6 гривен ячменя. А если чего-либо (из одежды) ты не продал, то пошли мне в наличности. Если же продал, то сделай милость - купи мне ячменя.

"Судя по математическим упражнениям, присоединенным в XIII-XIV вв. к Русской Правде (Список Оболенского), близким по времени к нашей грамоте, на 6 гривен можно было купить:

300 овчин или
12 свиней или
2 кобыл или
3 коров

или нанять двух батрачек на 12 лет" *(Дроченина, Рыбаков,* 1960. С. 283).

«Грамота Степана, - пишет Б.А. Рыбаков, - носит явные следы цокающего северо-западного про-

изношения ("цего", "поели"); она может быть и витебского, смоленского, и новгородского происхождения. Настоятельность просьбы Степана, поручившего Нежилу продать Степановы одежды и обязательно купить ему жита, быть может, объясняется недородом в том месте, где живет Степан. Возможно и другое, что Степан - портной, продающий свои изделия - "порты" и нуждающийся в продуктах питания.

Как бы то ни было, находка грамоты в Витебске расширяет список городов с берестяными грамотами...» (*Дроченина, Рыбаков,* 1960. С. 283).

Жаль, что нам неизвестна точная дата слоя, где найден документ. Палеография же дает только XIII в. Возможно, что это тот самый недород и голод, когда писалась мстиславльская грамота (1119-1120 гг.). Исключительно просительный и настоятельный тон витебской грамоты заставляет склоняться к мысли, что грамота писалась во время голода. Вряд ли мастер-портной так настоятельно "нажимал" на необходимость обмена "портов" на жито (даже не на пшеницу, как в Мстиславле), скорее это "спускал" с себя свое платье человек, остро нуждающийся в пище.

Эпиграфические материалы

Это особый раздел древнерусской письменности, и в наших землях его достаточно много.

Древнейшей русской надписью является надпись в одно слово, начертанное на корчаге из кургана X в. гнёздовского Смоленска:

ГОРОУХЩА

что значит "горчица". Курган находился в Лесной группе Гнёздова и содержал еще аббасидские диргемы (848-849 и 907-908 гг.) (*Авдусин,* 1970. С. 110-113). П.Я. Черных предложил читать "ГОРОУХШНА", что означает горчичные зерна, и слово это в древнерусском языке известно ("горюха" - горчица, "горюшьныи" - горчичный; *Срезневский,* 1893. Т. 1. Стб. 556, 559; "горушечный", "горушный", "горющный" - горчичный, "зерно горушно"; Словарь XI-XVII вв., 1977. Т. 4. С. 97). Что касается датировки кургана, где найдена была надпись, то ранее автор раскопок относил погребение к началу X в. (*Авдусин,* 1951. С. 79). В связи с возникшей у него идеей "омоложения" Гнёздовских курганов (критику этого см.: *Алексеев,* 1980. С. 141-142), Д.А. Авдусин настаивал на середине X в., правда, оговорив это словом "вероятно" (*Авдусин,* 1970. С, 113). В 1952 г. Т. Арне высказал мысль о том, что амфора с надписью привезена была из Крыма или византийских владений, и почему-то считал, что надпись была сделана именно там (*Arne,* 1952a. S. 342), последнее, как нам кажется, недоказуемо: надпись мог сделать продавец, вывозя на рынок, так же и покупатель, получив товар. Во всяком случае, для нас важно, что уже в середине X в. в среде русских людей, занимавшихся торговлей, было в обычае надписывать некоторые амфоры (которые по той или иной причине им нужно было выделить - для памяти?).

Особенно много различных надписей появилось в Западнорусских землях как в XII, так и в XIII в. Видимо, грамота распространялась между церковными, но теперь и довольно широко между светскими людьми. На каком материале преимущественно велись записи, мы не знаем.

Полоцкая земля богата была надписями на камнях, в частности, валунах, которыми изобиловал полоцкий моренный ландшафт. Самые известные из них - так называемые Борисовы камни (рис. 34-36). В русле Западной Двины ниже Полоцка были расположены четыре камня с иссеченным на них шестиконечным крестом и однообразной надписью:

ГОСПОДИ, ПОМОЗИ РАБУ СВОЕМУ БОРИСУ

Еще два таких камня были найдены на суше у д. Каменка в районе Вилейки Минской области и у д. Высокий Городец Толочинского р-на Витебской обл. Наконец, между Друцком и Оршей был еще один камень, так называемый Рогволодов камень с

В ЛЕТО 6679/1171 МАЯ В 7 ДЕНЬ ДОСПЕН КРЕСТ СИИ.
Г(ОСПОД)И ПОМОЗИ РАБОУ СВОЕМУ ВАСИЛИЮ, ВО КРЕЩЕНИИ
РОГВОЛОДК СЫНК БОРИСОВК

(цитирую по В.П. Тарановичу (1946. С. 249-260)).

В русле Западной Двины находились еще два больших камня:

СУЛИБОРЪ, ХРЬСТ

и

СВЯТОПОЛК АЛЕКСАНДР

пространной надписью и датой (рис. 37, 38):

(*Таранович,* 1946. С. 255).

Камни эти для краткости именуются обычно "Борисовыми", хотя надпись на одном сделана Рогволодом-Василием - сыном Рогволода-Бориса. Об этом последнем, по свидетельству П.И. Кеппена, впервые было сообщено в "Академических ведомостях" в 1772 г., что побудило графа Н.П. Румянцева разыскивать его (*Алексеев,* 19916. С. 256-265). Первое серьезное исследование надписи принадлежало генералу 1-й Армии графу Е.Ф. Канкрину (будущему министру финансов), который жил тогда в Шклове. Зарисовку и исследование надписи 8 октября 1818 г. он переслал графу Н.П. Румянцеву. Это письмо обнаружено мной в бумагах последнего (ОР РГБ. Р.а. 8.2. Л. 7-17). Частично оно было опубликовано в "Северной почте" (1818. № 89). Тщательный разбор надписи Е.Ф. Канкрином (*Алексеев,* 1996а. С. 31-34) показывает, что автор обладал пытливым умом и в своем изучении надписи на камне близок к современным исследователям.

Вопрос о назначении надписей на Борисовых камнях в Западной Двине окончательно и очень ярко был решен Б.А. Рыбаковым (19646. С. 26, 27; 1987. С. 674). Дата "Борисовых камней" обычно

Рис. 34. Второй Борисов камень. На камне - профессор И.А. Шляпкин.
Фотосъемка Императорской Археологической комиссии, 1896 г. (Архив ЛОИА)

Рис. 35. Рогволодов камень.
Фото Чистякова по приглашению профессора И.А. Шляпкина

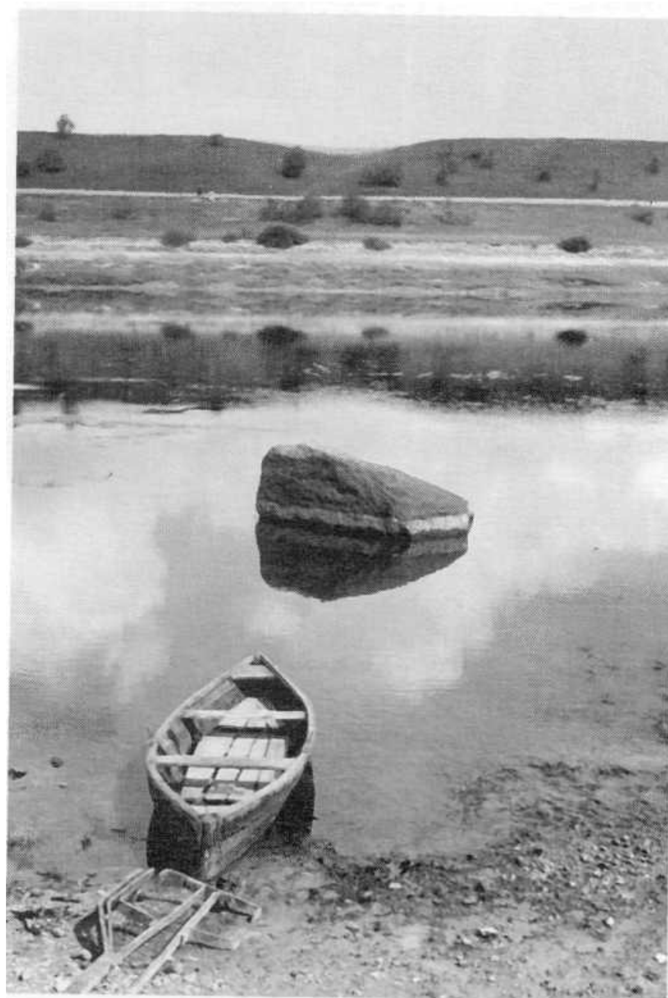

Рис. 36. Третий Борисов камень в Западной Двине.
Фото автора

Рис. 37. Последний Борисов камень перевозится в музей. 1970-е годы

Рис. 38. Рогволодов камень в часовне. Фото 1896 г.

справедливо связывается с полоцким князем Борисом Всеславичем, который княжил, как свидетельствует ученый, «с августа 1127 г. и не далее чем февраль 1129 г. Эта узкая дата позволяет нам понять, почему понадобилось во всех концах Полоцкой земли ставить кресты (с "Голгофой" как на церковных алтарных антиминсах) на камнях, высовывающихся из воды. Оказывается, князь Борис вступил на престол в разгар страшного неурожая и голода: весною снег лежал до 30 апреля, половодье было большим, "а на осень уби мороз вершь всю и озимице и бысть голод..." (НПЛ, 1950. С. 21, 206).

В следующем, 1128 г. голод принял ужасающие размеры. Люди ели мох, древесную труху, солому; Новгород был завален трупами: родители даром отдавали детей в рабство, чтобы сохранить им жизнь.

Все короткое княжение Бориса падало на это страшное время. И вот во время голода по приказанию князя на всех приметных (и, несомненно, почитавшихся) камнях высекаются однотипные надписи с именем Бориса. Один из камней близ самого Полоцка назывался "Борис-Хлебник". Налицо стремление противопоставить христианскую магию магии языческой» *(Рыбаков,* 1987. С. 674).

Интересно, что по мнению Б.А. Рыбакова, Рогвол о дов камень близ Орши с надписью:

В ЛѢТО 6679/1171 МАЯ В 7 ДЕНЬ ДОСПЕН КРЕСТ СИИ. Г(ОСПОД)И

ПОМОЗИ РАБУ СВОЕМУ ВАСИЛИЮ В КРЕЩЕНИИ ИМЕНЕМ РОГВОЛОДУ СЫНУ БОРИСОВУ (*Таранович,* 1946. С. 255).

иссечен сыном Бориса Всеславича Рогволодом-Василием Борисовичем тоже во время голода, "когда цена на рожь была такая же, как ив 1128 г. при его отце. Возможно, что изготовление надписи, законченное 7 мая, было начато в связи с празднованием 2 мая.

Связь полоцких крестов с культом Бориса и Глеба, а именно с его аграрно-магической сущностью, не подлежит сомнению" *(Рыбаков,* 1987. С. 674). Любопытно, что эта надпись иссечена в Друцком княжестве, которое являлось, как мы знаем, доменияльным владением рода Борисовичей *(Алексеев,* 1975. С. 224,225).

С сожалением следует сообщить, что в недавние

годы по распоряжению невежественных местных властей почти все Борисовы камни были уничтожены. Лишь один из них удалось перевезти полоцкому музею (рис. 36) и установить перед Софийским собором. Еще один Борисов камень, вывезенный в свое время М.Ф. Кусцинским, хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Рисунки и надписи на Борисовых камнях по разным изданиям собраны в книге недавно безвременно скончавшегося энтузиаста геолога Эрнеста Аркадьевича Левкова: "Молчаливые свидетели прошлого" *(Ляўкоў,* 1992. С. 99-120) с моим послесловием о Е.Ф. Канкрине.

Борис-Рогволод Всеславич правил в Полоцке в 1127-1128 гг., в период, судя по новгородским летописям, крайне неурожайный. Б.А. Рыбаков показал, что огромные кресты и надписи, призывающие помощь Бога его "рабу Борису", возникли весной 1128 г., в дни борисоглебских аграрных культов и празднеств (2 мая) и призывали всевышнего дать урожай. Надпись на Рогволодовом камне была иссечена сыном Бориса-Рогволода Рогволодом-

Василием в подражание отцу и, может быть, тоже в трудную годину *(Рыбаков,* 1964. С. 26, 27). Назначение двух оставшихся камней не определено.

Надписи на пряслицах (см. новое издание их: Медынцева, 2000). О степени распространения грамотности в Западнорусских землях свидетельствуют и надписи на предметах, находимых в раскопках. Чаще всего они встречаются на так называемых шиферных пряслицах. Мягкий розовый сланец, из которых они были выточены (на Волыни), позволял с известной легкостью по нему чертить. В Полоцкой земле, например, такие надписи найдены на двух пряслицах из Друцка[30]. Первое происходит из западной, как мы говорили, княжеской части детинца:

КЪНѦЖИНЪ

Пряслице должно было принадлежать какой-то княжне - она, видимо, как и все древнерусские женщины, занималась прядением. Однако на прясице стоит, как отметила А.А. Медынцева (1985. С. 226), "къняжинъ", а не "княгинин", что привело ее к мысли, что "надпись указывает на дарителя - князя", что вполне вероятно. Стратиграфически предмет датируется ХП-ХШ вв. (чему А.А. Медынцева находит и некоторые палеографические подтверждения). Тонкая уверенная рука князя, начертавшего надпись (по-видимому, это писал он сам) указывает на его привычку иметь дело с письменными документами.

Второе пряслице из Друцка, в отличие от предыдущего, не битрапецоидное, а зонное с процарапанным небольшим словом, происходит также с друцкого детинца. Считая, что некоторые буквы прочерчены не полностью, я предположительно читал "Ника" (победа) *(Алексеев,* 1966. С. 233, рис. 67, *3).* Однако А.А. Медынцева (1985. С. 227) установила, что в Болгарии до наших дней сохранилось женское имя Лила. Она отметила, что смутившие меня два "Л" (я их дописывал пунктиром) начертаны очень архаично и объясняется, как она думает, "манерностью" почерка. Пряслице найдено между бревнами строения XIII в., датируется XIII в., и надпись на ней следует читать:

ЛИЛЯ

При раскопках Минска на детинце было найдено два пряслица с надписями, так автором и не прочитанными *(Загорульский,* 1982. С. 250, рис. 153)[31]. Начертаны обе, по-видимому, одной и той же неумелой рукой (вероятно, женской). Первое пряслице с трудом и колебаниями все-таки можно прочесть, если учитывать, что косая перекладина в букве N написана в другую сторону:

ИРИНИНО

(может быть, Ѡриннно?)

Второе пряслице - битрапецоидное. Надписи находятся на обеих плоскостях, причем грамотей каждый раз заполнял нижнюю боковую плоскость, для чего пряслице каждый раз переворачивалось. На нижней, видимо, предполагалось написать то, что написано на предыдущем пряслице - ИРИНИНО, хотя настаивать на этом невозможно, во всяком случае, ясно, что хотели написать чье-то имя в притяжательной форме, как обычно и надписывали пряслица, однако возможно, что это неудачно написалось слово ПР(ЯСЛЪ)НЬ, после которого начертан разделительный крестик *(Загорульский,* 1982. Рис. 153). О стратиграфической датировке обоих пряслиц сведений нет, но любопытно, что оба пряслица надписывались явно одним (одной?) грамотеем (по-видимому, второе пряслице - неудавшийся опыт, после которого было решено надписывать только имя (Ирина)).

Пряслице из Витебска найдено мною в Краеведческом музее Витебска, и откуда оно происходит - неизвестно *(Алексеев,* 1955).Читается надпись легко:

БАБИНО ПРѦСЛЬНЕ

Надпись написана четко и грамотно, юс малый употреблен, как и О или Е правильно. Палеографически она датируется XI-XII вв. Не приходится сомневаться, что предмет надписан внучкой старой женщины - "бабы" в смысле "бабушка". Со всем этим согласилась и А.А. Медынцева (1985. С. 226), добавив и свои палеографические наблюдения. В данном случае важно, что такая надпись начертана грамотной женщиной, может быть и монахиней.

Представляет интерес в известном смысле и надпись на гродненском пряслице, найденном мной при разборке коллекции из раскопок Зд. Дурчевского в гродненском музее. Надпись читается легко, кроме последнего слова:

ГИ ПОМОЗИ РАБЕ СВОЕИ НЕДАН(Е?)

Надпись многократно публиковалась. Предполагалось несколько вариантов: И ДЛИ (Б.А. Рыбаков), **и не дяи (ей попшнгги в день скдныи -** Л.В. Алексеев), "Ги помози рабе своей Иелене" (В.Л. Янин). Однако Елена никогда не писалась через ИЕ. А.А. Медынцева выяснила, что существует в граффити и в грамотах мужское имя Недан *(Медынцева,* 1978. С. 159, № 219; *Арциховский, Борковский,* 1956. С. 73, № 134 - "А Недана пошли во Лугу ко Ильину дни", XIV в.), что позволяет считать, что существовало женское имя этой формы - Недана. Палеографически надпись датируется XIII в.

Второе гродненское пряслице обнаружено там же автором этих строк в 1948 г. Отчетливо читаются буквы:

Н МѦ . М

(Алексеев, 1955. С. 132, рис. 49). Неясность прочерченных линий затрудняет чтение. Очень предполо-

[30] Три пряслица с надписями найдены в Полоцке, но они нечитаемы *(Штыхов,* 1978. С. 138).

[31] Надпись эта в сводки А.А. Медынцевой не вошла, прочтена мною.

жительно М.В. Щепкина допустила, что начертано нечто вроде МИЛУИ МЯ, но настаивать на этом не решалась. Любопытно, что перед нами снова надпись на пряслице, как и на предыдущем, религиозного характера. Датируется надпись широко: XI-XV вв. Хотя по начертанию буква "И" похожа на букву XI-XII вв., когда перекладина писалась горизонтально, что подтверждается употреблением и юса малого *(Алексеев,* 1955. С. 132).

Очень любопытно, что манера писать на пряслицах надпись религиозного характера была, видимо, распространена в Гродненщине. Так, при раскопках в Волковыске на Замчище в 1956 г. найдено было розовое битрапецоидное пряслице, где была процарапана надпись:

ГИ, ПОМОЗИ РАБ(О)УС

(Зверуго, 1975. С. 125, 126, рис. 38, 9, на с. 124 - прорись).

По эпиграфическим данным, пряслице надписано в XIII в., хотя стратиграфически здесь дата иная.

В 1964 г. при раскопках Пинска П.Ф.Лысенко обнаружено пряслице с надписью в две строки. Как обычно, на нижней грани места не хватило и перешли на верхнюю. Надпись читается:

НАСТАСИНО ПР(Ѧ)СЛЪН(Є)

Последняя буква неясна. П.Ф. Лысенко предполагает, что здесь могло быть Е или Ъ, в крайнем случае "А". Дата - вторая половина ХП-ХШ в. *(Лысенко,* 1966б. С. 248-251).

Из надписей на других предметах укажем надпись на корчаге из Пинска (рубеж XII и XIII вв.):

(Ѧ)РОПОЛЧЕ ВИНО

(Равдина, 1957. С. 152, рис. 60). Ярополк получил Туров (и, видимо, Пинск в 1078 г. (ПВЛ, 1950. С. 135)).

НАДПИСИ НА ШТУКАТУРКЕ. Особый раздел древнерусской эпиграфики составляют надписи на церковных стенах, процарапанные прихожанами в какие-то, часто важные минуты их жизни. В изобилии они встречаются на штукатурке церкви Евфросинии Полоцкой, также в Смоленске и т.д. Мы уже видели надписи, касающиеся, по-видимому, религиозных споров с Авраамием Смоленским[32]. Смоленские граффити в свое время были описаны И.М. Хозеровым (хоры церкви Петра и Павла):

Г(и) помози рабу своему Василеви Усову

(Хозеров, 1928. С. 354). Н.Н. Воронин и П.А. Раппопорт (1969. С. 211, примеч. 12) считали, что это мог быть представитель верхов Петровской сотни, и по палеографии датировали надпись XII в.

Как мы хорошо знаем, делать надписи на стенах церквей строго возбранялось еще с церковного устава Владимира Святого: наказания сулили тем, кто "кр(е)стъ посЪсуть или на ст-внахъ рЬжуть..."(Древнерусские княжеские уставы, 1976. С. 23). Однако, со временем грамотность сильно, видимо, распространилась, и в ХП-ХШ вв. на стенах стали писать не только простые прихожане, но и князья и даже крупные церковные иерархии (например, запись на стене Софии Киевской о смерти Ярослава Мудрого *(Рыбаков,* 1964в).

При раскопках в Смоленске на Большой Рачевке храма, созданного по-видимому, при Давиде Ростиславиче (уже знакомом нам) в конце XII в. было найдено 7 кусков штукатурки с изображениями и надписями граффити.

На первом - батальная сцена: воины со щитами, оружием и надписями. Сохранилось 4 куска штукатурки:

БЛОУДО

Относилось к воину в шлеме, видимо, воевода Владимира Святого Блуда, а также:

Палеографически - XIII в. К этой же дате ведет миндалевидный щит, бытовавший в то время.

Граффити 2 не содержало понятных слов, хотя и состояло из трех строк.

Граффити 3 занимало лишь одну строку крупных букв, прочтению также не поддававшихся.

Граффити 4 - фрагмент какого-то явно молитвенного текста

БЪСПДОТЬ БИОХРА/ЩЕ И (?).

Граффити 5 - не было прочтено, как и *граффити 6,* написанное прекрасным уставом. Однако, самым замечательным было *Граффити* 7, которое удалось прочесть целиком:

Г(ОСПД)И, ПОМЪЗИ ДОМУ ВЕЛИКЬМУ НЬ ...

Граффити 8:

А В Р А М

Значение всех этих письмен, как мы видели, определил Б.А. Рыбаков.

При реставрации Коложской церкви в Гродно в "середине" северной стены нартекса в нише было выявлено граффити в 4 строки (рис. 39). Как считают авторы *(Гліньнік, Залізаў,* 1996. С. 85-88), ХП-ХШ в. на штукатурке:

СВАТЫИ СПАСЕ С[ВАДЧЕ ХРИСТОВЬ?]
СВАТЫИ СЕМЕВО [НЕ]СПАСИ (ПОМИЛУИ) / [МЕ]
ГРЕШНАГО СЕМЕНО ГРЕШНАГО МНОГО
(СГР) СРГЕШИВШВШ [АГО]...

Названные авторы уклоняются от трактовки этой надписи и ограничиваются лишь ее палеографией и сообщением, что храм был построен в 80-х годах XII в., очень скоро его оштукатурили, а в конце XIII - начале XIV в. его забросили из-за пожара. Есть мысль, это произошло во второй половине XIII - начале XV в. *(Гліньнік, Залізаў,* 1996. С. 87). Данная надпись серьезно пока не изучена.

Оригинальна надпись, сделанная не на кирпиче или глине, а на строительном валуне храма Софии Полоцкой. Мы помним, что этот храм (1062-1066) был выложен кладкой древнейшего на Руси типа - опус микстум - сочетание плинфы и валунных кам-

[32] Замечательные надписи о ВРАГАХ-ИГУМЕНАХ и др., см. с. 64.

Рис. 39. Гродно. Коложская церковь. Граффити на стене. Прорись

ней. На одном таком строительном валуне удалось прочесть надпись в две строки:

ДАВЫДЪ ТОУМА МИКУЛА
КЫПЬСЬ ТОУМА ѰСА(Л)

Камень был заложен в кладку фундамента, и надпись могла быть выполнена "возможно только в процессе строительства" *(Медынцева,* 2000. С. 91). По мнению Т.В. Рождественской (1992. С. 118-121), Тума, процарапавший надпись Давыд, Микула и Копос - все они участники строительства Софии, что датирует надпись серединой XI в. (точнее, мы бы сказали, началом 60-х годов XI в.). Тума, думает Т.В. Рождественская, - диалектное имя Фомы. А.А. Медынцева идет далее. Она предполгает, что Тума - не обязательно Фома (тогда, видимо, полагаем мы, было бы имя не Тума, а Тома). Вполне вероятно, что "перед нами запись о двух людях - Давыде-Туме и Микуле-Копосе, подписанная бытовым именем - Тума, что подтверждается расположением надписей. Во всяком случае, - заключает она, - ...эта надпись говорит о грамотности строителей храма" *(Медынцева,* 2000. С. 90). Вместе с тем кажется мало вероятным, чтобы мастер высек имена лишь двух собратьев по работе и *двойными* именами! Исследовательница забывает огромные трудности письма на исключительно твердом камне - валунах. Скорее Тума потрудился для четырех человек, давая им те имена, к которым привык. Надпись, безусловно, принадлежала строителям - ремесленникам, занимавшимся церковной плинфой - грамотеям.

Упомянем, наконец, датированный текст, выбитый на гранитном надгробии (редчайший случай: надгробия домонгольского времени неизвестны) монаха Зеновия, найденном в Смядынском монастыре Смоленска:

М(ЬСАЦА ІЮЛА 5 Д[Є]
НЬ ПРЬСТАВИЛ
ОСА РАБЪ Б(О)ЖИІ
ЗЕНЪВИІ ЧЪ
РНЪРНЗЬЦЬ

(Рыбаков, 1964. С. 41).

Особый интерес вызывает дата на оборотной стороне надгробия: В + О А =1 2 сотен + 71 = 1271 (чтение О.М. Бодянского) По свидетельству Б.А. Рыбакова, «мастер путал места Ъ и О ("престави лося", "чърнъризьць"). Буква а с петлей, образованной двумя параллельными линиям, и і десятиричное с перекрестием напоминают грамоты Онфима (Новгород. *-Л.А.),* датируемые временем около 1263 г.» Оборотная надпись интересна тем, «что она исчислена не "от сотворения мира", а по нашей эре» *(Рыбаков,* 19646. С. 41).

НАДПИСИ НА ПЛИНФЕ. Как известно, плинфы, из которых выкладывали домонгольские архитектурные строения, очень часто изобилуют какими-то знаками (среди них встречаются и знаки-тамги того или иного древнего князя и т.д.) *(Воронин,* 19546. Рис. 43, 66, 74, *а-г),* чаще всего на боковых сторонах кирпича (XII-XIII вв.). Однако самые ранние памятники имеют изображения, надписи на постелистой стороне плинфы - признак XI в.!

Так, при реставрационных работах в Полоцком Софийском соборе (1062-1066) в 1972 г. на постелистой стороне одной из плинф по сырому кирпичу до обжига было прочерчено несколько букв и знаков. Читаются они, по свидетельству А.А. Медынцевой (2000. С. 85) легко, но "понять смысл надписи очень трудно". В свое время Г.В. Штыхов (1978. С. 138) предложил следующий смысл надписи (с чем А.А. Медынцева не согласилась): «Речь идет о количестве плинф, - писал он. - На 99-й штуке сделана надпись-пометка, означающая, что в наличии есть 99 плинф, т.е. очередная - сотая. Трудно понять, почему все же указано не число 100. Надпись строительного характера. Особая

ценность ее в том, что она сделана древнерусским "плинфотворителем" середины XI в. Это служит подтверждением участия древнерусских мастеров в строительстве Полоцкой Софии».

Орудия письма

Весьма часто в археологических раскопках находят орудия письма, есть они и в Западнорусских землях. Это металлический стержень, которым писали на восковых дощечках, а лопаточкой на одном из его концов стирали написанное. Наблюдая за земляными работами в Новгороде, С.Н. Орлов (1962. С. 238, 239, рис. 1) обнаружил дощечку с углублениями для письма по воску с нанесенными внутри царапинами, чтобы воск держался прочнее. Возникло убеждение, что такими "писалами" писали на этих дощечках с восковым слоем в углублении. Три отверстия на выпуклом крае дощечки (род "рамки") показали, что в них продергивался шнур, держащий еще и вторую такую же дощечку. Было ясно, что это род древней записной книжки, которую, связав две дощечки, носили с собой. Существует мнение, что именно этими писалами процарапывали надписи на бересте. Дощечки иной формы именовались "церами", и эти церы были раскопаны и в Западнорусских землях, например, в слое середины XIII в. *(Алексеев,* 19956. Рис. 8,*1).*

А.Ф. Медведев описал 166 писал *(Медведев,* 1960. С. 64-72). Теперь их гораздо больше. Делались они из железа, бронзы, редко из кости. На нашей территории их найдено, по неполным опубликованным данным, 61 предмет, все они происходят, естественно, из городов:

1. Новогрудок- 14 *(Гуревич,* 1973. С. 29, табл. 1);
2. Волковыск - 12 *(Гуревич,* 1973. С. 29, табл. 1; *Зверуго,* 1989. Рис. 97);
3. Минск - 7 *(Загорульский,* 1982. С.248, рис. 52);
4. Друцк - 6 *(Алексеев,* 1966. С. 234, рис. 68,*1-4);*
5. Брест - 6 *(Лысенко,* 1999. С. 329, рис. 83, *10-15);*
6. Смоленск - 6 *(Асташова,* 1999. С. 115, рис. 4; *Урьева,* 1991. С. 99, рис. 14, *11);*
7. Мстиславль - 3, опубликовано лишь одно *(Алексеев,* 19766. С. 47, рис. 2, *10;* 19956. С. 73), II тип по А.Ф. Медведеву *(Медведев,* 1960. С. 73). В Мстиславле оно найдено в ярусе Ж - 1238-1249 гг. *(Алексеев,* 19956. С. 64). Два неопубликованных: одно напоминает бронзовое писало из Новогрудка *(Медведев,* 1960, рис. 5, *6* -XI-XII вв.), из предматерикового слоя (вторая половина XII в. - рубеж XП-XШ вв.). Второе неопубликованное писало по типу напоминает тип 10 по А.Ф. Медведеву (1960. Рис. *3, 8, 9* - первая половина XIII-XIVвв). Напоминает писало из Смоленска - XII - середина XIII в. *(Урьева,* 1991. С. 99, рис. 14,*11).* В Мстиславле найдено в слое, близком к материку (конец XII в.) *(Алексеев,* 19956. С. 73);
8. Брячиславль (Браслав) - 2 *(Алексеев,* 1960. С. 98, рис. 46,*13, 27);*
9. Случеск (Слуцк) - 2 *(Лысенко,* 1974. С. 151, рис. 47, 5);
10. Полоцк - 1 *(Штыхов,* 1975. С. 62, рис. 31, *8);*
11. Туров - 1 *(Лысенко,* 1974. С. 55, рис. 9,*14);*
12. Пинск- 1 *(Калядінскі,* 1993. С. 501);
13. Копысь- 1 *(Калядінскі,* 1993. С. 501).

Как мы знаем, проникновение на Русь славянской (кириллической) письменности связывается с эпохой княгини Ольги (ум. 969), с ее крещением, путешествием в Царьград (957), и ее сына Святослава (ум. 972), возможно, с его походами на Дунай (60-е - начало 70-х годов X в.). В то время Русь крещена еще не была, и надобность в письменности, следовательно, в то время нужно связывать не только со спорадическим проникновением к нам христианства, но главным образом с политическими и торговыми целями. "Теоретически можно предположить, - полагает А.А. Медынцева (2000. С. 255), - что именно время княгини Ольги, ее реформы по внутреннему государственному устройству (947), установлению погостов, даней и оброков - время принятия письменности в государственной сфере". Напомним, что по некоторым свидетельствам поздних летописей, двигаясь в псковско-новгородские земли для учреждения податных центров - погостов, Ольга, как мы говорили, прошла через земли современной Белоруссии и в устье Витьбы учредила такой погост - Витебск, видимо, и здесь появились после нее центры обложения, которые, как и везде, требовали письменных реестров дани, ее количества с каждого такого "Витебска" и т.д.

После принятия христианства богослужебные книги стали особенно необходимы. Книги хлынули на Русь. Мы говорили о громадной библиотеке болгарского царя Симеона, попавшей в Киев с принцессой Анной (М.В. Щепкина), говорили мы и о библиотеке в Софийском соборе Полоцка, разграбленной при взятии города Стефаном Баторием (1579 г.). Существование этой библиотеки в полоцкой Софии доказывается стремлением в ней работать Евфросинии Полоцкой, где она устроила даже целый скрипторий для переписки и создания новых книг (XII в.)!

В XII в. грамотность в Западнорусских землях перешла, по-видимому, в сферу переписки княжеской элиты, где она была необходима при военных походах Изяслава Мстиславича и его брата смоленского Ростислава. Если в середине XI в. грамотностью владели, очевидно, немногие гражданские лица (в частности, пришедшие, вероятно, из Греции, наши учителя - плинфотворители - (цифровые обозначения на подготавливаемых для полоцкой Софии плинфах - древнейшая надпись в землях Западной Руси), то в последующее столетие

грамотными были уже многие. Иссекались надписи на Борисовых камнях, делались надписи на штукатурках храмов, а некто Воинег из Полоцка, вероятнее всего купец, не очень твердый в грамоте (в своем имени путал написание "Н" и "N"), счел нужным оставить в Киевской Софии надпись не религиозного характера, а просто о себе самом, для потомства: ВОИНЕГЪ ПСАЛЪ ЖУРАГОВИЦЬ ПОЛОЦАНИНЪ [33]. Можно думать, что в то время каждый научившийся в какой-то степени грамоте, ощущал известную гордость и стремился это увековечить. В то время неграмотными было огромное большинство! Слово ПСАЛЪ подчеркивало, что надпись сделана самим Воинегом! *(Высоцкий,* 1966. С. 59, табл. XXV, 1).

И, конечно, большим доказательством проникновения грамотности в народную среду являются многочисленные "писала", постоянно находимые при раскопках городов и, в частности, западнорусских.

Таковы наши сведения о грамотности в Западнорусских землях. Наиболее интересные свидетельства о ней находим на штукатурке храмов (прежде всего, естественно, запись духовного лица и о "врагах- игуменах" в Смоленске).

Изученные материалы позволяют получить представление о древнерусской культуре домонгольского времени на примере Западнорусских земель. Что же можно сказать в заключение? Сильно ли отставала домонгольская Русь по развитию культуры от своего учителя Византии? Ответим словами крупного русского ученого:

"Если исходить из современных представлений о высоте культуры, признаки отсталости древней Руси действительно были, но, как неожиданно обнаружилось в XX в., они сочетались в древней Руси с ценностями самого высокого порядка - в зодчестве, в иконописи, в стенописи, в декоративном искусстве, в шитье, а теперь стало еще яснее - в древнерусской музыке и в древней литературе..." *(Лихачев,* 1984. С. 37).

---

[33] Хотя Воинег не был особенно грамотен, все-таки он донес до нас древнеполоцкое цоканье, характерное для более северных районов. Позднее, в XIV в. (в соседней, также цокающей Смоленщине) слово "полочанин" произносилось уже без этой диалектной особенности (Смоленские грамоты XIII-XIV вв., 1963. С. 72).

Заключение

Настоящее историко-археологическое исследование прошлого Западнорусских земель позволяет выделить большую территорию, игравшую, как оказалось, огромную роль в развитии домонгольской Руси, что в такой мере науке было неизвестным, ибо летописи об этом не сообщали. Это - обширные земли Днепро-Двинского междуречья, занимавшие все пространство Северной Белоруссии и современной западной Смоленщины. Изобилующие здесь многочисленные притоки Западной Двины и правого берега Днепра притягивали сюда многих иностранных купцов и торговцев, что заставило местное население организовать здесь сеть волоков и вступить с ними в коммерческие отношения. Благодаря находкам кладов арабского и западноевропейского серебра IX - начала XI в., удается выделить пять торговых путей, по которым эти сношения осуществлялись. Таковы коммуникации: Днепр - Двина через образовавшийся здесь "гнёздовский Смоленск" (неподалеку от более позднего Смоленска); Днепр - Двина через Оршу - Витебск (минуя "гнёздовский Смоленск"); Днепр - Двина через Друцк и Лукомль; Березина (днепровская) - Двина; Свислочь или Случь - Двина через Минск, Браслав, Миоры. Судя по тому, что древнейшие клады и монеты (IX в.) оказались сконцентрированными на Западной Двине и Днепре, а на остальных четырех путях их почти нет, следует заключить, что первоначально негоцианты ездили по этим большим рекам с переходом между ними у "гнёздовского Смоленска", через Витебск. Видимо, древнейший путь в Рижский залив был здесь. Вскоре проезжавшие купцы выяснили, что Рижского залива можно достигнуть не по "катетам" (Днепр - Смоленск - Витебск), а по "гипотенузе" - по четырем путям, минуя Смоленск.

Так в X в. возникли ответвления Пути из Варяг в Греки в сторону Северной Белоруссии. На некоторых из них было больше волоков, но, вероятно, это искупалось тем, что здесь меньше ездили, а торговля в пути с местными жителями (обладателями мехов, меда, мяса и пр.) была много выгоднее. Летописец ни словом не обмолвился об этих путях (о которых наверняка был осведомлен), так как главным путем он считал меридиональный (Днепр - Двина - Ловать), связанный с Новгородом, куда постоянно ездили не только коммерсанты, но и князья простые и "князья Церкви".

Местные жители были в значительной степени теперь славянами, врубившимися в эти лесные земли одно-два поколения назад, освоившиеся с местными условиями, быстро понявшими преимущества общения с проезжающими здесь по рекам. Выйдя к водным путям этих мест, они в значительной степени переориентировали свою обычную деятельность на торговлю, и земледелие стало занимать у них гораздо меньшее место. В пунктах общения с проезжающими они стали строить небольшие укрепления, "городки" (быстро обраставшие неукрепленными селищами), называя эти "городки" уже не по тотемическому принципу (или какому-либо еще), с которым, надо думать, пришли в восточные земли отдельными племенами[34], а по реке, где проходил мимо них путь. В "городках" сосредоточилась вся их нехитрая коммерческая деятельность, оказавшая в будущем огромное влияние на развитие всего Днепро-Двинского междуречья.

Сторонники диалектического материализма убеждали нас в том, что географическая среда не имела особого значения в развитии человеческого общества, ее роль была, якобы, незначительной и уж во всяком случае не решающей. Наши историко-археологические исследования Западнорусских земель показывают, что в определенные периоды истории это было далеко не так. Роль географического фактора на значительной части этой территории была вряд ли не господствующей. Еще В.О. Ключевский (1916. Т. 1. С. 143-145) отмечал, что "масса славянского населения занимала западную половину российских земель - ту, по которой протекал Днепр с притоками и сделался для восточных славян могучей питательной артерией народного хозяйства, втянув их в сложное торговое движение". Интуиция нашего выдающегося классика исторической науки не обманула. Высказанная им мысль блестяще подтвердилась составленными нами картами курганных захоронений Западнорусских земель, и более всего - на Пути из Варяг в Греки.

Широкий торговый оборот на этих территориях, мы видели, потянул за собой в местах торговли образование небольших центров, где стало возникать все больше ремесленное производство. По данным

[34] Не исключено, что при специальном рассмотрении эти наименования выявятся в современной топонимии (!).

археологии первое широкое распространение оно получило на древнейшем ответвлении Пути из Варяг в Греки в "гнёздовском Смоленске", а затем перекинулось и на другие "городки", постепенно превращая их в раннефеодальные города. От других дружинных городков Южной Руси (например, древлян) они отличались тем, что их первоначальной базой было не земледелие, а главным образом торговля. Но первоначальное "ремесло" тех и других было на "производственной" стадии и лишь затем превратилось в настоящее ремесло. Гнёздовская дружинная эпоха кончилась повсеместно и почти одновременно - в начале - первой половине XI в.

В наступившую раннефеодальную эпоху бывшие родоплеменные князьки начали быстро сменяться мощной княжеской властью - создавались раннегосударственные образования, обширные княжества - Полоцкое, Турово-Пинское, затем Смоленское (середина XI в.) и, наконец, Гродненское (начало XII в.). Большинство "городков" прежней эпохи переносилось на новые сильно укрепленные места поблизости или в некотором отдалении от "городков" прошлого, но, став теперь городами, все же сохраняли свои прежние "речные" наименования, что доказывает, что в них было переведено князем прежнее население "городка". Таковы Полоцк, Витебск, Смоленск, Менск и др.

Отныне типичный город этой поры имел следующие элементы:

1. Крепость - "детинец" - новое "молодое" укрепление (ср. значение: "д-ътинецъ" - молодой человек; юноша, "д-втина" - Словарь **XI-XVII** вв., 1977. Вып. 4. С. 238). Обычно - резиденция князя, с его теремами, княжеским двором с обслугой, с церковью князя, иногда с общим для всех, живущих на детинце, колодцем (Друцк) и мощной въездной башней, часто выводящей в "окольный город".

2. "Окольный город" (около чего-либо - Словарь XI-XVII вв. 1987. Вып. 12. С. 334), где были поселены, по-видимому, главные дружинники, знатные бояре при князе. Там стояла и "своя" церковь, возможно, жили и несвободные ремесленники, богатые воины и т.д. Вал Окольного города примыкал к детинцу, через него князь с дружиной выезжал наружу (Друцк, Минск и др.).

3. Всю крепость окружали ремесленные и торговые посады, была торговая площадь ("Торг") и, несомненно, одна или несколько церквей. Где-то внутри крепости находились и княжеские конюшни, находилось и "хозяйственное управление" князя.

4. Весь город окружал часто обширный, состоящий из многих отдельных частей, курганный могильник. Его принято было всячески беречь (Полоцк, Витебск) и в домонгольское время не застраивали.

Рано развившееся в наших землях Полоцкое княжество возникло в Хв. благодаря Днепро-Двинскому ответвлению Пути из Варяг в Греки. Его князь Брячислав уже в 1021 г. начал бороться с Ярославом Мудрым за овладение волоками на этом пути. Его талантливый сын Всеслав, порвав договор отца с этим киевским князем (1060?), всю жизнь отдал борьбе с Киевом и однажды даже завладел киевским столом (1067-1068). Он всячески укреплял свое княжество, строил крепости вблизи его границ (Минск и др.), соревнуясь с южной Русью и Новгородом, возвел в Полоцке грандиозный храм св. Софии. Его потомки не могли выдержать накала борьбы отца с Киевом, начали включаться в коалиции южнорусских князей, сражались между собой, что послужило к беспрецедентному ослаблению княжества. Высланные в Византию с семьями (1130), они окончили там жизнь, а вернувшиеся внуки Всеслава мало могли способствовать процветанию их княжества.

Много меньше мы знаем о Турово-Пинском княжестве, возникшем примерно тогда же, что и Полоцкое. Летописи не многословны, раскопки на территории этого княжества, гораздо более удаленного от водных путей, столь торных, как Полоцкое, не дали каких-либо особенно осязаемых результатов, отличных от других древнерусских земель. Здесь, в Турове постоянно сидели какие-либо отпрыски киевского великокняжеского дома, что даже дало М.Н. Тихомирову повод для утверждения, что Турово-Пинское княжество - научная фикция, с чем, однако, согласиться невозможно. Во главе княжества сменялись то Мономаховичи, то потомки его "законных" князей (потомков первого Туровского князя Изяслава Ярославича). В 1113 г., сев на киевское княжение, Мономах передал Туров Изяславичей своим потомкам, после его смерти (1125) там сидят длительно Мономаховичи. В 1139 г. они изгоняются оттуда, и город начинает принадлежать Всеволоду Ольговичу (1139), но по его смерти в Турове вновь оказываются Мономаховичи (Вячеслав) и т.д. Во второй половине **XII** в. Турово-Пинское княжество начинает дробиться, появляются упоминания князей Пинских. **В XIII** в. Туровские и Пинские князья по-прежнему зависят от Киева.

Позднее возникает Смоленское княжество (середина **XI** в.). Смоленском владеют то Мономах, то другие князья, из которых видное место принадлежит внуку Мономаха Ростиславу Мстиславичу (1125-1159). Он подобно Всеславу Полоцкому (XI в.) всемерно заботится об укреплении своего княжения, не забывая при этом и себя: организует свой домен с городами. Он укрепляет крепость Смоленска, воздвигает укрепленный центр в стране северных дреговичей (Минск), закладывает домениальные центры в землях северных радимичей (Ростиславль и Мстиславль), заложил, по-видимому, центр Дорогобуж, пребывает в постоянных походах со своим братом Изяславом Киевским, часто переписывется с ним с помощью гонцов и т.д.

Несмотря на то, что гнёздовский Смоленск был в расцвете в X в. и имел огромное значение для сво-

его времени, подлиный расцвет Смоленской земли падает на вторую половину XII - начало XIII в. Заглохший было Путь из Варяг в Греки как бы восстановился здесь, на Западной Двине и соединился с Днепром в районе нового Смоленска.

В первые десятилетия XII в. в западных землях Руси киевские князья на среднем и частично верхнем Немане создали Гродненское княжество. Позднее оно носило название "Черной Руси" и, возможно, действительно представляло "значительную военно-феодальную силу, стоящую в ряду старых Волынского и Туровского княжеств" (Воронин). Первым князем здесь был правнук Ярослава Мудрого Всеволодко Давыдович (ум. 1141 г.). Его сыновья выступают, как и он, в роли зависимых от Киева князей, участвуют в походах их на Галич (1144) и т.д. После 1183 г. о Гродно и гродненских князьях летописи больше не говорят.

В свое время В.Л. Янин и М.Х. Алешковский (1971. С. 55) отмечали, что "на огромных пространствах Новгородской земли практически почти нет городов, кроме Пскова, Ладоги, Руссы и Торжка. В то время, как в Южной Руси таких городов были десятки...". Они объясняли это тем, что "новгородская боярская знать с самого начала жила в Новгороде и не строила своих городов". На примере наших западнорусских городов это, по-видимому, находит себе и иное объяснение. Города возникали на торговых путях, где для торговли требовалось и ремесло. Новгород, Псков, Ладога и Старая Русса находились именно на мощном торговом пути, почему и возникли. На других пространствах Новгородской земли таких путей не было, следовательно, не было и городов. В Смоленщине также мало городов как таковых, и расположены они не в дебрях смоленских вятичей, а там, где шел путь - Путь из Варяг в Греки. На днепро-двинских же притоках положение было иным: обилие путей и волоков, ведущих в Прибалтику, обусловило большое количество здесь городов. Их меньше в Турово-Пинской земле из-за сравнительно малого количества торговых путей, соединявших Европу, Русь, арабский Восток (его серебро всегда находило себе покупателей) и другие страны.

Как бы то ни было, уже расположение путей в наших землях объясняет, таким образом, обилие ремесленных центров - городов, которым принадлежала огромная роль в развитии, прежде всего, Полоцкой, а затем и Смоленской земель. Археологические исследования полностью это подтвердили.

Постоянное общение с деятельностью Западноевропейского, Скандинавского и Византийского миров не могло не отразиться самым благоприятным образом на деятельности населения Западной Руси. Это в значительной степени касалось развития там ценностей культуры. Не случайно первой была христианизирована Полоцкая земля, находившаяся на самых торных водных путях. Сильно христианизированы были и полоцкие князья (Рогнеда и др.). Не случайно первые сведения о строительстве ранних церквей восходят именно к Полоцкой земле, храмы были построены уже в 1001 г. (Друцк) и в 1007 г. (Полоцк). Первый каменный храм св. Софии был возведен тоже в Полоцке (1062-1066). Смоленская земля, если верить источнику, была христианизирована позднее - в 1013 г., т.е. в самом конце "гнёздовской эпохи", а первый каменный храм здесь был построен Владимиром Мономахом лишь в 1101 г. на новом смоленском детинце.

Христианство было глубоко прогрессивным явлением в истории. Оно несло с собой просвещение: философские идеи мироздания, нравственный кодекс, грамотность и т.д. Все это было необходимо человеку, погрязшему в то время в языческом "мракобесии". В Западнорусских землях с конца X - начала XI в. начали возникать монастыри - основной рассадник новых идей, создавались епископские кафедры - Полоцк (начало XI в.?), Туров (тогда же), Смоленск (1136 г.) и т.д. Проникла сюда и идея подвижничества - святости "на путях мученичества, аскезы" (что было легче и проще - Кирилл Туровский, Авраамий Смоленский), чем "труженичества" (Евфросиния Полоцкая) *(Топоров,* 1995). Тем не менее, то и другое направление, можно не сомневаться, имело огромное развивающее значение для христианской массы, далеко не сразу порвавшей с прошлыми верованиями.

Искусство воплощает в своих произведениях эволюцию прежде всего художественных взглядов общества той или иной эпохи. В нем как в фокусе выявляются также его религиозные, философские, экономические и политические воззрения и т.д. Первое место здесь принадлежит, безусловно, архитектуре, связанной с непосредственными духовными потребностями и материальными (строительство) возможностями людей. Огромное значение для духовного развития Западнорусских земель имело строительство храмов и монастырей, особенно тогда, когда туда стали проникать идеи каменного зодчества Византии. Уже в эпоху раннего феодализма (X-XI вв.), когда в Киеве, Новгороде возводились огромные и величественные соборы св. Софии, в Полоцке немедленно возникла своя София, которую строили не византийские зодчие, приглашенные в Южную Русь, а особые греческие мастера, специально вызванные Всеславом Полоцким в его княжество (1062-1066). Идея обстройки Полоцка религиозно-художественными памятниками архитектуры не покидала после его смерти и Всеславичей, однако, не будучи столь богатыми, как их отец в прошлую эпоху, они и устремили свои взоры лишь на Киев. Это было теперь не соревнование, а в значительной степени подражание, и взоры их остановились на мастерах, отстроивших только что в Киеве церковь Спаса на Берестове. Им и принадлежит строительство мужского Бельчицкого монастыря в начале XII в., где возведен

был большой Успенский собор (видимо, детище всех сыновей Всеслава), роскошная усыпальница полоцких епископов - в женском Преображенском монастыре, посвященная видимо, св. Георгию Победоносцу - патрону одного из младших сыновей Всеслава, отцу Евфросинии Полоцкой (он же и ктитор?). Есть основания полагать, что некоторые из полоцких храмов первых десятилетий XII в. (храм Бориса и Глеба на "Нижнем Замке", ктитор Борис Всеславич?) также возводились Всеславичами. Ослабление княжества в 1120-1230-х годах полностью отразила и архитектура: каменные церкви прекратили строить.

Однако в недрах искусства архитектуры Полоцка, как думают исследователи (Н.Н. Воронин), зрели некоторые художественные идеи, связывавшие статичные традиции строительства византийских храмов, пришедших на Русь, с привычным для русского глаза образом "высотности" построек "седой старины" из дерева. Это послужило причиной поиска "высотности" в 1140-х годах, когда в Полоцке возобновилось церковное строительство (две церкви Бельчицкого монастыря и затем - храма Евфросинии в Спасо-Преображенском монастыре). Инициатором новых, теперь "высотных", храмов был, по-видимому, местный зодчий (монах Бельчиц?) Иоанн, изобретший особую конструкцию для такого храма, воплотивший ее в своей знаменитой Евфросиниевской церкви (перед 1161 г.). Зодчие Полоцка второй половины XII в. (ученики Иоанна?) за ним не пошли, их вариант "высотности" храма с тремя притворами имел большой успех, его подхватили в разных княжествах, но через 200-300 лет все памятники этой конструкции (за исключением храма Михаила Архангела, сооруженного в Смоленске полоцкими зодчими), полностью обрушились... *(Воронин, Раппопорт,* 1979. С. 390, ел.).

Смоленское каменное зодчество началось на 50 лет позднее, чем в Полоцком княжестве, строительством Мономахом Успенского собора на смоленском детинце (1101). Развитие этой архитектуры отразило полностью строительство церквей в Смоленске в XII-XIII вв. - рост могущества княжества:

Начало XII в. - построен 1 собор.
Вторая четверть XII в. - построено 3 храма.
Третья четверть XII в. - построено 3 храма.
Четвертая четверть XII в. - построено 7 храмов.
Первая четверть XIII в. - построено 5 храмов.
(Раппопорт, 1976. С. 92, табл. 1).

В Смоленске во второй половине XII в. и начале XIII в. интенсивно выполняли заказы две артели зодчих, каждая из которых строила уже по-своему! Это было время, когда заказчиками были уже не только князья, но и (с 1160-х годов) церковные иерархи и даже светские деятели (Раппопорт). Стремление к "высотности", начавшееся в Полоцкой земле в начале XII в., а потом и в его середине, продолжилось в смоленском зодчестве второй половины XII - начала XIII в.

Широчайший простор общения самых высших (в городах) и самых низших (в дремучих лесах на волоках) слоев населения с лучшими, энергичнейшими представителями других городов и стран имел, несомненно, важнейшее значение для всей Руси, для ее экономического, культурного развития, просвещения и т.д. Мы теперь понимаем, какое огромное значение имели для Руси днепро-двинские ответвления Пути из Варяг в Греки, начертанного летописцем лишь в меридиональном направлении. Мы можем не сомневаться, что большая часть товаров, "заморских" изделий, монет попадала на Русь и из Руси не только через Смоленск - Новгород (и обратно), но в значительной степени через Днепро-Двинское междуречье, гарантией чего могут быть эти изделия и монеты, осевшие в IX - начале XI в. в Северной Белоруссии, в Полоцке, Витебске, Московцах под Браславом, и, наконец, конечно, уникальный по этим находкам Новогрудок! Вторая волна торговцев-воинов хлынула в Западные земли Руси, мы видели, в первой половине XIII в. И вновь началась торговля с иностранным миром, возникли и тесные сношения с иностранным купечеством - немецкие купцы обосновались даже в новом Смоленске.

Однако зловещий для Руси XIII в. внес и здесь свои коррективы. Страшное татаро-монгольское нашествие (1237-1240) Западнорусских земель почти не коснулось (лишь на обратном пути из Европы татары прошли южной частью Брестчины, 1241 г.), и в эти земли лишь ворвались толпы беженцев (будущий друцкий князь Димитрий и др.). Русь была парализована в своей большей части, а западным землям предстояло бороться самостоятельно с двумя врагами: Ливонским Орденом, только что объединившимся с изгнанными из Палестины (1237) "тевтонскими рыцарями", также и с литовскими воинами, создающими (и за счет соседей) свое раннефеодальное государство. Помощи не было, большая часть этих земель надолго отошла к Литве.

Так кончилась сложная жизнь домонгольской Западной Руси в XIII в., игравшей такую важную роль в становлении Древнерусского государства.

Потребовался не один век, чтобы залечить эти раны.

Итак, все данные, которыми мы теперь располагаем (беспрецедентное обилие днепровских кладов арабского серебра IX - начала XI в., уникальное храмостроительство XII в. и т.д.), приводят нас к убеждению, что западные земли домонгольской Руси (и прежде всего земли Северной Белоруссии), вопреки молчанию летописей, играли огромную передовую роль в экономическом, политическом и культурном развитии всего Киевского государства.

Список использованной литературы

Аввакум, протопоп, 1934. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М.
Гейденштейн Р., 1889. Записки о московской войне. СПб.
Генрих Латвийским, 1938. Хроника Ливонии. М.; Л.
Древнерусские княжеские уставы. М., 1976.
Изборник 1076 года. М., 1965
Иларион, 1986. Идейно-философское наследие Илариона Киевского. М. Ч. 1.
Иоанн Дамаскин, 1844. Точное изложение православной веры. М.
Иоанн Златоуст, 1889. Наставление о молитве и трезвении // Святоотеческие наставления и трезвения. М.
Лопарев Х., 1892. Послание митрополита Климента к Смоленскому пресвитеру Фоме: Неизданный памятник литературы XII в. // ПДПИ. СПб. Вып. 90.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
Патерик Печерский или отечник. Киев, 2003.
Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1.
Повесть о Ефросиний Полоцкой из сборника XVI в. Троицко-Сергиевой Лавры // ПЛ. СПб., 1862. Вып. 4.
Псковские летописи. М., 1955. Т. 2.
ПСРЛ. Л., 1927. Т. 1, вып. 2: Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку.
ПСРЛ. СПб., 1843 Т. 2: Ипатьевская летопись.
ПСРЛ. М., 1962. Т. 2: Ипатьевская летопись.
ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3: Новгородские летописи.
ПСРЛ. СПб., 1848. Т. 4: Новгородская четвертая летопись. Псковская первая летопись.
ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5: Псковские и Софийские летописи.
ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6: Софийские летописи.
ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку.
ПСРЛ. М., 1965. Т. 9: Патриаршая или Никоновская летопись.
ПСРЛ. М., 1965. Т. 11: Патриаршая или Никоновская летопись.
ПСРЛ. М., 1965. Т. 13: Патриаршая или Никоновская летопись.
ПСРЛ. М, 1965. Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью.
ПСРЛ. СПб., 1907. Т. 17: Западнорусские летописи.
ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21: Степенная книга.
ПСРЛ. М., 1949. Т. 25 : Московский летописный свод конца XV века.

Полную библиографию см. в книге первой.

ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26 : Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.
ПСРЛ. М., 1965. Т. 29: Лебедевская летопись.
ПСРЛ. М., 1975. Т. 32: Хроники: Литовская, Жмойтская и Быховца - Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного.
ПСРЛ. М., 1982. Т. 37: Устюжско-вологодские летописи XVI-XVII вв.
ПСРЛ. М., 1989. Т. 38: Радзивилловская летопись.
Радзивиловская или Кёнигсбергская летопись. СПб., 1902.
Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950.
Смоленские грамоты XIII-XIV вв. М., 1963.
Хроника Быховца. М., 1966.
Gwagnin AL, 1578. Sarvmatiae Europa descriptio. Cracowiae.
Авдусин Д.А., 1951. Раскопки в Гнёздове // КСИИМК. М.; Л. Вып. 38.
Авдусин Д.А., 1957. Смоленская берестяная грамота // СА. № 1.
Авдусин Д.А., 1962. Смоленская ротонда // Историко-археологический сборник: (к 60-летию А.В. Арциховского). М.
Авдусин Д.А., 1966. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1964 года // СА. № 2.
Авдусин Д.А., 1969. Смоленские берестяные грамоты из раскопок 1966 и 1967 годов // СА. № 3.
Авдусин Д.А., 1970. Гнёздовская корчага // Древние славяне и их соседи: (к 60-летию П.Н. Третьякова). М. (МИА; № 176).
Авдусин Д.А., 1978. VII всероссийская конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии // СА. № 3.
Авдусин Д.А., Мельникова Е.А., 1985. Смоленские грамоты на берёсте (из раскопок 1952-1968 гг.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1984 г. М.
Аделунг Ф., 1863. Древнейшие путешествия иностранцев по России // ЧОИДР. М. Вып. 2, разд. 3.
Алексеев Л.В., 1955. Три пряслица с надписями из Белоруссии // КСИИМК. Вып. 57.
Алексеев Л.В., 1957. Лазарь Богша - мастер-ювелир XII в. // СА. № 3.
Алексеев Л.В., 1959. Еще три шиферных пряслица с надписями // СА. № 21.
Алексеев Л.В., 1960. Раскопки древнего Браславля // КСИА. Вып. 81.
Алексеев Л.В., 1962. Художественные изделия косторезов из некоторых древних городов Белоруссии // СА. № 4.
Алексеев Л.В., 1966. Полоцкая земля. М.
Алексеев Л.В., 1972. Грамота Ростислава Мстиславича Смоленского 1136 г.в свете данных археологии // Беларускія старажытнасці. Мінск.

Алексеев Л.В., 1974а. Мелкое художественное литье из некоторых Западнорусских земель: (кресты и иконы Белоруссии) // СА. № 3.
Алексеев Л.В., 19746. "Оковский лес" Повести временных лет // Культура средневековой Руси: посвящается 70-летию М.К. Каргера. Л.
Алексеев Л.В., 1974в. Устав Ростислава Смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли // Siowianie w dzeyach Europy. Poznac.
Алексеев Л.В., 1975. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X-XШ вв. М.
Алексеев Л.В., 1976а. Домен Ростислава Смоленского // Средневековая Русь: памяти Н.Н. Воронина. М.
Алексеев Л.В., 19766. Древний Мстиславль // КСИА. Вып. 146.
Алексеев Л.В., 1978. Некоторые вопросы заселенности и развитие западнорусских земель в IX-XI1I вв. // Древняя Русь и славяне: (к 70-летию Б.А. Рыбакова). М.
Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX-XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.
Алексеев Л.В., 1981. Исследование Мстиславля // АО 1980 г. М.
Алексеев Л.В., 1983. Берестяная грамота из древнего Мстиславля // СА. № 1.
Алексеев Л.В., 1987. Капитальное исследование по начальной истории Минска // СА. № 2.
Алексеев Л.В., 1988. Игнатий Кульчинский - первоисследователь белорусских древностей // Древность славян и Руси: к 80-летию Б.А. Рыбакова. М.
Алексеев Л.В., 19916. Е.Ф. Канкрин и история открытия "Борисовых камней" в Белоруссии // СА. № 2.
Алексеев Л.В., 1993а. Крест Евфросинии Полоцкой 1161 года в средневековье и в позднейшие времена // СА. № 2.
Алексеев Л.В., 19936. Проблема становления культово-оборонного зодчества Руси в свете раскопок в Мстиславле (Белоруссия) // РА. № 4.
Алексеев Л.В., 1995. Мстиславский детинец в XII-XIV вв. // СА. № 3.
Алексеев Л.В., 1996а. Археология и краеведение Белоруссии с XVI века по 30-е годы XX века. Минск.
Алексеев Л.В., 19966. Великая просветительница белорусских земель XII века Преподобная Ефросиния Полоцкая // Алексеев Л.В., Макарова Т.И., Кузмич Н.П. Крест - хранитель всея вселенныя. Минск.
Алексеев Л.В., 1996в. Домонгольская архитектура Полоцкой земли в историческом осмыслении // РА. №2.
Алексеев Л.В., 1998а. Менские дреговичи и полоцкие князья // РА. № 2.
Алексеев Л.В., 19986. "Меньск" и Минск: (к начальной истории белорусской столицы) // Культура славян и Руси: (к 90-летию Б.А. Рыбакова). М.
Алексеев Л.В., 1998в. Минск и Друцк // Славяне и их соседи: к 70-летию Э.М. Загорульского. Минск.
Алексеев Л.В., 2000. Детинец Мстиславля в XIV-XVII вв. // РА. № 2.
Алексеев Л.В., 2002а. Древний Друцк: (письменные источники, топография, время возникновения): к празднованию тысячелетия Друцка //РА. № 1.
Алексеев Л.В., 20026. Друцк в XII-XVI вв.: (общие вопросы истории памятника) // РА. № 2.
Алексеев Л.В., Макарова Т.И., Кузмич Н.П., 1996. Крест - хранитель всея вселенныя. Минск.
Алешковский М.Х., 1972. Русские глебоборисовские энколпионы 1072—1160 гг. // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.
Аляксееў Л.В., 1969. Крыж Еуфрасініі Полацкой // Маладосць. № 7.
Аляксееў Л.В., 1996а. Гродна і помнікі Панямоння. Мінск.
Аляксееў Л.В., 19966. "Менскія дрыгавічы і полоцкія князі // Беларускі гістарычны часопіс. № 4.
Арсеньев В., 1832. Состояние Спасской церкви близ Полоцка в 1832 г.: (письмо могилевского епископа князю Н.Н. Хованскому 30/10 февраля 1832 г.) // ВГВ. 1910. № 108.
Артамонов М.И., 1958. Саркел - Белая Вежа // МИА. №62.
Арциховский А.В., 1948. Оружие // История культуры древней Руси. М.; Л. Т. 1.
Арциховский А.В., Борковский В.И., 1958. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953-1954 гг.). М.
Асеев Ю.С., 1980. К вопросу о времени основания киевского Софийского собора // СА. № 3.
Асташова Н.И., 191 А. Энколпион из Гнёздова // СА. №3.
Асташова Н.И., 1999. Хронология смоленских древностей // Археологический сборник: (памяти Майи Васильевны Фехнер). М.
Асташова Н.И., Зализняк А.А., 1998. Берестяные грамоты из раскопок в Заднепровье Смоленска // Историческая археология: (к 80-летию Д.А. Авдусина). М.
Афанасьев А., 1869. Поэтические воззрения славян на природу. М. Т. 3.
Афанасьев КН., 1961. Построение архитектурных форм древнерусскими зодчими. М.
БанкА.В., 1967. Искусство // История Византии. М. Т. 2.
Барсуков Н., 1882. История русской агиографии. СПб.
Батюшков П.Н., 1890. Белоруссия и Литва: Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб.
Белогорцев И.Д., 1952. Новые исследования древнесмоленского зодчества //МИСО. Смоленск. Вып. 1.
Белогорцев И.Д., 1963. Кирпичные постройки XII в. в Смоленске // МИСО. Смоленск. Вып. 5.
Богданов В.П., Рукавишников А.В., 2002. Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII - первой трети XIII в. // ВИ. № 10.
Богусевич В.А., 1963. Розкопки в Путивльскому кремлі // Археоloія. Кйі'в. Т. 15.
Брунов Н.И., 1924. Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 года. М.
Булкин Вал.А., 1983. Проблемы изучения полоцкого Софийского собора // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвящ. 150-летию Киева. Минск.
Булкин Вал., Булкин Вас, 1980. Седую древность постигая // Неман. Минск. № 3.
Булкин Вал.А., Булкин Вас.А., Смирнов В.Н., Ратнер И.Е., 1979. Работы в Полоцке // АО 1978 г. М.
Вагнер Г.К., 1978. О чертах космологизма в народном искусстве // Древняя Русь и славяне: (к 70-летию Б.А. Рыбакова). М.

Вагнер Г.К., 1990. Искусство мыслить в камне. М.
Василенко В.М., 1911. Русское прикладное искусство: Истоки и становление. I в. до н.э. - XIII в. н.э. М.
Воронин Н.Н., 1954а. Архитектурный памятник как исторический источник // СА. Т. 19.
Воронин Н.Н., 19546. Древнее Гродно: по материалам раскопок (1932-1949 гг.) // МИА. № 41.
Воронин Н.Н., 1954в. У истоков русского национального зодчества // Ежегодник ИИИ. 1952. М.
Воронин Н.Н., 1956. Бельчицкие руины // Архитектурное наследство. № 6.
Воронин Н.Н., 1961. Зодчество Северо-Восточной Руси в XII-XV вв. М. Т. 1.
Воронин Н.Н., 1962. К истории полоцкого зодчества XII в. // КСИА. Вып. 87.
Воронин Н.Н., 1964. Смоленские граффити // СА. № 2.
Воронин Н.Н., 1977. Смоленская живопись XII—XIII веков. М.
Воронин Н.Н., Жуковская Л.П., 1976. К истории смоленской литературы XII в. // Культурное наследие Руси. М.
Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1969. Раскопки в Смоленске в 1966 году // СА. № 2.
Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979. Зодчество Смоленска XII-XIV вв. М.
Высоцкий С.А., 1966. Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев.
Гліньнік В., Залізаў /., 1996. Калажанскія граффіці з XIII ст. // ГАЗ. Мінск. Вып. 8.
Голубовский П.В., 1895. История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев.
Греков Б.Д., 1949. Киевская Русь. М.
Грушевский А.С, 1901. Очерки истории Турово-Пинского княжества: (XI-XIII вв.) Киев.
Гуревич Ф.Д., 1962. К истории древнего Новогрудка // Swiatowit. Warszawa. Т. 24.
Гуревич Ф.Д., 1964. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке // Вып. 99.
Гуревич Ф.Д., 1965. Изображения музыкантов Древней Руси // СА. № 2.
Гуревич Ф.Д., 1973. Грамотность горожан древнерусского Понеманья // КСИА. Вып. 135.
Гуревич Ф.Д., 1981. Древний Новогрудок. Л.
Гуревич Ф.Д., 1986. О времени постройки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. Вып. 187.
Даркевич В.П., 1963. Костяное навершие из Волковыска // КСИА. Вып. 96.
Даркевич В.П., Пудовин В.К., 1960. Раскопки на Севском городище // КСИИМК. Вып. 79.
Джаксон Т.Н., 1991. Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и ее соседей X-XШ вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988-1989. М.
Достоевский Ф.М., 1984. Поли. собр. соч.: в 30 т. Л. Т. 26.
Дроченина Н.Н., Рыбаков Б.А., 1960. Берестяная грамота из Витебска // СА. № 1.
Дубровин Г.Е., Малыгин П.Д., Сарафанова Н.А., 2002. Археологические исследования в Торжке // АО 2001 г. М.
Еремин И.П., 1956. Литературное наследие Кирилла Туровского//ТОДРЛ. Т. 11, 12.
Жыватворны сімвал бацкаушчыны: Гісторыя Крыжа святой Еуфрасініі Полацкай. Мінск, 1998.
Загорульский Э.М., 1982. Возникновение Минска. Минск. *Загорульский Э.М.,* 1993. Древнейший храм Минска.
Минск. *Загорульский Э.М.,* 2004. Вищинский замок XII—XIII вв.
Минск.
Замалеев А.Ф., 1987. Философская мысль в средневековой Руси. Л. *Зверуго Я.Г.,* 1975. Древний Волковыск (X-XIV вв.).
Минск. *Зверуго Я.Г.,* 1989. Верхнее Понеманье в IX-XIII вв.
Минск.
Знаменский П., 1888. Руководство по церковной истории. СПб. *Иванов В.,* 1973. Крест: (знак и значение) // Журн. Моск.
патриархии. М. № 1.
Изюмова С.А., 1949. Техника обработки кости в дьяковское время и в древней Руси // КСИИМК. Вып. 30. *Иконников В.С.,* 1908. Опыт русской историографии.
Киев. Кн. 2, вып. 1, 2. История Византии. М., 1967. Т. 2. *Кайгородов Н.,* 1914. Полоцк и его церковно-археоло-
гические древности // Светильник. СПб. № 2.
Калядінскі Л.В., 1986. Марьина пряселка // Білорусь. №8. *КалядінскіЛ.В.*, 1993. Писала // Археалогія і нумізматы-
ка Беларусі: Энцiклапедыя. Мінск. *Карабушкіна Т.Н.,* 1999. Насельніцтва беларускага Па-
бужжа X-XIII ст. Мінск. *Карамзин Н.М.,* 1842. История государства Российского.
СПб. Т. 3.
Каргер М.К., 1951. Археологические исследования древнего Киева. Киев.
Каргер М.К., 1958. Древний Киев. М.; Л. Т. 1. *Каргер М.К.,* 1961 . Древний Киев. М.; Л. Т. 2. *Каргер М.К.,* 1964а. Древнерусская монументальная живопись XI-XIV вв. М.; Л. *Каргер М.К.,* 19646. Зодчество древнего Смоленска
(ХП-ХШ вв.). Л. *Каргер М.К.,* 1965. Новый памятник зодчества XII в. в
Турове // КСИА. Вып. 100. *Каргер М.К.,* 1968. К вопросу о памятниках зодчества
XII в. в Волковыске // Славяне и Русь: К 60-летию Б.А. Рыбакова. М. *Каргер М.К.,* 1972. К истории полоцкого зодчества
XII в.: (Руины вновь открытого храма на Верхнем замке) // Новое в археологии. М. *Каргер М.К.,* 1977а. Раскопки церкви Бориса и Глеба в
Новогрудке // КСИА. Вып. 150. *Каргер М.К.,* 19776. Храм-усыпальница в Евфросиньев-
ском монастыре в Полоцке // СА. № 1. *Карташев А.В.,* 1959. Очерки истории русской церкви.
Париж. Т. 1. *Карташев А.В.,* 1996. Церковь. История. Россия: статьи
и выступления. М.
Ключевский В.О., 1916. Курс русской истории. М. Т. 1.
Ключевский В.О., 1918. Добрые люди древней Руси // Ключевский В.О. Очерки и речи: второй сборник статей. Пг. *Ключевский В.О.,* 1988. Древнейшие жития святых как
исторический источник. М. *Колединский Л.В.,* 1995. Віцебскі храм Св. Міхаіла //
Весці АН Беларусі. Сер. гум. навук. Мінск. № 1.

Кологривов И., 1961. Очерки истории русской святости. Брюссель.
Колчин Б.А., 1963. Дендрохронология Новгорода // МИА. № 117.
Колчин Б.А., 1968. Новгородские древности: деревянные изделия // САИ. М. Вып. Е1-55.
Колчин Б.А., 1972. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.
Комеч А.И., 1987. Древнерусское зодчество конца X - начала XII века. М.
Корзухина Г.Ф., 1958. О памятниках "корсунского дела" на Руси (по материалам медного литья) // ВВ. Т. 14.
Корзухина Г.Ф., Пескова А.А., 2003. Древнерусские энколпионы: нагрудные реликварии X-XШ вв. СПб.
Кошман В.И., 2001. Изделия с перегородчатой эмалью на территории Белоруссии // ГАЗ. Мінск. № 16.
Красноперое И.М., 1901. Некоторые данные географии Смоленского и Тверского края в XII в. // ЖМНП. Ч. 35.
Крымина М.М., 1977. Литейные формы из золотоордынских городов Нижнего Поволжья // РА. № 3.
Кучкин В.А., 1966. О древнейших смоленских грамотах // ИССCP. № 3.
Кучкин В.А., 1969. Ростово-Суздальская земля в X-XШ вв.: (центры и границы) // ИССCP. № 2.
Кучкин В.А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М.
Лазарев В.Н., 1978. Византийское и древнерусское искусство. М.
Лепахин ВВ., 2002. Икона и иконичность. СПб.
Лесючевский В.И., 1956. Вышгородский культ Бориса и Глеба в памятниках искусства // СА. Т. 8.
Липшиц Е.А., 1967. Архитектура и живопись // История Византии. М. Т. 3.
Лихачев Д.С., 1951. Литература // История культуры древней Руси. М.; Л. Т. 2.
Лихачев Д.С, 1970. Человек в литературе древней Руси. М.
Лихачев Д.С, 1973. Развитие русской литературы X-XVII вв. Л.
Лихачев Д.С., 1976. Стилеформирующая доминанта древнерусского домонгольского искусства // Средневековая Русь. М.
Лихачев Д.С, 1979. Поэтика древнерусской литературы. М.
Лихачев Д.С, 1984. Заметки о русском. М.
Лихачев Д.С., 1985. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля. М.
Лихачев Д.С, 1986. Исследования по древнерусской литературе. Л.
Лужинский В., 1885. Записки // Православный собеседник. Казань.
Лысенко П.Ф., 1966. Шиферные пряслица с надписью из Пинска // СА. № 3.
Лысенко П.Ф., 1967. Свинцовые иконки из Турова // СА. № 1.
Лысенко П.Ф., 1974. Города Туровской земли. Минск.
Лысенко П.Ф., 1985. Берестье. Минск.
Лысенко П.Ф., 1999. Туровская земля. Минск.
Лысенко П.Ф., 2004. Древний Туров. Минск.
Львов А.С., 1975. Лексика "Повести временных лет". М.
Лявданский А.Н., 1926. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научн. изв. Смоленского гос. ун-та. Т. 3, вып. 3.
Лявданский А.Н., 1932. Археологические исследования в БССР после Октябрьской революции // Сообщ. ГАИМК. № 7, 8.
Ляукоў Э.А., 1992. Мауклівыя сведкі мінушчыны. Мінск.
Ляўко О.М., 2000. Новыя археолёгічныя доследаванні Друцка і яго акруі // Друцк старожытны. Мінск.
Лященко А.И., 1926. "Eymunder Saga" и русские летописи // Изв. АН СССР. № 12.
Макарова Т.И., 1975. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.
Макарова Т.И., 1986. Черневое дело в Древней Руси. М.
Макарова Т.Н., 2001. К 80-летию Л.В. Алексеева // РА. № 1,2.
Малевская М.В., 1966а. К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно // Культура древней Руси: (к 40-летию научной деятельности Н.Н. Воронина). М.
Мартос А., 1990. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. Минск.
Медведев А.Ф., 1960. Древнерусские писала X-XV вв. // СА. № 2.
Медынцева А.А., 1978. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. М.
Медынцева А.А., 1985. Грамотность женщин на Руси XI-XIII вв. по данным эпиграфики // Слово о полку Игореве и его время. М.
Медынцева А.А., 2000. Грамотность в древней Руси. М.
Мельников А.А., 1992. Путь непечален: Исторические свидетельства о святости Белой Руси. Минск.
Мельникова Е.А., Седова М.В., Штыхов Г.В., 1983. Новые находки скандинавских рунических надписей на территории СССР // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1981 г. М,.
Мигулин И.С, 1991. О кресте // Вестник Могилева. №38.
Монгайт АЛ., 1955. Старая Рязань // МИА. № 49.
Монгайт АЛ., 1961. Рязанская земля. М.
Монгайт АЛ., 1966. Фрески Спас-Евфросиниевского монастыря в Полоцке // Культура древней Руси: (к 60-летию Н.Н. Воронина). М.
Мошин В., 1947. Русские на Афоне и русско-византийские отношения XI-XII вв. // Byzantinoslavica. Прага. Т. 9, вып. 1.
Насонов А.Н., 1951. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М.
Насонов А.Н., 1969. История русского летописания XI - начала XVIII века. М.
Некрасов А.И., 1924. Великий Новгород и его художественная жизнь. М.
Некрасов А.И., 1936. Очерки по истории древнерусского зодчества XI-XVII вв. М.
Некрасов А.И., 1994. Теория архитектуры. М.
Николаева Т.В., 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI-XV вв. // САИ. М. Вып. Е1-60.
О Церкви Всемилостивейшего Спаса близ Полоцка Витебской губернии // ЖМВД. 1833. Т. 8, отд. 5.
Оглоблин Н., 1880. Объяснительная записка к карте Полоцкого повета // Сборник Археологического общества. СПб. Кн. 4.
Орлов А.С, 1946. Владимир Мономах. М.; Л.

Орлов С.Н., 1962. Писало и дощечка для письма из Новгорода // СА. № 2.
Орловский И.И., 1909. Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смедыни и раскопки его развалин // Смоленская старина. Смоленск.
Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972. Т. 2.
Павлинов А.И., 1895. Древние храмы Витебска и Полоцка // Труды IX АС. М. Т. 1.
Паломник Даниила Мниха. СПб., 1891.
Памятники истории Киевского государства IX-XII вв. Л., 1936.
Пашуто В.Т., 1959. Образование Литовского государства. М.
Пашуто В.Т., 1968. Внешняя политика Древней Руси. М.
Петрухин В.Я., 1998. Большие курганы Руси и Северной Европы: К проблеме этнокультурных связей в раннесредневековый период // Историческая археология: Традиции и перспективы. М.
Пех Г.И., 1963. Раскопки в Волковыске в 1958 // СА. № 1.
Поболъ Л.Д., 1988. Новые данные о древнем Менске (Минске) // Древности славян и Руси: К 80-летию Б.А. Рыбакова. М.
Поболъ Л.Д. и др., 1986. Раскопки в Минске // АО 1984 г. М.
Попов. Н.П., 1940. Памятники литературы стригольников // ИЗ. № 7.
Поппэ А.В., 1966. Учредительная грамота Смоленской епископии // АЕ за 1965 г. М.
Приселков М.Д., 1940. Летописание Западной Украины и Белоруссии // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. науки. Вып. 7.
Рабинович М.Г., 1978. Очерки истории русского феодального города. М.
Равдина Т.В., 1957. Надпись на корчаге из Пинска // КСИИМК. Вып. 70.
Равдина Т.В., 1963. Поливные керамические плитки из Пинска // КСИА. Вып. 96.
Рапов О.М., 1977. Княжеские владения на Руси в X-ХШ вв. М.
Раппопорт П.А., 1962. Археологические исследования памятников русского зодчества X-ХШ вв. // СА. № 2.
Раппопорт П.А., 1963. Раскопки в Волковыске в 1959 г. // СА. № 1.
Раппопорт П.А., 1972. "Латинская церковь" в древнем Смоленске // Новое в археологии. М.
Раппопорт П.А., 1976. Метод датирования памятников древнего смоленского зодчества по формату кирпича // СА. № 2.
Раппопорт П.А., 1911. Русская архитектура на рубеже ХП-ХШ веков // Древнерусское искусство: Проблемы атрибуции. М.
Раппопорт П.А., 1980. Полоцкое зодчество XII века // СА. № 3.
Раппопорт П.А:, 1982. Русская архитектура X-ХШ вв.: Каталог памятников // САИ. Л. Вып. Е1-47.
Раппопорт П.А., 1985. Строительные артели древней Руси и их заказчики // СА. № 4.
Раппопорт П.А., 1987. Церковь Благовещения в Витебске // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1985 г. М.
Раппопорт П.А., Штендер Г.М., 1980. Спасская церковь Евфросиньевского монастыря в Полоцке // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник 1979 г. Л.
Ратич О.О., 1959. Древньоруськи вироби з кості і рогу знайдені на терріторії Галіцької' і Волінської земель // Матеріалй і дослидження з археології Прикарпаття і Волйні. Кйї'в. Вып. 2.
Редъков Н.Н., 1909. Преподобный Авраамий Смоленский и его житие, составленное учеником его Ефремом // Смоленская старина. Вып. 1, ч. 1.
Робинсон А.Н., 1980. Литература древней Руси в литературном процессе средневековья XI-XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М.
Рождественская Т.В., 1992. Древнерусские надписи на стенах храма: новые источники XI—XV вв. СПб.
Россия: Полное географическое описание / под ред. В.П. Семенова-Тяныпаньского. СПб., 1905. Т. 9.
Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
Рыбаков Б.А., 1949. Древности Чернигова // МИА. № 11.
Рыбаков Б.А., 1963. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М.
Рыбаков Б.А., 1964а. Русские датированные надписи XI-XIV вв. // САИ. Вып. Е.1-44.
Рыбаков Б.А., 19646. Смоленская надпись XIII в. о "врагах игуменах" // СА. № 2.
Рыбаков Б.А., 1971. "Слово о полку Игореве" и его современники. М.
Рыбаков Б.А., 1972. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". М.
Рыбаков Б.А., 1981. Язычество древних славян. М.
Рыбаков Б.А., 1987. Язычество древней Руси. М.
Рыбаков Б.А., 1991. Петр Бориславич: (поиски автора "Слова о полку Игореве"). М.
Рыбаков Б.А., 1993. Стригольники: Русские гуманисты XIV столетия. М.
Рыдзевская Е.А., 1978. Древняя Русь и Скандинавия. М.
Савельев Ю.Р., 1992. Заказ в архитектуре средневековой Руси XI-XV вв. СПб.
Саганович Г.М., 1993. Лоск // Археалогія і нумізматыка Беларусі. Мінск.
Сапунов А.П., 1886. Церковь Бориса и Глеба в Полоцке. Витебск.
Сапунов А.П., 1888а. Витебская старина. Витебск. Т. 5.
Сапунов А.П., 18886. Житие Евфросинии Полоцкой. Витебск.
Сапунов А.П., 1888в. Полоцкий Спасо-Евфросиньевский девичий монастырь. Витебск.
Сапунов А.П., 1911. Исторический очерк Витебской Белоруссии // Полоцко-Витебская старина. Витебск. Кн. 1.
Святыня города Полоцка: церковь святого Спаса и крест преподобной Евфросинии // ЖМНП. 1841. Вып. 7.
Седов В.В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII-XV вв.) // МИА. № 92.
Седов В.В., 1961. К исторической географии Смоленской земли // МИСО. Вып. 4.
Седов В.В., 1995. Славяне в раннем средневековье. М.
Седова М.В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). М.
Селицкий А.А., 1992. Живопись Полоцкой земли XI-XII вв. Минск.
Сементовский А.М., 1867. Памятники старины Витебской губернии. СПб.

Сементовский А.М., 1890. Белорусские древности. СПб.
Сергий, иеромонах, 1864. Жизнеописание преподобной Ефросиний, княжны полоцкой // Памятная книга Витебска на 1864 г. Витебск.
Словарь русского языка XI-XVII вв. М., 1977. Т. 4.
Сокровища Золотой Орды. СПб., 2000.
Спицин А.А., 1899. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении: Гродненская губерния // ЗРАО. Т. XI, вып. 1, 2, новая серия. СПб.
Срезневский И.И., 1880. Древние памятники письма и языка XI-XIV вв. СПб.
Срезневский ИМ., 1893. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. Т. 1.
Срезневский И.И., 1895. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. Т. 2.
Срезневский И.И., 1903. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб. Т. 3.
Струве Н.А., 1992. Православие и культура. М.
Сумникова Т.А., 1973. "Повесть о великом князе Ростиславе Мстиславовиче Смоленском" и о церкви // Восточнославянские языки: Источники их изучения. М.
Таранович В.П., 1946. К вопросу о древних лапидарных памятниках с историческими надписями на территории Белорусской ССР // СА. Т. 8.
Тарасаў СВ., 1998. Полацк IX-XVII стт. Мінск.
Тарасенко В.Р., 1952. Раскопки Минского замчища в 1950 году // КСИИМК. Вып. 44.
Тарасенко В.Р., 1957а. Древний Минск: (По письменным источникам и данным археологических раскопок 1945-1951 гг.) // Материалы по археологии БССР. Минск. Т. 1.
Тарасенко В.Р., 19576. Раскопки городища "Шведская Гора" в Волковыске в 1954 г. // Материалы по археологии БССР. Минск. Т. 1.
Татищев В.Н., 1963. История Российская. М.; Л. Т. 2.
Татищев В.Н., 1964. История Российская. М.; Л. Т. 3, 4.
Тихомиров М.Н., 1956. Древнерусские города. М.
Тихомиров М.Н., 1968. Описание Тихомировского собрания рукописей. М.
Топоров И.Н., 1995. Святость и святые в русской духовной культуре. М. Т. 1.
Трусов О.А., 1988. Памятники монументального зодчества Белоруссии XI-XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ. Минск.
Уварова П.С, 1908. Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова. М. Отд. 8—11.
Указатель памятников Российского Исторического музея. М., 1893.
Уръева А.Ф., 1991. Стратиграфия и хронология раскопа УС-V в Смоленске // Смоленск и Гнёздово. М.
Федотов Г.П., 1998. Национальное и вселенское // Собр. соч.: в 12 т. М. Т. 2.
Федотов Г.П., 2000. Святые русской земли // Собр. соч.: в 12 т. М. Т. 7.
Федотов Г.П., 2001. Русское религиозное сознание: христианство Киевской Руси X-XIII вв. // Собр. соч.: в 12 т. М. Т. 10.
Флоря Б.Н., 1995. Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка // ОИ. № 5.
Франчук В.Ю., 1988. Языческие мотивы древнерусского летописания // Древности славян и Руси: (К 80-летию академика Б.А. Рыбакова). М.
Хозеров ИМ., 1928. Новые данные о памятниках древнего зодчества города Смоленска // Seminarium Kondakovianum. Praha.
Хозеров ИМ., 1994. Белорусское и смоленское зодчество XI—XII вв. Минск.
Хозеров ИМ., 1995. Полацкае зодчество XI-XII вв. в свете новых исследований // Гісторычный альманах. Мінск. Вып. 1.
Хойновский И.А., 1893. Раскопки великокняжеского двора древнего Киева, произведенные весной 1892 года. Киев.
Хойновский И.А., 1896. Археологические сведения о предках славян и Руси и опись древностей, собранных мною с объяснением и XX таблицами рисунков. Киев. Вып. 1.
Хорошкевич АЛ., 1980. Полоцкие грамоты XIII - начала XVI в. М. Т. 3.
Хорошкевич АЛ., 1982. Полоцкие грамоты XIII - начала XVI в. М. Т. 4.
Черашчатава В.В., 1986. Старажытна-беларускі манументальны жівапіс XI-XVII стст. Мінск.
Черных Н.Б., 1995. Дендрохронология и археология. М.
Чернявский М.М., 1983. Пречистинская церковь XII в. в Гродно // Древнерусское государство и славяне. Минск.
Чукова Т.А., 1987. Древнерусские керамические плитки // КСИА. Вып. 190.
Шахматов А.А., 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.
Шашкина Т.Е., 1985. Модульный метод колокольного ремесла // Колокола: История и современность. М.
Шейн П.В., 1893. Материалы для изучения, быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб. Т. 1,ч.2.
Шейн П.В., 1898. Материалы для изучения, быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб. Т. 2.
Шейн П.В., 1902. Материалы для изучения, быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 3 // Сб. ОРЯС. Т. 7, № 4.
Шейн П.В., 1913. Материалы для изучения, быта и языка русского населения Северо-Западного края // Сб. ОРЯС. Т. 7.
Шовкопляс А.М., 1954. Некоторые данные о косторезном ремесле древнего Киева // КСИА АН УССР. Ки'ш. Вып. 33.
Штыхаў Г.В., 1970. Полацкія фрэскі XII стагоддзя // ПГКБ. № 1.
Штыхов Г.В., 1963. Письмена на камне из Полоцка // СА. № 4.
Штыков Г.В., 1971. Археологическая карта Белоруссии. Минск. Вып. 2.
Штыхов Г. В., 1972. Поднепровские и посожские города восточной Белоруссии // Очерки по археологии Белоруссии. Минск. Ч. 2.
Штыхов Г.В., 1975. Древний Полоцк IX—XIII вв. Минск.
Штыхов Г.В., 1978. Города Полоцкой земли IX-XIII вв. Минск.
Шчакаціхін М., 1928. Нарысы з гісторыі Беларускага мастацтва. Менск. Т. 1.
Щапов Я.Н., 1972. Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 г. // Новое в археологии: Сб. статей, посвящ. Артемию Владимировичу Арциховскому. М.

Щапов Я.Н., 1974. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ. Л. Т. 28.

Щапов Я.Н., 1976. Древнерусские княжеские уставы. М.

Щапов Я.Н., 2004. Библиотека полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской // Щапов Я.Н. Очерки русской истории, источниковедения, археографии. М.

Щапова ЮЛ., 1966. Плитчатый пол вновь открытой церкви на Соборной Горе Смоленска // Культура древней Руси: (К 60-летию Н.Н. Воронина). М.

Щекатов А., 1807. Словарь географический Российского государства. М. Т. 5.

Щепкина М.В., 1977. К изучению Изборника 1073 года // Изборник Святослава 1073 года. М.

Янин ВЛ., 1956а. Вислые печати из Новгородских раскопок // МИА. № 55.

Янин ВЛ., 19566. Денежно-весовые системы русского средневековья. М.

Янин ВЛ., 1960. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и "Повесть игумена Даниила" // ТОДРЛ. М.; Л. Т. 16.

Янин ВЛ., 1962. Новгородские посадники. М.

Янин В.Л., 1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. М.

Янин ВЛ., 1998. Новгород и Литва: Пограничные ситуации XIII-XV веков. М.

Янин ВЛ., Алешковский М.Х., 1971. Происхождение Новгорода // ИСССР. № 2.

Янин ВЛ., Зализняк А.А., 1986. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977-1983 гг.). М.

Arne T.J., 1952. Det vikingatida Gnezdovo Smolecska foregor gare // Archeologiska forakningar och fynd. Stockholm.

Chitil K., FriedelA., Kondakov N., 1930. Kriz zwany Zavisov. Praha. *Durczewski Z.D.,* 1939. Stary zamek w Grodnie w њwietle
wykopalisk, dokonanych w latach 1937-1938 // Otbitka z czasopisma "Niemen". Grodno. №11. *Holdschmidt A.,
Weitzmann K.,* 1930. Die Byzantinischen
Elfenbeinskulpturen. Berlin. Bd. 1. *Hruby* V., 1957.
Slovanske Kostene predmety a jejich vyroba
na Morava // Pamatki archeologicke. T. 48. *Jodkowski ./.,*
1936. Swiatynnia warowna na Kolozy w
Grodnie. Grodno.

Niesiecki, 1728. Kromka Polska: Metropolia Ruska. Lwyw.

Poppe A., 1968. Pacstwo i kosciol na Rusi w XI w. Warszawa.

Rakitsky V., 1997. The church of the Saviour in Polotsk in strange light: Preliminary results // Western Mediewal Wall Paintings: Studies and Conservation Experience Sighisoara, Romania, 31 August - 3 September 1995. ICCROM.

Sprawozdanie Wojewydzkiego komitetu uezczlnia kryla Stefana Batorego z prac na Starym Zamku w Grodnie (1933-1937). Grodno, 1938. *Tarasov S.V.,* 1990/91.
Neues in Archaologie von Polock
1986-1988 // Zeitschrift fur Archaologie des Mittelalters. Bonn. Jg 18/19. *Taube M.,* 1935. Russische und Fiirsten
an der Duna zur Zeit
der deutschen Eroberung Livlands // Jahrbiicher fur Kultur und Geschichte der Slaven. N.F. Bd. 11, H. 3^1. *Zurowski
K.,* 1953. Uwagi na temat obrybki rogu w okrese
wczesnoredniowiecznym // Przegl№d archeologoiczny. Poznac. T. 9, № 2.

Принятые сокращения

АЕ - Археографический ежегодник. М.
АО - Археологические открытия. М.
ВВ - Византийский временник
ВГВ - Витебские губернские ведомости
ВИ - Вопросы истории. Москва
ГАЗ - Гістарычна-археалогічны зборнік Інстытуту культуры. Мінск
ГАИМК - Государственная академия истории материальной культуры
ЖМВД - Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗРАО - Записки отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества. Сборник. СПб.
ИЗ - Исторические записки. М.
ИИИ - Институт истории искусств
ИСССР - История СССР
КСИА - Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК - Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИСО - Материалы по изучению Смоленской области. Смоленск.
НПЛ - Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
ОИ - Отечественная история
ПВЛ - Повесть временных лет. М.; Л., 1950.
ПГКБ - Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Менск.
ПДПИ - Памятники древней письменности и искусства. СПб.
ПЛ - Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевы-Безбородко / под ред. Н. Костомарова. СПб.
ПСРЛ - Полное собрание русских летописей
РА - Российская археология
СА - Советская археология
Сб. ОРЯС - Сборник отделении русского языка и словесности императорской Академии наук
ТОДРЛ - Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома). М.; Л.
ЧОИДР - Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. М.

Указатель имен *

* Принятые сокращения: архиеп. - архиепископ; вел. - великий; визант. - византийский; гос. - государственный; губ. - губернатор; др.-греч. - древнегреческий; др.-рус. - древнерусский; еп. - епископ; иг. - игумен; имп. - император; кн. - князь; митр. - митрополит; м-рь - монастырь; осн. - основатель; рос. - российский; св. - святой, -ая; уп. - упоминается; христ. - христианский

Содержание

Научное издание

Алексеев Леонид Васильевич

Очерки истории,
археологии, культуры

В двух книгах

Книга 2

Утверждено к печати
Ученым советом
Института археологии
Российской академии наук

Зав. редакцией *НЛ. Петрова*

Редактор *ММ. Леренман* Художник *В.Ю. Яковлев* Художественный редактор *Т.В. Болотина* Технический редактор *Т.В. Жмелькова* Корректоры *Е.А. Желнова, Т.А. Печко*

Подписано к печати 27.03.2006
Формат 60 x 90 '/8. Гарнитура Тайме
Печать офсетная
Усл.печ.л. 21,0 + 0,5 вкл. Усл.кр.-отт. 23,5. Уч.-изд.л. 22,7
Тираж 900 экз. (РГНФ - 300 экз.) Тип. зак. 3199

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука" 199034,
Санкт-Петербург, 9 линия, 12